

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-0445

ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ИСТОРИЯ,
ПЕДАГОГИКА,
ФИЛОЛОГИЯ**

ТОМ 24 • №2 • 2018 ГОД

Подписной индекс 78535
ISSN 2542-0445

Subscription Index 78535
ISSN 2542-0445

**ВЕСТНИК
САМАРСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

**VESTNIK
OF SAMARA
UNIVERSITY**

HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

- *История*
- *Педагогика*
- *Литературоведение*
- *Языкознание*
- *Рецензии*

- *History*
- *Pedagogics*
- *Studies of Literature*
- *Linguistics*
- *Reviews*

ТОМ 24 • № 2 • 2018 ГОД

VOL. 24 • № 2 • 2018

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)

eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, с 2003 г.
С 1 декабря 2015 г. журнал включен в новый Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 23.06.2017 – с новым названием

Журнал издается с 1995 г. Выходит 4 раза в год

MAGAZINE FOUNDER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Samara National Research University» (Samara University)

eLIBRARY.RU RSCI CYBERLENINKA LAN

The Journal is included by the HAC in the list of leading scientific magazines and editions, published in the RF, since 2003.
On December 1, 2015, the journal is included in the new List of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from 23.06.2017 with new title

Journal is published since 1995. It is published 4 times a year

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, г. Самара,
ул. Акад. Павлова, 1.
Тел.: +7(846) 3345406, 3379954
E-mail: dubmane@mail.ru
www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Литературное редактирование, корректура

Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Л.Н. Законова

Информация на английском языке

М.С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № ФС 77-67842 от 28.11.2016 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в каталоге

АО Агентство «Роспечать» 78535

ISSN 2542-0445

Прежнее название –

Вестник Самарского государственного университета,
ISSN 1810-5378

Цена свободная

Подписано в печать 27.07.2018.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 20.

Тираж 200 экз. (первый завод – 50 экз.). Заказ №

Центр периодических изданий Самарского университета
443086, Российская Федерация, г. Самара,
Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Отпечатано в типографии Самарского университета
443086, Российская Федерация, г. Самара,
Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Авторские статьи не обязательно отражают
мнение издателя.

© Самарский университет, 2018

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street,
Samara, 443011, Russian Federation.
Tel.: +7(846) 3345406, 3379954

E-mail: dubmane@mail.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Literary editing, proofreading

Т.А. Мурзинова

Computer makeup, dummy

Л.Н. Законова

Information in English

М.С. Стрельников

The Certificate on registration of means of mass-media PI № FS 77-67842 from 28.11.2016 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Subscription Index in the Agency «Rospechat»

Catalogue 78535

ISSN 2542-0445

The former title –

Vestnik of Samara State University,
ISSN 1810-5378

Free price

Passed for printing 27.07.2018.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 20.

Circulation 200 copies (first printing – 50 copies). Order №

Centre of Periodical Publications of Samara University
312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.

Printed on the printing house of Samara University
34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation
www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Author's articles do not necessarily reflect
the views of the publisher.

© Samara University, 2018

Редакционная коллегия

Главный редактор

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

История

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой российской истории (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры российской истории (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **ответственный секретарь**

С.И. Ковальская, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана (Алматы, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан)

В.В. Кондрашин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории (Москва, Институт российской истории РАН, Российская Федерация)

Брюс У. Меннинг, доктор истории, профессор (Лоренс, Университет Канзаса, США)

Д.А. Редин, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Российская Федерация)

Андрей Знаменский, д-р философии по истории, профессор, профессор исторического факультета (Теннеси, Университет Мемфиса, США)

Педагогика

В.П. Бездухов, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии образования, кафедра педагогики (Самара, Самарский социально-гуманитарный университет, Российская Федерация)

М.Д. Горячев, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Анна Мантарова, д-р социол. наук (София, Институт изучения обществ и знания, Болгарская академия наук, Болгария)

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Л.К. Раицкая, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Москва, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Российская Федерация)

В.А. Капранова, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики высшей школы и современных воспитательных технологий (Минск, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республика Беларусь)

Филология

С.И. Дубинин, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Игорь Ключанов, PhD, профессор коммуникации (Чини, Восточный Вашингтонский университет, США)

Бенджамин Питерс, д-р филос. наук, помощник профессора по связям с общественностью (Талса, Колледж искусств и науки Генри Кенделла, США)

А.А. Харьковская, канд. филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Андреас Эббингхаус, д-р филол. наук, профессор (Вюрцбург, Баварский университет Юлиуса-Максимилиана, Германия)

Галина Синекопова, PhD, профессор (Чини, Восточный Вашингтонский университет, США)

Д.С. Храмченко, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации (Тула, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, Российская Федерация)

Л.Б. Карпенко, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Н.А. Тупикова, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка (Волгоград, Волгоградский государственный университет, Российская Федерация)

Editorial board

Chief editor

V.A. Konev, PhD in Philosophy, professor, honored worker of science of RF, professor of Department of Philosophy (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

History

P.S. Kabytov, PhD in History, professor, honored worker of science of RF, head of the Department of Russian History (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

E.L. Dubman, PhD in History, professor, professor of the Department of Russian History (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **executive secretary**

S.I. Kovalskaya, PhD in History, professor of the Department of Kazakhstan History (Almaty, Eurasian National University, Kazakhstan)

V.V. Kondrashin, PhD in History, chief research officer, head of the Center of Economic History (Moscow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

Bruce W. Menning, PhD in History, professor (Lawrence, University of Kansas, USA)

D.A. Redin, PhD in History, assistant professor, deputy head (Ekaterinburg, Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University; Institute of History and Archeology of The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

Andrei Znamenski, PhD in History, full professor of the Faculty of History (Tennessee, University of Memphis, USA)

Pedagogy

V.P. Bezdukhov, PhD in Pedagogics, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Department of Pedagogics (Samara, Samara State University of Social Sciences and Education, Russian Federation)

M.D. Goryachev, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

Anna Mantarova, Dr. of Sociological Sciences (Sofia, Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria)

T.I. Rudneva, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

L.K. Raitetskaya, PhD in Pedagogics, professor of the Department of Pedagogics and Psychology (Moscow, MGIMO, Russian Federation)

V.A. Kapranova, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy of Higher School and Modern Educational Technologies (Minsk, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Belarus)

Philology

S.I. Dubinin, Samara, PhD in Philology, professor, head of the Department of German Philology (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

N.A. Ilyukhina, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

Igor Klyukanov, PhD, professor of Communication (Cheney, Eastern Washington University, WA, USA)

Bendzhamin Pifers, PhD in Philosophy, assistant professor of Communication (Tulsa, Henry Kendall College of Arts and Sciences, USA)

A.A. Khar'kovskaya, Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

Andreas Ebbinghaus, Doctor of Philological Sciences, professor (Würzburg, Julius-Maximilians University of Würzburg, Germany)

Galina Sinekopova, PhD, professor of Communication (Cheney, Eastern Washington University, WA, USA)

D.S. Hramchenko, PhD in Philology, assistant professor, professor of the Department of Translation and Intercultural Communication (Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russian Federation)

L.B. Karpenko, PhD in Philology, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

N.A. Tupikova, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language (Volgograd, Volgograd State University, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Ковальская С.И., Любичанковский С.В. Российская образовательная система как канал аккультурации и модернизации сознания казахов-кочевников XVIII – начала XX веков	7
Данилов В.Н. Н.А. Рожков и общество историков-марксистов (судьба историка и его научного наследия в середине 1920-х – начале 1930-х гг.)	16
Кузьмин В.Ю. Участие Всероссийского земского союза в деле оказания медицинской помощи воинам в период Первой мировой войны (1914–1916 гг.)	26
Колесников Б.В. М.Р. Штефаник и словацкое национальное движение	33
Карпов А.В. Развитие промышленности послевоенного советского города (на примере Череповца)	39
Мединец М.Я. Отражение прошлого в историко-культурном ландшафте Приднестровской Молдавской Республики	45

ПЕДАГОГИКА

Орлова О.Н. Особенности преподавания спецкурсов о городском пространстве студентам гуманитарных специальностей	50
Кузнецова Е.В. Методика мониторинга удовлетворенности студентов вуза качеством образовательных программ	56
Рубцова Е.А. Формирование коммуникативной компетенции студентов в процессе обучения иностранному языку на базе LMS Moodle	63
Руднева Т.И., Рубцова Т.П. Внутривузовский мониторинг качества обучения	70

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Лавлинский С.П. Онтология старости в современной культуре: новейшая драматургия в кинематографическом и литературном геронтоконтексте	77
Лепишева Е.М. Пьесы Елены Поповой в контексте русской драматургии «новой волны» (авторские стратегии художественной интерпретации мира и человека)	85
Печински Мачей Образы литераторов-классиков в новейшей русской драматургии	93
Сейбель Н.Э. Гротески Петера Хакса	101
Бирюкова Е.Е. Метаморфозы метафоры на границе дискурсов (современная драма глазами психолога)	108
Герченова Д.В. Киномедиальность прозы В. Набокова	113
Шевченко Е.С., Макарычев А.В. О некоторых особенностях художественно-правового нарратива в русской литературе	119

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Михайловски Анна Практика фреймового анализа в Германии	125
Данилова Н.К., Нестерюк Ю.В. Репрезентации интерсубъективности в медийном дискурсе ФРГ	130
Гололобова Н.И. Фразеологические единицы и их перевод в рассказе Д.Г. Лоуренса «The Prussian Officer» («Прусский офицер»)	136
Недбайлик С.Р., Стейтон М.С. Об экспериментальном проектном обучении английскому письму и композиции с использованием интерактивных технологий	141
Чернявская Н.А. К вопросу об уровнях понимания художественного текста	148
Пономаренко Е.В. Отношения прагматического комментария в системе функциональных связей английского дискурса	153

РЕЦЕНЗИИ

Артамонова Л.М. Раскрывая источниковедческие и историографические возможности жанра биографии ученого: об очерке П.С. Кабытова «Юрий Ильич Смыков»	158
---	-----

CONTENTS

HISTORY

Kovalskaya S.I., Lyubichankovsky S.V. Russian educational system as a channel for acculturation and modernization of consciousness of nomadic Kazakhs of the XVIII and beginning of the XX centuries	7
Danilov V.N. N.A. Rozhkov and the society of historians-Marxists (the fate of the historian and his scientific heritage in the middle of 1920 – beginning of 1930)	16
Kuzmin V.Yu. Participation of the All-Russian Zemstvo Union in the delivery of the health care to soldiers during World War I (1914–1916)	26
Kolesnikov B.V. M.R. Štefanik and the Slovak national movement	33
Karpov A.V. Industrial development of post-war Soviet city (on the example of Cherepovets)	39
Medinets M.Ya. Reflection of the past in historical and cultural landscape of Transnistrian Moldovian Republic	45

PEDAGOGY

Orlova O.N. Peculiarities of teaching special courses on urban space to students of humanitarian specialties	50
Kuznetsova E.V. Methodology for monitoring of students' satisfaction with the quality of educational programs	56
Rubtsova E.A. Formation of students' communicative competence in the process of foreign language learning on the basis of LMS Moodle	63
Rudneva T.I., Rubtsova T.P. Intramural training quality monitoring	70

LITERATURE STUDIES

Lavlinsky S.P. Ontology of an old age in contemporary culture: the latest drama in the cinematic and literary gerontocontext	77
Lepisheva E.M. Plays of Elena Popova in the context of Russian drama of the «new wave» (author's strategies for the artistic interpretation of the world and human)	85
Pieczynski Maciej Images of writers-classics in modern Russian drama	93
Seibel N.E. Grottesque by Peter Hacks	101
Biryukova E.E. Metaphors metamorphoses at the discourses border (modern drama through the eyes of a psychologist)	108
Gerchenova D.V. Film mediality in V. Nabokov's prose	113
Shevchenko E.S., Makarychev A.V. On some features of artistic-legal narrative in Russian literature	119

LINGUISTICS

Michailowski Anna The practice of frame-analysis in Germany	125
Danilova N.K., Nesteryuk Yu.V. Representations of intersubjectivity in the media discourse of the FRG	130
Gololobova N.I. Phraseological units and their translation in «Prussian Officer» by D.H. Lawrence	136
Nedbailik S.R., Staton M.S. About experimental project teaching of English writing and composition with the use of the Active Technology-Enhanced Environment	141
Chernyavskaya N.A. On the issue about levels of understanding of a literary text	148
Ponomarenko E.V. Pragmatic comment relations in the system of English discourse functional links	153

REVIEWS

Artamonova L.M. Revealing source-study and historiography opportunities of the genre of scientist's biography: about essay «Yury Ilich Smykov» by P.S. Kabytov	158
---	-----

ИСТОРИЯ

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-7-15
УДК 930.2 «18/20»+94(574)

Дата поступления статьи: 1/III/2018
Дата принятия статьи: 16/IV/2018

С.И. Ковальская, С.В. Любичанковский

РОССИЙСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАК КАНАЛ АККУЛЬТУРАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

© Ковальская Светлана Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 010008, Казахстан, Астана, ул. Сатпаева, 2.

E-mail: skovalsk@mail.ru. **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-7613-7597>

© Любичанковский Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, 460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19.

E-mail: svlubich@yandex.ru. **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8349-1359>

АННОТАЦИЯ

В статье, во-первых, анализируется, каким образом система образования становится одним из основных каналов модернизационных и аккультурационных преобразований, как образование влияет на процесс эмансипации человека, формирование интеллигенции, пробуждение национального самосознания и появление в общественно-политической мысли различных, в том числе радикальных, политических учений, некоторые из которых непосредственно привели к смене политической власти государства. И во-вторых, исследуется данная проблема с активным привлечением трудов казахстанских, российских и зарубежных англоязычных авторов по вопросу внедрения системы образования среди нерусских народов Российской империи и затем СССР.

Основным методом исследования является историографический анализ трудов ведущих специалистов в изучаемой области. Метод компаративистики применялся при анализе подходов, существующих в историографии по изучаемой теме. Кроме того, активно использовались методы ретроспективного и перспективного анализа.

Среди источников изучения – различные по типологии документы: как государственные законодательные акты различного уровня, так и отдельные труды представителей казахской интеллигенции. Кроме того, к анализу были привлечены труды западных ученых, разрабатывающих данную проблематику в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Основной вывод сводится к утверждению, что образование, открывая перспективы развития, максимально способствует эмансипации человека, становится основным средством его освобождения и борьбы за политические цели, активно стимулируя процессы формирования национального самосознания и нациестроительства.

Ключевые слова: аккультурация, модернизация, империя, колония, казахи-кочевники, историография, система образования.

Цитирование. Ковальская С.И., Любичанковский С.В. Российская образовательная система как канал аккультурации и модернизации сознания казахов-кочевников XVIII – начала XX веков // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 7–15. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-7-15>.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-7-15
UDC 930.2 «18/20»+94(574)

Submitted: 1/III/2018
Accepted: 16/IV/2018

S.I. Kovalskaya, S.V. Lyubichankovsky

**RUSSIAN EDUCATIONAL SYSTEM AS A CHANNEL FOR ACCULTURATION
AND MODERNIZATION OF CONSCIOUSNESS OF NOMADIC KAZAKHS
OF THE XVIII AND BEGINNING OF THE XX CENTURIES**

© *Kovalskaya Svetlana Ivanovna* – Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of History of Kazakhstan, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2, Satpaeva Street, Astana, 010008, Kazakhstan.

E-mail: skovalsk@mail.ru. **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-7613-7597>

© *Lyubichankovsky Sergei Valentinovich* – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, 19, Sovetskaya Street, Orenburg, 460014, Russian Federation.

E-mail: svlubich@yandex.ru. **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8349-1359>

ABSTRACT

In this article, we will try, first of all, to understand how the education system becomes one of the main channels of modernization and acculturation reforms. How does education affect the process of emancipation of a person, the formation of the intelligentsia, the awakening of national identity and the emergence of various, including radical political doctrines in social and political thought, some of which directly led to a change in the political power of state. Secondly, we will try to analyze this problem by actively involving the works of Kazakhstani, Russians and foreign English-speaking researchers on the introduction of the education system among non-Russian peoples of the Russian Empire and then the USSR.

In this article, we will try to analyze the process of penetration of the idea of education into the Kazakh society, as well as the formation of Russian and then Soviet educational policy towards the Kazakhs. As a result, a critical mass of representatives of the Kazakh intelligentsia was formed, all thoughts and aspirations of which began to revolve around the idea of their own national development and the realization of an independent national project, which became possible on the wave of Russian revolutions of the early 20th century.

The main method of research is a historiographic analysis of the works of leading specialists in the field under study. The method of comparative studies became the main one in analyzing the approaches that exist in historiography. In addition, methods of retrospective and prospective analysis were actively used too.

Sources of study were various types of documents. Among them, there are state legislative acts of various levels, as well as individual works of representatives of the Kazakh intelligentsia. In addition, the analysis involved the works of Western scholars who develop this problem in a comparatively aspect.

The main conclusion boils down to the assertion that education, opening the prospects for development, maximally contributes to the emancipation of man, becomes the main means of its liberation and struggle for political purposes, actively stimulating the processes of formation of national self-consciousness and nation building.

Key words: acculturation, modernization, Empire, colony, nomadic Kazakhs, historiography, education system.

Цитирование. Kovalskaya S.I., Lyubichankovsky S.V. *Rossiyskaya obrazovatel'naya sistema kak kanal akkul'tratsii i modernizatsii soznaniya kazakhov-kochevnikov XVII – nachala XX vekov* [Russian educational system as a channel for acculturation and modernization of consciousness of nomadic Kazakhs of the XVIII and beginning of the XX centuries]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 7–15. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-7-15>.

Acknowledgements. The research is executed at the expense of a grant of the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01008) in the Orenburg State Pedagogical University.

Отношение к образованию со стороны царского правительства в дореволюционный период носило двойственный характер. С одной стороны, Российская империя остро нуждалась в укреплении своей технико-экономической и военной мощи, с другой — чем образованнее и свободнее становились граждане, тем серьезней была угроза прочности самодержавия. Нерусские народы Российской империи традиционно воспринимались как потенциальная угроза дезинтеграции страны.

Модернизация, безусловно, дает толчок развитию национальных социальных и интеллектуальных элит, которые встают на путь собственного национального строительства. Образование постепенно становится одним из основных каналов модернизационных и аккультурационных преобразований среди казахов-кочевников. Со второй половины XVIII Российская империя постепенно начинает открывать различные учебные заведения в казахской степи. В 1789 году в Омске открывается Азиатская школа, позже — Кадетский корпус.

Издавая «Устав о сибирских киргизах» 1822 года, где записано, что каждый казах может поместить сына в учебное заведение империи на общих основаниях, или держа курс в реформах 1860–1890-х годов на развитие аульных школ, империя не могла, да и не собиралась охватить все население. Только примерно 10 % детей могли получить начальное образование в крае. Многими казахами учеба в русских школах расценивалась как принятие христианской веры и вызывала отчуждение и непонимание. В то же время молодежь, не имея аттестата об окончании гимназии, не могла поступить в университет и т. д.

Как бы то ни было, с 1868 года начальные школы должны были открываться в каждом селении. Благодаря усилиям джадидов постепенно организуется новометодное обучение на тюрко-татарском языке. В Казахстан приезжают и работают ученые с мировыми именами — В.В. Радлов, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, М.И. Венюков, И.В. Мушкетов и др. В 1868 году в Оренбурге был открыт филиал Императорского русского географического общества, с 1877-го его филиал открыт в Омске. К 1917 году в Казахстане насчитывается 146 публичных библиотек. Открываются краеведческие музеи. В крупные города приезжают театральные труппы, а с 1858 года в Оренбурге функционирует постоянный театр.

Элита, как правило, «облучалась» инновациями, в первую очередь через образование, гораздо быстрее, нежели народ, хотя могла и не принимать таковые, зачастую возглавляя народно-освободительные движения в крае, как, например, семья Касымовых. В результате такого проявления неповиновения властям российская администрация отказалась от ставки только на традиционную белокожную знать и буквально открыла дорогу для карьеры всем домогающимся власти под эгидой империи. Принятие уставов 1822 и 1824 годов только ускорило этот процесс. Главным теперь было не происхождение, а верность и служение импе-

рии. Кстати, именно частое неповиновение властям, даже, казалось бы, особых приверженцев таковой, привело к эволюции института присяги в казахской степи. В «Уставе о сибирских киргизах» в разделе «Сравнение в чинах» было буквально записано следующее: «Старший султан имеет быть везде признаваем и почитаем в чине майора российской службы, пока пребывает в должности. Даже и после срочной смены старший султан считается в числе почетнейших султанов и, ежели прослужит три срока, имеет право просить диплом на достоинство дворянина Российской империи; чин же удерживает тот, который ему действительно пожалован будет: Султаны, управляющие волостями, имеют значение чиновников 12 класса. Старшины и би, ежели не имеют действительных чинов, считаются наравне с сельскими головами» [Левшин, с. 403].

Модернизация обычно имеет избирательный характер. Чаще всего заимствуются технические или военно-промышленные инновации, наблюдается рост централизации и бюрократизации управления. Как правило, модернизация направлена сверху вниз, обратный импульс чаще всего отсутствует. Потеря традиций приводит к проявлению социального недовольства, которое может выразиться в социальном взрыве и к откату от инноваций, т. е. привести к возрождению идеалов прошлой жизни.

На примере Казахстана можно сказать, что все негативные последствия модернизации проявились в полной мере, так как модернизация практически на каждом из этапов являлась догоняющей, что привело к колоссальной маргинализации, люмпенизации большей части населения, которая накопила невиданный по своей силе заряд ненависти ко всему, что было для них чужой культурой и чужим миром. Кроме того, государство, государственные институты, безраздельно доминируя, оказывали угнетающее воздействие на общественное сознание, формирование национальной культуры и национального самосознания.

Процесс присоединения Казахстана к России вызвал к жизни два течения в общественно-политической мысли Казахстана: пророссийское и антироссийское. Иначе их можно обозначить как просветители и традиционалисты или консерваторы, представленные поэтами эпохи «Зар-Заман» (в первую очередь Шортамбаем Канаевым и Дулатом Бабатаевым), — почти как западники и почвенники в российской традиции, хотя такое строгое разделение не совсем верно. В начале XX века проявятся еще два течения в общественно-политической мысли Казахстана: либерально-демократическое и социалистическое.

Беспошадная критика всего, что характерно для современной им казахской жизни, составляет главную особенность творчества Шортамбая Канаева и Дулата Бабатаева. Поэты эпохи «Зар-Заман» оглядывают всю казахскую действительность и не находят в ней ничего, что могло бы порадовать сердце. Безнравственность, сплетни, косноязычие, презрение к страданиям ближнего, глупость, невеже-

ство заполнили мир казаха, кажется, что даже скот стал непослушным и строптивым. К критике аульской действительности прибавляется ненависть ко всему чужому, неказахскому, проникающему в степь вместе с колонизацией Казахстана. Авторы впадают в глубокое уныние, нигде не найдя себе утешения. Только прошлое казалось им идеальным, только религия была спасением.

Ценностной подоплекой почвенничества является утверждение самоценности, самодостаточности своей культуры, протест против оценки ее как второсортной, бледной копии других культур. Выдвижение почвеннической идеи в науке связано с определенными процессами массового сознания: актуализацией национальной идеи, ростом национального самосознания, популярностью лозунгов национального возрождения.

Казахское почвенничество несвободно от типических примет этого направления: идеи самобытности национальной культуры, неповторимости и самоценности казахской культуры, особой преобразовательной миссии кочевой цивилизации в мировой культуре как посредника между Востоком и Западом, национального самоутверждения и саморазвенчания.

Консерваторы были сторонниками сохранения опыта предшествующих поколений в каждодневной практике и привели к формированию консервативной формы политической практики, выраженной в тактике постепенного ухода от действительности через усиление собственной религиозности. Религиозное (исламское) совершенствование личности — вот их основная идея.

М.Б. Олкотт пишет: «В дореволюционный период в казахском обществе существовало четкое разделение между сторонниками светского и религиозного направления модернизации. Первые выступали за адаптацию общества к изменившимся условиям, в то время как вторые ратовали за сохранение традиционных нравов в социальных отношениях и культуре» [Olcott, 1985, p. 189]. На наш взгляд, такое четкое разделение вряд ли присутствовало, так как всегда наличествовала религиозная составляющая. Другое дело, насколько она себя позиционировала.

Немало споров идет вокруг проблемы специфики казахского просвещения. Обычно его появление связывается с реакцией на известное отставание кочевого казахского общества от культурного уровня России. Отсюда вытекает вывод, что просветительство — привнесенный элемент в духовную жизнь кочевников и не имеет глубоких корней в их собственной культуре. Безусловно, такая трактовка не может удовлетворить современного читателя. Кризис кочевого общества явился переломным моментом в духовной сфере кочевья. Расслоение кочевого общества все чаще заставляло вглядываться и анализировать то, что происходило вокруг, а главное — надо было дать ответ на вопрос, что же делать дальше. Род, племя, племенной союз перестают быть относительно однородной массой — эти новые для степной поэзии мо-

тивы начинают появляться в творчестве целого ряда поэтов, первым из которых был Ақтамберды Сарыулы. Критическим духом наполнены произведения Ч.Ч. Валиханова, Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина, Мухаметжана Сералина, Султанмахмута Торайгырова и многих других. Однако, в отличие от поэтов эпохи «Зар-Заман», для представителей просветительства были характерны иные настроения — движение вперед возможно и необходимо. Для них образование становится главной ценностью, а получить образование и доступ к мировым ценностям тогда можно было только через русский язык и русскую культуру.

Можно утверждать, что в Российской империи сосуществовали три образовательные концепции. Первая получила оформление в Правилах 1870 года, где была четко выражена цель образования инородцев — русификация и слияние с русским народом. Все инородческие народы делились на несколько групп. В отношении тех, кто понимал русский язык (украинцы и белорусы), действовал запрет на использование родного языка в процессе обучения. Иврит и идиш могли применяться только для обучения в еврейских конфессиональных школах — хедерах, йешивах. Мусульманские народы должны были первоначально обучаться на родном языке с последующим переводом на русский язык обучения. Был еще один путь — обучение могло сразу идти на русском языке, но учитель должен был знать родной язык обучающихся детей [Kreindler, p. 204–205].

В целом по данному направлению сегодня издано немало работ, посвященных различным народам Российской империи, среди которых можно назвать статьи С.В. Джунджузова, В.В. Дмитриева и С.В. Любичанковского [Джунджузов, Любичанковский, 2017 а, 2017 б; Дмитриев, Любичанковский; Любичанковский, 2017].

Становлению системы российского образования среди казахского населения посвящен ряд работ современных ученых Казахстана. Среди них можно назвать диссертационные исследования Н.А. Адельбаевой, А.А. Айтмухамбетова, статьи Р.С. Буктугуровой и ряда других [Адельбаева; Айтмухамбетов; Буктугурова].

Автором второй из образовательных концепций был Николай Иванович Ильминский (1822–1892) — тюрколог, арабист, профессор турецко-татарского языка в Казанском университете, делом всей жизни которого была христианизация народов Поволжья, Урала и Сибири. Н.И. Ильминский боролся всеми возможными путями против исламизации степи, подчеркивая, что казахи должны иметь собственное направление в развитии. Путь этот он видел через просвещение, народную школу на родном языке, где учителем будет сам инородец. Ильминский стремился через родной язык приобщить инородцев к православию. Христианизация у него шла впереди русификации. Переехав в 1858 году в Оренбург, Николай Иванович выучил казахский язык и вел деловую переписку на казахском языке. Он один из первых на основе русской графики

создал казахский алфавит, был автором «Самоучителя русской грамоты для киргизов» (1861). В 1879 году Ибрай Алтынсарин, чье становление как просветителя и педагога во многом было определено личностью Ильминского, издал «Киргизскую хрестоматию». Необходимо упомянуть тот факт, что еще в XVIII веке генерал-майор Скалон создал азбуку-букварь казахского языка на основе русской графики.

Интересны в этом плане тезисы Ч. Хостлера, который характеризует позицию Н.И. Ильминского как противника образования тюрко-татарского населения империи по-европейски, так как для тюрков есть опасность принятия православия, а для русского общества существует более серьезная опасность: националы напишут роман на своем родном языке [Хостлер, с. 166]. А значит, разовьют собственное интеллектуальное поле до такого уровня, что оно будет максимально способствовать росту национального самосознания и пробудит стремление к самостоятельному развитию, что опасно с точки зрения государства.

Важно добавить, что на сегодняшний день позиция Н.И. Ильминского как автора первых аккультурационных моделей для инородческого населения активно пересматривается, так как все более детально изучается вклад оренбургской администрации, а именно В.Н. Татищева и Л.Я. Соимонова, в приобщение башкир к русской культуре. Так, последние уже в 1738 году стояли у истоков Уфимской школы, которая была открыта для обучения «инородцев» русскому языку и «познания закона христианского и законов гражданских» [Очерки..., с. 287].

Часть казахской интеллигенции XIX века, пытаясь найти выход из кризиса, в который все больше погружался кочевой социум, ратовала за усвоение русского языка как инструмента, облегчающего доступ к достижениям мировой цивилизации, а также политического воздействия на российские власти и конструирования собственного самостоятельного будущего. Безусловно, эти идеи были характерны для всей мусульманской интеллигенции Российской империи, особенно ее джадидской части, вдохновленной идеями Исмаила бей Гаспринского (Гаспиралы). В Центрально-Азиатском регионе в этот период также наблюдались начала модернистских («джадидских») исканий среди тонкой прослойки местного духовенства, педагогов, поэтов.

Показателен пример Абая, который мы не можем обойти своим вниманием. В двадцать пятом слове «Книги слов», размышляя о том, какое образование необходимо дать казахским детям, мыслитель приходит к однозначному выводу: «Нужно учиться русской грамоте» [Абай, с. 39]. Абай предлагал казахскую самость удерживать при помощи ислама, а цивилизовываться посредством русского языка и культуры.

Приобщение к русскому языку и российской цивилизации — это был «перевод с перевода», так как русская культура к этому времени во многом являла собой также «перевод», но уже цивилиза-

ции Запада. И этот «перевод» дался не без труда, не без утраты русскости. Когда русское самодержавие вовлекало общественность в модернизированный европейский мир, оно и отдаленно не могло предвидеть, какую опасность для государственного строя в итоге это в себе таит. Абай также пока не предчувствует будущих утрат для «казахскости». Взгляд его в будущее оптимистичен, он критикует недостатки казахского кочевого общества, призывает сдвинуться с мертвой точки, преодолеть инерцию и развиваться.

По мнению И. Крейнндлер, особенно успешно система Н.И. Ильминского была применена в отношении так называемых бесписьменных народов, особенно среди тех, у кого были сильны языческие традиции. «Впервые эти народы получали основные современные средства культуры, и у них появлялась национальная интеллигенция, способная пользоваться этими средствами», — отмечала Изабелла Крейнндлер [Kreindler, p. 202]. Народы, которые имели письменность и богатое культурное наследие, в меньшей степени подпадали под влияние системы Н.И. Ильминского. Однако в ряде случаев именно распространение русского языка стимулировало реформаторские настроения среди национальной интеллигенции. Яркий тому пример — Исмаил бей Гаспринский и его последователи.

Г. Липсет отмечал, что, так как в Туркестане не было «такого культурного вакуума», как у «степных народов», привлечь детей в русские школы было чрезвычайно сложно. В них учились дети знати, другие же предпочитали русским школам традиционные мектебы и медресе. В 1889 году в гимназиях среди учащихся дети из мусульманских семей составляли всего 1,8 % [Lipset, p. 317]. Марта Брилл Олкотт, изучая данную проблему, подчеркивает наличие тайных мусульманских школ в условиях постепенно выстраивающихся преград для распространения ислама со стороны российского правительства. При этом автор подчеркивает присутствие сложной дилеммы, перед которой оказалась казахская интеллигенция: опираться на ислам как на часть культурного наследия или отвергнуть его ради модернизации и европеизации казахов. На ее взгляд, окончательное решение этой проблемы смогла предложить только революция [Olcott, 1995, p. 101–112].

Значительное внимание в зарубежной историографии традиционно уделялось анализу влияния дореволюционных общественно-политических движений и российских революций на процесс формирования интеллигенции. Это особенно важно отметить, так как «корни революции» западные авторы, как правило, стремились найти в своеобразии русской общественно-политической мысли, утверждая, что революционный путь России был вымошен «брожением интеллигенции». Так, по мнению английского ученого Г. Сетон-Уотсона, Россия была в числе первых стран, поставивших одну из острейших проблем «неразвитых обществ» — проблему революционной интеллигенции [Seton-Watson, p. 9]. Кроме того, зарубежные авторы пре-

имущественно рассматривают вопросы, связанные с давлением тоталитарного государства как на непосредственно саму интеллигенцию, так и на общественно-политическую и социально-культурную жизнь советского общества. В целом проблема взаимоотношений государства и интеллигенции была емко сформулирована М. Малиа: «Современное общество не в состоянии обойтись без интеллигенции, но может ли оно жить вместе с нею?» [Malia, 1972, p. 204]. И действительно, если признать за интеллигенцией право профессиональной ориентации на познание внутренней сущности явлений и процессов, то определяющими характеристиками для нее будут скептицизм, критичность, аналитическое отношение к возникающим проблемам. Все это в совокупности порождает возникновение различных радикальных теорий и даже может привести к смене политического режима в стране, что в итоге и произошло в Российской империи.

К 80-м годам XX столетия в зарубежной историографии стало лидировать направление, суть которого сводилась к попытке представить любую революцию как один из возможных этапов процесса модернизации независимо от уровня развития той или иной страны. Подобный подход позволял характеризовать революцию как насильственный метод решения тех проблем, которые могли бы быть решены с наименьшими потерями в ходе постепенных преобразований. П. Дьюкс, в частности, отмечал, что «отсутствие насилия даже в условиях мирной модернизации всегда было лишь весьма относительным» [Dukes, p. 50, 75]. Достаточно часто в западной литературе можно было встретить предостережение от возможных последствий революционных преобразований. «Русский трагический эксперимент свидетельствует, как важно, чтобы мудрость и государственный подход возобладали над насилием в сложном и деликатном процессе модернизации», — писал американский исследователь А. Адамс [Adams, p. XIV].

По мнению М. Малиа, политические институты России в меньшей степени, чем где бы то ни было, «фильтровали» внутренне присущие интеллигенции профессиональные свойства, делая тем самым «невозможным приспособление ее стремлений в их непосредственной политической форме» к существовавшему общественному строю. Отсюда он делает вывод, что в русской интеллигенции сильнее, чем в интеллигенции какой-либо другой страны, проявлялось негативное отношение к общепринятым ценностям, традициям и институтам [Malia, 1972, p. 207; Malia, 1976, p. 173].

М. Конфино характеризовал интеллигенцию как глубоко вовлеченную в решение национальных проблем и активно выступающую против «старых традиций». К последним автор относил образование, быт и стиль поведения. Стремление к новым традициям рассматривается им как стремление европеизированной интеллигенции к интеллектуальной свободе, которое отнюдь не вело к критике существовавших социальных институтов и было вызвано попытками правительства установить стро-

гий контроль над «импортированными идеями» [Confino, p. 119–121].

Попытку выявить «исторические силы» и «институционные характеристики» процесса формирования радикального движения в Российской империи были предприняты Д. Броуэром в его работе «Воспитание нигилистов. Система образования и радикализм в царской России». По его мнению, основанная по образцу прусской и австрийской моделей система российского образования создавала искусственные трудности для обучающихся. Знания давались ценой огромных усилий и «механического запоминания», что и становилось источником оппозиционных настроений молодежи. Ситуация усугублялась стараниями иностранных учителей, которые внушали своим воспитанникам презрение к родному языку и неуважение к русским национальным обычаям [Broeuer, p. 23, 35, 36, 127]. К указанным характеристикам он причислял также усилия со стороны государства, направленные на формирование чувства гражданственности, особого понимания чести, элитности и равенства, что в конечном итоге и сформировало особое «отношение к жизни» у той части общества, которую мы называем интеллигенцией [Broeuer, p. 121–122, 127–128].

Неоднозначная оценка казахскими мыслителями рубежа веков XX–XXI веков интеллектуального и духовного влияния России вызвана, с одной стороны, желанием глубже осмыслить свои социальные проблемы, с другой — стремлением определить собственное место относительного чужого источника своей культуры. Колоссальное богатство русской культуры вызывает двоякое чувство: притяжение и одновременно отталкивание и даже отторжение.

Последнее, как правило, проявлялось в политическом и социальном национализме, суть природы которого состоит в своего рода защитной реакции вестернизированных представителей казахской интеллигенции при встрече с русско-европейской культурой. Отрыв от традиционной культуры привнес в их состояние определенную раскрепощенность, активность, социальный оптимизм. Образование само по себе становится «фактором освобождения», поскольку расширяет кругозор и возможности человека.

«Национальной матрицей» называл систему образования Николас Ханс. Он писал: «Переход от Российской империи к интернациональному Советскому Союзу не более чем смена названия, но не сущности», тем самым подчеркивая, что характер советской школы определялся не столько политикой партии, сколько русскими образовательными традициями [Hans]. Истоки этих традиций он обнаруживал в географических и климатических условиях, исторических судьбах нации, родном языке, религиозных и культурных особенностях.

Достаточно оригинальным выглядит предпринятое Исааком Кэндлом сравнение советской образовательной политики с той системой, которая функционировала еще при царском режиме.

Он сопоставляет уваровскую триаду, суммировавшую иррациональные ценности, следующим образом: религиозное православие соответствует «православию экономическому», вместо самодержавия установлено «партийное самодержавие», народность превратилась в классовое сознание. По его мнению, видоизмененная триада есть не что иное, как «манифестация русской нации» [Kandel].

Такой подход к анализу образовательной ситуации был весьма популярен вплоть до 80-х годов. Уильям Джонсон, развивая данный тезис, отмечал следующее: система высшего образования, как и прежде, обслуживает лишь элиту — только теперь это «советская знать», главным критерием приема в вузы остается родовитость — прежде аристократическая, теперь партийная [Johnson]. При этом автор согласен с тем, что определенные новации возможны, но генеральное направление развития образования остается, на его взгляд, прежним.

Безусловно, здесь есть над чем подумать и поспорить. Далеко не так однозначно можно рассматривать ситуацию в образовательной сфере СССР. Впрочем, само существование Советского Союза представляет собой удивительное смещение парадоксальных, несовпадающих, во многом противоречащих друг другу процессов и явлений. В частности, положение интеллигенции в советской системе характеризуется рядом специфических черт, а объективно прогрессивная роль СССР на мировой арене определила неоднозначное отношение к системе со стороны мировой общественности. Советское государство весьма нуждалось в работниках интеллектуальной сферы, т. к. было чрезвычайно идеологизировано, стремилось достичь первенства во всех областях, отводя при этом огромную роль образованию, науке и воспитанию. Большевики, советские, партия нуждались лишь в представителях интеллигенции, а не в интеллигенции, осознающей себя как некое целое [Гуревич, с. 27–28].

Большинство западных специалистов по СССР были склонны видеть в системе образования основной источник советского могущества. Прорыв в этой сфере, произошедший в СССР, практически не с чем сравнить. Страна, которая в сравнении с западными государствами еще в начале XX века оставалась на уровне рубежа XVIII–XIX вв., к концу 50-х годов XX века не просто опережала ведущие мировые державы по целому ряду показателей в области образования, но и бросала ему открытый вызов. Нейджел Грант писал, что СССР можно понять через школу, которая в концентрированном виде выражает «вчерашние традиции, сегодняшнюю политику» и формирует «завтрашних граждан» [Grant].

Мы видим, что большинство западных авторов создавали свои труды в соответствии с теорией тоталитаризма и концепцией преемственности в российско-советской образовательной политике. Безусловно, были и другие мнения, иногда диаметрально противоположные, чему в немалой степени способствовало формирование ревизионистского направления в зарубежной историографии. С осо-

бой остротой проблема преемственности в образовательно-педагогических традициях обсуждалась на Западе после «спутникового шока», а затем после распада СССР. Выход за рамки нации привел первоначально часть исследователей к утверждению приоритета универсализма, затем глобализации, а теперь виртуализации.

По проблемам формирования системы образования среди тюркских мусульманских народов СССР в западной науке создано достаточно много интересных трудов. Принадлежат они перу различных авторов, но наиболее плодотворно работали над этой проблемой Каррер д' Анкосс, И. Крейндлер, Г. Липсет, У. Медлин. Из современных авторов необходимо отметить Р. Уортмана [Wortman, 2011]. Бросается в глаза тот факт, что перечисленные авторы, как правило, опираются на русскоязычные источники. Действительно, многие исследователи старшего поколения не знали языков тюркских народов, да и контакты с национальной интеллигенцией в советское время были весьма ограничены, чего не скажешь о дне сегодняшнем. Новые поколения зарубежных исследователей активно изучают языки Центральной Азии, часто и по долгу работают в центральноазиатских государствах благодаря различным образовательным фондам и выделяемым грантам. Все в совокупности способствует более глубокому постижению реалий не только дня сегодняшнего, но и времен не так давно ушедших.

Представители казахского просвещения, предлагая собственную эволюционную модель дальнейшего развития кочевого социума, допускали только поступательное, соответствующее народным традициям развитие. Внешние воздействия касались в основном изучения русского языка, который был для них прежде всего средством выхода на новый уровень развития, инструментом, который поможет интегрироваться в общемировое пространство. Правда, полное осознание глубины этих процессов пришло далеко не сразу.

Особенность собственно казахской консервативной мысли заключалась в том, что она являлась одновременно и реакцией на происходящие модернизационные процессы, и ее прямым следствием, поскольку все теоретические основы заимствовались чаще из книг российских, реже — европейских мыслителей, идеи которых обычно постигали в русском переводе. Необходимо подчеркнуть, что любые теоретические построения казахской интеллигенции начала XX века были связаны с проблемой обретения политических свобод и процесса нациестроительства. Создание собственной государственности, возвращение самоуважения будущим гражданам, интеллектуальное совершенствование общества, развитие его скрытых потенций в поиске новых жизненных стратегий взамен кочевых — вот основные проблемы, которые обсуждались национальной интеллигенцией. И, что самое главное, апелляция к прошлому, лучшим поведенческим образцам настоящих патриотов Казахского ханства была в основе всех подобных рассуждений.

Внедрение российской системы образования, ее аккультурационный и модернизационный эффект был прямо противоположен первоначальной цели – обучить, воспитать и подготовить преданных Российскому государству чиновников из числа казахов-кочевников. Российское образование, которое все активнее внедрялось в кочевую казахскую среду, безусловно, подготовило определенное число государственных служащих, в том числе и преданных империи, но в целом привело к тому, что сформировалась критическая масса представителей казахской интеллигенции, все мысли и чаяния которых стали вращаться вокруг идеи собственного национального развития и реализации самостоятельного национального проекта, что стало возможным на волне русских революций начала XX века. Таким образом, можно констатировать, что образование, являясь одним из аккультурационных и модернизационных каналов, становится главнейшим фактором роста национального самосознания, постепенного освобождения от колониальной зависимости и реализации государствообразующих национальных проектов.

Библиографический список

- Adams A. Introduction to: Imperial Russia after 1861. Problems in European Civilization. Boston, 1965.
- Allworth E. Changing Intellectual and Literary Community // *Central Asia: A Century of Russian Rule*/E. Allworth (ed.). N. Y.; L.: Columbia Univ. Press, 1967. P. 349–396 <https://doi.org/10.1215/9780822396246-013>.
- Brouer D. Training the Nihilists. Education and Radicalism in Tsarist Russia. L.; N.Y., 1975. DOI: <https://doi.org/10.1086/ahr/82.1.150-a>.
- Confino M. On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth and Nineteenth Century Russia // *Daedalus*, 1972. Vol. 101. № 2.
- Dukes P.L. October and World. Perspectives on the Russian Revolution. L.; Basingstoke, 1979.
- Grant Nigel Soviet Education. Harmondsworth, 1964.
- Hans N. Russian Tradition in Education. L., 1963.
- Johnson William H.E. Russia's Educational Heritage. N.Y., 1969.
- Kandel I. Comparative Education. N.Y., 1973.
- Kreindler I. T. Educational Policies towards the Eastern Nationalities in Tsarist Russia: a Study of Il'minskii's System. N.Y., 1969.
- Lipset H. Education of Moslems in Tsarist and Soviet Russia // *Comparative Education Review*. 1968. October.
- Malia M. The Intellectuals: Adversary or Clerisy? // *Daedalus*. 1972. V. 101. № 2.
- Malia M. Adulthood Refracted: Russia and Leo Tolstoy // *Daedalus*. 1976. Vol. 105. №.2. P. 173.
- Olcott M.B. The Kazakhs. 2nd ed. Stanford: Hoover Institution Press, 1995. 388 p.
- Olcott M.B. The politics of language reform in Kazakhstan // *Sociolinguistic perspectives on Soviet national languages: Their past, present and future* / ed. by J.T. Kreindler. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1985. P. 183–204.
- Seton-Watson H. The Russian Empire. 1807–1917. Oxford, 1967.
- Wortman R. «Integrity» (Tselost) of the state in Imperial Russian Representation // *Ab Imperio*. 2011. № 2. P. 20–45.
- Абай. Книга Слов. Алматы: Ел, 1993. 269 с.
- Адельбаева Н.А. Исторический опыт становления и развития школьного образования в Казахстане в XIX – начале XX веков: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Уральск, 2010.
- Айтмухамбетов А.А. Народное образование и формирование казахской интеллигенции Северо-Западного Казахстана во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000.
- Буктугурова Р.С. Вклад российской интеллигенции в развитие образования среди казахского населения Степного края в начале XX века // *Вестник Тюменского гос. ун-та*. 2006. № 4. С. 29–37.
- Гуревич Л.Я. Интеллигенция Казахстана и политика тоталитарного государства в сфере науки и высшего образования (1946–1985 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 1993. 45 с.
- Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // *Новый исторический вестник*. 2017. № 3. С. 172–191.
- Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Калмыки на Южном Урале в XVIII – начале XX века: проблемы ассимиляции, аккультурации и сохранения этнической идентичности // *Bulye Gody*. 2017. Vol. 46. Is. 4. P. 1194–1206.
- Дмитриев В.В., Любичанковский С.В. Южные окраины Российской империи и проблема колониализма (на материалах внутренней политики России по отношению к крымским татарам в конце XVIII – начале XX века) // *Bulye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. P. 1010–1024. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2017.3.1010>.
- Левшин А.И. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Любичанковский С.В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 50. С. 31–37. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/50/4>.
- Очерки по истории Башкирской АССР / под ред. А.П. Смирнова. Уфа, 1956. 300 с.
- Хостлер Ч. Тюркизм и советы. Тюрки мира и их политические цели / пер. с англ. Г.М. Мендикуловой / сост. Б.М. Сужиков. Алматы: Санат, 2006. Т. IX. 288 с.

References

- Adams A. Introduction to: Imperial Russia after 1861. Problems in European Civilization. Boston, 1965 [in English].
- Allworth E. Changing Intellectual and Literary Community. In: *Central Asia: A Century of Russian Rule*. E. Allworth (ed.). N. Y.; L.: Columbia Univ. Press, 1967, pp. 349–396 [in English].
- Brouer D. Training the Nihilists. Education and Radicalism in Tsarist Russia. London; New York, 1975. DOI: <https://doi.org/10.1086/ahr/82.1.150-a> [in English].

- Confino M. On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth and Nineteenth Century Russia. *Daedalus*, 1972, Vol. 101, No. 2 [in English].
- Dukes P. L. October and World. Perspectives on the Russian Revolution. London and Basingstoke, 1979 [in English].
- Grant Nigel Soviet Education. Harmondsworth, 1964 [in English].
- Hans N. Russian Tradition in Education. London, 1963 [in English].
- Johnson William H.E. Russia's Educational Heritage. N. Y., 1969 [in English].
- Kandel I. Comparative Education. N. Y., 1973 [in English].
- Kreindler I. T. Educational Policies towards the Eastern Nationalities in Tsarist Russia: a Study of Il'minskii's System. N. Y., 1969 [in English].
- Lipset H. Education of Moslems in Tsarist and Soviet Russia. *Comparative Education Review*. 1968. October [in English].
- Malia M. The Intellectuals: Adversary or Clerisy? *Daedalus*, 1972, Vol. 101, no. 2 [in English].
- Malia M. Adulthood Refracted: Russia and Leo Tolstoy. *Daedalus*, 1976, Vol. 105, no. 2, p. 173 [in English].
- Olcott M.B. The Kazakhs. 2nd ed. Stanford: Hoover Institution Press, 1995. 388 p. [in English].
- Olcott M.B. The politics of language reform in Kazakhstan. In: *Sociolinguistic perspectives on Soviet national languages: Their past, present and future*. Ed. by J.T. Kreindler. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1985, pp. 183–204 [in English].
- Seton-Watson H. The Russian Empire. 1807–1917. Oxford, 1967 [in English].
- Wortman R. «Integrity» (Tselost) of the state in Imperial Russian Representation. *Ab Imperio*, 2011, no. 2, pp. 20–45 [in English].
- Abay. *Kniga Slova* [Book of Words]. Almaty: EI, 1993, 269 p. [in Russian].
- Adelbaeva N.A. *Istoricheskiy opyt stanovleniya i razvitiya shkol'nogo obrazovaniya v Kazakhstane v XIX – nachale XX vekov: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Historical experience of formation and development of school education in Kazakhstan in the XIX – early XX centuries: author's abstract of Doctor of Historical Sciences]. Ural'sk, 2010 [in Russian].
- Aitmukhambetov A.A. *Narodnoye obrazovaniye i formirovaniye kazakhskoy intelligentsii Severo-Zapadnogo Kazakhstana vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Public education and the formation of Kazakh intelligentsia of North-West Kazakhstan in the second half of the XIX – beginning of the XX century: author's abstract of Candidate's of Historical Sciences]. Omsk, 2000 [in Russian].
- Buktugurova R.S. *Vklad rossiyskoy intelligentsii v razvitiye obrazovaniya sredi kazakhskogo naseleniya Stepnogo kraya v nachale XX veka* [The contribution of Russian intelligentsia to the development of education among the Kazakh population of the Steppe Krai at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Tyumenskogo gos. un-ta* [UT Research Journal], 2006, no. 4, pp. 29–37 [in Russian].
- Gurevich L.Ya. *Intelligentsiya Kazakhstana i politika totalitarnogo gosudarstva v sfere nauki i vysshego obrazovaniya (1946–1985 gg.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The intelligentsia of Kazakhstan and the policy of totalitarian state in the sphere of science and higher education (1946–1985): author's abstract of Doctor of Historical Sciences thesis]. Almaty, 1993, 45 p. [in Russian].
- Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskii S.V. *Missionerskaya deyatelnost' Nikodima Lenkeyevicha v Kalmytskom khanstve (1725–1734 gody)* [Missionary activities of Nikodim Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1723–1734)]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [The New Historical Bulletin], 2017, no. 3, pp. 172–191 [in Russian].
- Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V. *Kalmyki na Yuzhnom Urale v XVIII – nachale XX veka: problemy assilyatsii, akkul'turatsii i sokhraneniya etnicheskoy identichnosti* [Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity]. *Bylye Gody*, 2017, Vol. 46, Is. 4, pp. 1194–1206 [in Russian].
- Dmitriev V.V., Lyubichankovskiy S.V. The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century). *Bylye Gody*, 2017, Vol. 45, Is. 3, pp. 1010–1024 [in Russian]. Available at: <https://doi.org/10.13187/bg.2017.3.1010>.
- Levshin A.I. *Opisaniye kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey* [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Almaty: Sanat, 1996, 656 p. [in Russian].
- Lyubichankovskii S.V. *Politika akkul'turatsii v usloviyakh razrusheniya imperii: kazus volostnogo zemstva* [The policy of acculturation in the conditions of destruction of the empire: the incident of volost zemstvo]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2017, no. 50, pp. 31–37 [in Russian]. Available at: <https://doi.org/10.17223/19988613/50/4>.
- Ocherki po istorii Bashkirskoy ASSR. Pod red. A.P. Smirnova* [Essays on the history of the Bashkir ASSR. A.P. Smirnov (Ed.)]. Ufa, 1956, 300 p. [in Russian].
- Khostler Ch. *Tyurkizm i sovety. Tyurki mira i ikh politicheskiye tseli. Per. s angl. G.M. Mendikulovoy. Sost. B.M. Suzhikov* [Turkism and Soviets. Turks of the world and their political goals. Translation from English by G.M. Mendikulova. Compiler B.M. Suzhikov]. Almaty: Sanat, 2006, Vol. IX, 288 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-16-25
УДК 94(470)

Дата поступления статьи: 11/III/2018
Дата принятия статьи: 15/IV/2018

В.Н. Данилов

Н.А. РОЖКОВ И ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ (СУДЬБА ИСТОРИКА И ЕГО НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.)

© Данилов Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.
E-mail: danilovvik@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи являются рассмотрение участия видного русского историка Н.А. Рожкова (1968–1927) в последние два года его жизни в работе общества историков-марксистов, действовавшего во второй половине 1920 – начале 1930-х гг., и выявление процесса выработки официальной советской историографией отношения к научному наследию ученого после его смерти. Показано, что в сотрудничестве в рамках Общества была обоюдная заинтересованность как со стороны самого историка, так и руководства советской исторической науки, несмотря на имевшуюся до этого критику политической позиции и исторической концепции Рожкова В.И. Лениным и большевистскими историками, прежде всего М.Н. Покровским, за их несоответствие ортодоксальному марксизму. Впервые представлен подробный анализ выступлений историка на заседаниях Общества и его публикаций в журнале «Историк-марксист». Они свидетельствовали о том, что в центре внимания историка после завершения 12-томной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» вновь оказалась историко-экономическая проблематика. Это выразилось в первую очередь в разработке методологии исследования и освещении основных этапов дореволюционной истории Прохоровской (Трехгорной) фабрики. Выявлено, что сразу после смерти историка стала распространяться версия о якобы скором его идейно-политическом сближении с большевиками, чему помешал преждевременный уход из жизни. Однако затем в ходе различных кампаний борьбы за «чистоту марксизма» в исторической науке конца 1920-х – начала 1930-х гг. окончательно определилась известная характеристика Рожкова как мелкобуржуазного историка-эклектика меньшевистского направления.

Ключевые слова: советская историография, общество историков-марксистов, Н.А. Рожков, М.Н. Покровский, концепция, идеология, «исторический фронт».

Цитирование. Данилов В.Н. Н.А. Рожков и общество историков-марксистов (судьба историка и его научного наследия в середине 1920-х – начале 1930-х гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 16–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-16-25>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

V.N. Danilov

**N.A. ROZHKOVA AND THE SOCIETY OF HISTORIANS-MARXISTS
(THE FATE OF THE HISTORIAN AND HIS SCIENTIFIC HERITAGE
IN THE MIDDLE OF 1920 – BEGINNING OF 1930)**

© Danilov Victor Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of National History and Historiography, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation. E-mail: danilovvik@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>

ABSTRACT

Nikolay Alexandrovich Rozhkov (1868–1927) was a prominent Russian historian of the late XIX – early XX century, the author of major works on the economic, political and social history of Russia, the Creator of the original historical concept, which he considered Marxist. For his political activity was subjected to repression under the tsarist and Communist regimes. The article aims to consider the participation of Rozhkov in the last years of his life, when he broke up with politics and was engaged only in scientific and pedagogical work, in the work of the society of historians-Marxists, which was in the second half of 1920 – early 1930 a peculiar center of Soviet historical science. The attitude of Soviet historiography to its scientific heritage after the scientist's death is also traced. It is shown that the cooperation in the framework of the society of historians-Marxists, there was a mutual interest of both the historian and the leadership of Soviet historical science. Despite this, the leading representatives of the official historiography continued to criticize Rozhkov's sociological and historical views for their inconsistency with the basic provisions of the orthodox Marxist-Leninist concept of the Russian historical process. For the first time a detailed analysis of the historian's speeches at the meetings of the Society and his publications in the journal «Historian-Marxist», which was a printed body of the organization is carried out. It was found that at this time, as at the beginning of his scientific career, when he worked at the Moscow University, and during the pre-Revolutionary exile in Siberia, the historian focused on historical and economic problems. First of all, it was expressed in the development of methodology of microeconomics study of history of an individual industrial enterprise. On the basis of the developed theoretical approaches and source methods, a detailed study of the specific production and economic activity of Prokhorovka (trekhgornaya) textile factory of the late XVIII – first half of XIX centuries was then presented. Attention was drawn to the fact that at first after the death of the leader of Soviet historians-Marxists M. N. Pokrovsky began to spread the version of the alleged imminent ideological and political rapprochement of Rozhkov with the Bolshevik party, which was prevented by the unexpected and premature death of him. However, soon during the various ideological campaigns of the late 1920 – early 1930 aimed at combating «bourgeois perversions of history» and affirming «purity of Marxism» in Soviet historical science, the well-known characteristic of Rozhkov as a petty bourgeois historian-eclecticism, a Menshevist trend was finally determined.

Key words: Soviet historiography, society of historians-Marxists, N.A. Rozhkov, M.N. Pokrovsky, concept, ideology, «historical front».

Citation. Danilov V.N. *N.A. Rozhkov i obshchestvo istorikov-marksistov (sud'ba istorika i yego nauchnogo naslediya v seredine 1920-kh – nachale 1930-kh gg.)* [N.A. Rozhkov and the society of historians-Marxists (the fate of the historian and his scientific heritage in the middle of 1920 – beginning of 1930)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 16–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-16-25>.

Научная, педагогическая и общественно-политическая деятельность Николая Александровича Рожкова (1868–1927) – одного из видных русских историков конца XIX – начала XX в., автора крупных работ по экономической, политической и социальной истории России, создателя оригинальной исторической концепции – в последние десятилетия привлекла внимание целого ряда исследователей. В работах столичных и провинциальных

историков подвергнуты анализу теоретико-методологические воззрения Н.А. Рожкова, показаны взгляды ученого на русский исторический процесс, освещаются отдельные этапы и даже эпизоды его жизни. Из всего этого многообразия литературы об историке и политике, безусловно, выделяется большая работа О.В. Волобуева [Волобуев], много лет занимавшегося данной темой. В целом можно констатировать, что произошел отход от односто-

ронней классовой характеристики Н.А. Рожкова, бытовавшей в советской историографии и по инерции присутствовавшей в некоторых общих трудах 1990-х гг., как мелкобуржуазного историка-эклектика меньшевистского направления. Вместе с тем в современной историографической литературе мы не найдем и однозначной оценки его исторических взглядов. Для ярославского историка Г.Н. Кочешкова Н.А. Рожков – последователь критического позитивизма как разновидности «критической философии» [Кочешков, с. 196]; известный самарский историограф О.Б. Леонтьева рассматривает его как представителя классической парадигмы русского марксизма, активно использовавшего «традиции своих старших современников – ученых-позитивистов» [Леонтьева, с. 192]; омские историки С.П. Бычков и В.П. Корзун считают, что в философских взглядах историка соединились положения эмпириокритической гносеологии и «механистического» материализма [Бычков, Корзун, с. 101]. По мнению О.В. Волобуева, Рожков создал оригинальную историко-социологическую концепцию, для которой в роли конструктивных источников были использованы позитивизм, марксизм и психологизм [Волобуев, с. 298–299].

Оценка же самим Н.А. Рожковым его научной позиции заметно менялась в процессе творческой деятельности: если в начале XX в. он характеризовал свой метод как «критический позитивизм» или «позитивно-критическое мирозерцание», то уже с 1911 г. определенно называл себя марксистом [Рожков, 1928, с. 291]. С этой точки зрения вполне логичным можно считать его участие в последние годы жизни в работе общества историков-марксистов, ставшего во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. своеобразным центром советской исторической науки. Однако, учитывая прошлое Рожкова-политика, такого рода сближение ученого с теми историками, кто в первые годы советской власти позиционировал себя в качестве революционных или даже ортодоксальных марксистов, вряд ли было полностью предопределенным.

Известно, что Рожков как политический деятель проделал в рядах российской социал-демократии довольно-таки извилистый путь. В годы Первой русской революции он, приват-доцент Московского университета, становится большевиком, но после, находясь в сибирской ссылке, переходит на позиции внефракционного социал-демократа, а в августе 1917 г. вступает в партию меньшевиков и работает во Временном правительстве. Обстоятельства его политической карьеры складывались таким образом, что он рано (уже в 1905 г.) занимает руководящие позиции в РСДРП и в течение последующих 15 лет выступает как принципиальный оппонент В.И. Ленина по различным теоретическим вопросам. На IV съезде РСДРП (1906 г.) он выдвигает собственную аграрную программу от фракции большевиков, противоречившую ленинской программе, в 1911 г. критикует философскую концепцию Ленина, с 1917 по 1920 г., т. е. до того момента, когда историк порвал с политической де-

ятельностью, выступает с критикой теории и практики диктатуры пролетариата, продовольственной политики большевиков и политики военного коммунизма, что влечет за собой два ареста. И хотя Ленину не удалось в 1922 г. убедить политбюро ЦК РКП(б) выслать Рожкова за границу вместе с десятками других видных представителей гуманитарной интеллигенции, а было принято решение ограничиться ссылкой в Псков, он был убежден, что «этот человек есть и будет, вероятно, нашим врагом до конца» [Артизов, с. 318].

Ко времени псковской ссылки относится начало публичной критики со стороны официальной советской историографии и собственно исторических взглядов Н.А. Рожкова. В лекциях, прочитанных перед слушателями Коммунистического университета им. Зиновьева в мае 1923 г., М.Н. Покровский, хотя и относил Рожкова вместе с Плехановым к представителям марксистской историографии, которые пытались самостоятельно пересмотреть «сырой материал и на его основе представить свою концепцию русской истории», вместе с тем давал понять, что по существу он таковым не является. Главный грех Рожкова перед «настоящим марксизмом», по мнению Покровского, состоял в отрыве политического строя от его социально-экономической основы.

Вопрос о марксизме Рожкова, как мы видели, действительно спорный. Но зарождающаяся тогда советская историография рассматривала его не столько в научно-теоретическом плане, сколько с практически-политической точки зрения. Поэтому Покровского прежде всего заботит выявление социальной базы исторической концепции Рожкова. Таковую он находит в «дотехнической интеллигенции» и, отталкиваясь от этого, объясняет подход историка к хозяйственным явлениям прошлого и настоящего [Покровский, 1933 а, с. 98]. В указанной лекции глава советских историков впервые для обозначения взглядов Рожкова использует термин «рожковщина», ставший в конце 1920-х – начале 1930-х гг. своеобразным маркером по отношению к научному наследию историка. Правда, в 1923 г. Покровский еще считал, что, в отличие от «плехановщины», не так важно с ней бороться, «ибо она сама собою умирает, как умирали в 90-х годах народнические концепции истории – ее убивает стихийный исторический процесс» [Покровский, 1933 а, с. 100].

В связи со смертью Ленина Н.А. Рожков по просьбе редакции пишет для газеты «Псковский набат» воспоминания о советском лидере, в которых отдается должное политическому таланту и заслугам того перед Россией, но одновременно указывается, что он не видит в нынешнем большевистском руководстве тех, кто бы мог возместить эту потерю. «Все совлавы, – отмечал Рожков, – сравнительно бездарные люди и односторонние. Есть между ними хорошие военные, теоретики, чиновники, но государственных людей нет» [«Возместить потерю никто не может», с. 8–9]. Несмотря на столь нелестные отзывы о действующих боль-

шевицких вождях, 16 мая 1924 г. он тем не менее обратился с письмом к Г.Е. Зиновьеву (оно было переправлено всем членам политбюро), где содержалась просьба дать ему возможность заняться научной и педагогической работой в столице [В жерновах революции, с. 196]. Вскоре решение о его возвращении в Москву было принято, и с осени 1924 г. он начинает читать лекции в Академии коммунистического воспитания, на этнологическом факультете МГУ, в Институте красной профессуры, работает также в институте истории РАНИОН.

Н.А. Рожков не участвовал в подготовительных мероприятиях по созданию Общества историков-марксистов (далее – Общества), которые проводились в начале февраля 1925 г. В организационную комиссию по выработке устава и созыву собрания учредителей Общества тогда вошли Покровский (представитель Наркомпроса), Шестаков (от Комуниверситета народов Востока), Горин и Фридлянд (Комуниверситет им. Свердлова), Зайдель (Комуниверситет Запада). Комиссия определила 10 февраля список лиц, приглашаемых на собрание учредителей. На собрании 2 марта 1925 г. присутствовали как советские историки старшего поколения: Авдеев, Максаков, Мартынов, Покровский, Полонский, Шестаков, так и недавние выпускники Института красной профессуры и Комкадемии: Ванаг, Викторов, Волгин, Майстер, Горин, Зайдель, Панкратова, Рудаш, Фридлянд, Черномордик. Они и стали учредителями Общества. Отсутствие в составе учредителей, а соответственно, и временного совета Общества Н.А. Рожкова, при всех оговорках все же считавшегося старейшим профессиональным историком-марксистом, было неслучайным. Здесь действовала установка М.Н. Покровского: «...первоначально необходимо создать основной кадр так называемых учредителей, включив в него историков-коммунистов, имеющих печатные труды, и только затем уже приступить к приему как действительных членов, так и членов-соревнователей» [В Обществе историков-марксистов, с. 317]. Поэтому Рожков был принят в действительные члены Общества только летом 1925 г., а 5 марта 1926 г. на общем собрании, созванном на основании устава, который был утвержден накануне НКВД, он избирается в состав его постоянного совета [Из текущей деятельности Об-ва, с. 320].

Безусловно, в членстве Рожкова в обществе историков-марксистов имелась обоюдная заинтересованность как самого историка, так и ведущих деятелей советской исторической науки. Ученый прежде всего таким образом надеялся на продвижение своих исторических идей, расширение круга научного общения и создание более благоприятных условий для преподавательской работы. В то же время для руководства советской исторической науки он должен был олицетворять беспартийную, тяготеющую к марксизму и сочувствующую часть Общества в надежде на постепенное его расширение вокруг коммунистического ядра, что ставилось в качестве одной из задач деятельности организации.

Основной формой работы общества историков-марксистов с самого начала стало публичное заслушивание и обсуждение на общих собраниях и специальных заседаниях тематических докладов, которые, как правило, были связаны с какими-либо юбилейными датами исторических событий революционного содержания. Первое такое собрание было проведено 1 июня 1925 г., на нем были заслушаны доклады Покровского о Пугачевщине и Фридлянда о Крестьянской войне в Германии. На заседании 13 ноября 1925 г., посвященном 20-летию Первой русской революции, мы уже видим Рожкова в числе участников дискуссии по докладу П.О. Горина «Чем же были Советы рабочих депутатов в 1905 г.?».

Среди прочих недостатков исторической литературы по теме докладчик назвал ошибочной точку зрения Рожкова о спаде революционной активности в ноябре 1905 г., после всеобщей октябрьской стачки, высказанную тем в недавно вышедшей книге «Девятьсот пятый год» [Горин, 1927, с. 210]. Но историк не стал дискутировать по этому поводу, а сосредоточился в своем выступлении на вопросах методологического характера: о генезисе Советов как формы организации рабочих и крестьян и органов революционного действия и об эволюции функций Советов в 1905 г. При этом он призвал избегать поспешных выводов и общих схем, «надо различать более тонкие оттенки», видеть, «какие были группировки и течения, и при изучении каждого Совета надлежит проследить, какие из этих течений существовали и в какой мере находили себе выражение в том или другом Совете» [Горин, 1927, с. 229–230].

Участвует Рожков и в других мероприятиях, проводимых в связи с 20-летием Первой русской революции. В частности, он пишет предисловие к календарю-хронике событий 1905 г., выступает на вечере воспоминаний, организованном Истпрофом (Комиссия по изучению истории профсоюзного движения при ВЦСПС), с сообщением об истории появления резолюции о профессиональных союзах на Лондонском съезде партии. Сотрудничество с Истпрофом выразилось также в публикации в 1925 г. статьи «К методологии истории профессионального движения», содержащей теоретическое обобщение опыта изучения этой темы и путей ее дальнейшего исследования.

Однако в центре внимания Рожкова после завершения 12-томной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» вновь оказалась историко-экономическая проблематика. Начало изысканий в этом направлении было положено еще книгой «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке», вышедшей в 1899 г., которая потом легла в основу магистерской диссертации. В работе была предпринята попытка отказаться от иллюстративного метода использования статистического материала, а соединить в одном лице того, кто «производит» данные, и того, кто анализирует их. Новые для исторической науки методологические приемы были реализованы историком в ходе обработки тако-

го сложного источника исторической статистики, как писцовые книги. Находясь с 1910 по 1917 г. в ссылке в Иркутской губернии, Рожков обратился к истории экономики Сибири, что нашло отражение в ряде публикаций в местных периодических изданиях. Эта сторона научного творчества довольно подробно показана в работах историка-экономиста Д.Я. Майдачевского [Майдачевский, 2003; Майдачевский, 2006]. Здесь же стоит лишь отметить, что вначале Рожковым была обнародована методология детального и всестороннего статистического изучения местных явлений хозяйственной жизни, а затем определенный таким образом круг вопросов изучался на материалах архивных дел Макаровской волости Киренского уезда, которые находились в музее Иркутского отдела Русского географического общества. Подобный поход был использован Рожковым и при организации в 1925–1926 гг. исследований по истории отдельных промышленных предприятий.

9 апреля 1926 г. на заседании общества историков-марксистов Н.А. Рожков делает доклад «К методологии истории промышленных предприятий», который основывался на материалах, полученных руководимой историком группой молодых сотрудников института истории РАНИОН в результате работы с архивом Прохоровской (Трехгорной) текстильной фабрики. Открывая заседание, председатель Общества М.Н. Покровский подчеркнул, что такого рода специальные темы не предназначены для широкого круга слушателей, но их постановка необходима для того, чтобы «мы были настоящим научным обществом», и она будет способствовать реализации давней мечты «о восстановлении экономической истории России, конкретной детальной, на основании богатейшего архивного материала» [Рожков, 1927 а, с. 210]. Основную задачу своего доклада Рожков видел в разрешении следующих исследовательских вопросов: «...чего искать в материале по истории отдельных промышленных предприятий, как искать и что можно найти», а главный практический вопрос он сводил к простой формуле: «...как с наибольшей экономией времени использовать имеющиеся источники». Им была представлена не только цельная исследовательская программа, но и раскрыта своеобразная лаборатория микроисторического анализа, для осуществления которого, по словам Рожкова, «историк должен быть энциклопедистом, смотря по роду материала, с которым он имеет дело» [Рожков, 1927 а, с. 211].

Н.А. Рожков подробнейшим образом анализирует этапы, приемы и методы работы с огромным (только к 1890-м гг. относилось 800 книг) бухгалтерско-контровским материалом Трехгорной фабрики, показывает характер информации, какую можно было получить из него, изучая разные периоды истории предприятия. Бухгалтерские книги (главная книга, мемориал, ресконто, книга лицевых счетов и др.), по мнению историка, самый важный источник в изучении вопроса «об организации предприятия и его функциях, о том, как оно действует». Использование же переписки конторы, протоколов правления фабрики, периодической печати может только дополнить этот материал и оживить

исследование. Данные бухгалтерии к тому же дают наиболее достоверные сведения, поскольку они составляются для предпринимателей и не нуждаются в каких-либо тщательных проверках. Отмечая сложности работы с такого рода источником, Рожков указывал, что исследователю «приходится до некоторой степени войти в подробности бухгалтерской техники для того, чтобы не ошибиться, чтобы не просчитать всех записей, которые имеются, чтобы в результате этого не получились в конце концов фиктивные цифры и итоги» [Рожков, 1927 а, с. 211–216].

Позднее журнал «Историк-марксист», печатный орган Общества, писал, что доклад Рожкова вызвал не только большой интерес, но и споры среди историков [Рожков, 1927 б, с. 79]. Тем не менее, судя по стенограмме заседания, обсуждение его прошло в целом в спокойном академическом стиле. Сотрудники института истории РАНИОН, входившие в названную выше исследовательскую группу, постарались дополнить отдельные положения доклада своего руководителя, проиллюстрировать их на материалах других промышленных предприятий, в частности Николаевского судостроительного завода. Некоторые другие участники заседания обратили внимание на важность проблемы сохранения архивов предприятий. Критика доклада прозвучала лишь из уст М.В. Нечкиной. Она увидела в начинании ученого лишь попытку увести историческую науку с магистрального направления ее развития — изучения рабочего движения — в область «теоретико-экономическую». По мнению Нечкиной, Рожков не смог методологически представить фабрику «как живое общественное явление, в которой сосредоточены противоречия, борются социальные силы» [Рожков, 1927 а, с. 217]. В данном случае по существу предлагался тот вариант написания истории отдельных предприятий, который будет потом реализован в 1930-е гг. при создании серии трудов по истории фабрик и заводов, начатой по инициативе А.М. Горького. Примечательно, что с мнением своей ученицы тогда не согласился М.Н. Покровский, указав на то, что требовать от бухгалтерских книг информации большей, чем по экономической истории предприятий, нельзя, но и в таком виде изучение «тоже представляет громадный интерес». Сам же Рожков в заключительном слове саркастически заметил по этому поводу: «Я думаю, что много найдется охотников изучать историю рабочего движения на фабриках, но немного найдется изучать сухой и трудный материал, касающийся фабрики как предприятия, с экономической точки зрения» [Рожков, 1927 а, с. 224].

Продолжением указанного доклада стала статья «Прохоровская мануфактура за первые 40 лет ее существования», напечатанная уже после смерти Рожкова в журнале «Историк-марксист», в которой в конкретно-историческом плане раскрывались особенности методологических построений историка. Но теперь он постарался избежать обвинений в отрыве экономической стороны изучения предприятия от социальной жизни, заявив в самом начале, что преимущественное значение рабочего движения в публикуемой после революции литературе

выяснено достаточно и не подлежит сомнению, а специальное изучение Прохоровской фабрики необходимо ввиду той важной роли, какую она сыграла в декабрьском восстании 1905 года. Вместе с тем как добросовестный историк Рожков обратил внимание и на историографическую сторону актуальности темы. Он писал: «Но и традиции школы Ключевского и Виноградова, и исторический материализм обязывают искать разгадки и объяснения многих важнейших и все еще не вполне выясненных особенностей русского рабочего движения и русской революции вообще в экономическом базисе, в истории народного хозяйства вообще и в особенности в истории русской индустрии, фабричной промышленности» [Рожков, 1927 б, с. 82].

В статье, как и ранее в докладе, но более сжато на примере Трехгорной фабрики давалась подробная характеристика бухгалтерским материалам как источнику для исследования истории русской фабрики. При этом подчеркивалась необходимость учета того факта, что бухгалтерия предприятия при переходе от мануфактурного (торгово-капиталистического, по терминологии автора) к индустриальному (промышленно-капиталистическому) типу производства усложняется: «...как просто было производство, так и проста была бухгалтерия» [Рожков, 1927 б, с. 82]. Непосредственно описанию производственной деятельности была посвящена вторая часть статьи. В связи с тем что имевшиеся в распоряжении Рожкова архивные источники начинались с 1829 г., характеристика первых 30 лет работы предприятия давалась не по материалам бухгалтерского учета, а по книге «Материалы к истории фабрики», изданной служащим Прохоровкой мануфактуры П.Г. Терентьевым. Эти материалы, как отмечал историк, были не столько историей фабрики, сколько панегириком ее хозяевам и их промышленной деятельности.

Микроэкономический анализ истории одного предприятия (Трехгорной мануфактуры) позволил Рожкову говорить о наличии в хозяйственном развитии России середины XIX в. тенденций, свидетельствовавших о приближающемся промышленном перевороте. «Не раз, не один год производство и сбыт испытывали потрясения, — кризисы и депрессию, — пишет он. — Но под конец тридцатых годов стали наблюдаться мелкие пока, частичные, элементарные еще признаки кризиса более глубокого и коренного, радикального — грядущей необходимости перехода к машинному производству, преобразования мануфактуры торгово-капиталистического типа в фабрику типа производственно-капиталистического» [Рожков, 1927 б, с. 110].

Содержание последней работы показывает, что Н.А. Рожков вынужден был так или иначе учитывать доминирующие в обществе историков-марксистов теоретико-методологические установки, что могло создать впечатление о скором его идейном сближении с большевистской историографией. Возможно, что именно это и побудило Покровского заявить на гражданской панихиде по покойному историку, скончавшемуся 2 февраля 1927 г., что

тот «был буквально накануне того, чтобы к нам вернуться самым настоящим образом. И если мы его хороним не как коммуниста, то это совершенная случайность...» [Николай Александрович Рожков, с. 255].

Сам же корифей советской исторической науки, указывая время от времени на «несовершенство» взглядов Рожкова, пытался ускорить это возвращение. Даже в 1926 г. он продолжал говорить: «Не заблуждается ли Н.А. Рожков, когда он с глубочайшей, вне всякого сомнения, искренностью объявляет себя марксистом?.. И не правы ли... те критики, которые утверждали, что Рожков — вовсе не марксист, а нечто вроде биологического материалиста, более близкого к Шапову и Боклю, чем к Марксу и Ленину?» [Покровский, 1933 б, с. 213]. Не отставали в этом и ученики Покровского. В частности, крайне отрицательно отозвался о 12-м томе «Русской истории в сравнительно-историческом освещении», вышедшем в том же 1926 г., ученый секретарь общества историков-марксистов П.О. Горин. «Вышедшая работа Н.А. Рожкова хотя и выявляет значительные сдвиги во взглядах автора на развитие России в XX в. и его желание подойти к революционному марксизму, однако обнаруживает, что Н.А. Рожков находится на тяжелом пути к нему» [Горин, 1926, с. 273], — заключал он свою рецензию, напечатанную еще при жизни самого автора многотомного исследования.

Трудно сказать в какой степени подобного рода публичные обструкции способствовали преждевременной смерти Н.А. Рожкова в возрасте 58 лет. По всей видимости, тут сказалось общее внутреннее напряжение последних десятилетий жизни, ибо внешне «он до последней минуты был свеж и бодр, каким был в лучшие годы» (слова М.Н. Покровского). Смерть Рожкова действительно оказалась для всех неожиданной, хотя только можно предполагать, какая судьба его ожидала, доживи он до начала 1930-х гг.

В советских газетах были напечатаны некрологи по Рожкову, а уже упоминавшаяся гражданская панихида прошла 4 февраля 1927 г. в здании Московского университета, в котором он учился и где начиналась его научно-педагогическая карьера. Главным было выступление заместителя наркома просвещения и лидера советских историков М.Н. Покровского, постаравшегося, пожалуй, впервые, правда ненадолго, отойти от ставших уже шаблонными характеристик покойного. Он признался, что в первую очередь в этом им движет стремление снять с памяти Рожкова «ту кличку меньшевика, которая прилипла, прилипла к этой памяти в последние годы, когда он не был активным политиком, и значит, активным меньшевиком... показать, что мы хороним старого большевика» [Николай Александрович Рожков, с. 256], бывшего таковым в начале политической деятельности и к чему приближался в последнее время, но еще якобы «не чувствовал себя окончательно готовым и откладывал свое вступление со дня на день». Отметив тот факт, что Ленин всегда отличал покойного от об-

щей меньшевистской массы, Покровский перешел к характеристике Рожкова как ученого, которого, по его словам, в отличие от европейских стран, у нас всегда недооценивали.

По мнению Покровского, тесно общавшегося с Рожковым по работе в Московском университете и во время революционных событий 1905 г., колоссальная работоспособность позволила создать историку большие труды, содержавшие крупные концепции, которые хотя и были «далеко не безупречны в теоретическом отношении...», но были в высокой степени полезны тем, что они в необычно ясной и популярной форме разносили марксизм по широкой арене» [Николай Александрович Рожков, с. 257]. К числу самых оригинальных научных идей, родоначальником которых был Н.А. Рожков, вошедших затем «в железный инвентарь марксистской концепции русского исторического процесса», он отнес: определение характера земельного права Древней Руси, объяснение экономического развития России исключительно из внутренних причин, выявление того факта, что закрепощение крестьян началось с их обезземеливания. Помешали Рожкову самому развернуть эти идеи в целые системы, по словам Покровского, крайняя спешка в работе и присущие ему, как и Чернышевскому, качества ученого-практика и популяризатора, стремившегося «переносить свои идеи в массы» [Николай Александрович Рожков, с. 257–258]. Именно это и позволяет, — заявил он. — занести Николая Александровича «в ряды крупных наших просветителей большевистского склада, характера и устремления» [Николай Александрович Рожков, с. 261].

Десять дней спустя, 14 февраля 1927 г., состоялось специальное заседание Общества историков-марксистов, посвященное памяти Н.А. Рожкова. Ни до, ни после этого подобных мероприятий в рамках Общества не проводилось, хотя в 1926–1927 гг. ушли из жизни еще такие его члены, как известные большевистские публицисты Н.Н. Авдеев и М.П. Павлович-Вельтман. Это может свидетельствовать как о запоздалом признании со стороны официальной историографии заслуг Рожкова (по выражению Покровского: «крупнейшего историка материалистического направления», «пропагандиста-просветителя», «превосходного преподавателя» и «старого товарища»), так и о некоей попытке посмертной идейно-политической реабилитации Рожкова. Не случайно в своем докладе Н.М. Покровский не только вновь повторил слова, звучавшие на панихиде, о том, «что только глупая физиологическая случайность помешала нам видеть Н.А. Рожкова настоящим марксистом», но и позволил себе сказать о тех правильных, на его взгляд, поправках, которые сделал Рожков к его (Покровского) исторической концепции. Развивая мысль об эволюции взглядов Рожкова в сторону «настоящего ортодоксального марксизма», он даже неожиданно заявил: «...Рожков в 1923 г. (тогда вышел 4-й том «Русской истории в сравнительно-историческом освещении». — *В.Д.*) не только луч-

ший марксист, чем я в был в 1910 г., но и больший революционер, чем я был в 1910 г.» [Покровский, 1927, с. 182]. Скатывание же Рожкова после 1907 г. на позиции признания движения России к «культурному капитализму», за что того клеймил Ленин, Покровский объяснил глубокой психологической раной, нанесенной историку поражением Первой русской революции [Покровский, 1927, с. 183–184].

Версию отхода Рожкова в последние годы жизни от своих бывших сторонников по меньшевистской партии и сближения с большевиками на этом заседании затем поддержал в своем выступлении Б.И. Горев, сам бывший меньшевик и знакомый с покойным по сибирской ссылке. Он заявил, что Н.А. Рожков всегда оставался на старых позициях большевизма, верен был идее революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, плохо в конце жизни отзывался о II Интернационале, хотя со скепсисом относился к возможности строительства социализма в России, но придавал большое значение Октябрьской революции и признавал советскую власть [Покровский, 1927, с. 186].

Линия на определенный объективизм в отношении личности и исторических взглядов Н.А. Рожкова прослеживается и в других публикациях, появившихся сразу после смерти историка, в том числе в вышедшем отдельным изданием сборнике воспоминаний о нем [Памяти Николая Александровича Рожкова]. Но она вскоре сходит на нет. В том же 1927 г. выходит небольшая брошюра М.М. Цвибака «Рожков — историк», где Рожков представлен носителем мелкобуржуазной идеологии, а его концепция сведена в «своеобразную систему ревизионистской эклектики, характерной своим отсутствием диалектики и отличающейся от революционного марксизма тем, что в ней идея общности всех людей превалирует над идеей классово-и групповой борьбы». Раскритиковавшие вскоре брошюру Цвибака за поверхностность и публицистичность М.В. Нечкина и М.М. Степанов [Степанов] поддержали автора в итоговом его выводе: «рождовщина» и «плехановщина» не могут, конечно, стать хозяевами ни сегодняшнего, ни завтрашнего дня, но они могут и становятся и сегодня, и завтра основными противниками революционного марксизма в нашей исторической литературе. Преодоление их и решительная борьба с их просачиванием — задача нашей марксистской историографии» [Памяти Николая Александровича Рожкова, с. 187].

В 1928 г. имя Н.А. Рожкова вновь звучит в критическом духе в связи с 60-летним юбилеем М.Н. Покровского, который по инициативе Общества историков-марксистов было решено превратить «в праздничное событие для молодой марксистской науки», используя его «для дела пропаганды марксизма, марксо-ленинского научного метода и марксистской историографии» [Юбилей Покровского, с. 262]. Поэтому празднование юбилея вышло далеко за рамки Общества: в Москве и Ленинграде, столицах союзных республик и краевых центрах прошли специальные заседания, в цент-

ральных и местных газетах печатались приветствия юбиляру и статьи о Покровском как революционере, государственном деятеле и историке. Для советских историков в этой связи особо было важным установить приоритет М.Н. Покровского в профессиональной отечественной марксистской исторической науке, в том числе за счет дезавуирования какой-либо принадлежности Н.А. Рожкова к марксистской историографии. А.В. Шестаков прямо заявил: «До М.Н. Покровского в русской исторической науке марксистской схемы исторического процесса в России, можно сказать, не существовало. Считать марксистской схему Н.А. Рожкова невозможно. М.Н. вполне прав, называя Н.А. Рожкова «до-марксистским историческим материалистом» [Шестаков, с. 13]. В юбилейных публикациях самым распространенным приемом подчеркивания марксизма Покровского являлось сравнение его концепции с концепцией Рожкова, признанной как бы уже окончательно меньшевистской, мелкобуржуазной. При этом проводилась мысль о взаимообусловленности исторических взглядов Рожкова, его политических воззрений и его политической практики. В конечном итоге, как считал, например, Д.Я. Кин, понимание Рожковым исторического пути России к Октябрьской революции и ее социально-политического содержания стало основанием его «установки на созидание государственного капитализма при господстве Советов, непонимание ленинского пути к социализму и кооперативного плана Ленина, вера в спасительность концессий и т. д.» [Кин, 1928, с. 27].

Курс на форсированное строительство социализма в СССР в конце 1920-х гг. еще более добавил конфронтационности в отношении научного наследия Н.А. Рожкова. Его сложносоставная концепция, где доминировало экономическое объяснение исторических процессов, входила в противоречие с идеологическим обоснованием поворота в экономической политике большевиков. Как всегда первым это уловил М.Н. Покровский. В докладе «Ленинизм и русская история», прозвучавшем на Всесоюзной конференции историков-марксистов (28 декабря 1928 г. — 4 января 1929 г.), было сказано, что экономический материализм, типичным представителем которого является Рожков, «есть источник больших ошибок в марксизме» и «может привести к очень большим последствиям», что уже показал пример Рожкова в 1909–1910 гг., когда тот «свернул направо» [Труды..., с. 304–305]. Призывы к решительному наступлению на экономический материализм звучали и в других выступлениях на конференции. Таким образом, борьба с «рожковщиной» приобретала для историков-марксистов новое содержание, являясь элементом идеологического наступления, выходящего уже за рамки профессиональной историографии.

В этих условиях в обществе историков-марксистов крайне отрицательно отнеслись к выходу нового, теперь уже посмертного, издания «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» Н.А. Рожкова. Наиболее заметным откликом на

данное событие стала публикация в журнале «Историк-марксист» большой статьи А.Л. Сидорова, в которой достаточно подробно рассматривались теоретические взгляды и концепция русской истории Рожкова, сообразуясь главным образом с версией Покровского. Особое неприятие у автора статьи вызвал последний, двенадцатый том, посвященный истории России начала XX века. «Даже с оговорками и “поправками”, — писал Сидоров, — изучать историю революции 1905–1917 гг. по Рожкову нельзя, ибо он является проводником не пролетарской, а буржуазно-капиталистической идеологии. Поэтому новое переиздание 12-томной истории России является положительно вредным делом» [Сидоров, с. 219]. Правда, далее он смягчает резко критический тон, отмечая, что в «огромном научном наследии» Рожкова можно найти многое, что может принести пользу марксистской исторической науке: исследования о развитии крепостного хозяйства, о происхождении торгового капитализма и образовании самодержавия. Поэтому, по мнению А.Л. Сидорова, «гораздо полезнее было бы издать в нескольких томах лишь избранные сочинения, не утратившие своего значения для науки до сих пор» [Сидоров, с. 220]. Однако в советское время никаких трудов Рожкова больше не переиздавалось, а избранные труды историка увидели свет только в 2010 г. [Рожков, 2010].

Пожалуй, в последний раз исторические взгляды Н.А. Рожкова стали предметом публичного обсуждения в Обществе историков-марксистов в связи с судебными процессами «Промпартии» и «Союзного бюро РСДРП». В тезисах фракции совета Общества, принятых 6 февраля 1931 г., говорилось, что факты вредительства и пособничества интервенции империалистических держав, выявленные в ходе этих процессов, требуют повышения бдительности на идеологическом и историческом фронте [Тезисы фракции..., с. 8–10]. В заслушанном вскоре докладе Д.Я. Кина «О буржуазных реставраторах и мелкобуржуазном ликвидаторстве» проводилась прямая аналогия идейной платформы главных фигурантов по делу «меньшевистского бюро» В.Г. Громана и Н.Н. Суханова, заключавшейся в якобы отрицании социалистического характера революции и объективных предпосылок для построения социализма в России, в необходимости возвращения к демократии и апологии капитализма, со взглядами Н.А. Рожкова, который, по мнению докладчика, «наиболее выпукло изложил меньшевистскую концепцию Октября» [Кин, 1931, с. 24].

Таким образом, в период 1928–1931 гг. в рамках общества историков-марксистов было окончательно сформировано отношение к научному наследию Н.А. Рожкова, где он был представлен в органическом единстве историка и политика, чуждого советской исторической науке. Подобный взгляд затем найдет свое отражение во всех обобщающих советских историографических трудах, от учебного пособия 1941 г. Н.Л. Рубинштейна до учебника 1982 г. под редакцией И.И. Минца. Что же касается Общества историков-марксистов, то

после разгрома историков «старой школы» и завершения борьбы со всякими уклонами оно окажется вовлеченным в кампанию исправления ошибок в освещении истории партии большевиков, инициированную письмом И.В. Сталина от октября 1931 г. в редакцию журнала «Пролетарская революция», а после смерти в 1932 г. М.Н. Покровского свернет свою активную деятельность. Пройдет не так много времени и в связи со «сменой вех» исторические взгляды самого главного критика Н.А. Рожкова – М.Н. Покровского – будут объявлены «анти-марксистскими», а некоторые его сподвижники в этом деле (П.О. Горин, М.М. Цвибак, Д.Я. Кин) попадут в жернова сталинских репрессий.

Библиографический список

- Артизов А.Н. В.И. Ленин и Н.А. Рожков (Из истории высылки деятелей интеллигенции в 1922 году) // *Задавая вопросы прошлому...* М.: Гуманитарий, 2006. С. 311–320.
- Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историю отечественной историографии: учебное пособие. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. 359 с.
- В жерновах революции. Русская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы: сборник документов и материалов. М.: Русская панорама, 2008. 288 с.
- В Обществе историков-марксистов // *Историк-марксист*. 1927. Т. 1. С. 317–319.
- «Возместить потерю никто не может». Н.А. Рожков о В.И. Ленине. Январь 1924 г. // *Исторический архив*. 2006. С. 8–9.
- Волобуев О.В. Н.А. Рожков: историк и общественный деятель. М.: Собрание, 2012. 320 с.
- Горин П.О. [Рец.] Н. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. XII // *Историк-марксист*. 1926. Т. 2. С. 271–273.
- Горин П.О. Чем же были Советы Рабочих Депутатов в 1905 г.? (Стенограмма доклада на публичном заседании 13 ноября 1925 г. // *Историк-марксист*. 1927. Т. 1. С. 201–235.
- Из текущей деятельности Об-ва // *Историк-марксист*. 1927. Т. 1. С. 320–322.
- Кин Д. М.Н. Покровский как историк Октябрьской революции // *Историк-марксист*. 1928. Т. 9. С. 18–33.
- Кин Д. О буржуазных реставраторах и мелкобуржуазном ликвидаторстве // *Историк-марксист*. 1931. Т. 21. С. 20–37.
- Кочешков Г.Н. Н.А. Рожков и его учение об обществе // *Ярославский педагогический вестник*. 2008. № 4. С. 195–200.
- Леонтьева О.Б. Марксизм в России на рубеже XIX–XX веков. Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 206 с.
- Майдачевский Д.Я. Н.А. Рожков в Сибири: историко-экономическое знание в местном контексте // *Историк в меняющемся пространстве культуры: сб. ст.* Челябинск, 2006. С. 406–418.
- Майдачевский Д.Я. Н.А. Рожков как историко-экономист // *ЭКО*. 2003. №. 6. С. 172–187.
- Николай Александрович Рожков (Речь М.Н. Покровского, произнесенная на гражданской панихиде 4 февраля 1927 г.) // *Историк-марксист*. 1927. Т. 3. С. 254–261.
- Памяти Николая Александровича Рожкова: сб. ст. М.: Мосполиграф, 1927. 40 с.
- Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические заметки и статьи). Вып. 1. М.; Л.: Соцэкгиз, 1933 а. 329 с.
- Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические заметки и статьи). Вып. 2. М.; Л.: Соцэкгиз, 1933 б. 449 с.
- Покровский М.Н. Н.А. Рожков (Стенограмма доклада на заседании О-ва историков-марксистов от 14 февраля 1927 г., посвященная памяти Н.А. Рожкова) // *Историк-марксист*. 1927. Т. 4. С. 180–186.
- Рожков Н.А. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 736 с.
- Рожков Н.А. К методологии истории промышленных предприятий (Стенограмма доклада на заседании 9 апреля 1926 г.) // *Историк-марксист*. 1927 а. Т. 2. С. 210–235.
- Рожков Н.А. Прохоровская мануфактура за первые 40 лет ее существования // *Историк-марксист*. 1927 б. Т. 6. С. 79–110.
- Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: в 12 т. М.; Л.: Книга, 1928. Т. 12. 396 с.
- Сидоров А.Л. Исторические взгляды Н.А. Рожкова. К выходу нового издания 12 томов «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» // *Историк-марксист*. 1929. Т. 13. С. 184–220.
- Степанов Н.Н. [Рец.] М. Цвибак. Рожков-историк. Ташкент, 1927 // *Историк-марксист*. 1928. Т. 9. С. 183–187.
- Тезисы фракции совета Общества историков-марксистов «О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период» // *Историк-марксист*. 1931. Т. 21. С. 8–17.
- Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. Т. 1. 558 с.
- Шестаков А.В. М.Н. Покровский – историк-марксист (К 60-летию со дня его рождения) // *Историк-марксист*. 1928. Т. 9. С. 3–17.
- Юбилей Покровского (Обзор газет) // *Историк-марксист*. 1928. Т. 10. С. 262–273.

References

- Artizov A.N. V.I. Lenin i N.A. Rozhkov (Iz istorii vysylki deyateley intelligentsii v 1922 godu) [V. I. Lenin and N. A. Rozhkov (from the history of expulsion of intellectuals in 1922)]. In: *Zadavaya voprosy proshlomu...* [Asking questions to the past...]. M.: Gumanitariy, 2006, pp. 311–320 [in Russian].
- Bychkov S.P., Korzun V.P. *Vvedeniye v istoriyu otechestvennoy istoriografii: uchebnoye posobiye* [Introduction to the history of Russian historiography: tutorial]. Omsk: Omsk. gos. un-t, 2001, 359 p. [in Russian].
- V zhernovakh revolyutsii. Russkaya intelligentsiya mezhdubelymi i krasnymi v porevolyutsionnyye gody. Sbornik dokumentov i materialov* [In the millstones of the revolution. Russian intelligentsia between white and red in the post-Revolutionary years. Collection of documents and materials]. M.: Russkaya panorama, 2008, 288 p. [in Russian].

V *Obshchestve istorikov-marksistov* [In the society of Marxist historians]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1927, Vol. 1, pp. 317–319 [in Russian].

«Vozmestit' poteryu nikto ne mozhet». N.A. Rozhkov o V.I. Lenine. Yanvar' 1924 g. [«No one can compensate for the loss». N.A. Rozhkov about V.I. Lenin. January 1924]. *Istoriicheskiy arkhiv* [Historical Archive], 2006, pp. 8–9 [in Russian].

Volobuyev O.V. N.A. Rozhkov: istorik i obshchestvennyy deyatel' [N.A. Rozhkov: historian and public figure]. M.: Sobraniye, 2012, 320 p. [in Russian].

Gorin P.O. [Review]. N. Rozhkov. *Russkaia istoriia v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii*. T. XII [N. Rozhkov. Russian history in comparative-historical light. Volume XII]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1926, Vol. 2, pp. 271–273 [in Russian].

Gorin P.O. *Chem zhe byli Sovety Rabochikh Deputatov v 1905 g.? (Stenogramma doklada na publichnom zasedanii 13 noiabria 1925 g.)* [What were the Soviets of Workers' Deputies in 1905? (Transcript of the report at public meeting on November 13, 1925)]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1927, Vol. 1, pp. 201–235 [in Russian].

Iz tekushchei deiatel'nosti Ob-va [From the current activities of the Society]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1927, Vol. 1, pp. 320–322 [in Russian].

Kin D. M.N. Pokrovskii kak istorik Oktibr'skoi revoliutsii [M. N. Pokrovsky as a historian of the October Revolution]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1928, Vol. 9, pp. 18–33 [in Russian].

Kin D. *O burzhuaznykh restavratsionerakh i melkoburzhuaznom likvidatorstve* [About bourgeois restorers and petty-bourgeois liquidationism]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1931, Vol. 21, pp. 20–37 [in Russian].

Kocheshkov G.N. N.A. Rozhkov i ego uchenie ob obshchestve [N.A. Rozhkov and his teaching about society]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2008, no. 4, pp. 195–200 [in Russian].

Leontieva O.B. *Marksizm v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov. Problemy metodologii istorii i teorii istoricheskogo protsessa* [Marxism in Russia at the turn of the XIX–XX centuries. Problems of methodology of history and theory of historical process]. Samara: Izd-vo «Samsarskii universitet», 2004, 206 p. [in Russian].

Maydachevsky D.Ya. N.A. Rozhkov v Sibiri: istoriko-ekonomicheskoe znanie v mestnom kontekste [N.A. Rozhkov in Siberia: historical and economic knowledge in a local context]. In: *Istoriik v meniaiushchemsia prostranstve kul'tury: sbornik statei* [Historian in a changing cultural space: collection of articles]. Chelyabinsk, 2006, pp. 406–418 [in Russian].

Maydachevsky D.Ya. N.A. Rozhkov kak istoriko-ekonomist [N.A. Rozhkov as historian-economist]. *EKO* [ECO], 2003, no. 6, pp. 172–187 [in Russian].

Nikolai Aleksandrovich Rozhkov (Rech' M.N. Pokrovskogo, proiznesennaia na grazhdanskoii panikhide 4 fevralia 1927 g.) [Nikolai Alexandrovich Rozhkov (Speech of M.N. Pokrovsky, spoken at the civil funeral on February 4, 1927)]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1927, Vol. 3, pp. 254–261 [in Russian].

Pamiati Nikolaia Aleksandrovicha Rozhkova. Sbornik statei [In memory of Nikolay Alexandrovich Rozhkov. Collection of articles]. M.: Mospoligraf, 1927, 40 p. [in Russian].

Pokrovsky M.N. *Istoriicheskaia nauka i bor'ba klassov (Istoriograficheskie ocherki, kriticheskie zametki i stat'i)*. Vyp. 1 [Historical science and the class struggle (Historiographical essays, critical notes and articles). Issue 1]. M.; L.: Sotsekgiz, 1933 a, 329 p. [in Russian].

Pokrovsky M.N. *Istoriicheskaia nauka i bor'ba klassov (Istoriograficheskie ocherki, kriticheskie zametki i stat'i)*. Vyp. 2 [Historical science and the class struggle (Historiographical essays, critical notes and articles). Issue 2]. M.; L.: Sotsekgiz, 1933 b, 449 p. [in Russian].

Pokrovsky M.N. N.A. Rozhkov (Stenogramma doklada na zasedanii O-va istorikov-marksistov ot 14 fevralia 1927 g., posviashchennaia pamiati N.A. Rozhkova) [N.A. Rozhkov (Transcript of the report at the meeting of the Society of the historians-Marxists on February 14, 1927, dedicated to the memory of N.A. Rozhkov)]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1927, Vol. 4, pp. 180–186 [in Russian].

Rozhkov N.A. *Izbrannye trudy* [Selected works]. M.: ROSSPEN, 2010, 736 p. [in Russian].

Rozhkov N.A. *K metodologii istorii promyshlennykh predpriatii (Stenogramma doklada na zasedanii 9 apreliia 1926 g.)* [On the methodology of history of industrial enterprises (Transcript of the report at the meeting on April 9, 1926)]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1927 a, Vol. 2, pp. 210–235 [in Russian].

Rozhkov N.A. *Prokhorovskaia manufaktura za pervye 40 let ee sushchestvovaniia* [Prokhorov manufactory for the first 40 years of its existence]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1927 b, Vol. 6, pp. 79–110 [in Russian].

Rozhkov N.A. *Russkaia istoriia v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii: v 12 t.* [Russian history in comparative-historical light: in 12 Vols.]. M.; L.: Kniga, 1928, Vol. 12, 396 p. [in Russian]

Sidorov A.L. *Istoriicheskie vzgliady N.A. Rozhkova. K vykhodu novogo izdaniia 12 tomov «Russkoi istorii v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii»* [Historical views of N.A. Rozhkov. To the release of the new edition of 12 volumes of «Russian history in comparative-historical coverage»]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1929, Vol. 13, pp. 184–220 [in Russian].

Stepanov N.N. [Review] M. Tsvibak. *Rozhkov-istorik. Tashkent, 1927* [M. Tsvibak. Rozhkov-historian. Tashkent, 1927]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1928, Vol. 9, pp. 183–187 [in Russian].

Tezisy fraktsii soveta obshchestva istorikov-marksistov «O zadachakh marksistskoi istoricheskoi nauki v rekonstruktivnyi period» [Abstracts of historians-Marxists society faction «On the problems of Marxist historical science in the reconstruction period»]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1931, Vol. 21, pp. 8–17 [in Russian].

Trudy Pervoi Vsesoiuznoi konferentsii istorikov-marksistov [Proceedings of the First all-Union conference of Marxist historians]. M.: Izd-vo Kom. Akad., 1930, Vol. 1, 558 p. [in Russian].

Shestakov A.V. M.N. Pokrovskii-istorik-marksist (K 60-letiiu so dnia ego rozhdeniia) [M.N. Pokrovsky – historian-Marxist (On the 60th anniversary of his birth)]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1928, Vol. 9, pp. 3–17 [in Russian].

Iubilei Pokrovskogo (Obzor gazet) [Anniversary of Pokrovsky (Review of newspapers)]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1928, Vol. 10, pp. 262–273 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-26-32
УДК 614.2: 94 (47143)

Дата поступления статьи: 12/III/2018
Дата принятия статьи: 15/IV/2018

В.Ю. Кузьмин

УЧАСТИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА В ДЕЛЕ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ВОИНАМ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1916 ГГ.)

© *Кузьмин Владимир Юрьевич* – доцент, кафедра истории Отечества, медицины и социальных наук, Самарский государственный медицинский университет, 443013, Российская Федерация, г. Самара, ул. Тухачевского, 226.
E-mail: boss.mista@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4295-6003>

АННОТАЦИЯ

Оказание помощи больным и раненым воинам является одной из актуальных проблем отечественной истории. В годы Первой мировой войны ее оказывало не только государство, но и общественные организации. В статье рассматривается участие Всероссийского земского союза в деле оказания медицинского обслуживания воинов. Доказывается, что именно Всероссийский земский союз являлся ведущей общественной организацией, координирующей деятельность органов земского местного самоуправления в сфере медицинского обеспечения русской армии.

Трудности в изучении данной темы обусловлены состоянием источниковой базы. При подготовке статьи были использованы архивные источники, земские периодические издания, отчеты и очерки деятельности общественных организаций. Основой источниковой базы стали неопубликованные архивные материалы из фондов Российского государственного военно-исторического архива, Центрального государственного архива Самарской области и Государственного архива Ульяновской области.

Доказано, что созданный летом 1914 г. Всероссийский земский союз активно включился в решение главных социально-экономических задач по удовлетворению нужд солдат и офицеров – участников Первой мировой войны. Он налаживал взаимоотношения с региональными органами земского самоуправления, а также с Российским обществом Красного Креста. Показано, что структура союза была широко представлена как в центре, так и на местах. В его работе имелись как успехи, так и недостатки. Но последние не снижали ценности деятельности данного союза в сфере организации лечения воинских чинов. В результате взаимодействия указанных общественных организаций уровень и качество лечения раненых заметно улучшились.

Ключевые слова: Первая мировая война, Всероссийский земский союз, солдаты, офицеры, госпитали.

Цитирование. Кузьмин В.Ю. Участие Всероссийского земского союза в деле оказания медицинской помощи воинам в период Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-26-32>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

V.Yu. Kuzmin

PARTICIPATION OF THE ALL-RUSSIAN ZEMSTVO UNION IN THE DELIVERY OF THE HEALTH CARE TO SOLDIERS DURING WORLD WAR I (1914–1916)

© *Kuzmin Vladimir Yuryevich* – assistant professor, Department of National History, Medicine and Social Sciences, Samara State Medical University, 226, Tukhachevsky Street, Samara, 443013, Russian Federation.
E-mail: boss.mista@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4295-6003>

ABSTRACT

Assisting the sick and wounded soldiers is one of the pressing problems of our country's history. During the First World War, it was provided not only by the state, but also by public organizations. The article considers the participation of the All-Russian Zemsky Union in the provision of medical services to soldiers. It is proved that it was the All-Russian Zemsky Union that was the leading public organization coordinating the activity of the local self-government bodies in the sphere of medical support of the Russian army.

Difficulties in studying this topic are due to the state of the source base. During the preparation of the article archival sources, zemstvo periodicals, reports and essays of the activity of public organizations were used. The basis of the source base was unpublished archival materials from the funds of the Russian State Military Historical Archive, Central State Archive of the Samara Region and State Archives of the Ulyanovsk Region.

It is proved that the All-Russian Zemsky Union, created in the summer of 1914, actively joined in solving the main socio-economic tasks to meet the needs of soldiers and officers participating in the First World War. It established relations with regional self-government bodies, as well as with the Russian Red Cross Society. It is shown that the structure of the Union was widely represented both in the center and at the local level. The Russian government, based on legal legislation, gave it a legalized status, and in the general system of state institutions it was not given the last place. The All-Russian Zemstvo Union, endowed with specific powers, began to represent a significant political force. The government, recognizing the sufficient competence of the Zemstvo Union in the matter of rendering assistance to the sick and wounded soldiers, allocated considerable amounts of money to it. In its work there were both successes and shortcomings. But, the latter did not reduce the value of the activities of this public organization in the sphere of organizing the treatment of military ranks. As a result of the interaction of these public organizations, the level and quality of the treatment of the wounded improved noticeably.

Key words: World War I, All-Russian Zemstvo Union, soldiers, officers, hospitals.

Citation. Kuzmin V.Yu. *Uchastie Vserossiiskogo zemskogo soiuz v dele okazaniia meditsinskoi pomoshchi voenam v period Pervoi mirovoi voyny (1914–1916 gg.)* [Participation of the All-Russian Zemstvo Union in the delivery of health care to soldiers during World War I (1914–1916)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 26-32. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-26-32>.

Оказание помощи больным и раненым воинам является одной из актуальных страниц отечественной истории. В период Первой мировой войны ее оказывало как государство, так и общественные организации. «Политика имперской России в социальной сфере», как подчеркивается в литературе, всегда вызывала и «будет вызывать споры и желание подвергнуть те или иные взгляды критической проверке» [Артамонова, с. 905]. В настоящее время историки активно изучают и подчеркивают важную роль, которую играл в военные годы Всероссийский земский союз [Баженова], в том числе в деле медицинского [Василенко] и санитарного обеспечения воинских чинов [Ковальская].

Эта деятельность в Самарском регионе и Среднем Поволжье накануне и в период войны также стала темой статей [Артамонова, 2017; Артамонова, 2013] и была затронута в коллективных работах [История Самары...; «Обретение Родины»...; Первая мировая война...; Поволжье – «внутренняя окраина России»]. Однако не все ее аспекты достаточно изучены, что вызвало наше обращение к ней.

В настоящей статье использованы неопубликованные архивные источники из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО) и Государственного архива Ульяновской области (ГАУО). Актив-

но привлекались также материалы земских периодических изданий, отчеты и очерки деятельности земских и других общественных организаций.

25 июля 1914 г. Московская губернская земская управа внесла на рассмотрение экстренного собрания вопрос о создании несколько иной организации, чем общеземская, для обеспечения нужд раненых воинов. Спустя пять дней после собрания состоялся съезд представителей земств, констатировавший факт образования общеземского союза. В него вошли 42 губернских земства России, кроме Курского и области войска Донского, не имеющей земских учреждений, согласно специальному предписанию военного министерства.

Центральными органами Всероссийского земского союза стали совещание и комитет, а также местные губернские и земские комитеты. Главным его распорядительным органом явилось собрание представителей земств (по два от губернии). Центральное правление Всероссийского земского союза состояло из трех отделов: эвакуационного, заготовительного и отдела санитарных поездов.

Созданному союзу первоначально предназначались медицинские учреждения, которые подразделялись на лечебные — больницы, заразные бараки и отделения для беженцев, амбулатории, прививочные, перевязочные, врачебно-питательные и фельдшерские пункты; эпидемические отряды; рентгенологический, зубо-врачебный, электролечебный (физиотерапевтический) кабинеты; водолечебницы и аптеки. К санитарным учреждениям относились дезинтоксикационные отряды, бани, прачечные, асептизационные обозы. К учреждениям питания — питательные пункты, столовые и чайные. К транспортным — санитарные поезда и автоотряды, гаражи и конюшни. К учреждениям общественного призрения — патронаты для увечных, приюты и патронаты для взрослых беженцев и детей.

Из лабораторий Всероссийского земского союза функционировали бактериологическая, санитарная и зубо-врачебная. К разным учреждениям относились школы, общежития и солдатские лавки [Учреждения Всероссийского Земского союза, с. 32].

Всероссийский земский союз сначала выполнял функции «подсобного» учреждения, а затем в период активизации военных действий развернул интендантскую деятельность. Кроме того, он создавал госпитали, санитарные поезда и передовые врачебно-питательные отряды, а также оказывал помощь местному населению во время голода. Всероссийский союз городов выполнял аналогичные задачи. В связи с этим между ними возникла конкуренция. В целом же государственная власть отнеслась к возникшим организациям недоверчиво, что, в свою очередь, препятствовало выполнению важных мероприятий по оказанию помощи воинам и развитию санитарного состояния на фронте и в тылу [Учреждения Всероссийского Земского союза, с. 4].

Позднее медико-хозяйственные учреждения Всероссийского земского союза оказались не только

разбросанными на огромной территории империи, но и отдаленными от передовой линии фронта, что создавало ряд неудобств при оказании помощи больным и раненым воинам. Это послужило поводом для разделения Главным комитетом Всероссийского земского союза (1916 г.) всех учреждений на следующие категории: учреждения, состоящие в ведении фронтовых комитетов, а также находящиеся в губерниях, входящих в район театра боевых действий: Витебской, Киевской, Минской, Могилевской, Подольской, Псковской, а также в Закавказье; передовые отряды земского союза; организации окопных рабочих и дружин; эпидемические отряды внутреннего района империи; учреждения, находящиеся во внутреннем районе империи [Учреждения Всероссийского Земского союза, с. 7].

Всероссийский земский союз активно включился в решение главных социально-экономических задач по удовлетворению нужд солдат и офицеров — участников Первой мировой войны, а также по формированию постоянно действующих комитетов. Он налаживал взаимоотношения с региональными органами земского самоуправления и с Российским обществом Красного Креста.

Примером может служить совещание, прошедшее 17 января 1916 г. при его Главном комитете. На нем представители центрального военно-промышленного комитета и земских управ обсуждали насущные проблемы, касающиеся военного времени (РГВИА. Ф. 13251. Оп. 37. Д. 7. Л. 221).

В результате взаимодействия указанных общественных организаций уровень и качество лечения раненых заметно улучшились. Всероссийское общество Красного Креста в феврале 1915 г. «взяло под свой флаг» земский союз, тем самым расширив его юридические права, сделав Всероссийский земский союз авторитетным административным органом. Он отныне стал «публично-правовым союзом», построенным на договорном начале». Правительству, основываясь на правовом законодательстве, придало ему легализованный статус, а в общей системе государственных учреждений ему было отведено далеко не последнее место. Всероссийский земский союз, наделенный конкретными полномочиями, стал представлять заметную политическую силу. После роспуска IV Государственной думы он становится еще более значительной общественной организацией, что было крупной победой общественных элементов.

С 7 по 9 сентября 1915 г. состоялись съезды уполномоченных от земских и городских организаций. В их совместной резолюции была высказана мысль о сплочении всех в совместной деятельности по спасению Родины [Анненский, с. 167–178].

К 1915 г. Всероссийский земский союз располагал уже 171 519 кроватями; 44 постоянно курсировавшими земскими санитарными поездами; для раненых и больных воинов им было закуплено медикаментов на общую сумму 821 тыс. руб., а его

финансовый капитал составил 300 млн рублей, находящихся в обороте [Веселовский, с. 797].

Всероссийский земский союз в начале 1916 г. имел в своем распоряжении уже 3033 госпиталя с койками 1-го разряда в количестве 42 553, 2-го — 94 653 койки и 3-го — 8649 коек. К этому числу следует прибавить еще 5903 заразных и 10 819 специальных кроватей. К концу 1916 г. общее число коек достигло 194 786, а госпиталей — 4 тыс. На 1 октября этого же года четыре санитарных поезда Московского губернского комитета совершили 526 рейсов и транспортировали 183 639 раненых солдат и офицеров. На Северном, Западном, Юго-Западном и Кавказском фронтах раненых и больных воинов в январе-августе 1916 г. обслуживала 651 больница, подключались к этому и другие медицинские заведения [Учреждения Всероссийского Земского союза, с. 28–29].

Российское правительство, признавая достаточную компетенцию земского союза в деле оказания помощи больным и раненым воинам, ассигновало ему 100 млн руб., признавая тем самым, что его деятельность является лишь правом союза, а не обязанностью. Деньги выдавались безвозвратно. Административный надзор за расходом финансовых средств проводился в весьма гласных, открытых и благожелательных формах. Например, военным министром, согласно постановлению Совета министров, осуществлялся контроль с помощью межведомственного совещания под председательством одного из членов военного совета. Таким образом, в земской истории граница между государством, местными пользами и нуждами оставалась практически незаметной [Загряцков, с. 158].

Структура Всероссийского земского союза была представлена как в центре, так и на местах. В регионах функционировали комитеты вышеназванной общественной организации, взаимодействующие с главным комитетом, который рассылал в губернии империи рекомендательные письма о необходимости создания военных лечебных учреждений. Так, в августе 1914 г. в Смоленскую земскую управу и канцелярию губернатора поступило распоряжение указанного комитета о помощи больным и раненым воинам. Уже осенью было развернуто более 60 госпиталей, лазаретов и больничных учреждений. Например, 219-й запасной госпиталь на 210 кроватей в самом губернном центре, 269-й аналогичный госпиталь на 200 коек в Смоленском уезде, городской госпиталь, размещенный в торговой школе на 350 мест, госпиталь Всероссийского земского союза на 900 кроватей в Вязьме, одноименная переселенческая больница на 18 больных и раненых воинов, 3 лазарета военного ведомства, сеть госпиталей открылась по линии Красного Креста, по одному — Польско-Литовского, Евангелическо-Католического, Еврейского обществ, кооперативов Смоленской губернии и лазарет дворян А.А. Синягина и Н.Н. Лопатона [Смоленское земство, с. 23–24].

В Самаре и уездах губернии с 28 сентября 1914 г. по 20 октября 1915 г. работали 21 госпиталь и

9 лазаретов, а также больница для беженцев, которые были созданы при участии Красного Креста, губернского и уездных земств и городских дум. Распределение их по уездам было следующим: в Бузулукском функционировали 3 госпиталя, в Бугурусланском — 6 и в Ставропольском — 1. В списке врачей и заведующих госпиталями Самарского областного комитета в первом городском госпитале числились старшие врачи Н.С. Власов и А.А. Львов — оба по социальному происхождению дворяне, а также И.А. Аристов, находящийся в чине титулярного советника. Число раненых, проходивших лечение в самарских и уездных госпиталях за 1914–1915 гг., составило 8127 человек. К 1 января 1916 г. в губернном городе, включая период с августа 1914 г. по декабрь 1915 г., функционировали 27 госпиталей 1-го, 2-го, 3-го разрядов, а также в уездах — 13, из них 4 эпидемических госпиталя 2-го разряда. Число всех коек в госпиталях составило 2851 [Николаевский, с. 16].

В Самаре и уездных городах губернии к 1 января 1915 г. был открыт еще 21 госпиталь Всероссийского земского союза и 10 патронатов. В них насчитывалось 1188 коек, в том числе 882 — в губернном центре, 302 — в уездах [Пермяков, Кузьмин, с. 4].

Самарским губкомом указанного союза по причине переполненности распределителя (1916 г.), предназначенного для раненых, снятых с прибывших в город санитарных поездов, несмотря на сопротивление железнодорожной администрации, был организован дополнительный второй распределитель и 20-й лазарет губернского комитета Всероссийского земского союза.

На 1 декабря 1915 г. в 9-м лазарете Самары было установлено раненым 2642 диагноза, проведено 57 хирургических вмешательств: под хлороформным наркозом — 33 и под местным обезболиванием — 24. В общей сложности выполнено 5757 операций и сделано 1599 перевязок военнослужащим (ГАУО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 13. Л. 23).

К 20 апреля 1916 г. только в Самаре насчитывалось уже 94 эвакуационных лечебных военных учреждения. В письме Самарского губернского комитета в Главный комитет Всероссийского земского союза по оказанию помощи больным и раненым воинам от 16 мая 1916 г. указывалось, что, отвечая на телеграфный запрос «Комитета помощи пострадавшим на войне» от 5 мая этого же года, его самарский губком считает нужным сообщить о формировании плавучего госпиталя. В этом принимали участие Губернский комитет Всероссийского земского союза, Самарский областной комитет Союза городов, местное отделение Красного Креста речного судоходства. Для лазарета вместимостью на 250 коек предназначался один из пароходов Восточного общества, совершающий рейсы между Астраханью и Нижним Новгородом. На создание плавучего лазарета-санатория «испрошено соизволения Его Императорского Высочества прин-

ца Ольденбургского». Данная традиция берет свое начало со времен Русско-японской войны.

Губернские комитеты ВЗС занимались обеспечением лечебных учреждений перевязочными материалами и продуктами питания. Например, 24 августа 1916 г. Самарский комитет направил «отношение» в медико-санитарный отдел Всероссийского земского союза. В нем говорилось: «Для вновь открытых лазаретов в Мелекесе и с. Обшаровке необходимы автоклавы для стерилизации перевязочного материала, почему Самарский губернский комитет просит выслать один из указанных аппаратов на станцию Обшаровка Самаро-Златоустовской железной дороги на имя врача Д.А. Гончарова, а второй – в Мелекес на имя городского головы Маркова, об их поставке благоволите уведомить губком». Главный комитет Всероссийского земского союза 29 июня 1916 г. адресовал письмо в Самарский губернский комитет данной общественной организации следующего содержания: «Вследствие отсутствия на местных рынках достаточного количества сахара, в Главный Комитет от уездных земских должны поступать обоснованные требования на его получение...» (ЦГАСО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 7. Л. 8).

В военных медицинских учреждениях Всероссийского земского союза имелись сложности по организации лечения воинов. Согласно журнальным записям Главного комитета Всероссийского земского союза, состоялся доклад уполномоченного указанного комитета, заведующего первым передовым врачебно-питательным отрядом Юго-Западного фронта армии Н.М. Родзянко. На основании 10-месячного опыта работы отряда в Галиции он познакомился с условиями деятельности медико-санитарных учреждений: военного ведомства, российского общества Красного Креста и различных общественных организаций, а также сделал обзор работы своего отряда. В этом обзоре отмечалось, что медико-санитарные учреждения находились в распоряжении дивизии, но полевые перевязочные пункты были оснащены отвратительно. Отсутствовали не только перевязочный материал, но и средства для транспортировки раненых, марля и вата были стерилизованы несколько лет тому назад, санитары делали перевязки солдатам и офицерам на «четыре санитарных линейках» (кораблях), которые останавливались в грязи и не двигались.

От военнослужащих поступали жалобы на плохое обслуживание, питание, обращение с ними медицинских служащих. Например, в штаб 6-й армии 31 декабря 1915 г. было направлено письмо солдата 2-й роты 177 запасного батальона о частых болезнях и о недостаточной врачебной и фельдшерской помощи. Генерал-квартирмейстер штаба той же армии в феврале 1916 г. уведомил начальника штаба Петроградского военного округа о заявлениях солдат на низкое качество лечения в госпиталях. Тот же воинский чин 4 февраля с. г. со-

общил указанному начальнику и препроводил ему письменное недовольство воинов со сведениями об инфекционных заболеваниях, «беспорядках» в больнице и тягостях жизни. Прифронтовые медицинские заведения находились в антисанитарном состоянии, о чем свидетельствует информация от солдата 179-го пехотного запасного батальона, датированная 16 февраля 1916 г.: «Мрут как мухи, повальный брюшной тиф свирепствует... Спим всю ночь на одном боку, что нельзя повернуться. Грязь, сырость и несправедливость со всех сторон, так что не боюсь отправиться на позицию скорей, чем терпеть эту грязь и жизнь, какая нам дана в казармах. Отвратительное питание» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 5. Д. 1. Л. 1).

В работе союза были выявлены и другие серьезные просчеты, несколько подрывающие авторитет как данной общественной организации, так и государственной власти России. В противостоянии друг другу даже в условиях военного времени, «к сожалению, самодержавие и общественность не шли на взаимоприемлемые уступки по многим вопросам» [Смирнов, с. 878]. Так, 3 июля 1915 г. генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии Романовский направил «отношение» начальнику штаба 4-го армейского корпуса Миллюдновичу, в котором говорилось об удалении из прифронтовой полосы представителя ВЗС по подозрению его в принадлежности к левым партиям.

Аналогичное отделение Западного фронта в конце декабря 1916 г. распространило информацию об аресте членов Закавказского комитета ВЗС. Поводом для этого послужило их вмешательство в политическую борьбу, а также роспуск указанного комитета и создание временной коллегии управления ВЗС. В связи с этим событием 23 декабря этого же года его главноуполномоченный Щеткин подал протест-опровержение. Таким же отделением штаба главнокомандующего Западного фронта были выявлены революционные и неправомерные настроения среди служащих ВЗС (РГВИА. Ф. 12618. Оп. 1. Д. 8. Л. 6–7).

Таким образом, одной из важнейших задач земской медицины в период Первой мировой войны было медицинское обеспечение больных и раненых воинов. Решающая роль в ее реализации принадлежала Всероссийскому земскому союзу. В его деятельности имелись как успехи, так и недостатки. Однако последние не снижали ценности деятельности данной общественной организации в сфере организации лечения воинских чинов.

Библиографический список

Artamonova L.M. Modernization of «Collective Beliefs» and «Cultural Capital» in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41–1 (3). С. 899–907. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27169730>.

Анненский А.Ю. Всероссийский земский союз // Земское дело. 1916. № 4. С. 167–178.

Артамонова Л.М. Замысел Дома инвалидов в общественной и культурной жизни провинциального города периода Первой мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23. № 2. С. 14–18. URL: <http://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/5214/5066>.

Артамонова Л.М. Организация в Самарской губернии помощи жертвам войны 1912–1913 годов на Балканах // Наука и культура России. 2013. Т. 1. С. 12–15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21843098>.

Баженова К.Е. Отечественная историография Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов: этапы и итоги исследований // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 3. С. 126–138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennaya-istoriografiya-vserossiyskogo-zemskogo-soyuza-i-vserossiyskogo-soyuza-gorodov-etapy-i-itogi-issledovaniy>.

Василенко В.В. Медицинская деятельность Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов на Западном фронте в 1915–1917 гг. // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2017. № 17–1. С. 32–38. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/184991>.

Веселовский Б.Б. Годовщина деятельности Всероссийского земского союза // Земское дело. 1915. № 13–14. С. 797.

Загряцков М.Д. Всероссийский Земский союз. (Общие принципы организации и юридическая природа). Петроград, 1915.

История Самары (1586–1917) / П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева, Л.М. Артамонова, Е.П. Барина, Н.Н. Кабытова, М.И. Леонов, П.И. Савельев, Ю.Н. Смирнов, В.А. Тюрин. Самара, 2015.

Ковальская Г.Б. Работа Всероссийского Земского Союза на Западном фронте по организации банно-прачечного дела // Первая мировая война. Взгляд спустя столетие: материалы ежегодной Междунар. научно-практич. конф. М., 2016. Т. 2. С. 375–377. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30457309>.

Николаевский Н.Ф. Исторический очерк деятельности Самарского областного комитета помощи больным и раненым воинам по 1 января 1916 г. / Всероссийский союз городов. Самара, 1917.

«Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Часть 1. Очерки истории. Самара, 2013.

Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье / Е.П. Барина, С.В. Белоусов, И.В. Двухжилова, М.М. Есикова, Н.Н. Кабытова, П.С. Кабытов, К.В. Самохин, О.А. Сухова. М., 2015.

Пермяков С.Е., Кузьмин П.Л. Краткий очерк деятельности Самарского Комитета помощи больным и раненым по 1 января 1915 г. Самара, 1916. С. 4.

Поволжье — «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI — начало XX в.) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2007. 328 с.

Смирнов Ю.Н. Российская империя: от колонизации до революции // Quaestio Rossica. 2017.

Т. 5. № 3. С. 869–881. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2017.3.255>.

Смоленское земство: Очерки истории и практической деятельности. Смоленск, 1998.

Учреждения Всероссийского Земского союза. Октябрь 1916 г. М., 1917.

References

Artamonova L.M. Modernization of «Collective Beliefs» and «Cultural Capital» in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society. *Bylye Gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal* [Bylye Gody. Russian Historical Journal], 2016, no. 41-1 (3), pp. 899–907. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27169730> [in Russian].

Annensky A.Yu. *Vserossiiskii zemskii soiuz* [All-Russian zemstvo union]. *Zemskoe delo*, 1916, no. 4, pp. 167–178 [in Russian].

Artamonova L.M. *Zamyсел Doma invalidov v obshchestvennoi i kulturnoi zhizni provintsialnogo goroda perioda Pervoi mirovoi voiny* [The idea of the Disabled People's House in the social and cultural life of the provincial town during the First World War]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2017, Vol. 23, no. 2, pp. 14–18. Available at: <http://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/5214/5066> [in Russian].

Artamonova L.M. *Organizatsiia v Samarskoi gubernii pomoshchi zhertvam voiny 1912–1913 godov na Balkanakh* [Organization in the Samara province of assistance to the victims of the war of 1912–1913 in the Balkans]. *Nauka i kultura Rossii* [Science and Culture of Russia], 2013, Vol. 1, pp. 12–15. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21843098> [in Russian].

Bazhenova K.E. *Otechestvennaia istoriografiia Vserossiiskogo Zemskogo Soiuz a i Vserossiiskogo Soiuz a Gorodov: etapy i itogi issledovaniia* [Russian historiography of All-Russian Zemstvo Union and All-Russian Union of Cities: stages and results of their research]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2010, no. 3, pp. 126–138. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennaya-istoriografiya-vserossiyskogo-zemskogo-soyuza-i-vserossiyskogo-soyuza-gorodov-etapy-i-itogi-issledovaniy> [in Russian].

Vasilenko V.V. *Meditinskaiia deiatel'nost Vserossiiskogo Zemskogo Soiuz a i Vserossiiskogo Soiuz a Gorodov na Zapadnom fronte v 1915-1917 gg.* [Medical activity of the All-Russian Zemstvo Union and All-Russian Union of Cities on the Western front in 1915–1917]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly* [Scientific works of the Republican Institute of Higher Education], 2017, no. 17-1, pp. 32–38. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/184991> [in Russian].

Veselovskiy B.B. *Godovshchina deiatel'nosti Vserossiiskogo zemskogo soiuz a* [Anniversary of all-Russian Zemstvo Union]. *Zemskoe delo*, 1915, no. 13–14, p. 797 [in Russian].

Zagryatskov M.D. *Vserossiiskii Zemskii soiuz. (Obshchie printsipy organizatsii i iuridicheskaiia priroda)* [All-Russian Zemstvo Union. (General principles of

- organization and legal nature). Petrograd, 1915 [in Russian].
- Istoriia Samary (1586–1917)*. P.S. Kabytov, E.L. Dubman, O.B. Leontieva, L.M. Artamonova, E.P. Barinova, N.N. Kabytova, M.I. Leonov, P.I. Saveliev, Iu.N. Smirnov, V.A. Tiurin [P.S. Kabytov, L.M. Artamonova, E.P. Barinova, N.N. Kabytova, M.I. Leonov, Yu.N. Smirnov, V.A. Tyurin. History of Samara (1586–1917)]. Samara, 2015 [in Russian].
- Kovalskaya G.B. *Rabota Vserossiiskogo Zemskogo Soiuzna na Zapadnom fronte po organizatsii banno-prachechnogo dela* [Work of the All-Russia Zemstvo Union at the Western front on organization of bath and laundry business]. In: *Materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pervaia mirovaia voina. Vzgliad spustia stoletie»* [Materials of the annual International research and practical conference «First World War. Look after a century»]. M., 2016, Vol. 2, pp. 375–377. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30457309> [in Russian].
- Nikolayevsky N.F. *Istoricheskii ocherk deiatelnosti Samarskogo oblastnogo komiteta pomoshchi bolnym i ranenym voenam po 1 ianvaria 1916 g.* [Historical outline of activities of the Samara Regional Committee for Assistance to Sick and Wounded Warriors on January 1, 1916. All-Russia Union of Cities]. Samara, 1917 [in Russian].
- «Obretenie Rodiny»: *obshchestvo i vlast v Srednem Povolzh'e (vtoraia polovina XVI — nachalo XX v.)*. Pod red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana, O.B. Leontievoi. *Chast' I. Ocherki istorii* [«The acquisition of the Motherland»: society and power in the Middle Volga Region (second half of the 16th – early 20th century). P.S. Kabytov, E.L. Dubman, O.B. Leontieva (Eds.). Part 1. Essays on history]. Samara, 2013 [in Russian].
- Pervaia mirovaia voina i voenno-mobilizatsionnye meropriiatiia v Srednem Povolzh'e i Tsentralnom Chernozem'e*. E.P. Barinova, S.V. Belousov, I.V. Dvukhzhilova, M.M. Esikova, N.N. Kabytova, P.S. Kabytov, K.V. Samokhin, O.A. Sukhova. The First World War and military mobilization measures in the Middle Volga region and in the Central Black Earth Region]. M., 2015 [in Russian].
- Permyakov S.E., Kuzmin P.L. *Kratkii ocherk deiatelnosti Samarskogo Komiteta pomoshchi bolnym i ranenym po 1 ianvaria 1915 g.* [A brief sketch of activities of the Samara Committee for aid to the sick and wounded on January 1, 1915]. Samara, 1916, p. 4 [in Russian].
- Povolzh'e — «vnutrenniaia okraina» Rossii: gosudarstvo i obshchestvo v osvoenii novykh territorii (konets XVI — nachalo XX vv.)*. Pod red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana [The Volga Region is the «inner edge» of Russia: state and society in the development of new territories (late 16th – early 20th centuries). P.S. Kabytov, E.L. Dubman (Eds.)]. Samara, 2007, 328 p. [in Russian].
- Smirnov Yu.N. Rossiiskaia imperiia: ot kolonizatsii do revoliutsii [The Russian Empire: from colonization to revolution]. *Quaestio Rossica*, 2017, Vol. 5, no. 3, pp. 869–881. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2017.3.255> [in Russian].
- Smolenskoe zemstvo: Ocherki istorii i prakticheskoi deiatelnosti* [Smolensk Zemstvo: Essays of history and practice]. Smolensk, 1998 [in Russian].
- Uchrezhdeniia Vserossiiskogo Zemskogo soiuzna. Oktiabr' 1916 g.* [Institutions of All-Russian Zemstvo Union. October 1916]. M., 1917 [in Russian].

Б.В. Колесников

М.Р. ШТЕФАНИК И СЛОВАЦКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

© Колесников Борис Валерьевич – научный сотрудник, Волгоградский краеведческий музей, 400131, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Ленина, 7; аспирант кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Университетский, 100.
E-mail: boryanVolg34@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0539-0688>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена известному общественному, политическому деятелю Милану Растиславу Штефанику, одному из основателей Чехословацкого государства, его роли в развитии словацкого национального движения. Национальные взгляды М.Р. Штефаника уходят корнями в напряженную межэтническую обстановку в Словакии и предшествовавшую традицию борьбы за национальные права. Автор показывает, что национальные убеждения М.Р. Штефаника сформировались в раннем детстве под влиянием видных борцов за национальные права словаков, среди которых были его родные. Обосновывается, что еще в студенческие годы М.Р. Штефаник осознал, что достижение словаками национальной самостоятельности возможно только в союзе с чешским национальным движением. В связи с этим предпринята попытка раскрыть суть чехословакистского мировоззрения М.Р. Штефаника и проследить практическое воплощение этой идеи в его политической деятельности. Статья упоминает, что М.Р. Штефаник активно действовал в русле национального движения еще до создания Чехословацкого национального совета, а после стал в нем представителем от словаков. В статье доказывается, что М.Р. Штефаник сыграл ведущую роль в словацком национальном движении начала XX в. и под влиянием политической позиции Т.Г. Масарика способствовал объединению словаков с чехами в целях создания общего государства. Для достижения цели М.Р. Штефаник добивался единства словацкого движения с чешским, при этом выступая за равноправие чехов и словаков. Деятельность М.Р. Штефаника была направлена на то, чтобы в Чехословацком государстве максимально полно были реализованы национальные права словаков.

Ключевые слова: М.Р. Штефаник, словаки, национальное движение, Словакия, создание государства.

Цитирование. Колесников В.Б. М.Р. Штефаник и словацкое национальное движение // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 33–38. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-33-38>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-33-38
UDC 323.1(437.6):9

Submitted: 10/III/2018
Accepted: 15/IV/2018

B.V. Kolesnikov

M.R. ŠTEFANIK AND THE SLOVAK NATIONAL MOVEMENT

© Kolesnikov Boris Valerievich – research associate, Volgograd Regional Museum of Local Lore, 7, Avenue Lenina, Volgograd, 400131, Russian Federation; post-graduate student of the Department of International Relations, Politology and Region Studies, Volgograd State University, 100, Universitetskii Avenue, Volgograd, 400062, Russian Federation. E-mail: boryanVolg34@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0539-0688>

ABSTRACT

The article presents a review of Milan Rastislav Štefanik, famous political and public figure, one of the founders of the Czechoslovak state, and his contribution to the development of the Slovak national movement. M.R. Štefanik's national views were rooted in ethnic tension in Slovakia and previous tradition of struggle for national rights. The author shows that his national convictions was formed in childhood and was influenced by famous fighters for Slovak national rights, who included his relatives. The article proves that when M.R. Štefanik was a student, he recognized, that achievement of Slovak national independence was possible only in alliance with Czech national movement. The article gives an attempt to reveal an essence of M.R. Štefanik's Czechoslovakist viewpoint and trace a practical realization of this concept in his political activity. It is mentioned about M.R. Štefanik's active actions before creation of the Czechoslovak National Council. After it he became Slovak representative. It was shown how Milan Rastislav Štefanik assisted to create Czech and Slovak military detachments. According to the article, it greatly contributed to the process of unification of both Czech and Slovak national movements. Milan Rastislav Štefanik believed that only politically and economically allied with Czechs, Slovaks can be free and independent nation. The article proves M.R. Štefanik's decisive role in the Slovak national movement in the early XX century. It also proves that he was influenced by T.G. Masaryk's political theory and he assisted to unifications of Slovak and Czechs for the purpose of creation of common state. To achieve the goal M.R. Štefanik tried to unify Slovak and Czech movements, simultaneously he fought for equal rights for Czechs and Slovaks. M.R. Štefanik's activity was aimed to fully realize Slovak national rights in common Czechoslovak state. M.R. Štefanik tried to defend his own view on Slovak future in the common state.

Key words: M.R. Štefanik, Slovaks, national movement, Slovakia, establishment of state.

Citation. Kolesnikov V.B. *M.R. Štefanik i slovatskoye natsional'noye dvizheniye* [M.R. Štefanik and the Slovak national movement]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 33–38. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-33-38>.

Милан Растислав Штефаник (21 июля 1880 – 4 мая 1919) – выдающийся исторический деятель, ученый, дипломат, политик, генерал, один из создателей Чехословацкой республики. Вся его жизнь была связана с чехословацким национальным движением.

Имя этого выдающегося человека россиянам мало знакомо, о чем свидетельствуют неоднократно проводимые автором статьи опросы школьников, студентов и различных категорий взрослого населения. Изучение жизни и деятельности М. Штефаника дает возможность углубить и переосмыслить наши знания об исторических событиях, связанных с его именем. Исследование приобретает особую актуальность в связи со 100-летием образования Чехословацкой республики и 25-летием создания независимой Словакии.

Цель работы: выяснить роль национальных взглядов М.Р. Штефаника и его деятельности в словацком национальном движении.

Новизна работы в том, что в ней впервые деятельность М.Р. Штефаника рассматривается в контексте словацкого национального движения.

В качестве источников использованы: правительственные и административные документы [Материалы наблюдений...; Musil, Biagini], официальная дипломатическая документация [Документы по истории советско-чехословацких отношений; Šolle; Vznik Československa 1918], документы общественных организаций [Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус], мемуарные источники [Beneš; Janin], эпистолярные источники [Ferenčuhová].

Славянские народы Австро-Венгерской монархии еще в XIX в. начали требовать тех же прав, что у австрийцев и венгров. Национальные требования словацкого народа в 1848 г. были сформулированы Л. Штуром, Й.М. Гурбаном и М.М. Годжей [Fuska, p. 22]. Они провозгласили принципы сосуществования различных народов и этнических меньшинств в Венгерском королевстве. Требова-

ния предполагали признание словацкого флага, использование словацкого языка в местных органах власти, судах и школах. Но тогда национальные притязания словаков разбились о националистические и даже шовинистические амбиции венгерской знати во главе с Л. Кошутом. Лайош Кошут решительно боролся за национальные права венгров и при этом столь же решительно выступал против равных прав для остальных невенгерских национальностей Венгерского королевства. Тем самым были заложены основы для дальнейшей межэтнической напряженности, которая впоследствии привела Австро-Венгрию к распаду. Подобная обстановка межнациональной розни и национальной дискриминации словаков наложила отпечаток на формирование политических взглядов М.Р. Штефаника.

Милан Растислав Штефаник родился 21 июля 1880 года в деревне Кошариска у Брезовой-под-Брадлом в семье Павла Штефаника евангелического священника, который был словацким патриотом, славянофилом и в этом духе воспитывал детей. Он родился в условиях ухудшения социальной обстановки, но его семью спланивало сильное национальное чувство; личное мнение и чувство справедливости играли в ней важную роль [Fuska, p. 19].

Штефаников часто посещал Йозеф Мирослав Гурбан, выдающийся деятель словацкого национального возрождения, один из создателей словацкого литературного языка, поэт, публицист. В беседах с ним речь шла о борьбе за независимость Словакии, о роли России в деле освобождения словаков. В этом прослеживаются истоки национальной и славянской ориентации М.Р. Штефаника, его постоянной заинтересованности в политическом и экономическом развитии словаков [Гусар, с. 20].

В гимназии в Сарваше Милан ощутил несправедливость по отношению к словакам. В 1896 году он вступил в конфликт с учениками-венграми, которые требовали, чтобы он воздал почести Лайошу Кошуту. М. Штефаника собирались сбросить с балкона, если он не откажется от своих национальных убеждений [Fuska, p. 22]. С такими примерами недостойного отношения к словакам со стороны венгров он встречался неоднократно. Например, возвращаясь в Братиславу из России в 1907 году, он ехал в одном вагоне с депутатами венгерского парламента. Они ему угрожали, запрещая говорить по-словацки [Kováč, p. 27].

М.Р. Штефаник понял, что венгерский шовинизм никогда не допустит признания других национальностей. Он опасался, что словацкий народ, его язык и культура могут быть полностью ассимилированы. По этой причине он пришел к выводу, что распад монархии — это единственный возможный путь к решению проблем этнических меньшинств Австро-Венгрии.

Во время учебы в Праге Милан Штефаник познакомился с «гласистами», выпускавшими еженедельник Павла Благи «Глас» и защищавшими идею единства чешского и словацкого народов [Серапи-

онова, с. 357]. Их программа была основана на культурном единстве чехословацкого народа. Милан стал членом Детвана — объединения словацкой молодежи в Праге, ставившего целью организационное сплочение и поддержку словацких студентов в Чешских землях. В это же время он стал посещать лекции Томаша Масарика. Вдохновленный идеями Т.Г. Масарика, он был убежден, что за освобождение Словакии надо бороться вместе с Чехией. В основу национального мировоззрения Милана Р. Штефаника легла концепция чехословакизма — идея о культурной и этнической близости чешского и словацкого народов, о необходимости экономического единства и общего государства.

До начала Первой мировой войны Милан Штефаник стал астрономом, проводил исследования во Франции и наблюдения на Монблане, в Медоне, Бразилии, Испании, Эквадоре, России, на Тихом океане и в Африке. Став гражданином Франции, он одновременно с научными задачами выполнял важные правительственные поручения, проявив при этом незаурядный дипломатический талант. Но даже во время экспедиций он не терял связи со своими соотечественниками, устанавливал контакты с ними по всему миру.

1914–1918 годы стали поворотными в судьбе М.Р. Штефаника. Он оставил свою научную работу и занялся военной, политической и дипломатической деятельностью. В этот период он прошел путь от солдата и военного летчика до генерала.

С начала Первой мировой войны М.Р. Штефаник стал военным пилотом, летал на самолетах типа Фарман, в полетах проявил храбрость и отвагу. Свое пребывание в армии он старался использовать для организации движения чехов и словаков с целью создания условий для переустройства Центральной Европы. Он пытался убедить французских журналистов, политиков, дипломатов, что создание самостоятельного чехословацкого государства в Центральной Европе будет в интересах антинемецкой политики союзников. М.Р. Штефаник видел в войне возможность для угнетенных славянских народов обрести независимость [Kautský, p. 111]. В австро-венгерской армии было много чехов, словаков, поляков, словенцев, хорватов и сербов, которые должны выступить против своих угнетателей. В апреле и мае 1916 года в Италии он совершил полеты над линиями врага, выпустив тысячи листовок, которые призывали чехов, словаков и других славян переходить от врага на итальянскую сторону [Musil, Biagini, p. 9].

Широчайшую известность принесла ему политическая деятельность. М.Р. Штефаник был знаком с политиками, финансистами, его приглашали в салоны аристократов. 13 декабря 1915 года М.Р. Штефаник познакомился с Э. Бенешем и рассказал ему о своих планах «чехословацкого дела». В беседах с Т.Г. Масариком и Э. Бенешем М.Р. Штефаник призывал к переходу от общих деклараций к прямым переговорам с представителями Антанты, к созданию официального политического органа

будущего государства, Национального совета, первоначально чешского, позднее чешско-словацкого, как центрального органа чешско-словацких движений во всем мире [Musil, Biagini, p. 6].

В июле 1915 года в Париже был создан Чешский заграничный комитет, который благодаря активности М.Р. Штефаника был переименован в феврале 1916 года в Чехословацкий национальный совет (ЧСНС). Его председателем стал Т.Г. Масарик, заместителями – М.Р. Штефаник и Й. Дюрих, генеральным секретарем был избран Э. Бенеш. М.Р. Штефаник, имевший широкие связи в высших слоях французского общества, содействовал контактам первого политического представительства будущего государства с французской дипломатией и другими государственными структурами, а затем и с дипломатиями других стран.

М.Р. Штефанику была поручена трудная задача – формировать из словаков и чехов добровольческие воинские части в Европе, США и особенно в России, где находилось наибольшее число пленных соотечественников – 200–250 тыс. человек, из них примерно 100 тыс. человек – словаков [История Словакии, с. 22].

В России он стал свидетелем острого кризиса, охватившего словацкое и чешское национальное движение. Среди многочисленных чехов и словаков, которые добровольно сдавались в плен своим славянским братьям, осуществляли деятельность различные политические организации и землячества, но между этими обществами, особенно Киевским и Петроградским, не было единства взглядов и взаимопонимания. Споры касались как чехословацкой политики в целом, так и признания ведущей роли Т.Г. Масарика в заграничном сопротивлении [Juríček, p. 121]. М.Р. Штефаник разъяснял, что создание государства чехов и словаков является звеном политического переустройства Европы после войны, объяснял понятие «чехословацкий народ» в связи с текущей политической ситуацией. Он видел некоторую пассивность словаков по сравнению с чехами и старался им уделять больше внимания. В разговоре с представителем словацкого общества в России сказал: «Нам не нужен дуализм, нам нужно равноправие чехов и словаков» [Juríček, p. 123].

В результате дипломатической миссии в Россию М.Р. Штефаник содействовал объединению российских чехов и словаков вокруг Чехословацкого национального совета, его усилия привели к преодолению кризиса в руководстве, повысили активность словаков в решении национальных проблем. Деятельность М.Р. Штефаника положила начало созданию чехословацких легионов в России. Чехословацкие корпуса из России, Франции и Италии в скором времени стали основой чехословацкой армии.

Дипломатические успехи М.Р. Штефаника привели к признанию Чехословацкого национального совета в качестве временного правительства.

Новая миссия М.Р. Штефаника в России требовала привлечения чехословацкого легиона для

помощи союзникам. По пути в Сибирь он узнал, что ЧНС превратился в правительство Чехословацкого государства. Это произошло 14 октября 1918 года. М.Р. Штефаник стал первым военным министром нового государства – государства чехов и словаков. Благодаря М.Р. Штефанику и Штефану Осускому новая страна была названа Чехословакией [Musil, Biagini, p. 9]. М.Р. Штефаник разработал для нее проект флага и герба.

Прибыв в Сибирь, М.Р. Штефаник понял, что армия не может больше сражаться. Легионеры знали, что война закончилась, неприятель разбит, а чехословацкое государство стало реальностью. Нет причины оставаться в России и быть втянутыми в местный хаос. Вместе с генералом М. Жаненом они отозвали все соединения с боевых позиций.

Генерал М.Р. Штефаник укрепил дисциплину, преданность солдат и офицеров Чехословацкой республике. Он много беседовал с словацкими воинами, которые хотели знать, как сложится их жизнь в новом государстве. Некоторые из них в воинском подразделении требовали к себе особого отношения. В Сибири легионеры-словаки просили военного министра М.Р. Штефаника признать официальным языком корпуса, наряду с чешским, словацкий язык. На это он ответил, что в армии Чехословацкой республики может быть только один официальный язык – чехословацкий. Тем самым он хотел подчеркнуть значимость чехословакистской идеи о необходимости союза словаков с чехами.

Главной заслугой М.Р. Штефаника во время пребывания в России в 1918–1919 гг. стало сохранение чехословацкого корпуса как боеспособной части армии нового государства. М.Р. Штефаник организовал отправку в первую очередь больных, инвалидов и непригодных к службе солдат старше 49 лет на итальянском транспортном судне «Рома» [Kopta, p. 30]. Заручившись поддержкой американского Красного Креста и Молодежной христианской ассоциации (YMCA), он отправил на родину около 5000 легионеров [Návrh evakuácie ranených...].

В переписке с Т.Г. Масариком и Э. Бенешем М.Р. Штефаник узнал, на каких принципах будет построено новое государство – Чехословакия. Он категорически возражал против многих их планов по устройству будущего государства, например, был против отделения церкви от государства, так как он знал, что в Словакии, где католицизм прочно укоренился в жизни большинства населения, эта мера будет непопулярной. Не устраивала М.Р. Штефаника система милиции, предложенная Т.Г. Масариком: он полагал, что она не в состоянии обеспечить чехословацкому государству необходимую военную и моральную силу, которая должна стать барьером против германизма [Vznik Československa 1918, p. 316–317]. Он всю жизнь боролся за то, чтобы Словакия стала равноправной с Чехией частью независимого государства. Его тревожило предчувствие, что этого не будет, что Словакии будет отведена второстепенная роль. Из-за трагической гибели он не узнал,

что его опасения не были лишены основания. Письма Т. Масарика и Э. Бенеша свидетельствуют о том, что в министерстве нового государства они не видели или не хотели видеть М.Р. Штефаника, не планировали ему поручить какую-нибудь важную государственную должность [Šolle, p. 209–211, 234]. В Словакии до сих пор живо предположение, что авиакатастрофа, в которой погиб М. Штефаник, была несчастливой [Đurica]. Лишь через 75 лет после образования Чехословакии Словакия получила независимость и в стране воплотилось многое из того, о чем мечтал и ради чего самоотверженно трудился М.Р. Штефаник.

Талантливый ученый Милан Штефаник за свою короткую жизнь сумел стать видным дипломатом, политиком, генералом. Находясь в самых «горячих точках» во время Первой мировой войны, революции и Гражданской войны в России, он спланировал своих соотечественников. Благодаря его активной деятельности был создан ЧСНС, ставший впоследствии правительством Чехословакии. Он формировал чехословацкие легионы в разных странах мира и способствовал сохранению армии словаков и чехов в России в самый драматичный для нашей страны период истории.

М.Р. Штефанику принадлежала ведущая роль в развитии словацкого национального движения словаков в начале XX века. Идея освобождения словацкого народа от угнетения и создания независимого государства красной нитью прошла через всю его жизнь.

Библиографический список

- Beneš E. *Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa: 3 volumes*. Praha: Orbis a čin, 1927–1928.
- Đurica M.S. *Milan R. Štefanik and his tragic death in the light of Italian military documents*. Cleveland: Slovak Institute, 1970. P. 147–184.
- Ferenčuhová B. *Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Ferenčuhová B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989*. Bratislava: VEDA, 2008. S. 164–180.
- Fuska J. *M.R. Štefánik v myšlienkach a obrazoch*. Bratislava: Elán, 1999. 131 s.
- Janin M. *Moje účasť na československém boji za svobodu*. Praha: J. Otto, 1923. 383 s.
- Juríček J. *M.R. Štefánik. Životopisný náčrt*. Bratislava: Mladé letá, 1969. 172 s.
- Kautský E.K. *Kauza Štefánik (Legendy, fakty a otázky okolo vzniku Česko-Slovenskej republiky)*. Martin: Matica slovenská, 2004. 299 s.
- Kováč D. *Milan Rastislav Štefánik*. Budmerice: RAK, 1996. 79 s.
- Kopta J. *Štefánik*. Praha: Památník odboje, 1923. 33 s.
- Musil M., Biagini A. *Milan Rastislav Štefánik alla luce degli archivi italiani*. Bratislava: Nadácia pre záchranu kultúrneho dedičstva, 2012. 236 s.
- Návrh evakuácie ranených a chorých príslušníkov čsl. armády do vlasti. 1919 // *Slovenský národný archív, Fond 101-2M-044 M.R. Štefánik*. Op. 1. D. 1161. L. 1–3.
- Šolle Zd. *Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání v roce 1919*. Praha. 1994. 426 s.
- Vznik Československa 1918. *Dokumenty Československé zahraniční politiky*. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 1994. 439 s.
- Гусар Й. Милан Растислав Штефаник – астроном и политик // *Милан Растислав Штефаник: новый взгляд*. Мартин: Неография, 2001. С. 20–27.
- Документы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1: Ноябрь 1917 г. – август 1922 г. М.: Наука, 1973. 548 с.
- История Словакии / под. ред. Ю.В. Богданова. М.: Евролинц, 2003. 436 с.
- Материалы наблюдений за М.Р. Штефаником // *Милан Растислав Штефаник: новый взгляд / под ред. Ю.В. Богданова*. Мартин: Неография, 2001. С. 132–145.
- Серапионова Е.П. *Человек-легенда Милан Растислав Штефаник: ученый, политик, генерал // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе*. М.: Индрик, 2009. С. 356–373.
- Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. *Документы и материалы*. Т. 1: Чешско-словацкие военные формирования в России. 1914–1917 гг. М.: Новалис, 2013. 1016 с.

References

- Beneš E. *Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa: 3 volumes* [The world war and our revolution. Memoirs and reflections from the struggle for national freedom: 3 volumes]. Praha: Orbis a čin, 1927–1928. [In Czech].
- Đurica M.S. *Milan R. Štefanik and his tragic death in the light of Italian military documents*. Cleveland: Slovak Institute, 1970, pp. 147–184 [in English].
- Ferenčuhová B. *Pamäti Louisy Weissovej a listy Milanovi Rastislavovi Štefánikovi* [Louisa Weiss's memoirs and letters to M.R. Štefánik]. In: Ferenčuhová B. *Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989* [France and the Slovak question 1789–1989]. Bratislava: VEDA, 2008, pp. 164–180 [in Slovak].
- Fuska J. *M.R. Štefánik v myšlienkach a obrazoch* [M.R. Štefánik in thoughts and images]. Bratislava: Elán, 1999, 131 p. [in Slovak, French and English].
- Janin M. *Moje účasť na československém boji za svobodu* [My participation in the Czech and Slovak struggle for freedom]. Prague: J. Otto, 1923, 383 p. [in Czech].
- Juríček J. *M.R. Štefánik. Životopisný náčrt* [M.R. Štefánik. Biographical sketch]. Bratislava: Mladé letá, 1969, 172 p. [in Slovak].
- Kautský E.K. *Kauza Štefánik (Legendy, fakty a otázky okolo vzniku Česko-Slovenskej republiky)* [Case Štefánik (Legends, facts and questions about the appearance of Czecho-Slovak republic)]. Martin: Matica slovenská, 2004, 299 p. [in Slovak].

- Kováč D. *Milan Rastislav Štefánik* [Milan Rastislav Štefánik]. Budmerice: RAK, 1996, 79 p. [in Slovak].
- Kopta J. *Štefánik* [Štefánik]. Prague: Památník odboje, 1923, 33 p. [in Czech].
- Musil M., Biagini A. *Milan Rastislav Štefánik alla luce degli archivi italiani* [Milan Rastislav Štefánik in the light of Italian archives]. Bratislava: Nadácia pre záchranu kultúrneho dedičstva, 2012, 236 p. [in Italian].
- Návrh evakuácie ranených a chorých príslušníkov čsl. armády do vlasti. 1919* [Proposal of evacuation of wounded and sick members of the Czech and Slovak army to the homeland. 1919]. In: Slovenský národný archív, F. 101-2M-044 M.R. Štefánik. Op. 1. D. 1161. L. 1–3 [in Slovak].
- Šolle Zd. *Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání v roce 1919* [Masaryk and Beneš in their letters from the period of the Paris peace conversations in 1919]. Prague, 1994, 426 p. [in Czech].
- Vznik Československa 1918. Dokumenty Československé zahraniční politiky* [The emergence of Czechoslovakia 1918. Documents of Czechoslovak foreign policy]. Prague: Ústav mezinárodních vztahů, 1994, 439 p. [in Czech].
- Gusar J. *Milan Rastislav Štefánik – astronom i politik* [Milan Rastislav Štefánik – astronomer and politician]. In: *Milan Rastislav Štefánik: nový vzglyad* [Milan Rastislav Štefánik: new look]. Martin: Neographia, 2001, pp. 20–27 [in Russian].
- Dokumenty po istorii sovetsko-chehoslovatskih odnosheniy. T. 1: Noyabr' 1917 – avgust 1922 gg.* [Documents on Soviet-Czechoslovak relations. Vol. 1: November 1917 – August 1922]. M.: Nauka, 1973, 548 p. [in Russian].
- Istoriya Slovakii. Pod. red. Yu. V. Bogdanova* [History of Slovakia. Bogdanov Yu. V. (Ed.)]. M.: Evrolints, 2003, 436 p. [in Russian].
- Materialy nablyudeniya za M.R. Štefanikom* [Shadowing materials for M.R. Štefanik]. In: *Milan Rastislav Štefanik: nový vzglyad. Pod red. Yu. V. Bogdanova* [Milan Rastislav Štefanik: new look. Yu. V. Bogdanov (Ed.)]. Martin: Neographia, 2001, pp. 132–145 [in Russian].
- Serapionova E.P. *Chelovek-legenda Milan Rastislav Štefanik: ucheny, politik, general* [Legendary person Milan Rastislav Štefanik: scientist, politician, general]. In: *Do i posle Versalya. Politicheskie lidery i ideya nacionalnogo gosudarstva v Tsentralnoy i Yugo-Vostochnoy Evrope* [Before and after Versailles. Political leaders and the idea of national state in the Central and South-Eastern Europe]. M.: Indrik, 2009, pp. 356–373 [in Russian].
- Cheshsko-slovatskiy (Chekhoslovatskiy) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy. T. 1. Cheshsko-slovatskiye voyennyye formirovaniya v Rossii. 1914–1917 gg.* [Czech-Slovak (Czechoslovak) corps. 1914–1920. Documents and materials. Vol. 1. Czech-Slovak military units in Russia. 1914–1917]. M.: Novalis, 2013, 1016 p. [in Russian].

А.В. Карпов

**РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПОСЛЕВОЕННОГО СОВЕТСКОГО ГОРОДА
(НА ПРИМЕРЕ ЧЕРЕПОВЦА)**

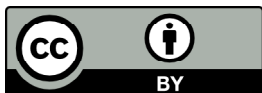
© Карпов Антон Владимирович – аспирант кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет, 162600, Российская Федерация, г. Череповец, пр. Луначарского, 5.
E-mail: antonkarpov1993@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4342-3260>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию проблем развития промышленности в провинциальном городе Череповце во второй половине 40-х гг. XX в. Рассмотрены основные проблемы, с которыми столкнулись городские предприятия в первые послевоенные годы. Автор указывает на факторы, положительно влиявшие на развитие череповецкой промышленности, в числе которых отсутствие разрушений городской инфраструктуры, зданий и оборудования в период Великой Отечественной войны, выгодное географическое положение и развитая транспортная инфраструктура. На протяжении военных лет в городе не прекращалось строительство важных промышленных предприятий. Особый импульс развитию всего народного хозяйства Череповца придало решение о возобновлении строительства Череповецкого металлургического завода на базе железорудных месторождений Кольского полуострова и углей Печорского бассейна. Эти преимущества позволили городской промышленности досрочно выполнить пятилетний план и в 1950 г. существенно превзойти довоенные показатели. В то же время, несмотря на перевыполнение плана по валовому выпуску продукции, работу промышленности города нельзя однозначно назвать эффективной. В развитии легкой и пищевой промышленности наблюдались сильные диспропорции, в то время как одни предприятия демонстрировали феноменальные темпы роста производительности, другие находились в состоянии глубокого кризиса. Послевоенное производство в целом было слабо ориентировано на выпуск товаров народного потребления, что приводило к систематическому невыполнению планов по их выпуску, низкому качеству и высокой себестоимости. Для населения данные товары были малодоступны. Подобная ситуация являлась закономерной, так как основной упор, особенно с началом холодной войны, делался на развитие промышленности группы «А», а вопросы снабжения населения товарами широкого потребления отходили на второй план.

Ключевые слова: промышленность, провинциальный город, производственные планы, демилитаризация экономики, товары народного потребления.

Цитирование. Карпов А.В. Развитие промышленности послевоенного советского города (на примере Череповца) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 39–44. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-39-44>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-39-44
UDC 94(47).084.8

Submitted: 10/III/2018
Accepted: 18/IV/2018

A.V. Karpov

INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF POST-WAR SOVIET CITY (ON THE EXAMPLE OF CHEREPOVETS)

© Karpov Anton Vladimirovich – postgraduate student of the Department of History and Philosophy, Cherepovets State University, 5, Lunacharsky Street, Cherepovets, 162600, Russian Federation.
E-mail: antonkarpov1993@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4342-3260>

ABSTRACT

This article is devoted to the industrial development problems in the provincial city of Cherepovets in the second half of the 1940. During the war, Cherepovets was the closest nonoccupied city to the besieged Leningrad with a population just over 30 thousand people. The city was regularly bombed by the German air force. However, it did not lead to a serious destruction of infrastructure. The main difficulties of urban enterprises in the postwar years are considered in the article. The author points out factors which were positively influencing the development of cherepovets industry. This includes the lack of destruction of the infrastructure, buildings and equipment during the Great Patriotic War, as well as an advantageous geographical position and a well-developed transport infrastructure. The building process of new important industrial enterprises wasn't stopped during the war. The long-awaited construction of a shipyard was completed in this period. The decision to built a metallurgical plant in Cherepovets is a very important moment in the regional history. It has affected the development of every sphere in the city. These advantages allowed the urban industry to fulfil the five-year plan ahead of schedule and surpass the pre-war figures by 70 % in 1950. At the same time, the industrial process was not quite effective, despite being ahead of plan. The strong disproportions in development of the light industry were peculiar for many Cherepovets companies. While some enterprises demonstrated phenomenal growth rates of productivity, others were in a state of deep crisis. Post-war production, in general, was not focused on the consumer goods production. This led to the failure of production plans for consumer goods, low-quality products and high costs. These products were mostly unavailable to the population. Such a situation was natural since the focusing on the industrial development was on group «A». Especially since the beginning of the Cold War and the questions of supplying the population with consumer goods receded into the background.

Key words: industry, provincial town, production plans, demilitarization of the economy, consumer goods.

Citation. Karpov A.V. *Razvitie promyshlennosti poslevoennogo sovetskogo goroda (na primere Cherepovca)* [Industrial development of post-war Soviet city (on the example of Cherepovets)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 39–44. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-39-44>.

В условиях начавшейся холодной войны главной чертой социально-экономической политики СССР, несмотря на окончание военных действий, оставалось развитие тяжелой и военной промышленности. В то же время в разных регионах страны «продолжение индустриализации» имело свои особенности [Токарева, с. 21]. Данная тема изучалась многими авторами, однако до сих пор в ней имеется немало неисследованных аспектов. В частности, не нашли должного отражения проблемы экономического развития промышленности Вологодской области и одного из ее ведущих городов – Череповца. Цель данной работы – изучить особенности развития промышленности Череповца после завершения Великой Отечественной войны, который за несколько послевоенных десятилетий превратился из небольшого провинциального го-

рода в один из крупнейших центров промышленности европейской части СССР.

Переход экономики СССР от войны к миру ставил перед руководством страны две основные задачи: перевод промышленности на выпуск мирной продукции и восстановление разрушенных предприятий. При этом специфика развития экономики каждого региона во многом определялась масштабами разрушений. Демилитаризация промышленности, несмотря на желание властей выполнить все в кратчайшие сроки, повлекла за собой сокращение производительности труда и общий спад производства СССР со 127 млрд руб. в 1945 г. до 106 млрд в 1946 г. Предприятия столкнулись с серьезными трудностями: необходимо было вносить кардинальные изменения в технологический процесс, переоснащать станки и оборудо-

дование, перераспределять трудовые ресурсы на гражданские объекты, осуществлять переподготовку кадров [Попов, с. 122–123].

Череповец в годы войны был ближайшим к блокадному Ленинграду неоккупированным городом. Город регулярно подвергался бомбардировкам со стороны немецкой авиации, однако они не привели к серьезным разрушениям его инфраструктуры. Отметим, что промышленность Череповца имела ряд преимуществ в послевоенном развитии относительно городов, подвергшихся оккупации.

Во-первых, городские предприятия не подверглись разрушениям, порче зданий и оборудования, что позволило им сохранить основные производственные фонды в работоспособном состоянии, избежать крупных вложений в восстановление техники и капитальные ремонты зданий и сооружений [Михеев, Адрианов, с. 169].

Во-вторых, предприятия города с первых и до последних дней войны не прекращали своей деятельности, что позволило им, несмотря на кадровые потери, сохранить отлаженный процесс производства продукции.

В-третьих, Череповец был важным узловым центром, имевшим в своем распоряжении развитую транспортную инфраструктуру. Промышленности города удалось избежать крупных проблем со снабжением и сбытом: в городе были железная дорога и речной порт, — это давало возможность своевременно получать сырье и отгружать готовую продукцию, открывало перспективы для строительства новых производств.

В-четвертых, в Череповце во время войны и в первые послевоенные годы не прекращался процесс строительства и расширения производств, что позволило добиться прироста валового выпуска продукции (см. табл. 1) и досрочно выполнить пятилетний план. В 1950 году по выпуску валовой продукции предприятия города на 72 % превосходили довоенные показатели 1940 г. (Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 393. Оп. 1. Д. 83. С. 26).

В 1941 г. вступила в эксплуатацию швейная фабрика. Предприятие ежегодно показывало стабильные темпы роста производственных показателей, а переход на выпуск мирной продукции прошел безболезненно. В 1943 г. завершилось возведение Череповецкого речного порта, а в октябре

1947 г. — строительство судоремонтно-судостроительного завода — одного из важнейших предприятий промышленности города (ЧЦХД. Ф. 393. Оп. 1. Д. 81. С. 4). В 1947 г. принимается решение о строительстве Череповецкой спичечной фабрики на берегу реки Ягорба, которая впоследствии будет перепрофилирована в фанеро-трубный завод [Бланк, с. 45, 76]. Также в период с 1945 по 1950 г. были построены пивоваренный завод, маслозавод, цех водочного завода, рыбозавод, проведена реконструкция завода «Красная звезда» и др. К концу четвертой пятилетки на Череповецких предприятиях было освоено производство 30 видов новой продукции, которая ранее не выпускалась (ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 5. Д. 75. Л. 373. С. 373).

В четвертой пятилетке продолжилось активное развитие тяжелой и добывающей промышленности СССР, в том числе и на Европейском Севере. В этот период начинается интенсивная разработка Печорского угольного и Ухтинского нефтяных и газовых месторождений. Крупные военные заказы получали верфи Архангельской области, в Молотовске началось строительство крупного судостроительного завода [Супрун, с. 5]. Значительно увеличивается роль тяжелой промышленности в Карелии, Мурманской области, Республике Коми. В декабре 1947 года принимается решение о возобновлении строительства Череповецкого металлургического завода на базе железорудных месторождений Кольского полуострова и углей Печорского бассейна» [Челноков, с. 140]. Во многом решение было обусловлено выгодным географическим положением города, наличием развитой транспортной инфраструктуры и потребностью предприятий Европейского севера и металле. С 1948 г. начинается строительство Череповецкого металлургического завода, одного из крупнейших сталелитейных предприятий СССР, повлекшее за собой бурное развитие промышленности и инфраструктуры города Череповца. В город потянулись рабочие со всей страны. Учебные заведения, в числе которых механический техникум и школа ФЗО, активно готовили специалистов массовых профессий: за год было выпущено около 3000 рабочих, свыше 500 человек прошло переподготовку [Очерки истории Вологодской организации КПСС. С. 3].

Несмотря на бурное развитие промышленности и рост валового выпуска продукции, важно отме-

Таблица 1

Выпуск валовой продукции предприятий города Череповца за 1947 г. в ценах 26/27 г., в тыс. руб.

Группа предприятий	1940	1945	1947	% выполнения плана 1947 г.
Всесоюзная промышленность	12 747,7	13 091	13 060	102,3
Областная промышленность	1 520,9	3 152,1	3 205,7	101,7
Местная промышленность	1 040	1 176,7	1 173	99,7
Кооперации (промкооперация и кооперация инвалидов)	10 809,8	14 060,7	18 111,9	128,8

Примечание. Составлено и подсчитано по: ЧЦХД. Ф. 393. Оп. 1. Д. 81. С. 22.

тить, что производительность многих заводов и фабрик Череповца существенно снизилась по сравнению с довоенными показателями. Изношенность оборудования, аварийное состояние производственных помещений, сокращение численности рабочих и их квалификации – проблемы, с которыми столкнулись предприятия во многих городах СССР. Так, за период с 1940 по 1945 г. численность работников, занятых в промышленности и строительстве в СССР, сократилась на 19,2 % [Фильцер, с. 29]. Череповец потерял за годы войны 7800 человек убитыми (23 % от численности населения в 1941 г.), тысячи вернулись инвалидами, большинство из них были мужчины трудоспособного возраста. Пришедшие на их место женщины, юноши, девушки, а иногда и дети без должного образования и опыта работы не могли в короткие сроки освоить необходимые профессии [Череповец..., с. 87].

В трудном положении находилась лесная отрасль Европейского севера, не имевшая прямого отношения к военному комплексу. За годы войны она потеряла более трети своих мощностей, а после ее окончания долгие годы не могла выйти из затянувшегося кризиса [Супрун, с. 5]. Не исключением была и лесная промышленность Череповца и Вологодской области. С 1941 по 1945 год заготовка древесины треста «Череповецлес» сократилась в 2,9 раза. Массовая мобилизация людей и техники в условиях военного времени серьезно повлияла на состояние производства. Леспромхозы области отдали фронту большую часть техники, производственные и жилые здания и сооружения. После войны в сфере лесозаготовок отсутствовала упорядоченная система управления промышленными предприятиями, следствием чего была неэффективная работа, простои, низкий уровень механизации, кадровые проблемы. Все это привело к тому, что в 1947 г. череповецкий лесозавод выполнил план всего на 33,2 %, а довоенные показатели выпуска продукции были достигнуты только в 1950 г. (Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1932. Оп. 1. Д. 1230. С. 42).

Нехватка рабочих и изношенность производственных фондов наблюдалась и на других череповецких предприятиях. Так, производительность завода автоспецоборудования «Красная звезда» (одного из крупнейших предприятий Череповца), несмотря на выполнение планов в 1947 году, была на 15 % ниже аналогичного показателя 1940 года. Основными причинами снижения производительности и валового выпуска продукции стали моральный и физический износ оборудования. Завод постоянно испытывал трудности со снабжением электроэнергией и необходимыми для производства материалами, не хватало квалифицированных кадров (ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 5. Д. 75. Л. 373).

Перебои в электроснабжении предприятий были одной из проблем, сдерживающих развитие экономики города. После войны Череповец, как и многие другие города, нуждался в электроэнергии, выработка которой с 1941 по 1945 г. сократилась

на 10 %, действующая электростанция общего пользования мощностью 1334 кВт, сооруженная еще в начале века, не могла обеспечить развитие промышленности. На некоторых предприятиях были смонтированы силовые установки с общей мощностью 300–350 кВт. Однако это не решало проблемы. Только в 1947 г. было завершено строительство долгожданной электростанции судоремонтного – строительного завода мощностью 1200 кВт (ГАВО. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 1230. С. 152).

Одной из тенденций послевоенных лет было медленное развитие промышленности «группы Б» и пищевой промышленности. Неурожаи 1946 г. и последовавший за ними голод 1946–1947 гг. серьезным образом сказались на производительности многих промышленных предприятий СССР. Недостаток сырья и финансирования пагубно сказывались на работе предприятий легкой и пищевой отраслей, коммунального хозяйства, строительства. Исключение составляла лишь рыбная индустрия [Супрун, с. 6].

В результате рассмотрения пищевой промышленности Череповца в 1945–1950 гг. автор приходит к выводу, что она находилась в глубоком кризисе, особенно в период 1946–1947 гг. В 1947 г. производительность хлебокомбината снизилась в 1,4 раза по сравнению с 1946 годом и более чем в 2,4 раза по сравнению с довоенными уровнями. Производительность городской мельницы в этот период упала на треть. Неурожай 1946–1947 годов негативно отразился на работе Горпищекombината, артели «Пищевик», водочного завода (см. табл. 2) и других предприятий города (ЧЦХД. Ф. 393. Оп. 1. Д. 81. С. 19, 27, 29).

Таблица 2

Выпуск валовой продукции Череповецким водочным заводом с 1940 по 1947 г. в ценах 26/27 гг.

Год	Выпуск продукции, тыс. руб.
1940	1562
1946	692,1
1947	381

Примечание. Составлено и подсчитано по: ЧЦХД. Ф. 393. Оп. 1. Д. 81. С. 19, 27.

Медленно возвращалась к довоенным объемам производства кондитерская фабрика. За годы войны ее производительность снизилась более чем в 2 раза, штат сотрудников сократился на треть. Фабрике потребовалось более 3 лет для того, чтобы вернуться к довоенным объемам производства (ГАВО. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 1230. С. 168).

Легкая промышленность Череповца во второй половине 40-х годов XX века развивалась неравномерно. Одни предприятия ежегодно показывали феноменальные темпы роста, в то время как другие долгое время не могли оправиться от послевоенной рецессии. К числу первых относились артели «Красный октябрь» и «Красный ткач». Это были одни из самых быстро развивающихся предприя-

тий города. «Красный октябрь» выполнил план 1947 года на 109,5 % и превысил довоенные показатели в 1,5 раза. «Красный ткач» в 1947 г. стал лидером по валовому выпуску продукции среди всех предприятий Череповца, его показатель составил 7634,4 тыс. руб., что в 1,58 раза выше показатели 1946 г. и в 6 раз – довоенного. В отличие от многих предприятий, столкнувшихся с трудностями перехода на выпуск мирной продукции, специфика производства и технологического процесса городских артелей остались без изменений. К тому же они не испытывали потребности в высококвалифицированных кадрах и дорогостоящем оборудовании. Эти и другие преимущества позволили им успешно развиваться в первые послевоенные годы (ГАВО. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 1232. С. 65–67).

В числе предприятий, испытавших серьезный производственный спад, можно выделить Фабрику обуви, восстановление которой проходило крайне медленно. В 1947 г. выполнение производственного плана составило всего 62,3 %. Фабрика после войны столкнулась с комплексом проблем технического и кадрового характера, сильно тормозивших ее дальнейшее развитие (ГАВО. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 1232. С. 65–67).

Одной из важнейших послевоенных задач, стоявших перед промышленностью СССР, было повышение доступности и качества товаров ширпотреба. Однако на практике данная задача решалась крайне медленно. Многие потребительские товары на полках магазинов были однотипные, низкого качества, однако они были почти недоступны для большинства населения. Так, стоимость велосипеда достигала 400 руб., кровати – 1200 руб., гардероба – 1636 руб., в то время как средний заработок составлял в 1950 году 646 руб. (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. С. 161). Одной из причин недоступности товаров широкого потребления было невыполнение государственных планов выпуска продукции установленного ассортимента союзными предприятиями. С одной стороны, предприятия успешно выполняли и даже перевыполняли планы по валовому выпуску продукции, в то время как показатели по выпуску отдельных товаров (в основном широкого потребления) были провалены. Например, в Череповце «Горпромкомбинат» из 14 установленных плановых изделий выполнил план в 1946–1947 году только по 5 изделиям, а производство таких изделий, как бондарная посуда и лыжи, в 1947 г. было совершенно прекращено. В целом по артелям города в 1947 году из 76 изделий ширпотреба был выполнен план по производству только 31 вида. Аналогичная ситуация была зафиксирована и двумя годами позднее, когда из 78 планируемых видов изделий план был выполнен только по 31 (ЧЦХД. Ф. 393. Оп. 1. Д. 81. С. 78).

В числе других проблем легкой промышленности Череповца можно выделить завышенную себестоимость, высокий процент брака, длительные сроки изготовления и низкое качество продукции. Следствием плохого качества и высокой цены явил-

ся низкий спрос на продукцию Череповецкого производства. Часто она залеживалась в магазинах и складах (ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 5. Д. 75. Л. 373. С. 58).

Подводя итог развитию промышленности Череповца в четвертой пятилетке, необходимо отметить, что предприятия города испытывали аналогичные трудности, с которыми сталкивались многие заводы и фабрики в СССР. К их числу можно отнести: изношенность оборудования и сооружений, кадровый дефицит, проблемы в электроснабжении, высокий процент брака продукции и высокую себестоимость, трудности в развитии отдельных сфер (пищевой, лесной) и т. д. В то же время череповецкая промышленность имела ряд особенностей и преимуществ, которые позволили ей в кратчайшие сроки перестроиться на выпуск мирной продукции и досрочно выполнить пятилетний план. Город практически не пострадал в войне, небольшие мобильные предприятия смогли быстро перейти на выпуск мирной продукции, не останавливались реконструкция и строительство новых производств. Особое значение имело начало строительства металлургического завода, повлекшее за собой развитие инфраструктуры предприятий-смежников, в город потянулись рабочие со всей страны, начался стремительный процесс урбанизации города.

Библиографический список

- Бланк А.С. Череповец. Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1966. 167 с.
- Михеев В.И., Адрианов В.Н. Череповец и война. Череповец: Полиграфист, 2005. 285 с.
- Очерки истории Вологодской организации КПСС / Н.В. Лебедев, В.А. Дмитриев, П.А. Зиновьев [и др.]. Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1969. 512 с.
- Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов: ТГТУ, 2000. 221 с.
- Супрун М.Н. Экономическое развитие Европейского севера СССР в послевоенный период: основные тенденции и результаты // Российская история. 2009. № 3. С. 205–210. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12328091>.
- Токарева Т.Н. Экономическая политика СССР в 1945–1953 гг. и ее влияние на промышленное развитие Нижнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2006. 231 с.
- Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. М.: РОССПЭН, 2011. 358 с.
- Челноков Б.В. Череповец: История. Современность. Взгляд в будущее. Кемерово; Череповец: Кузбассвузиздат: Череповец, 2012. 423 с.
- Череповец. Вехи истории. СПб.: Северо-Западное книжное издательство, 1977.

References

- Blank A.S. *Cherepovec* [Cherepovets]. Arkhangelsk: Severo-zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966, 167 p. [in Russian].

Mikheev V.I., Adrianov V.N. *Cherepovec i vojna* [Cherepovets and war]. Cherepovets: Poligrafist, 2005, 285 p. [in Russian].

N.V. Lebedev, Dmitriev V.A., Zinoviev P.A. et al. *Ocherki istorii Vologodskoj organizacii KPSS* [Essays on the history of Vologda organization of KPSS]. Vologda: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969, 512 p. [in Russian].

Suprun M.N. *Jekonomicheskoe razvitie Evropejskogo severa SSSR v poslevoennyj period: osnovnye tendencii i rezul'taty* [Economic development of European north of the USSR in the post-war period: basic tendencies and results]. *Rossijskaja istorija* [Russian History], 2009, no. 3, pp. 205–210. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12328091> [in Russian].

Tokareva T.N. *Ekonomicheskaja politika SSSR v 1945–1953 gg. i ee vlijanie na promyshlennoe razvitie Nizhnego*

Povolzh'ja: dis. ... kand. istoricheskij nauk [Economic policy of the USSR in 1945–1953 and its influence on the industrial development of the Lower Volga Region: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Astrakhan, 2006, 231 p. [in Russian].

Filtser D. *Sovetskie rabochie i pozdnij stalinizm* [Soviet workers and late Stalinism]. M.: ROSSPEN, 2011, 358 p. [in Russian].

Chelnokov B.V. *Cherepovec: Istorija. Sovremennost'. Vzgljad v budushhee* [Cherepovets: History. Modernity. Look into the future]. Kemerovo; Cherepovets: Kuzbassvuzizdat: Cherepovec, 2012, 423 p. [in Russian].

Cherepovec. Vehl istorii [Cherepovets. Landmarks of history]. SPb.: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977 [in Russian].

М.Я. Мединец

**ОТРАЖЕНИЕ ПРОШЛОГО В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ
ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

© Мединец Михаил Яковлевич – магистрант, аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: mmedinec@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9653-4992>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу исторического ландшафта городов современного Приднестровья с точки зрения того, как в нем отражены представления об историческом прошлом данного региона. Рассматриваются такие компоненты исторического наследия, как памятники, установленные в период существования Приднестровской Молдавской Республики, архитектурные объекты, городская топонимика, музейные экспозиции. Демонстрируется процесс развития инфраструктуры исторической памяти о событиях конца XX в. в непризнанной республике. В частности, показано, что основным тематическим элементом историко-культурного ландшафта Приднестровья, относящимся к современному периоду, является память о короткой войне с Молдавией 1992 года. Приоритетными концептами, отражающимися в возведении памятников участникам войны, являются «скорбь», «благодарность за мир» (а не «победу» Приднестровья, как могло бы интерпретироваться завершение конфликта) и «защиту» мирной жизни. В связи с этим особую семантическую и эмоциональную нагрузку получает понятие «миротворцы» как часть российского воинского контингента в ПМР. Одновременно их миссия представляется как продолжение исторических задач воинов Российской империи и СССР. В Приднестровье развита музейная инфраструктура, в которой, как и в топонимике городов, отражаются представления об исторической преемственности ПМР с советской молдавской государственностью. Смысл этой опоры на символическое наследие СССР – это во многом противопоставление Молдавии румынской национальной идее в условиях противостояния. Специфическим для Приднестровья является установление памятников иностранным деятелям, принявшим участие в истории края, в том числе в рамках культурной дипломатии.

Ключевые слова: Приднестровская Молдавская Республика, историко-культурный ландшафт, памятники, историческая память, Тирасполь, Бендеры.

Цитирование. Мединец М.Я. Отражение прошлого в историко-культурном ландшафте Приднестровской Молдавской Республики // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 45–49. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-45-49>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-45-49
UDC 94(47).08

Submitted: 1/III/2018
Accepted: 16/IV/2018

M.Ya. Medinets

REFLECTION OF THE PAST IN HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE OF TRANSNISTRIAN MOLDOVAN REPUBLIC

© *Medinets Mikhail Yakovlevich* – Master's Degree Student, post-graduate student of the Department of Foreign History, International Relations and Records Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: mmedinets@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-9653-4992>

ABSTRACT

The article is dedicated to the analysis of historical landscape of the cities of Transnistria from the standpoint of notions of the regional past. Among the components of historical heritage considered in the article there are monuments erected during the times of Transnistrian Moldovan Republic (TMR), objects of architecture, urban toponymy, museum exhibitions. The process of development of historical memory infrastructure on the events of the end of the 20th century in the de facto republic is revealed. Particularly, the text demonstrates that it is the memory of a brief 1992 war against Moldova that constitutes the core thematic element of Transnistrian historical and cultural landscape referring to the present period. Major concepts that are reflected in building monuments to the war veterans are «grief», «gratitude for peace» (whereas not for Transnistrian «victory» as a conclusion of the conflict could have been interpreted), and «protection» of peace. Consequently, the notion of «the peacemakers», as a part of the Russian military contingent in TMR, assumes special semantic and emotional load. Their mission is simultaneously presented as continuation of the historical aims of Russian Imperial Army and Red Army. Transnistria possesses developed museum infrastructure by which, as well as by urban toponymy, the concepts of historical continuity of that de facto state with Soviet Moldovan statehood are translated. Significance of exploitation of that Soviet symbolic heritage is, by and large, opposition to Romanian national idea under conditions of confrontation with Moldova. Specifics of Transnistria is erection of monuments to the foreign historical figures (for instance, Ivan Mazepa or the Swedish military of Charles XII) who have played any role in the regional history. An example of such use of new monuments as a tool of cultural diplomacy is an attempt to open up a monument to Mazepa in the run-up to 2010 Ukrainian presidential election, later replaced by opening of a set of memorials to more «consensual» Ukrainian historical figures.

Key words: Transnistrian Moldovan Republic, historical and cultural landscape, monuments, historical memory, Tiraspol, Bendery.

Цитирование. Medinets M.Ya. *Otazhenie proshlogo v istoriko-kul'turnom landshafte Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki* [Reflection of the past in historical and cultural landscape of Transnistrian Moldovan Republic]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 45–49. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-45-49>.

Понятие историко-культурного ландшафта в современной исторической науке определяется как «социальное пространство, созданное в условиях различных пространственно-временных отношений конкретных исторических эпох» [Иванова, с. 181]. В данной статье предпринята попытка рассмотреть отличительные черты историко-культурного ландшафта непризнанного Приднестровья с точки зрения его роли носителя памяти о прошлом данного региона.

Активную политику увековечения памяти событий, связанных с войной 1992 г., проводили приднестровские администрации президентов И.Н. Смирнова и Е.В. Шевчука. В 1993–1995 гг. был открыт Мемориал Памяти и Скорби в честь погибших

участников войны в Бендерах, в котором сочетаются православные (стилизованный открытый часовня с колоколом и мемориальный знак со словами молитвы об упокоении погибших) и советские (Вечный огонь, отреставрированная БМП, экипаж которой участвовал в боях за Бендеры) элементы.

Каждый год в Бендерах проходят торжественные мероприятия в честь начала миротворческой операции в Приднестровье [В Бендерах отметили..., с. 90–91; В Приднестровье отмечают..., с. 226]. Как Смирнов, так и Шевчук в своих выступлениях выражали благодарность российским миротворцам за сохранение мира и самостоятельности республики, в том числе и выходя за рамки новейшей истории («Со времен Петра I и Алексан-

дра Суворова русский солдат появлялся на этой земле с единственной целью — освободить братские православные народы от иноземного ига. Он был и остается вестником свободы, гарантом мира и стабильности») [В Бендерах отметили..., с. 91]. Элементы преемственности между мемориальной политикой двух президентов выражаются и в том, что в 2011 г. Смирнов провозгласил 21 июля Днем миротворца (день подписания Соглашения о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта 1992 г.) [В Бендерах отметили..., с. 91], а годом позже Шевчук установил его как праздник, назвав, правда, на 28 июля [«Альтернативы миротворческой организации нет...», с. 224]. В 2012 г., в ходе празднования 20-летнего юбилея миротворческой операции, между Мемориалом Памяти и Скорби и действующим постом миротворческих сил был установлен памятник, а мост между Бендерами и Тирасполем, на котором в июне 1992 г. шли бои, был назван в честь миротворцев [Актуальные вопросы внешней политики Приднестровья, с. 65]. В феврале 2014 г. там же была освящена строительная площадка, где предполагалось возвести Арку Мира «Блаженны миротворцы» [Актуальные вопросы внешней политики Приднестровья, с. 65–66].

12 июня 2012 г. в Бендерах на территории Мемориала Памяти и Скорби был открыт памятник А.И. Лебедю [В Приднестровье открыт бюст генералу Лебедю]. 14 февраля 2015 г. в Тирасполе на территории воинской части ОГРВ прошло торжественное открытие мемориальной плиты в честь Лебеда. Тогдашний министр иностранных дел ПМР Н.В. Штански в речи на церемонии открытия назвала его «поистине национальным героем как в России, так и в Приднестровье», защищавшим всю Россию, защищая приднестровцев [В Приднестровье состоялось открытие мемориальной плиты..., с. 26].

В 2006 г. в Приднестровье на основе Бендерского военного кладбища началось строительство военно-мемориального комплекса [Благодатских, с. 66]. Он должен был стать символом богатой военной истории Приднестровья и напоминать жителям республики о том, что эта земля постоянно была полем боя. Там захоронены участники многих войн от русско-турецких конца XVIII в. до войны 1992 г. Военно-исторический мемориальный комплекс в Бендерах содержит так называемый Иностраннный сектор, где расположены памятные плиты и знаки различным участникам войн, связанных с городом, от шведских солдат и офицеров Карла XII до французских офицеров Авиньонского полка, находившихся в городе во время Гражданской войны [Кудрин, 2015, с. 157].

Разнообразны музейные экспозиции Приднестровья [Кашлева, Мельничук]. Среди наиболее выделяющихся черт описания прошлого следует отметить создание развернутых экспозиций, посвященных созданию республики и войне 1992 г. (так, в Историко-краеведческом музее Тирасполя открытая к 20-летию ПМР экспозиция «Памяти погиб-

ших защитников Приднестровья» содержит портреты и биографии более 800 павших участников войны на приднестровской стороне [Кашлева, Мельничук, с. 12–13]) и отчетливо антирумунский и просоветский взгляд на события революции и гражданской войны (восстание 1919 г. в Бендерах героизируется, а лучшим изображением «румунского» периода в истории города избрана реконструкция тюремной камеры [Кашлева, Мельничук, с. 30–31]). Ориентация на сохранение советского исторического наследия выражена и в отказе (в противовес Молдове) от переименования большинства улиц, носящих имена общероссийских и местных революционных деятелей (см., напр. [Кудрин, 2015, с. 155]). Среди редких примеров переименований советских названий — смена названия центральной площади Тирасполя с площади Советской Конституции на Площадь Суворова [Кудрин, 2014, с. 232].

Также в мемориальной политике Приднестровья отражались изменения в отношениях с Украиной. Эпизоды, отражающие использование «украинских» сюжетов Приднестровьем, в первую очередь связаны с нахождением И.С. Мазепы в Бендерах. В 2010 г. в связи с улучшением отношений с Украиной после прихода к власти В.Ф. Януковича на территории Бендерской крепости был установлен памятный знак в честь «300-летия принятия первой украинской Конституции», а также торжественно открыт памятник основоположнику украинской современной литературы — писателю и поэту И.П. Котляревскому [Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Украины, с. 13]. Как видно, администрация И.Н. Смирнова этим жестом показала готовность к встречному сближению с Киевом после кризиса 2006 г. В то же время еще в октябре 2008 г. была сделана попытка установить в крепости памятник самому Мазепе «к 300-летию смерти гетмана» (в этот раз, скорее всего, в расчете на победу условно националистических сил на выборах 2010 г.). В закладке участвовали представители Украины и украинских общественных организаций ПМР, но в результате протестов пророссийских организаций проект был отложен и в дальнейшем «отпал сам собой» [Памятник И.С. Мазепе].

В современном историко-культурном ландшафте Приднестровья важнейшими компонентами являются следующие. Во-первых, это увековечение памяти о войнах, проходивших на территории, которая в 1990 г. вошла в состав ПМР. Это дает возможность укреплять нарратив о Приднестровье как стратегически важной для России зоне, а также до некоторой степени поддерживать внешнеполитические контакты со странами Европы, участвовавшими в войнах на этой территории, за счет «культурной дипломатии». Во-вторых, сохранение советского мемориального и топонимического наследия (в том числе и положительно окрашенной памяти о большевиках и Коминтерне), которое в условиях отрезанного от России непризнанного

государства воспринимается как в первую очередь антирумынское.

Специфическим для Приднестровья является создание памятников не только русским, но и иностранным историческим деятелям, оставившим след в истории края. Особенно это касается мемориального комплекса Бендерской крепости. Обращает на себя внимание на этом фоне заметная нехватка памятных мест и названий, связанных с молдавской этнической и государственной историей. Это может иметь одной из причин сознательное нежелание давать Республике Молдова аргументы, которые подкрепляли бы «исторические права» молдаван на левобережье Днестра.

Библиографический список

Актуальные вопросы внешней политики Приднестровья (Миротворческая операция на Днестре) // под общ. редакцией В.В. Игнатьева. Тирасполь, 2014.

«Альтернативы миротворческой операции нет» – в Бендерах прошел митинг, посвященный Дню миротворца // Дипломатический вестник Приднестровья. 2013. № 4 (10).

Благодатских И.М. Военно-историческое наследие России в исторической памяти Приднестровья // Дипломатический вестник Приднестровья. 2014. № 2 (12).

В Бендерах отметили 19-ю годовщину начала миротворческой операции в Приднестровье 22-07-2011 // Заявления и сообщения МИД ПМР (июнь – август 2011 г.) // Дипломатический вестник Приднестровья. 2011. № 3 (5).

В Приднестровье открыт бюст генералу Лебедю // Официальный сайт Президента ПМР [Электронный ресурс]. URL: <http://president.gospmr.ru/ru/news/v-pridnestrove-otkryt-byust-generalu-lebedyu>.

В Приднестровье отмечают 21-ю годовщину ввода российских миротворческих сил // Дипломатический вестник Приднестровья. 2013. № 4 (10).

В Приднестровье состоялось открытие мемориальной плиты в честь генерала Александра Лебеда // Дипломатический вестник Приднестровья. 2016. № 14.

Иванова Л.В. Историко-культурный ландшафт: концептуальные подходы, проблемы сохранения и перспективы изучения // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2009. № 7.

Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Украины в Республике Молдова С.И. Пирожкова пресс-службе политического представителя Приднестровья в молдо-приднестровском урегулировании // Дипломатический вестник Приднестровья. 2010. № 2.

Кашлева М.Н., Мельничук А.А. Музеи Приднестровья. Тирасполь, 2015.

Кудрин В.Н. Знакомьтесь: Приднестровье. 2-е изд., испр. и перераб. Бендеры, 2015.

Кудрин В.Н. Путеводитель. Приднестровье. Бендеры, 2014.

Памятник И.С. Мазепе // Достопримечательности Бендер [Электронный ресурс]. URL: http://bendery.su/Dostoprimechatelnosti/pamyatnik_mazepa.html.

References

Aktual'nye voprosy vneshnei politiki Pridnestrov'ia (Mirotvorcheskaja operatsiia na Dnestre). Pod obshch. redaktsiei V.V. Ignat'eva [Topical questions of foreign policy of Transnistria (Peacekeeping operation on the Dniester). V.V. Ignatiev (Ed.)]. Tiraspol, 2014 [in Russian].

«Al'ternativy mirotvorcheskoi operatsii net» – v Benderakh proshel miting, posviashchennyi Dniu mirotvortsa [“Peacekeeping Operation Has No Alternatives” – Bendery Hosted the Meeting on the Occasion of the Peacekeepers Day]. *Diplomaticheskii vestnik Pridnestrov'ia* [Diplomatic vestnik of Transnistria], 2013, no. 4 (10) [in Russian].

Blagodatskikh I.M. *Voенно-istoricheskoe nasledie Rossii v istoricheskoi pamiatii Pridnestrov'ia* [Military-historical heritage of Russia in the historical memory of Pridnestrovie]. *Diplomaticheskii vestnik Pridnestrov'ia* [Diplomatic vestnik of Transnistria], 2014, no. 2 (12) [in Russian].

V Benderakh otmetili 19-iu godovshchinu nachala mirotvorcheskoi operatsii v Pridnestrov'e 22-07-2011 [19th anniversary of start of the peacekeeping operation in Transnistria held in Bendery 22-07-2011]. In: *Zaiavleniia i soobshcheniia MID PMR (iiun' – avgust 2011 g.)* [Statements and Announcements by the PMR's MFA (June – August 2011)]. *Diplomaticheskii vestnik Pridnestrov'ia* [Diplomatic vestnik of Transnistria], 2011, no. 3 (5) [in Russian].

V Pridnestrov'e otkryt biust generalu Lebediu [A bust of general Lebed' opened in Transnistria]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta PMR [Elektronnyi resurs]* [Official site of the President of TMR]. Available at: <http://president.gospmr.ru/ru/news/v-pridnestrove-otkryt-byust-generalu-lebedyu> [in Russian].

V Pridnestrov'e otmechaiut 21-iu godovshchinu vvoda rossiiskikh mirotvorcheskikh sil [Pridnestrovie Celebrates the 21st Anniversary of the Bringing Russian Peacekeeping Forces]. *Diplomaticheskii vestnik Pridnestrov'ia* [Diplomatic vestnik of Transnistria], 2013, no. 4 (10) [in Russian].

V Pridnestrov'e sostoialos' otkrytie memorial'noi plity v chest' generala Aleksandra Lebedia [Opening of a memorial plate in honour of General Alexandr Lebed' has happened in Pridnestrovie]. *Diplomaticheskii vestnik Pridnestrov'ia* [Diplomatic vestnik of Transnistria], 2016, no. 14 [in Russian].

Ivanova L.V. *Istoriko-kul'turnyi landshaft: kontseptual'nye podkhody, problemy sokhraneniia i perspektivy izucheniia* [Historical and cultural landscape: conceptual approaches, problems of conservation and prospects of studying]. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniia* [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research], 2009, no. 7 [in Russian].

Interv'iu Chrezvychnogo i Polnomochnogo Posla Ukrainy v Respublike Moldova S.I. Pirozhkova press-sluzhbe politicheskogo predstavitelia Pridnestrov'ia v moldo-pridnestrovskom uregulirovanii [Interview with Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of Ukraine to the Republic of Moldova S.I. Pirozhkov to the press service of political representative of Transnistria in Moldo-Transnistrian settlement]. *Diplomaticheskii vestnik*

Pridnestrov'ia [Diplomatic vestnik of Transnistria], 2010, no. 2 [in Russian].

Kashleva M.N., Melnichuk A.A. *Muzei Pridnestrov'ia* [Museums of Transnistria]. Tiraspol, 2015 [in Russian].

Kudrin V.N. *Znakom'tes': Pridnestrov'e. 2-e izd., ispr. i pererab.* [Meet Transnistria. 2nd edition, revised]. Bendery, 2015 [in Russian].

Kudrin V.N. *Putevoditel'. Pridnestrov'e* [A Travel Guide to Transnistria]. Bendery, 2014 [in Russian].

Pamiatnik I.S. Mazepe [A monument to I.S. Mazepa]. *Dostoprimechatel'nosti Bender* [Sights of Bendery]. Available at: http://bendery.su/Dostoprimechatelnosti/pamyatnik_mazepa.html [in Russian].

ПЕДАГОГИКА

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-50-55
УДК 378

Дата поступления статьи: 12/III/2018
Дата принятия статьи: 18/IV/2018

О.Н. Орлова

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ СПЕЦКУРСОВ О ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТУДЕНТАМ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

© Орлова Ольга Николаевна – аспирант, кафедра философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

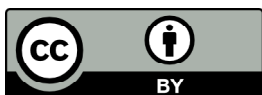
E-mail: kkleb@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-1383-9628>

АННОТАЦИЯ

Изучение современного города как сложной системы предполагает междисциплинарный подход. Вследствие этого городское пространство стало объектом интереса для разных наук: экономики, социологии, педагогики, политологии, культурологии, антропологии, филологии и многих других. Городская тематика вызвала научный интерес у широкого круга специалистов. Ответом на эту тенденцию стало появление учебных программ о городе, городском пространстве и методических рекомендаций для будущих историков, философов, социологов, культурологов, экономистов, управленцев. В статье проанализированы программы спецкурсов и методические рекомендации по философии города, социологии города, городской антропологии, экономики города, урбанистике для студентов гуманитарных специальностей в российских вузах. Анализ программ базировался на трех образовательных задачах, выделенных в соответствии с современным общественным запросом на городские исследования: 1) развитие способностей студентов к конструктивному междисциплинарному диалогу с другими специалистами по вопросам модернизации и исследования городской среды; 2) формирование умения студентов анализировать сложные городские процессы с точки зрения философии, культурологии, социологии, экономики, управленческих технологий и других наук; 3) формирование у студентов понимания, как в рамках своих узкопрофессиональных умений они могут влиять на развитие города, городских пространств. Были изучены образовательные программы о городе и методические рекомендации, разработанные для студентов-гуманитариев в высших учебных заведениях России. Отмечено, что дисциплины о городе для студентов гуманитарных специальностей имеют много пересечений в списке литературы, что впоследствии может дать возможность студентам разных направлений подготовки выстраивать конструктивный диалог по поводу городского пространства.

Ключевые слова: спецкурсы о городе, преподавание, гуманитарная специальность, междисциплинарный подход.

Цитирование. Орлова О.Н. Особенности преподавания спецкурсов о городском пространстве студентам гуманитарных специальностей // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 50–55. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-50-55>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

O.N. Orlova

PECULIARITIES OF TEACHING SPECIAL COURSES ON URBAN SPACE TO STUDENTS OF HUMANITARIAN SPECIALTIES

© Orlova Olga Nikolaevna – postgraduate student, Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: kkleb@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1383-9628>

ABSTRACT

The study of a modern city as a complex system presupposes an interdisciplinary approach. As a result, the urban space became an object of interest for different sciences: economics, sociology, political science, cultural studies, anthropology, philology and many others. City has become the object of scientific interest for a wide range of specialists. The response to this trend was the emergence of special disciplines programs about the city and methodological recommendations for future historians, philosophers, sociologists, economists, and managers. In the article programs of special courses and methodical recommendations on city philosophy, city sociology, city anthropology, city economy, urban studies for students of humanitarian specialties in Russian universities are analyzed. The analysis of the programs was based on three educational tasks, singled out in accordance with the modern public demand for urban research: 1) development of students' abilities to constructive interdisciplinary dialogue with other specialists in the field of modernization and research of the urban environment; 2) formation of students' ability to analyze complex urban processes from the point of view of philosophy, cultural studies, sociology, economics, management technologies and other sciences; 3) the formation of students' understanding of how within their narrow professional skills they can influence the development of the city, urban spaces. It was analyzed about ten educational programs about the city and methodological recommendations developed for students of humanities in higher educational institutions of Russia. It is noted that disciplines about the city for students of humanitarian specialties have many intersections in the list of literature, which can subsequently enable students of different areas of training to construct a constructive dialogue about the urban space.

The article gives recommendations on teaching and supplementing these educational programs, namely: the emphasis of students' attention on the interdisciplinary approach to studying the city; familiarity with methods of analyzing the city from related scientific disciplines; the inclusion of «microubanism» in the programs; enrichment of educational programs with practical tasks oriented to applying theoretical knowledge in the territory where the discipline is taught.

Key words: disciplines about the city, teaching, humanitarian specialty, interdisciplinary approach.

Citation. Orlova O.N. *Osobennosti prepodavaniia spetskursov o gorodskom prostranstve studentam gumanitarnykh spetsialnostei* [Peculiarities of teaching special courses on urban space to students of humanitarian specialties]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 50–55. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-50-55>.

Появление образовательных программ и специальных дисциплин о городе – это ответ высшей школы на современный тренд всеобщего внимания к городскому пространству. Человечество пытается осмыслить место, в котором в настоящее время проживает значительная часть населения планеты. Современный интерес к городу вышел за рамки профессиональных компетенций местных властей и градостроителей. Сегодня участвовать в управлении городом могут не только эксперты, но и обычные жители, компетенции которых не связаны с урбанистическим знанием.

В то же время участие горожан в процессе конструирования и исследования городского про-

странства не отменяет вдумчивого, профессионального взгляда на город. Скорее, наоборот, в ситуации, когда городская структура становится более сложной, когда в процесс создания городского пространства включаются новые акторы, вырастает необходимость в грамотном планировании территории, в городских социокультурных технологиях и комплексных исследованиях, содержащих междисциплинарное взаимодействие ученых. Так, Высшая школа урбанистики совместно с институтом медиа, архитектуры и дизайна Strelka реализует магистерскую программу по урбанистике. На обучение приглашаются маркетологи, культурологи, экономисты, дизайнеры, архитекторы. Кроме того,

в непрофильных вузах студентам предлагается освоить спецкурсы, связанные с изучением города. Социология города, городская антропология, культурная антропология города, история урбанистики, экономика города, философия города – все эти дисциплины преподаются не будущим архитекторам и градостроителям, а студентам гуманитарных специальностей, профессия которых напрямую не связана с изменением городской среды. Эти программы представляют собой особый педагогический интерес, так как отвечают новому общественному запросу на понимание города и его изучение разными специалистами. На сегодняшний день важно понять, на каких принципах основывается преподавание названных дисциплин и как эти принципы соотносятся с современными реалиями. Исходя из существующих тенденций развития урбанистики и понимания городского пространства, можно выделить следующие учебные задачи, которые следует решить в процессе реализации спецкурсов о городе для студентов гуманитарных специальностей в российских вузах: 1) Развить навыки междисциплинарного взаимодействия с другими специалистами по вопросам исследования городской среды; 2) Развить умение анализировать системные процессы в городе с точки зрения философии, культурологии, социологии, экономики, управленческих технологий; 3) Сформировать у студентов понимание, как в рамках своих профессиональных компетенций они могут влиять на город, городское пространство. В соответствии с обозначенными задачами было проанализировано десять программ специальных дисциплин о городе для бакалавриата и магистратуры гуманитарных специальностей в российских вузах. Цель данного анализа – определить основные подходы к преподаванию программ о городском пространстве студентам гуманитарных специальностей.

Программы, как правило, не ставят своей задачей развитие у студентов навыков междисциплинарных исследований. Особенно это относится к спецкурсам по социологии и экономике города. В них студенты изучают традиционные экономические или социологические методы исследования. Целесообразно в рамках освоения специальной дисциплины также познакомить их с разными подходами к анализу городского пространства. Взгляд архитектора, культуролога, историка дополнит социологическую или экономическую картину города. Методология других наук не обязательно должна быть в полной мере освоена студентами (экономист не может заменить архитектора). Но знакомство с иным способом видения урбанистических процессов поможет разным специалистам найти точки соприкосновения. Так, например, Петр Штомпка рассматривает фотографию как один из важных способов современных социологических исследований [Штомпка]. Этот же метод используют градостроители в предпроектных исследованиях перед проектированием объектов.

Несмотря на то что разработчики программ не указывают в целях и задачах навыки междисциплинарной работы, программы содержат в себе пред-

посылки для того, чтобы разные специалисты смогли между собой договориться. Похожий библиографический список во многих программах позволяет сформировать единое исследовательское поле, от которого впоследствии могут отталкиваться студенты при выстраивании междисциплинарного диалога. Практически во всех программах упоминается работа Г. Зиммеля «Большие города и духовная жизнь», ставшая основой для современного развития урбанистического знания [Зиммель]. На него опираются программы по философии¹, социологии^{2,3}, антропологии города⁴. Макс Вебер подробно анализирует город с экономической точки зрения, но также его работу «Город» можно встретить в программах по социологии города⁵. Представители Чикагской социологической школы – Л. Вирт [Вирт], Э. Берджесс [Берджесс], Р. Парк [Парк] – упоминаются в программах по антропологии, социологии города. Также во многих спецкурсах можно встретить ссылки на Кевина Линча [Линч], Вячеслава Глазычева [Глазычев], Джейн Джекобс [Джекобс]. Это подтверждает существование общей основы для разных дисциплин о городе: философии города, социологии города, культурологии города, экономике города, городской антропологии, урбанистике.

Помимо общего списка литературы, некоторые из программ содержат разделы, где рассматриваются интерпретации понятия «город» в зеркале разных наук и научных дисциплин. Например, в программе Саратовского госуниверситета имени Н.Г. Чернышевского выделены главные направления исследования городов: территориальное, историческое, экономическое, градостроительное, социологическое, социокультурное, культурологическое, психологическое, политологическое, семиотическое, онтологическое⁶. Таким образом, даже при отсутствии специальных разделов о междисциплинарных исследованиях программы спецкурсов содержат в себе потенциал в виде общей теоретической и терминологической базы для обучения студентов диалогу с другими специалистами. Поэтому в данном случае достаточно акцентировать внимание студентов на данной проблеме, обсудить с ними важность понимания подходов разных наук для эффективного изучения города.

Если междисциплинарный диалог о городе требует от специалистов понимания точек соприкосновения друг с другом, то экспертный анализ городского пространства, наоборот, предполагает узкий взгляд на город отдельного специалиста. У обучающихся на гуманитарных специальностях в отношении изучения города есть особая роль. Она заключается в том, чтобы увидеть процесс многообразных городских изменений, отразить сложные процессы, выделить новые социальные сценарии, которые разворачиваются на городской сцене. Это задача культурологов, философов, историков, социологов. Так, например, программа МГУ имени М. Ломоносова среди навыков выделяет технику комплексной философско-ант-

ропологической реконструкции образа человека из различных теоретических моделей городской жизни⁷. Программа Волгоградского государственного социально-педагогического университета среди умений студентов выделяет следующие: «Анализировать и определять свою принадлежность к городу как месту и социокультурному сообществу со специфическими смыслами, социально-культурной идентичностью, ценностными убеждениями и мировоззренческими установками» [Шипулина]. Кроме того, именно человекомерный взгляд, взгляд гуманитария, на город определяет современный ракурс многих городских исследований наравне с городским пространством (последнее подробно представлено в программе Казанского федерального университета⁸). Данный аспект в программах спецкурсов представлен достаточно полно. В программах встречаем такие темы: «Фланер и другие фигуры исключения – к формированию субъекта городских исследований»⁹; «Городские ритмы, ментальные карты и памятные места – человек отвоевывает город»¹⁰; «Homo virtualis. Множество “виртуальных личностей”»¹¹. Среди компетенций студентов разработчики программ выделяют умение проводить экономический, социологический, культурологический анализ места.

Однако ни в одной из рассмотренных программ не было упоминания о микроурбанизме, новом подходе исследования городского пространства через детали [Микроурбанизм]. Этот способ взгляда на город соразмерен человеку, понятен простому горожанину. Тема микроурбанизма могла бы стать качественным дополнением программ спецкурсов по социологии, философии и антропологии города. Знакомство студентов с этим подходом расширяет спектр возможных способов исследования города, доступных для реализации во время обучения в вузе. Масштабные комплексные работы по изучению города и человека в нем трудновыполнимы для обучающихся. К тому же направление их подготовки не требует глубокого погружения в проблемы урбанистики. А рассмотрение города с точки зрения микроурбанизма позволяет на обозримом материале провести грамотное исследование, проинтерпретировать результаты.

Кроме того, что студенты гуманитарных специальностей могут дать экспертную оценку системным процессам, происходящим в городе, им необходимо понимать, каким образом они могут участвовать в изменениях городского пространства, включиться в процесс создания или изменения городского пространства. Роль гуманитария в этой ситуации состоит в создании смыслов, вдохновении, выстраивании коммуникации между участниками диалога о городе. Российский урбанист С. Мурунов отмечает: «Для ее [идеологии] развития необходима рефлексия и критическое мышление. Хорошие идеологи – художники, философы, поэты. Но в каком городе у нас эти люди встроены в городское управление? Их даже в разработку стратегии не зовут – единственных людей, спо-

собных оперировать культурными кодами и понимать, что они собой представляют» [Карпов].

Далеко не все существующие образовательные программы включают в себя практическую работу студентов в поле: проведение социологических, культурологических или иных исследований. Дисциплины при своей практической ориентированности осваиваются через традиционные лекции, семинары, эссе. Пример включения практических заданий в процесс обучения – программа Ярославского госуниверситета им. П.Г. Демидова. В нее включены задания по составлению программы социологического исследования города, апробирование метода включенного наблюдения в городе, анализ путеводителей по Ярославлю и многие другие¹². Данные практические задания имеют прямое отношение к городу, в котором происходит обучение. Волгоградский государственный социально-педагогический университет предлагает студентам разные творческие задания по завершении курса [Шипулина]. Программа по экономике города включает в себя деловые игры и творческие задания¹³. Таким образом, обширный теоретический материал находит точки приложения в конкретном месте, понятном для студентов.

Подводя итоги, следует сказать, что даже при наличии общей теоретической базы объединение программ о городе и создание единой программы для гуманитарных специальностей нецелесообразно. Каждая наука вносит свой уникальный вклад в развитие и анализ городского пространства. Вместе с тем желательным включение в программу спецкурсов изучения методов других наук о городе для того, чтобы студенты могли понимать особенности научного мировоззрения специалистов из других сфер и умели продуктивно с ними взаимодействовать во время комплексных городских исследований. Важной задачей гуманитарного осмысления города является рефлексивный взгляд на город и человека в нем. Именно гуманитарные науки позволяют выявить и проанализировать существующие тенденции в городском пространстве, определить способы выстраивания взаимоотношений между человеком и городом. Поэтому в образовательные программы спецкурсов о городе должны быть включены задания на анализ, обобщение и интерпретацию городских данных. Также следует включить в программы тему, посвященную микроурбанизму, что расширит рамки для исследовательской деятельности студентов и продемонстрирует возможность изучать город в микромасштабах. Практикоориентированные курсы о городе редко содержат достаточное количество заданий на применение полученных знаний. Как правило, программы ограничиваются традиционными формами лекционно-семинарских занятий (реже используются эссе, исследования). И лишь немногие предлагают студентам творческие, исследовательские, практические задания в полном объеме. Данное направление в образовательных программах о городе требует наибольшей корректировки. В целом программы

дисциплин о городе отвечают на современные общественные запросы. Само появление таких спецкурсов свидетельствует об изменении подходов к образованию в высшей школе, в частности к преподаванию урбанистики и смежных дисциплин.

Примечания

¹ Рабочая программа дисциплины Философия города / Саратовский государственный университет имени Чернышевского Н.Г. Саратов, 2014. 10 с.

² Рабочая программа дисциплины Б3.В.ДВ5 Социология города / Кемеровский государственный университет. Новокузнецк, 2014. 23 с.

³ Руденко Л.Д. Социология города: методические указания / Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 52 с.

⁴ Данилов В.Н. Рабочая программа дисциплины Антропология города / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. М., 2013. 10 с.

⁵ Казанцев В. И., Светульков М.Г. Социология города: учебно-методическое пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2004. 140 с.

⁶ Рабочая программа дисциплины Б3.В.ДВ5 Социология города / Кемеровский государственный университет. Новокузнецк, 2014. 23 с.

⁷ Данилов В.Н. Указ. соч.

⁸ Столярова Г.Р. Фролова Е.В. Программа дисциплины Антропология города М2.ДВ.6 / Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2014. 15 с.

⁹ Данилов В.Н. Указ. соч.

¹⁰ Там же.

¹¹ Рабочая программа дисциплины Философия города / Саратовский государственный университет имени Чернышевского Н.Г. Саратов, 2014. 10 с.

¹² Руденко Л.Д. Указ. соч.

¹³ Пудовик Е.М. Программа дисциплины Экономика города М2.В.3 / Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2014. 15 с.

Библиографический список

Берджесс Э. Рост города: Введение в исследовательский проект // Личность, культура, общество. 2002. Т. 4. Вып. 1–2. С. 169–181. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9158320> (дата обращения: 30.05.2018).

Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebovr/index.php (дата обращения: 30.05.2018).

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 93–118.

Глазычев В.Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. 220 с. URL: <https://www.twirpx.com/file/998419>.

Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 460 с. URL: <http://socioline.ru/book/dzhejn-dzhekobs-smert-i-zhizn-bolshih-amerikanskih-gorodov>.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. № 3–4, 2002. С. 23–34. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения: 30.05.2018).

Карпов М. «Везде деградировавший ландшафт». Урбанист Святослав Мурунов о том, почему в России нет позитивных примеров развития городов // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/05/30/murunov/> (дата обращения: 30.05.2018).

Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

Микроурбанизм. Город в деталях / сб. ст.; под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 352 с.

Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2000. № 3. С. 136–150. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/14/1211453107/5_1_3.pdf (дата обращения: 30.05.2018).

Шипулина Н.Б. Культурная антропология города: программа учебной дисциплины по направлению 44.03.01 Педагогическое образование // Наука и образование ONLINE. URL: <https://pedagog.ee-science.ru/listing/kulturnaya-antropologiya-goroda-programma-uchebnoj-distsipliny-po-napravleniyu-44-03-01-pedagogicheskoe-obrazovanie> (дата обращения: 30.05.2018).

Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: / пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. М.: Логос, 2007. 168 с.

References

Byordzhess E.H. *Rost goroda: vvedenie v issledovatel'skii proekt* [Growth of the city: introduction to the research project]. *Lichnost', kultura, obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2002. Vol. 4, issue 1–2, pp. 169–181. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9158320> (accessed 30.05.2018) [in Russian].

Weber M. *Gorod* [The city]. In: Weber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Selectas. The image of society]. М.: Iurist, 1994, 704 p. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebovr/index.php (accessed 05.30.2018) [in Russian].

Wirth L. *Urbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism as a way of life]. In: Wirth L. *Izbrannye raboty po sotsiologii* [Selected works on sociology]. М.: INION РАН, 2005, pp. 93–118 [in Russian].

Glazychev V.L. *Urbanistika* [Urban studies]. М.: Evropa, 2008, 220 p. Available at: <https://www.twirpx.com/file/998419> [in Russian].

Jacobs J. *Smert i zhizn bolshikh amerikanskikh gorodov. Per. s angl.* [The Death and Life of Great American Cities. Translation from English]. М.: Novoe izdatel'stvo, 2011, 460 p. Available at: <http://socioline.ru/book/dzhejn-dzhekobs-smert-i-zhizn-bolshih-amerikanskih-gorodov> [in Russian].

Simmel G. *Bol'shie goroda i dukhovnaia zhizn'* [The Metropolis and Mental Life]. *Logos* [Logos], no 3–4, 2002, pp. 23–34. Available at: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (accessed 30.05.2018) [in Russian].

Karpov M. «*Vезде degradirovavshii landshaft*». *Urbanist Sviatoslav Murunov o tom, pochemu v Rossii net pozitivnykh primerov razvitiia gorodov* [«Everywhere a degraded landscape». Urbanist Sviatoslav Murunov about why there are no positive examples of urban development in Russia]. *Lenta.ru*. Available at: <https://lenta.ru/articles/2015/05/30/murunov/> (accessed 30.05.2018) [in Russian].

Lynch K. *Obraz goroda. Per. s angl. V.L. Glazychev* [The image of the city. Translation from English by V.L. Glazychev]. M.: Stroiizdat, 1982, 328 p. [in Russian].

Mikrourbanizm. Gorod v detaliakh. Sb. statei; pod otv. redaktsiei O. Brednikovoi, O. Zaporozhets [Microurbanism. City in details. Collection of articles; O. Brednikova, O. Zaporozhets (Eds.)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 352 p. [in Russian].

Park R.E. *Gorodskoe soobshchestvo kak prostranstvennaia konfiguratsiia i moralnyi poriadok* [The urban community as a spatial configuration and moral order]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki za rubezhom. Ser. 11. Sotsiologiya* [Social and humanities abroad. Ser. 11.

Sociology], 2000, no. 3, pp. 136–150. Available at: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/14/1211453107/5_1_3.pdf (accessed 30.05.2018) [in Russian].

Shipulina N.B. *Kulturnaia antropologiya goroda: programma uchebnoi distsipliny po napravleniiu 44.03.01 Pedagogicheskoe obrazovanie* [Cultural anthropology of the city: program of educational discipline in the direction of 44.03.01 Pedagogical Education]. *Nauka i obrazovanie ONLINE* [Science and Education ONLINE]. Available at: <https://pedagog.eee-science.ru/listing/kulturnaya-antropologiya-goroda-programma-uchebnoj-distsipliny-po-napravleniyu-44-03-01-pedagogicheskoe-obrazovanie> (accessed 30.05.2018) [in Russian].

Shtompka P. *Vizualnaia sotsiologiya. Fotografiiia kak metod issledovaniia. Per. s polsk. N.V. Morozovoi, avt. vstup. st. N.E. Pokrovskii* [Visual sociology. Photography as a method of research: Translation from Polish by N.V. Morozova; author of the introductory article N.E. Pokrovsky]. M.: Logos, 2007, 168 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-56-62
УДК 978

Дата поступления статьи: 12/IV/2018
Дата принятия статьи: 15/V/2018

Е.В. Кузнецова

МЕТОДИКА МОНИТОРИНГА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

© Кузнецова Елена Васильевна – кандидат физико-математических наук, доцент, кафедра прикладной математики, Липецкий государственный технический университет, 398600, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Московская, 30.

E-mail: eva351@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5408-2070>

АННОТАЦИЯ

В настоящее время в связи с присоединением России к Болонскому процессу актуальной стала проблема комплексной оценки качества образования. Среди показателей, которые необходимо рассматривать вместе с другими критериями результативности учебного процесса, те, что отражают степень удовлетворенности студентов качеством образовательных услуг, предоставляемых вузом. Для организации студенческих опросов необходимы надежные и валидные оценочные инструменты, где надежность – один из признаков качества оценочного инструмента, характеризующий устойчивость к погрешностям измерения, валидность – способность инструмента измерять то, что планировали его разработчики. На основе анализа российского и зарубежного опыта проведения студенческих опросов на кафедре прикладной математики Липецкого государственного технического университета нами был разработан оценочный инструмент – методика мониторинга удовлетворенности студентов качеством образовательных программ. Целью данного исследования является анализ надежности и валидности данной методики. В качестве надежности разработанного оценочного инструмента рассматривалась внутренняя согласованность пунктов анкеты, оцениваемая с помощью расчета значений Альфа Кронбаха. В качестве степени валидности – содержательная валидность, то есть анализировалось, насколько полученные результаты согласуются с теорией и практикой обучения. Результаты опроса студентов четвертого курса направления «прикладная математика» обрабатывались посредством расчета значений Альфа Кронбаха и применения регрессионного анализа. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что разработанный нами оценочный инструмент обладает внутренней согласованностью и содержательной валидностью. Поэтому результаты студенческих опросов, проведенные посредством его применения, могут быть использованы для анализа качества образовательных программ в вузе.

Ключевые слова: оценка качества образования, опрос студентов, оценочный инструмент, надежность, валидность.

Цитирование. Кузнецова Е.В. Методика мониторинга удовлетворенности студентов вуза качеством образовательных программ // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 56–62. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-56-62>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

E.V. Kuznetsova

**METHODOLOGY FOR MONITORING OF STUDENTS' SATISFACTION
WITH THE QUALITY OF EDUCATIONAL PROGRAMS**

© *Kuznetsova Elena Vasilievna* – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, associate professor, Department of Applied Mathematics, Lipetsk State Technical University, 30, Moskovskaya Street, Lipetsk, 398600, Russian Federation.

E-mail: eva351@yandex.ru. ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5408-2070>

ABSTRACT

At present, in connection with the accession of Russia to the Bologna Process, the problem of a comprehensive assessment of the quality of education has become topical. Among the indicators that should be considered together with other criteria for the effectiveness of the educational process are indicators reflecting the degree of student satisfaction with the quality of educational programs provided by the university. Student interviews require reliable and validated evaluation tools, where reliability is one of the hallmarks of the quality of the evaluation tool, characterizing the resistance to measurement errors, validity is one of the hallmarks of the ability of the tool to measure what its developers planned. Based on the analysis of Russian and foreign experience in conducting student interviews, at the Department of Applied Mathematics of Lipetsk State Technical University we developed an evaluation tool - a methodology for monitoring students' satisfaction with the quality of educational programs. The purpose of this study is to analyze the reliability and validity of this technique. As reliability of the developed evaluation tool, the internal consistency of items of the questionnaire was considered and estimated by means of calculating Cronbach's Alfa values. As a degree of validity, the content validity was considered, that is analysis, how much the results obtained are consistent with the theory and practice of training. The results of the survey of the fourth year students of the direction «applied mathematics» were analyzed by applying the regression analysis and calculating the values of Cronbach's Alfa. The carried out research allows to draw the conclusion that the evaluation tool developed by us has internal consistency and substantial validity. Therefore, the results of student surveys conducted through the application of this evaluation tool can be used to analyze the quality of educational programs at a university.

Key words: assessment of the quality of education, student survey, evaluation tool, reliability, validity.

Citation. Kuznetsova E.V. *Metodika monitoringa udovletvorennosti studentov vuza kachestvom obrazovatelnykh programm* [Methodology for monitoring of students' satisfaction with the quality of educational programs]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 56–62. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-56-62>.

Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что инновационное развитие образования невозможно без активного участия студентов в процессе обучения. Поэтому изучение удовлетворенности студентов качеством образовательных программ становится все более актуальным. Как показывает зарубежный опыт, практика проведения студенческих опросов получает широкое распространение с конца 1960-х, что, по мнению S. Darwin, вызвано ростом студенческих волнений и общим недовольством качеством образования в обществе [Darwin]. С тех пор учеными разных стран разработано большое количество оценочных инструментов, позволяющих выявить и проанализировать отношение студентов к изучению отдельных дисциплин и образовательных программ в целом. Термин «оценочный инструмент» применяется, как правило, для обобщающего понятия, обозначающего тест, опросник, методику оценивания [Тюменева, Яременко]. Различ-

ные аспекты, связанные с проведением студенческих опросов, отражены в многочисленных исследованиях. В работе [Benton, Cashin] обобщаются результаты исследований по данной проблеме за период с 1970 по 2013 год. Авторы отмечают, что, осуществляя поиск в онлайн-библиотеке исследований и информации в области образования ERIC (Education Resources Information Center) и используя такие ключевые слова, как student evaluation of teacher performance и higher education, они получили 1874 ссылок. Аналогичный поиск, проведенный нами в январе 2018 года, выявил наличие 56 185 ссылок на статьи, посвященные исследованию проблем студенческих опросов. Иными словами, данная тема по-прежнему остается актуальной среди исследователей.

В России Министерством высшего и среднего образования в конце 1980-х в вузах была введена практика опросов студентов с использованием ан-

кеты «Преподаватель глазами студента». Появление данной анкеты вызвало критику со стороны ученых-исследователей и преподавателей-практиков [Горбатенко; Зеленцов; Левченко]. В публикациях того времени отмечались отсутствие исследований психометрических свойств данного опросника, некорректная интерпретация и использование результатов анкетирования. Проведение регулярных опросов в вузах постепенно прекратилось. Сегодня в связи с присоединением России к Болонскому процессу проблема оценки качества образования снова стала актуальной. Однако в настоящее время разработка анкет и их применение происходит на уровне отдельных вузов (например, диссертация [Марухина], статьи [Борычев; Запесоцкий; Зеленеv, Туманов; Кузнецова, 2011a]). И несмотря на то, что проведение студенческих опросов постепенно становится привычной процедурой, публикации, посвященные анализу применяемых оценочных инструментов, крайне редки.

Существуют различные мнения относительно достоверности результатов анкетирования студентов (например, [Benton, Cashin; Марухина, 2004]). Однако и сторонники, и критики проведения студенческих опросов сходятся во мнении, что к результатам студенческих оценок необходимо взвешенное отношение как к одному из показателей качества образования, который следует рассматривать в комплексе с другими показателями результативности учебного процесса.

На кафедре прикладной математики в Липецком государственном техническом университете (ЛГТУ) большое внимание уделяется организации обратной связи со студентами и мониторингу удовлетворенности студентов качеством образовательных программ [Кузнецова, 2011b]. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, сегодня прикладная математика – это динамично развивающаяся отрасль науки, тесно связанная с разработкой и применением информационных технологий. Поэтому подготовка конкурентоспособных и востребованных на рынке труда специалистов данного направления требует постоянной коррекции учебного процесса. Во-вторых, карьеру математика выбирают математически одаренные молодые люди с высоким уровнем интеллекта. Как правило, они хотят быть активными участниками процесса обучения и предъявляют высокие требования к качеству обучения.

Целью данного исследования является анализ надежности и валидности методики, применяемой для мониторинга качества образовательных программ на кафедре прикладной математики ЛГТУ. Надежность – один из критериев качества оценочного инструмента, характеризующий устойчивость к погрешностям измерения. Валидность – способность инструмента измерять то, что планировали его разработчики [Тюменева, Яременко].

Как показал анализ инструментов для проведения студенческих опросов по оценке качества обучения, зарубежные опросники достаточно подробны (например, достаточно популярная анкета

Students Experience Questionnaire (SEQ)¹). Так что оценка только одной учебной дисциплины требует около 20 минут. Анкета 1980-х «Преподаватель глазами студента» содержит 18 пунктов и предусматривает ответы по 9-балльной шкале Лайкерта. Среди критических замечаний было указание, что данная анкета содержит избыточное число субъективно сформулированных вопросов [Зеленцов]. И так как нам было необходимо провести анализ оценок учебных курсов в контексте исследования удовлетворенности студентов образовательной программой в целом (студентам предстояло дать оценку 32 учебным курсам, что требует усилий, внимания и затрат времени), было принято решение разработать более краткий вариант анкеты.

Предполагалось, что структура опросника должна отражать мнение студентов по следующим аспектам процесса обучения: качество организации учебного процесса; мастерство преподавателя; результаты процесса изучения учебной дисциплины.

Необходимость реформирования, сокращение аудиторных часов требуют оптимизации учебного процесса. В связи с этим студентам предлагалось оценить достаточность количества часов, отведенных на изучение учебной дисциплины (переменная O1 – *Достаточность часов в целом*). Кроме того, важно соотношение лекционных и практических занятий. Поэтому студентам предлагалось оценить, насколько, по их мнению, недостаточно времени на изучение теории (переменная O2 – *Недостаточно теории*) и насколько недостаточно времени на практические и лабораторные занятия (переменная O3 – *Недостаточно практики*). Важным показателем качества организации учебного процесса является обеспечение учебниками, учебными пособиями, методическими указаниями и другими материалами, поэтому студенты должны были оценить, насколько они ощущали недостаток учебных материалов при изучении той или иной учебной дисциплины (переменная O4 – *Недостаточно учебников и пособий*).

Не вызывает сомнения, что результаты учебного процесса во многом обусловлены профессиональными и личностными качествами преподавателя. Студентам предлагалось выразить свое мнение относительно того, насколько преподаватель владеет знаниями в той области, которую он преподаёт (переменная M1 – *Квалификация-знание предмета*). Данное качество преподавателя находит свое отражение в том, насколько глубоко дается фундамент идей и концепций, как преподаватель отвечает на вопросы студентов по содержанию предмета, какова его эрудиция в той области, где он преподаёт. Не менее важным является педагогическое мастерство преподавателя (переменная M2 – *Педагогическое мастерство*). Данное качество находит свое выражение в том, насколько ясно, четко и понятно излагается материал. И наконец, пункт, который предложили включить студенты: *Объективность оценок* (переменная M3). По мнению студентов, данный фактор имеет этическую окраску и отражает наличие взаимного уважения и

здоровой моральной атмосферы в классе. То, что студенты способны дать оценку квалификации преподавателя и качеству организации учебного процесса, доказано [Benton, Cashin; Kulik].

Студентам также предлагалось оценить сложность содержания учебной дисциплины (переменная P1), свой интерес к предмету (переменная P2), свой уровень знаний после изучения курса (переменная P3) и свое мнение о необходимости внесения изменений в процесс преподавания оцениваемой дисциплины (переменная P4). Валидность использования самооценок студентов доказана в ряде зарубежных исследований [Benton, Duchon, Pallett].

Для проведения оценки необходимо было выбрать шкалу. На этапе разработки анкеты студентам было предложено три варианта: 5-балльная шкала, 9-балльная шкала Лайкерта (анкета «Преподаватель глазами студента») или 100-балльная шкала. Студенты выбрали последний вариант. Возможно, это обусловлено тем, что в нашем вузе принята 100-балльная шкала оценки текущей успеваемости и, кроме того, в повседневной жизни для оценок часто используются проценты (например, «уверен на все 100 %»).

Как показывает опыт и подтверждают научные исследования [Benton, Cashin], информативность студенческих опросов во многом зависит от того, насколько серьезно воспринимают студенты свое участие в проведении анкетирования. Следовательно, для формирования мотивации важно иметь в виду, что студентов в большей мере вдохновляют возможность способствовать улучшению процесса обучения и понимание того, что их мнение будет учтено сотрудниками кафедры. Поэтому мы считаем более правильным смещение акцентов: не «Преподаватель глазами студента», а «Учебный процесс глазами студента».

В опросе принимали участие студенты IV курса направления «Прикладная математика». Мы считаем, что студенты, проходившие опрос, имеют достаточный опыт, чтобы дать оценку по предлагаемым вопросам, поскольку, в отличие от студентов

младших курсов, они имеют опыт учебной, научно-исследовательской и практической деятельности, полученный ими за четыре года обучения в университете. Данный вывод согласуется с мнением авторов статьи [Theal, Franclin], которые полагают, что студенты старших курсов в большей мере, чем студенты младших курсов, способны оценить ряд аспектов образовательной программы (в том числе знание преподавателем содержания преподаваемой учебной дисциплины). Опрос проводился анонимно.

В опросе приняли участие 49 студентов, из них 22 юноши и 27 девушек. Одна анкета была заполнена некорректно и удалена из дальнейшего рассмотрения. Каждый участник опроса, используя 100-балльную шкалу, оценил 11 параметров (табл. 1) для каждой из 32 учебных дисциплин, составляющих образовательную программу «Прикладная математика». Далее по результатам опроса была построена итоговая таблица, размер которой равен 32x11: для каждой учебной дисциплины было вычислено среднее значение каждой из 11 переменных. Процедуры оценки надежности и валидности инструментов измерений реализованы в ряде известных программных продуктов статистической обработки данных (SPSS, STATISTICA и др.). Полученные нами результаты опроса изучались посредством методов статистического анализа с использованием программного пакета STATISTICA.

Существует несколько подходов к оценке надежности оценочного инструмента. В данной статье мы рассматриваем надежность как внутреннюю согласованность. Для оценки надежности теста были рассчитаны значения α Кронбаха. Данный показатель является наиболее известным и популярным среди исследователей индикатором внутренней согласованности теста: группа вопросов считается внутренне согласованной, если рассчитанное для нее значение α Кронбаха не менее 0,7 [Kline]. Таким образом, результаты расчетов, приведенные в табл. 1, показывают, что исследуемый опросник является внутренне согласованным.

Таблица 1

Результаты оценки внутренней согласованности анкеты

Шкала	Пункты	Переменная	α Кронбаха
1. Организация учебного процесса	1.1. Достаточность часов в целом	O1	0,784
	1.2. Недостаточно теории	O2	
	1.3. Недостаточно практики	O3	
	1.4. Недостаточно учебников и пособий	O4	
2. Мастерство преподавателя	2.1. Квалификация (знание предмета)	M1	0,896
	2.2. Педагогическое мастерство	M2	
	2.3. Объективность оценок	M3	
3. Результаты	3.1. Субъективная оценка сложности дисциплины	P1	0,783
	3.2. Интерес к предмету	P2	
	3.3. Уровень знаний студента (самооценка)	P3	
	3.4. Необходимость перемен	P4	

Существуют различные подходы к определению того, что такое «валидность оценочного инструмента». Это неизбежно, поскольку «оценочный инструмент» – обобщающее понятие для обозначения «общераспространенных форм стандартизированных процедур оценки, таких как тест, опросник, шкала, методика и т. д.» [Тюменева, Яременко]. В данной статье мы рассматриваем содержательную валидность: насколько полученные результаты согласуются с теорией и практикой обучения. Для этой цели было проведено исследование результатов опроса студентов посредством регрессионного анализа. При построении моделей множественной линейной регрессии применялся программный пакет STATISTICA.

Нами были построены три модели линейной регрессии, показывающие, как зависят результаты обучения (интерес к предмету – переменная P2, уровень знаний студентов – переменная P3 и удовлетворенность качеством образования – переменная P4) от факторов, описывающих качество организации учебного процесса (переменные O1–O4) и мастерство преподавателя (переменные M1–M3). Согласно мнению [Kulik], субъективная оценка сложности учебной дисциплины является внутренней характеристикой ее содержания. Поэтому переменная P1 при построении моделей рассматривалась в качестве объясняющей переменной.

При построении регрессии в модель включались только переменные, значимые на уровне 5 %. Результаты расчетов коэффициентов линейной регрессии по методу наименьших квадратов представлены в таблицах 2–4.

В первой модели (табл. 2) объясняемой переменной является P2 – интерес к изучаемому предмету. Объясняющие переменные O1–O4 (качество организации учебного процесса) и P1 (сложность изучаемой дисциплины) оказались незначимыми и были удалены из модели. Значение статистики Дарбина-Уотсона для данной модели ($DW = 1,809$) свидетельствует об отсутствии автокорреляции остатков, то есть можно считать, что модель адекватна².

Таблица 2

Зависимая переменная P2 – Интерес к предмету Коэффициент детерминации $R^2 = 0,524$ Статистика Дарбина-Уотсона $DW = 1,809$				
Переменные	B	Std.Err.	t(30)	p-level
Const	45,917	28,644	1,603	0,119
M3	0,704	0,220	3,194	0,003
M2	0,828	0,330	2,504	0,018
M1	0,428	0,210	2,039	0,050

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что такой важный для поддержания мотивации студентов фактор, как «интерес к изучаемому предмету», зависит не от сложности учебного материала и недостатков организации учебного процесса, а исключительно от профессиональных и личностных качеств преподавателя, причем наибольший вклад в формирование интереса к изучаемой дисциплине вносит фактор M2 – Педагогическое мастерство преподавателя (коэффициент при

переменной M2 равен 0,828). Коэффициент детерминации данного уравнения равен 0,524, то есть профессиональные и личностные качества преподавателя объясняют 52,4% вариации интереса студентов к изучаемому предмету. Этот результат позволяет предположить, что другим важным обстоятельством в формировании интереса к учебе являются личностные особенности самого студента: его способности, потребности, ценностные представления, что согласуется с теорией формирования мотивации в учебном процессе [Комусова].

Во второй модели исследуется зависимость субъективной оценки студентами собственных знаний, сформированных в результате изучения учебной дисциплины (объясняемая переменная P3 – Уровень знаний), от факторов, описывающих недостатки организации учебного процесса (переменные O2–O4), качество преподавания (переменные M1–M3) и сложность изучаемой дисциплины (переменная P1). Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Регрессионная модель 2

Зависимая переменная P3 – Уровень знаний Коэффициент детерминации $R^2 = 0,850$ Статистика Дарбина-Уотсона $DW = 2,059$				
Переменные	B	Std.Err.	t(26)	p-level
Const	65,667	13,870	4,734	0,000
O4	-0,223	0,133	-1,919	0,066
O2	-0,354	0,269	-1,975	0,059
O3	-0,185	0,126	-2,027	0,053
M1	0,648	0,222	2,918	0,007
M2	0,531	0,135	3,926	0,001
M3	0,436	0,074	5,877	0,000
P1	-0,160	0,052	-3,061	0,005

Коэффициент детерминации равен 0,850. Уравнение объясняет 85 % вариации зависимой переменной от факторов, включенных в модель. Значение статистики Дарбина-Уотсона для данной модели, равно 2,059: автокорреляция остатков отсутствует. Итак, модель можно считать адекватной³. Полученные результаты свидетельствуют, что недостатки организации учебного процесса оказывают существенное отрицательное влияние на уровень знаний студентов (все коэффициенты при переменных O2–O4 – отрицательны). Мастерство преподавателя, напротив, положительно влияет на уровень знаний (все коэффициенты при переменных M1–M3, описывающих мастерство преподавателя, положительны), причем наибольшее влияние оказывает фактор, описывающий квалификацию преподавателя, знание им предметной области преподаваемой учебной дисциплины (коэффициент при переменной M1 равен 0,648). Модель 2 – единственная из трех рассмотренных, где фактор P1 существенно влияет на объясняемую переменную: полученный результат показывает, что сложные учебные дисциплины даются студентам труднее и уровень знаний по ним ниже (коэффициент при переменной P1 равен -0,160). Полученные результаты согласуются с теорией обучения⁴.

Удовлетворенность студентов процессом обучения рассматривается в третьей модели (табл. 4). В качестве индикатора неудовлетворенности выступает показатель, характеризующий необходимость перемен: чем выше неудовлетворенность качеством образования, тем больше студенты ощущают потребность в переменах. Результаты расчетов показывают, что статистически значимое влияние на формирование потребности в переменах оказывают недостатки организации учебного процесса (переменные O2–O4) и качество преподавания (переменные M1–M3). В большей мере это такие факторы, как «недостаток теории» (коэффициент при переменной O2 равен 0,686) и «объективность преподавателя при выставлении оценок» (коэффициент при переменной M3 равен -0,361). Заметим, что такой фактор, как «сложность содержания учебной дисциплины», не оказывает существенного влияния на неудовлетворенность студентов (переменная P1 проявилась как статистически незначимая и не включена в модель). Коэффициент детерминации равен 0,928, то есть модель объясняет 92,8 % вариации переменной P4 (необходимость перемен). Значение статистики Дарбина-Уотсона для данной модели равно 1,946: автокорреляция остатков отсутствует. Итак, модель является адекватной⁵.

Таблица 4

Регрессионная модель 3

Зависимая переменная P4 – Необходимость перемен				
Коэффициент детерминации R ² = 0,928				
Статистика Дарбина-Уотсона DW = 1,946				
Переменные	B	Std.Err.	t(27)	p-level
Const	80,776	11,880	6,799	0,000
O2	0,686	0,233	2,942	0,007
O3	0,160	0,079	2,092	0,046
O4	0,152	0,069	2,214	0,043
M1	-0,256	0,116	-2,207	0,036
M2	-0,186	0,075	-2,473	0,020
M3	-0,361	0,089	-4,058	0,000

Заметим, что переменная O1 (достаточность часов в целом) не вошла ни в одну из построенных моделей. Данный факт объясняется наличием значимой корреляции данной переменной и переменных O2 и O3, вследствие чего включение переменной O1 в модель порождает мультиколлинеарность⁶, что существенно ухудшает прогностические качества построенных моделей.

Проведенный анализ показывает, что наличие и направление влияния значимых объясняющих переменных в построенных регрессионных моделях согласуется с теорией обучения. Данный факт, а также то, что полученные результаты созвучны результатам других, в том числе и зарубежных исследований, свидетельствует о содержательной валидности предлагаемой анкеты. Таким образом, можно сделать вывод, что исследуемый оценочный инструмент «Учебный процесс глазами студента» обладает внутренней согласованностью и содержательной валидностью. Поэтому результаты студенческих опросов могут быть использованы для анализа качества образовательных программ вуза.

Примечания

¹ Students Experience Questionnaire (SEQ). URL: http://www.nd.edu/download/qmad/UNDA_SEQ_APR12_SAMPLE.pdf (дата обращения: 18.01.2018).

² Бородич С.А. Эконометрика. Минск: Новое знание, 2004. 416 с.

³ Там же

⁴ Слостенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика. М.: Академия, 2016. 543 с.

⁵ Бородич С.А. Указ. соч.

⁶ Там же.

Библиографический список

Benton S.L., Duchon, D., Pallett, W.H. (2013). Validity of student self-reported ratings of learning. *Assessment Eval. High. Educ.* 38(4), 377–388.

Benton S.L., Cashin, W.E. (2014). Student ratings of instruction in college and university courses. *Higher education: Handbook of theory and research* (M. B. Paulsen ed.). Vol. 29. Dordrecht, the Netherlands: Springer. P. 279–326.

Darwin S. (2016). The Emergence of Student Evaluation in Higher Education. *Student Evaluation in Higher Education* (S. Darwin ed.). Switzerland: Springer International Publishing, 1–11.

Kline P. (2000). *The handbook of psychological testing* (2nd ed.). L.: Routledge.

Kulik J.A. (2001). Student ratings: Validity, utility, and controversy. *New Direct. Inst. Res.*, 109, 9–25. DOI: <https://doi.org/10.1002/ir.1>.

Theall M., Franklin J. (2001). Looking for bias in all the wrong places: a search for truth or a witch hunt in student ratings of instruction? *New Direct. Inst. Res.*, 109, 45–56. URL: https://www.academia.edu/418482/Looking_for_Bias_In_All_the_Wrong_Places_a_Search_for_Truth_or_a_Witch_Hunt_In_Student_Ratings_of_Instruction.

Борычев С.Н. Анализ методов оценки образовательных программ потребителями образовательных услуг // Вестник Рязанского государственного агротехнологического университета им. П.А. Костычева. 2014. № 3 (23). С. 80–83. URL: <https://www.twirpx.com/file/1788458>.

Горбатенко А.С. Анкета «Преподаватель глазами студента» глазами социального психолога – преподавателя вуза // Вопросы психологии. 1990. № 1. С. 184–186.

Запесоцкий А.С. Преподаватель глазами студентов. Об изучении мнения студентов о качестве педагогической деятельности преподавателя // Высшее образование сегодня. 2007. № 9. С. 28–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15179877>.

Зеленев И.Р., Туманов С.В. Об оценке качества преподавания в вузе в контексте восприятия студентами своих преподавателей // Высшее образование в России. 2012. № 11. С. 99–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19052725>.

Зеленцов В. Студенты о преподавателе: методика опроса // Высшее образование в России. 1999. № 11. С. 99–105.

Комусова Н.В. Развитие мотивации к овладению профессией в период обучения в вузе: дис. ... канд. психол. наук. Л., 1983. 265 с.

Кузнецова Е.В. Об оценке студентами качества образовательных программ вуза // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2011 а. Т. 1. С. 106–108.

Кузнецова Е.В. Внутренний мониторинг качества образовательных программ в вузе // Сибирский педагогический журнал. 2011б. № 6. С. 81–88. URL: <https://socionet.ru/d/spz:cyberleninka:26126:14794723/http://cyberleninka.ru/article/n/vnutrenniy-monitoring-kachestva-realizatsii-obrazovatelnyh-programm-v-vuze>.

Левченко Е.В. О психологических проблемах, возникающих при проведении опроса «Преподаватель глазами студента» // Вопросы психологии. 1990. № 6. С. 181–182. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1990/906/906181.htm>.

Марухина О.В. Алгоритмы обработки информации в задачах оценивания качества обучения студентов вуза на основе экспертно-статистических методов: дис. ... канд. тех. наук. Томск, 2003.

Тюменева Ю.А., Яременко А.А. Руководство для авторов, публикующих результаты разработки оценочного инструмента // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 301–305. URL: <https://vo.hse.ru/2013--1/97717623.html>.

References

Benton S.L., Duchon D., Pallett W.H. (2013). Validity of student self-reported ratings of learning. *Assessment Eval. High. Educ.*, no. 38(4), pp. 377–388 [in English].

Benton S.L., Cashin W.E. Student ratings of instruction in college and university courses. *Higher education: Handbook of theory and research* (M. B. Paulsen (Ed.)). Vol. 29. Dordrecht, the Netherlands: Springer, 2014, pp. 279–326 [in English].

Darwin S. The Emergence of Student Evaluation in Higher Education. *Student Evaluation in Higher Education* (S. Darwin (Ed.)). Switzerland: Springer International Publishing, 2016, pp. 1–11 [in English].

Kline P. *The handbook of psychological testing* (2nd ed.). London: Routledge, 2000, 13 p. [in English].

Kulik J.A. Student ratings: Validity, utility, and controversy. *New Direct. Inst. Res.*, 2001, no. 109, pp. 9–25. DOI: <https://doi.org/10.1002/ir.1> [in English].

Theall M., Franklin J. Looking for bias in all the wrong places: a search for truth or a witch hunt in student ratings of instruction? *New Direct. Inst. Res.*, 2001, no. 109, pp. 45–56 [in English]. URL: https://www.academia.edu/418482/Looking_for_Bias_In_All_the_Wrong_Places_a_Search_for_Truth_or_a_Witch_Hunt_In_Student_Ratings_of_Instruction.

Borychev S.N. Analiz metodov otsenki obrazovatel'nykh programm potrebiteliami obrazovatel'nykh uslug [Analysis of methods for evaluating educational programs by the consumers of educational services]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo agrotekhnologicheskogo universiteta im. P.A. Kostycheva* [Herald of Ryazan State Agrotechnological University Named after P.A. Kostychev], 2014, no. 3(23), pp. 80–83. Available at: <https://www.twirpx.com/file/1788458> [in Russian].

Gorbatenko A.S. Anketa «Преподаватель глазами студента» глазами сotsial'nogo psikhologa – преподавателя вуза [About the questionnaire «Teacher through the eyes

of students» through the eyes of a social psychologist, teacher of a high school]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy psikhologii], 1990, no. 1, pp. 184–186 [in Russian].

Zapesotsky A.S. Prepodavatel' glazami studentov. Ob izuchenii mneniia studentov o kachestve pedagogicheskoi deiatel'nosti prepodavatel'ia [Teacher through the eyes of students. On the study of the views of students on the quality of pedagogical activity of a teacher]. *Vyshee obrazovanie segodnia* [Higher Education Today], 2007, no. 9, pp. 28–32. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15179877> [in Russian].

Zelenev I.R., Tumanov S.V. Ob otsenke kachestva prepodavaniia v vuze v kontekste vospriiatiia studentami svoikh prepodavatelei [On an estimate of the quality of teaching at the university in the context of perception of students of their teachers]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2012, no. 11, pp. 99–105. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19052725>. [in Russian].

Zelentsov V. Studenty o prepodavatele: metodika oprosa [Students' assessment of teachers: survey procedure]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 1999, no. 11, pp. 44–47 [in Russian].

Komusova N.V. Razvitie motivatsii k ovladeniiu professiei v period obucheniia v vuze: dis. ... kand. psikhol. nauk [Development of motivation to master the profession during the period of study at the university: Candidate's of Psychological Sciences thesis]. Leningrad, 1983, 265 p. [in Russian].

Kuznetsova E.V. Ob otsenke studentami kachestva obrazovatelnykh programm vuza [On the assessment of the quality of university's educational programs by the students]. *Sovremennoe obrazovanie: sodержanie, tekhnologii, kachestvo* [Modern education: content, technology, quality], 2011 а, Vol. 1, pp. 106–108 [in Russian].

Kuznetsova E.V. Vnutrennii monitoring kachestva obrazovatelnykh programm v vuze [Internal monitoring of the quality of educational programs in the university]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2011 b, no. 6, pp. 81–88. Available at: <https://socionet.ru/d/spz:cyberleninka:26126:14794723/http://cyberleninka.ru/article/n/vnutrenniy-monitoring-kachestva-realizatsii-obrazovatelnyh-programm-v-vuze> [in Russian].

Levchenko E.V. O psikhologicheskikh problemakh, vznikaiushchikh pri provedenii oprosa «Преподаватель глазами студента» [On the psychological problems encountered in the survey «Teacher through the eyes of students»]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy psikhologii], 1990, no. 6, pp. 181–182. Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/1990/906/906181.htm> [in Russian].

Marukhina O.V. *Algoritmy obrabotki informatsii v zadachakh otsenivaniia kachestva obucheniia studentov vuza na osnove ekspertno-statisticheskikh metodov: dis. ... kand. tekhn. nauk* [Algorithms for data processing tasks in evaluating the quality of teaching high school students on the basis of expert and statistical methods: Candidate's of Technical Sciences thesis]. Tomsk, 2003 [in Russian].

Tyumenева Yu.A., Yaremenko A.A. Rukovodstvo dlia avtorov, publikuiushchikh rezultaty razrabotki otsenoch'nogo instrumenta [A guide for authors who publish the results of developing an evaluation tool]. *Voprosy obrazovaniia* [The Journal of Educational Studies], 2013, no. 1, pp. 301–305. Available at: <https://vo.hse.ru/2013--1/97717623.html> [in Russian].

Е.А. Рубцова

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА БАЗЕ LMS MOODLE

© Рубцова Евгения Алексеевна – старший преподаватель, кафедра иностранных языков и русского как иностранного, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: erubtsova@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2366-9359>

АННОТАЦИЯ

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту, изучение иностранного языка направлено на достижение целей, связанных с развитием иноязычной коммуникативной компетенции, воспитанием способности и готовности к самостоятельному и непрерывному изучению иностранного языка, использование иностранного языка в других областях знаний. В статье дается оценка эффективного применения ресурсов платформы LMS Moodle для доказательства эффективности профессиональной подготовки будущих специалистов средствами иностранного языка и развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов.

На основе анализа исследований определяется концепция педагогической интеграции, структура коммуникативной компетенции, обосновываются достоинства платформы LMS Moodle, применяемой при обучении английскому языку в техническом вузе, отмечается целесообразность применения смешанного обучения.

Ключевые слова: компетенция, коммуникативная компетенция, иноязычная коммуникативная компетенция, профессиональная подготовка, платформа LMS Moodle.

Цитирование. Рубцова Е.А. Формирование коммуникативной компетенции студентов в процессе обучения иностранному языку на базе LMS Moodle // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 63–69. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-63-69>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-63-69
UDC 371.3:371.64/69:378.14

Submitted: 18/IV/2018
Accepted: 25/V/2018

E.A. Rubtsova

FORMATION OF STUDENT'S COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING ON THE BASIS OF LMS MOODLE

© Rubtsova Evgeniya Alexeevna – seniour lecturer, Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
E-mail: erubtsova@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2366-9359>

ABSTRACT

According to the Federal state educational standard, studying foreign languages is aimed at achieving goals, connected with developing communicative competency, ability and readiness for independent continuous learning a foreign language and using a foreign language in other fields of knowledge. With this objective in mind, the paper evaluates the efficiency of using LMS Moodle resources in teaching and stresses their role for modern language development in general. The paper also mentions the vital importance of using a foreign language in professional training of future specialists. It points out that using LMS Moodle in teaching implies developing communicative competence of engineering students.

The paper presents the results of research, aimed at studying the essence of such notions as «communicative competence» and «foreign language communicative competence». It also determines the methodological basis of the research, comprised by pedagogical and psychological theories and Russian and foreign theories of professional education and the concept of pedagogical integration. The analysis of research allowed to identify the structure of communicative competency, noting its variety, as well as the composition of foreign language speaking communicative competency by characterizing its constituent competencies.

The paper also mentions the advantages of LMS Moodle platform, used in teaching English in engineering higher educational institutions, and points to the viability of using blended learning. The paper presents planning of classes on particular topics and identifying kinds of teaching activities and means of students' knowledge and skills control using LMS Moodle interactive tools.

Key words: competence, communicative competence, foreign language communicative competence, language communicative competence, LMS Moodle platform.

Citation. Rubtsova E.A. Formirovanie kommunikativnoi kompetentsii studentov v protsesse obucheniia inostrannomu iazyku na baze LMS Moodle [Formation of students' communicative competence in the process of foreign language learning on the basis of LMS Moodle]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 63–69. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-63-69>.

Развитие системы высшего образования, вступление России в общеевропейское образовательное пространство, расширение международных связей, научно-техническое сотрудничество, возможность стажировки за границей, работа с технической документацией на иностранном языке обуславливают необходимость использования возможностей иностранного языка в профессиональной подготовке будущих специалистов, что предполагает развитие коммуникативной компетенции студентов, обучающихся в технических вузах. Студенческая молодежь отчетливо понимает, что знание иностранного языка, а лучше нескольких иностранных языков – необходимое требование для успешного трудоустройства и профессиональной карьеры в современном мире, что обуславливает поиск новых подходов, форм, методов и технологий обучения иностранным языкам преподавателями языковых дисциплин.

Исследователи (Г.В. Верховая, С.В. Акимов, М.Д. Горячев, М.М. Горячев, Н.В. Иванушкина, В.В. Мантуленко, А.А. Пашкалян, Т.А. Шильцова,

Ю.В. Мармулева и др.) ориентируют на преподавание медийных средств в обучении иностранным языкам. Вузы используют различные онлайн-платформы (например, Moodle, Joomla, Edmodo, Blackboard) для развития учебных коммуникаций [Верховая, Акимов, с. 55–62; Горячев М.Д., Горячев М.М., Иванушкина, Мантуленко, с. 76–77; Пашкалян, с. 79–81; Шильцова, Мармулева, с. 281–282]. Специалистам технического профиля необходима иноязычная коммуникативная подготовка для международного профессионального сотрудничества.

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту, изучение иностранного языка направлено на достижение следующих целей: развитие иноязычной коммуникативной компетенции, развитие и воспитание способности и готовности к самостоятельному и непрерывному изучению иностранного языка, использование иностранного языка в других областях знаний. Введение двухуровневой системы в вузах России, а так-

же реализация принципов комиссии ООН по современному образованию предполагает новые подходы к формированию содержания обучения, к формам и методам контроля качества высшего образования, способам организации самостоятельной работы студентов.

Важнейшими принципами мониторинга обученности студентов являются объективность, систематичность, наглядность и гласность, которые реализуются в модульной объектно-ориентированной учебной системе Moodle, специально разработанной для создания дистанционных курсов обучения [Иванушкина, с. 72–74].

Так, «разный исходный уровень владения иностранным языком абитуриентов-выпускников, поступающих в вузы, перегруженность учебного плана, приоритет и доминирование специальных дисциплин, ограниченное количество часов, отведенное образовательным стандартом на изучение иностранного языка, отсутствие учебников, адекватных трудным условиям обучения, оказывают негативное влияние на качество языковой подготовки студентов» [Нефедов, с. 143–148]. В этой связи особое значение придается рационализации процесса овладения студентами-нелингвистами иноязычной коммуникативной компетенцией в сложившихся условиях обучения иностранному языку. Наши исследования показали, что взаимодействие со студентами на базе системы Moodle способствует осознанному изучению иностранного языка. Их познавательная деятельность сопровождается четкостью постановки задач, определения условий и способов их решения [Рубцова, с. 369–372]. Наглядность, доступность аудио- и видеоматериалов, возможность самоконтроля и самоанализа иноязычной речевой деятельности при работе на платформе Moodle стимулируют внеаудиторную языковую практику, способствуя формированию иноязычной компетенции обучаемых.

Проблема формирования иноязычной коммуникативной компетенции имеет свою историю, но при этом остается актуальной. Исследователи (Е.В. Падей), обращаясь к проблеме, утверждают, что необходимо на начальном этапе обучения иностранному языку развивать коммуникативные умения в союзе с проявлением интереса и желания к их совершенствованию [Падей, с. 388–390].

Дефиниция «коммуникативная компетенция» (от лат. *competere* – «быть способным к чему-либо») была использована Н. Хомским для обозначения языковой компетенции и представлялась как способность индивида, с одной стороны, понимать/образовывать неограниченное число предложений, построенных по их структурным схемам; с другой стороны, обнаруживать формальное сходство/различия близких по своему содержанию высказываний. В отечественной науке существует большое количество определений иноязычной коммуникативной компетенции, что свидетельствует об актуальности рассматриваемой проблемы и указывает на наличие разночтений в понимании содержания этого термина [Падей, с. 388–390].

Иноязычная коммуникативная компетенция, по мнению отечественных исследователей (Г.Н. Артемьевой [Артемьева], И.Л. Бим, О.В. Нефедова,

В.В. Сафоновой, Е.Н. Солововой и др.) есть способность и готовность к иноязычному общению с носителями языка, восприятию и пониманию партнеров, адекватному и своевременному выражению своих мыслительных намерений.

В.М. Ростовцева рассматривает это понятие как «совокупность знаний, навыков, умений и качеств (личностных и профессионально значимых), а также способность к присвоению новых знаний и опыта и готовность к их реализации на практике» [Ростовцева, с. 635–637]. И.А. Зимняя трактует «компетентность» как основанную на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленную социально-профессиональную жизнедеятельность человека [Зимняя, с. 55–56]. Некоторые западные исследователи рассматривают понятие как способность обучаемого адекватно общаться в конкретных коммуникативных ситуациях и его умение организовывать речевое общение с учетом социокультурных норм поведения и коммуникативной целесобразности высказывания. Из лингвистики термин был перенесен в социолингвистику и методику обучения иностранному языку, где представлен в качестве речевой способности индивида.

В отечественную лингводидактику термин коммуникативная компетентность, как отмечают А.О. Багатева, Г.Н. Ахметзянова и Н.Ш. Валеева, был введен М.Н. Вятютневым, который представлял его как способность человека общаться в трудовой или учебной деятельности, удовлетворяя свои интеллектуальные запросы [Багатева, Ахметзянова, Валеева, с. 385–387].

Понятие «компетентность» определяется как способность человека к практической деятельности, а «компетенция» – как содержательный компонент данной способности в виде знаний, умений и навыков [Зимняя, с. 55–56].

Необходимо заметить, что процесс интенсивного взаимодействия различных культур, который отмечается в последние десятилетия, активно осуществляется ресурсами сети Интернет. Складывается определенная субкультура, способствующая сближению наций и языков. При этом, как отмечает И.Г. Ольгинская, процесс обучения иноязычной коммуникации в рамках вуза продолжает генерировать целый ряд проблем дидактического свойства, которые требуют своего решения [Ольгинская, с. 84–88].

Термин коммуникативная компетентность претерпевает переосмысление по мере того, как изменяется социальная действительность, уточняются цели обучения иностранному языку в обществе. В связи с этим многие отечественные исследователи связывают иноязычную коммуникативную компетентность со способностью личности к изучению иностранного языка и к общению на нем с представителями других культур. Следовательно, интегративное свойство личности, которое обеспечивает готовность индивида к адаптации в профессиональной сфере, представляется коммуникативной компетенцией.

Исследователи включают грамматическую, языковую, предметную, профессиональную, страноведческую, стратегическую, прагматическую и другие компетенции в состав коммуникативной компетен-

ции. Согласно модели, предложенной в документе Совета Европы (1997), коммуникативная компетенция интегрирует лингвистическую, социолингвистическую и прагматическую. Лингвистическая выражается фонологическими, лексическими, грамматическими знаниями и умениями. Социолингвистическая определяется социокультурными условиями использования языка, представляя собой связующее звено между коммуникативной и другими компетенциями. Прагматическая компетенция содержит экстралингвистические элементы, обеспечивающие общение (мимику, жесты, кулацию и др.). Несмотря на то что все исследователи придерживаются точки зрения о многокомпонентном составе коммуникативной компетентности, нет единообразия в выделении этих компонентов.

Наше исследование базируется на принятии идеи о совокупности языковой, речевой, социокультурной и лингвистической компонент (см. рис.).

Иноязычная коммуникативная компетенция студентов технического вуза рассматривается как приобретенная в процессе обучения способность личности к реализации коммуникативных моделей иноязычного речевого поведения в стереотипных коммуникативных ситуациях. Содержание обучения иностранному языку в техническом вузе предусматривает закрепление и дальнейшее совершенствование базового общеобразовательного уровня владения языком в сочетании с углубленной профильной языковой подготовкой, ориентированной на использование полученных знаний в сфере будущей профессиональной деятельности. Приобретение студентами коммуникативной компетенции ориентировано на формирование такого уровня владения иностранным языком, который позволит использовать его для удовлетворения профессиональных потребностей, реализации личных и деловых контактов и дальнейшего самообразования.

С этой целью привлекаются дополнительные ресурсы. Исследователи указывают на необходимость синтеза «классических» форм преподавания и современных компьютерных технологий [Горячев М.Д., Горячев М.М., Иванушкина, Мантуленко, с. 76–78]. Мы предлагаем синтез электронных технологий и аудиторных занятий по формированию иноязычной коммуникативной компетенции студентов технического профиля. В качестве электронных технологий рассматриваем работу на базе LMS Moodle.

LMS Moodle – система управления курсами (электронное обучение); система управления обучением или виртуальная обучающая среда (англ.). Принципы Moodle базируются на теории социального конструктивизма: все обучающие могут способствовать созданию общего образовательного опыта, могут общаться между собой и с преподавателем на форуме, комментировать записи в базе данных (или даже внести записи самостоятельно) или работать совместно в группах. Такая информационно образовательная среда отвечает потребностям ее участников, так как является гибкой и приспособляемой, мотивирующий к изучению языка.

В Moodle идет обмен файлами любых форматов – как между преподавателем и студентом, так и между самими студентами. Сервис рассылки информирует всех участников курса о текущих событиях, а форум позволяет организовать учебное обсуждение проблем в группе. Обучающая среда Moodle является гибким и эффективным инструментом организации учебного процесса. Динамичное управление платформой и структура модульного обучения позволяют учитывать индивидуальные требования обучающихся. Весь курс разбит на шесть модулей, представленных в тематическом плане-графике, где самостоятельная работа студентов представляется взаимосвязанными блоками ауди-

Рис. Структура коммуникативной компетенции

торной и внеаудиторной работы с некоторым преобладанием первой. План-график и календарь помогают студентам ориентироваться в порядке и сроках изучения материала.

Задача преподавателя – максимально продуктивно управлять, сочетая аудиторную и внеаудиторную работу студентов, контролируя их самостоятельную и групповую работу и создавая онлайн-поддержку для учащихся на базе интерактивных инструментов LMS Moodle: Blogs – блоги; Wiki – Вики; Forum – Форум; Quizze – Тест; Chat – Чат; Glossary – Глоссарий и др. Данный курс был проведен со студентами факультета информатики. При создании электронного курса в условиях сокращения аудиторных часов учтена возможность организации самостоятельной работы студентов.

В ходе исследования убедились, что при обучении профессиональному иностранному языку в техническом вузе целесообразно использовать смешанное обучение, сочетающее традиционное обучение в аудитории с обучением в среде Moodle в соотношении приблизительно 20 к 80 % соответственно. Представляем календарно-тематическое

планирование отдельных тем английского языка с применением ресурсов платформы LMS Moodle (см. таблицу).

Педагогические достоинства платформы LMS Moodle для обучающихся: легкость в работе с контентом, оптимизация учебного времени; постоянное обновление контента; доступность задания всем участникам группы в любой момент времени из любой точки нахождения пользователя; активная коммуникация в группе; совместная работа над текстом или проектом / совместное создание и редактирование контента (wiki); усиление аудиовизуального формата передачи данных; индивидуализация и дифференциация процесса обучения; обеспечение обратной связи с преподавателем [Мартынова; Минеева, Даричева].

Следует отметить, что для преподавателя при наличии у него навыков пользования компьютером и интернет-ресурсами существуют преимущества в работе с Moodle, так как быстрое распространение информации среди пользователей и анализ базы деятельности участников курса осуществляется дистанционно. Удобство при загрузке со-

Таблица

Календарно-тематическое планирование на основе платформы LMS Moodle

№	Тема	Виды учебной деятельности	Вид контроля	Интерактивные инструменты курса LMS Moodle
1	Introduction to the course «English for Information technology students»	аудиторная работа, самостоятельная работа на платформе	Задание на базе просмотренного и прослушанного материала; ответы на вопросы; дискуссия по теме; закрепление знания английского словаря; нахождение исходной формы слова	Анкета; вики; глоссарий; семинар; задание; форум; чат; тест; опрос
2	Computer users	аудиторная работа; самостоятельная работа на платформе; консультации on-line	Практическое задание выразить свое отношение к факту, используя разговорные выражения; тестирование on-line (Vocabulary and Grammar Tests)	Вики; глоссарий; семинар; задание; форум; чат; тест; опрос
3	Computer architecture	аудиторная работа; самостоятельная работа на платформе; консультации on-line	Задания, предваряющие аудирование, в которых студентам дается установка на определенную степень понимания; просмотр видео; сделать сообщение в соответствии с предложенным планом, используя лексико-грамматические модели; сделать сообщение как развернутый ответ на вопрос; тестирование on-line (Vocabulary and Grammar Tests); представление доклада и презентации на зачете	Вики; глоссарий; семинар; задание; форум; чат; тест; опрос
4	Operating systems	аудиторная работа; самостоятельная работа на платформе; консультации on-line	Просмотр видео; ответы на вопросы в заданиях; краткое изложение содержания видео; дискуссия по теме; тестирование on-line (Vocabulary and Grammar Tests)	Вики; глоссарий; семинар; задание; форум; чат; тест; опрос
5	Peripherals	аудиторная работа; самостоятельная работа на платформе; консультации on-line	Просмотр видео; ответы на вопросы в заданиях; краткое изложение содержания видео; дискуссия по теме; тестирование online (Vocabulary and Grammar Tests)	Вики; глоссарий; семинар; задание; форум; чат; тест; опрос
6	Multimedia	аудиторная работа; самостоятельная работа на платформе; консультации on-line	Практическое задание выразить свое отношение к факту, используя разговорные выражения; тестирование on-line (Vocabulary and Grammar Tests)	Вики; глоссарий; семинар; задание; форум; чат; тест; опрос

держательной учебной информации, заданий и обновлении курса также является положительным моментом в работе с интерактивной платформой.

В целом работа с платформой LMS Moodle позволяет оптимизировать учебный процесс при обучении иностранному языку, вовлечь студентов в процесс живой коммуникации; воспитать самостоятельность для нахождения, извлечения, оценивания и анализа информации, что способствует формированию профессионально-коммуникативных умений студентов.

Библиографический список

Артемьева Г.Н. Формирование речевой компетентности и речевых компетенций студентов вуза // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2016. № 1. С. 9–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/formirovanie-rechevoy-kompetentnosti-i-rechevykh-kompetentsiy-studentov-vuza>.

Багатева А.О., Ахметзянова Г.Н., Валева Н.Ш. Теоретическое обоснование формирования иноязычной коммуникативной компетенции будущих специалистов в техническом вузе // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 10. С. 385–387. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-obosnovanie-formirovaniya-inoazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-buduschih-spetsialistov-v-texnicheskom-vuze>.

Верховая Г.В., Акимов С.В. Система электронного обучения на базе интерактивных мультимедийных учебно-методических комплексов, интегрированных в киберсреду виртуальных предприятий // Научные технологии в космических исследованиях Земли. 2017. Т. 9. № 3. С. 55–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-elektronnog-obucheniya-na-baze-interaktivnykh-multimediynykh-uchebno-metodicheskikh-kompleksov-integrirovannykh-v-kibersredu>.

Горячев М.Д., Горячев М.М., Иванушкина Н.В., Мантуленко В.В. Социальные сети как уникальный образовательный ресурс // Аккредитация в образовании. 2014. № 8 (76). С. 76–77. URL: http://www.akvobr.ru/sotsialnie_setikak_ovrazovatelniy_resurs.html.

Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Издательство «Просвещение», 1991. 222. С. 55–56.

Иванушкина Н.В. Организация контроля знаний и умений студентов на базе LMS MOODLE // Образование в современном мире: роль вузов в социально-экономическом развитии региона: сб. науч. тр. Междунар. научно-метод. конф. (Самара, 18 марта 2014 г.) / отв. ред. Т.И. Руднева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. С. 72–74. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22577684>.

Мартынова О.Н. Основные подходы к обучению иностранному языку студентов направления подготовки «Авиационное» // Инновационные идеи и подходы к интегрированному обучению иностранным языкам и профессиональным дисциплинам в системе высшего образования: материалы междунар. школы-конференции. 2017. С. 45–47.

Минеева О.А., Даричева М.В. Использование системы Moodle в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Вектор

науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 4 (23). С. 132–136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sistemy-moodle-v-protse-sses-obucheniya-inostrannomu-yazyku-studentov-neyazykovykh-spetsialnostey>.

Нефедов О.В. Индикаторы рациональности рациональной методики обучения иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 143–148. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indikatory-ratsionalnosti-ratsionalnoy-metodiki-obucheniya-inoazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-studentov-neyazykovykh-vuzov>.

Ольгинская И.Г. Условия успешного формирования иноязычной коммуникативной компетенции в современном образовательном пространстве // Вестник НГТУ им. П.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2014. № 3. С. 84–88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-uspeshnogo-formirovaniya-inoazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-v-sovremennom-obrazovatelnom-prostranstve>.

Падей Е.В. Психолого-педагогические исследования формирования коммуникативной компетенции на начальном этапе обучения иностранному языку // Молодой ученый. 2013. № 2. С. 388–390. URL: <https://moluch.ru/archive/49/6242> (дата обращения: 07.06.2018).

Пашкалян А.А. Социальные сети как образовательный ресурс // Студенческая наука для развития информационного общества. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2017. С. 79–81.

Ростовцева В.М. Парадигмальные научно-педагогические ориентиры совершенствования процесса подготовки преподавательских кадров для инновационного университета // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2–3. С. 635–637. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmalnye-nauchno-pedagogicheskie-orientiry-sovershenstvovaniya-protse-sses-podgotovki-prepodavatelskih-kadrov-dlya>.

Рубцова Е.А. Исследование уровня сформированности способности студентов к самореализации на занятиях английского языка. Самара: Самарский университет, 2016. С. 369–372.

Шильцова Т.А., Мармулева Ю.В. Роль современных информационных технологий в повышении качества учебного процесса // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 4–1. С. 281–282. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11381>.

References

Artemyeva G.N. Formirovanie rechevoi kompetentnosti i rechevykh kompetentsii studentov vuza [Developing speech and verbal competencies of university students]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Nizhnevartovsk State University], 2016, no. 1, pp. 9–13. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/formirovanie-rechevoy-kompetentnosti-i-rechevykh-kompetentsiy-studentov-vuza> [in Russian].

Bagateeva A.O., Akhmetzyanova G.N., Valeeva N.S. Teoreticheskoe obosnovanie formirovaniia inoazychnoi kommunikativnoi kompetentsii budushchikh spetsialistov

v tekhnicheskome vuze [Theoretical foundations of foreign language communicative competency formation among engineering students]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Herald of Kazan Technological University], 2012, Vol. 15, no. 10, pp. 385–387 [in Russian].

Verkhovaya G.V., Akimov S.V. Sistema elektronnoho obucheniia na baze interaktivnykh multimediinykh uchebno-metodicheskikh kompleksov, integrirovannykh v kibersredu virtualnykh predpriatii [System of electronic education on the basis of interactive multimedia teaching courses integrated into the cyber environment of virtual enterprises]. *Naukoemkie tekhnologii v kosmicheskikh issledovaniiaakh Zemli* [High Tech in Earth Space Research], 2017, Vol. 9, no. 3, pp. 55–62 [in Russian].

Goryachev M.D., Goryachev M.M., Ivanushkina N.V., Mantulenko V.V. Sotsial'nye seti kak unikal'nyi obrazovatel'nyi resurs [Social networks as a unique educational resource]. *Akkreditatsiia v obrazovanii* [Accreditation in education], 2014, no. 8(76), pp. 76–77. Available at: http://www.akvobr.ru/sotsialnie_setikak_ovrazovatel'nii_resurs.html [in Russian].

Zimnyaa I.A. Psikhologiya obucheniia inostrannym iazykam v shkole [Psychology of teaching foreign languages at school]. M.: Izdatel'stvo «Prosveshchenie», 1991, 222 p., pp. 55–56 [in Russian].

Ivanushkina N.V. Organizatsiia kontrolia znaniia i umeniia studentov na baze LMS MOODLE [Organizing control of students' skills and abilities on the basis of LMS MOODLE]. In: *Obrazovanie v sovremennom mire: rol' vuzov v sotsial'no-ekonomicheskom razvitiia regiona: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii* (Samara, 18 marta 2014 g.) otv. red. T.I. Rudneva [Education in the modern world: the role of higher educational institutions in the social and economic development of a region: collection of scientific papers of International research and methodology conference (Samara, March 18, 2014). T.I. Rudneva (Ed.)]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2014, pp. 72–74. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22577684> [in Russian].

Martynova O.N. Osnovnye podkhody k obucheniiu inostrannomu iazyku studentov napravleniia podgotovki «Aviastroenie» [Basic approaches for teaching foreign language for students majoring in «Aircraft construction»]. In: *Innovatsionnye idei i podkhody k integrirovannomu obucheniiu inostrannym iazykam i professionalnym distsiplinam v sisteme vysshego obrazovaniia: materialy mezhdunarodnoi shkoly-konferentsii* [Innovation ideas and approaches to integrated foreign language teaching and professional subjects in the system of higher education. Proceedings of international school-conference], 2017, pp. 45–47 [in Russian].

Mineeva O.A., Daricheva M.V. Ispolzovanie sistemy Moodle v protsesse obucheniia inostrannomu iazyku studentov neiazykovykh spetsialnostei [Using Moodle in teaching foreign languages to students of non-language specialties]. *Vektor nauki Togliattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology], 2015, no. 4 (23), pp. 132–136. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sistemy-moodle-v-protsesse-obucheniya-inostrannomu-yazyku-studentov-neyazykovykh-spetsialnostey> [in Russian].

Nefedov O.V. Indikatory ratsional'nosti ratsional'noi metodiki obucheniia inoiazychnoi kommunikativnoi kompetentsii studentov neiazykovykh vuzov [The indicators of rationality of the rational method of teaching foreign language communicative competence to students of non-linguistic universities]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and Practice of Social Development], 2015, no. 4, pp. 143–148. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/indikatory-ratsionalnosti-ratsionalnoy-metodiki-obucheniya-inoyazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-studentov-neyazykovykh-vuzov> [in Russian].

Olginskaya I.G. Usloviia uspeshnogo formirovaniia inoiazychnoi kommunikativnoi kompetentsii v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve [Conditions for successful formation of foreign language communicative competence in modern educational environment]. *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya «Upravlenie v sotsialnykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii»* [Vestnik of NGTU named after R.E. Alexeev. Series: «Management in Social Systems. Communicative Techniques»], 2014, no. 3, pp. 84–88. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-uspeshnogo-formirovaniya-inoyazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-v-sovremennom-obrazovatel'nom-prostranstve> [in Russian].

Padey E.V. Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniia formirovaniia kommunikativnoi kompetentsii na nachal'nom etape obucheniia inostrannomu iazyku [Psychological and pedagogical research of communicative competence formation at the initial stage of teaching a foreign language]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2013, no. 2, pp. 388–390. Available at: <https://moluch.ru/archive/49/6242/> (accessed 07.06.2018) [in Russian].

Pashkalyan A.A. Sotsialnye seti kak obrazovatel'nyi resurs [Social networks as an educational resource]. In: *Studencheskaia nauka dlia razvitiia informatsionnogo obshchestva* [Student science for the development of the information society]. Stavropol: Severo-Kavkazskii federalnyi universitet, 2017, pp. 79–81 [in Russian].

Rostovtseva V.M. Paradigmatnye nauchno-pedagogicheskie orientiry sovershenstvovaniia protsessa podgotovki prepodavatel'skikh kadrov dlia innovatsionnogo universiteta [Paradigm research and pedagogical benchmarks for perfection of teacher training for an innovation university]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, Vol. 15, no. 2–3, pp. 635–637. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmatnye-nauchno-pedagogicheskie-orientiry-sovershenstvovaniya-protssesa-podgotovki-prepodavatel'skikh-kadrov-dlya> [in Russian].

Rubtsova E.A. Issledovanie urovnia sformirovannosti sposobnosti studentov k samorealizatsii na zaniatiiakh angliiskogo iazyka [Research of the level of formation of students' ability for realizing their potential at English classes]. Samara: izdatel'stvo «Samarskii universitet», 2016, pp. 369–372 [in Russian].

Shiltsova T.A., Marmuleva Yu.V. Rol' sovremennykh informatsionnykh tekhnologii v povyshenii kachestva uchebnogo protsessa [Role of modern information technologies in increasing quality of teaching and learning process]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniia* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2017, no. 4–1, pp. 281–282. Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11381> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-70-76
УДК 378.14

Дата поступления статьи: 12/V/2018
Дата принятия статьи: 20/VI/2018

Т.И. Руднева, Т.П. Рубцова

ВНУТРИВУЗОВСКИЙ МОНИТОРИНГ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ

© Руднева Татьяна Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: rudneva.07@mail.ru. Author ID e-Library: 423437

© Рубцова Татьяна Павловна – ассистент кафедры информатики и вычислительной математики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: tr_2004@bk.ru. ORCID 0000-0003-1037-1502

АННОТАЦИЯ

Разработка механизмов обеспечения качества функционирования образовательного учреждения обусловлена интеграцией России в мировое пространство, переосмыслением принципов управления вузами в условиях самостоятельного принятия управленческих решений. Одновременно возросли требования заказчика к качеству образовательных услуг в связи с его личной ориентацией на результат обучения, позволяющий применять полученные в вузе знания и умения для успешного принятия профессиональных решений.

Эффективное управление качеством образования невозможно без постоянного слежения за этим процессом. Именно эту функцию выполняет мониторинг, концентрирующий необходимую информацию, что позволяет повышать уровень взаимодействия субъектов образования, накапливать массивы данных и проводить четкие расчеты и прогнозы с целью сокращения образовательных рисков. Мониторинг в сфере науки и практической деятельности является способом исследования реальности, что подтверждает его актуальность. В статье рассматривается проблема внутривузовского мониторинга качества обучения. Исследователи отмечают необходимость создания инструмента получения объективной информации о качестве функционирования всех звеньев системы, что в целом влияет на качество подготовки студентов. Обеспечение качества обучения – системная задача, решение которой невозможно без мониторинга результатов обучения студентов дисциплинам. Качество обучения дисциплине принимается за педагогическую категорию, в структуре которой выделяется совокупность личностных характеристик, способствующих освоению учебного содержания и развивающихся в ходе образовательного процесса. Мониторинг качества обучения является механизмом управления качеством обучения; это специальным образом организованный непрерывный процесс слежения за показателями качества личности с целью принятия эффективных управленческих решений по коррекции учебного процесса, созданию благоприятных условий в результате анализа, оценки и интерпретации полученной информации. Представлена формула расчета качества обучения конкретной дисциплине, что может быть практически значимым для преподавателя, осуществляющего текущий контроль.

Ключевые слова: качество обучения, качество образования, мониторинг, управление качеством образования, внутривузовский мониторинг.

Цитирование. Руднева Т.И., Рубцова Т.П. Внутривузовский мониторинг качества обучения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 70–76. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-70-76>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

T.I. Rudneva, T.P. Rubtsova

INTRAMURAL TRAINING QUALITY MONITORING

© Rudneva Tatyana Ivanovna – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: rudneva.07@mail.ru. Author ID e-Library: 423437

© Rubtsova Tatyana Pavlovna – assistant professor of the Department of Informatics and Computational Mathematics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: tr_2004@bk.ru. ORCID 0000-0003-1037-1502

ABSTRACT

Development of mechanisms of educational institution functioning ensuring quality is caused by integration of Russia into global universe, reconsideration of higher education institutions management principles in the conditions of administrative decisions' independent adoption. Requirements of the customer to quality of educational services in connection with his personal orientation to the result of training allowing to apply knowledge and abilities gained in higher education institution to successful acceptance of professional solutions have at the same time increased.

Effective management of education quality is impossible without constant process tracking. This function is performed by the monitoring allowing to obtain necessary information that increases the level of interaction of education subjects, to accumulate data arrays and to carry out accurate calculations and forecasts for the purpose of educational risks reduction. Monitoring in the sphere of science and practical activities is the way of reality research that confirms its relevance. In the article the problem of intra high school monitoring training quality is considered. Researchers note the need of objective information obtaining instrument creation on quality of functioning of all system links that in general influences quality of students' training. Ensuring quality of training is a system task which solution is impossible without training results monitoring of students in disciplines. The quality of training in discipline is accepted as pedagogical category in the structure of which the set of personal characteristics promoting development of educational contents and developing during educational process is allocated. Monitoring of training quality is the training quality management mechanism; it is in a special way organized continuous process of tracking indicators of personality quality for the purpose of adoption of effective administrative decisions on correction of educational process, to creating favorable conditions as a result of the analysis, assessment and interpretation of the obtained information. The formula of training quality calculation in concrete discipline is presented that can be almost significant for the teacher exercising the current control.

Key words: quality of training, quality of education, monitoring, education quality management, intra high school monitoring.

Citation. Rudneva T.I., Rubtsova T.P. *Vnutrivuzovskii monitoring kachestva obucheniia* [Intramural training quality monitoring]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriiia, pedagogika, filologiiia* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 70–76. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-70-76>.

В настоящее время научной общественностью уделяется большое внимание проблеме качества, управлению качеством, в том числе качеством образования. Переосмысление принципов управления учебным заведением на основе гуманистического подхода берет начало с конца 80-х годов прошлого столетия, в рамках которого образовательным учреждениям предоставляется самостоятельность в принятии управленческих решений. Интеграция России в мировое пространство, принятие Закона «Об образовании» вызвали кардинальные изменения в деятельности всех структур образовательно-

го учреждения «университет» – фактора развития региона. Российские вузы вступают в конкуренцию на всех уровнях (международном, межрегиональном, межвузовском, внутривузовском), что требует разработки механизмов обеспечения качества образования.

Результаты научных исследований доказывают, что современные требования к повышению качества образования возросли, в том числе со стороны студентов, что объясняется их ценностно-смысловым отношением и глубокой личностной заинтересованностью в успешном использовании в про-

фессиональной деятельности полученных в вузе знаний и компетенций [Сериков, 2015].

Проблема качества в зарубежных исследованиях представлена работами Эдвардса Деминга (1900–1993), который отмечает важность управления качеством, в том числе в сфере образования. Ученые [Biggs, Tang] в монографии *Teaching For Quality Learning At University* обосновывают повышение требований к качеству обучения в вузах в связи с изменением миссии университетов, их конкурентоспособностью во всех странах мира. Предлагаются инструкции, применение которых позволит повысить качество обучения в вузах. Понятие «качество» охватывает основные функции и направления деятельности в области высшего образования: качество преподавания, подготовки и исследований.

Эффективное управление качеством обеспечивается постоянным слежением за процессом. Данную функцию выполняет мониторинг, позволяющий получить необходимый объем информации для построения перспектив реализации тенденций развития современного образования. Управление качеством образования, его мониторинг вызывают потребность в поиске надежных инструментов его проведения.

Пожалуй, нет области человеческой деятельности, где в той или иной степени не использовались бы приемы мониторинговой деятельности, так как в любой сфере складываются ситуации, требующие решения возникшей задачи на основе новой информации и наблюдения. Обладая общими характеристиками, системы мониторинга должны учитывать специфику учреждения, в котором мониторинг дает информацию для принятия управленческих решений.

Мониторинг в педагогике применяется для отслеживания педагогических процессов. Так, мониторинг качества образовательных систем получил свое развитие в связи с зарождением Национальной системы оценки качества образования как постоянно действующего режима его функционирования. Система позволяет получать информацию о реальном состоянии качества образования в любой текущий момент времени, дает ориентиры на отбор средств реализации тенденций развития современного образовательного учреждения. Мониторинг обеспечивает количественные условия для удовлетворения запроса на определенную модель выпускника университета, что дает основание рассматривать мониторинг образования в качестве педагогической категории, которая обогащает педагогическое знание новым тезаурусом.

В педагогической практике термин «образование» часто используется как синоним слова «обучение». Образование в педагогической литературе выступает как цель, процесс, результат, средство, вид деятельности, ценность. «Образование» и «обучение» – принципиально разные термины с точки зрения субъекта оценки. Для образования характерен личностный процесс освоения компетенций,

который может проходить в форме обучения и взаимодействия с преподавателем. Обучение представляет собой процесс воздействия преподавателя на студента с целью формирования необходимых компетенций.

С конца 80-х и начала 90-х годов наблюдается переосмысление принципов управления учебным заведением. С тех пор как об университетах стали говорить в терминах «качество образования», вопросы качества становятся предметом дискуссий. На сегодняшний день в научной литературе не существует единого мнения по поводу дефиниции терминов «качество образования» и «качество обучения». Деятельность вуза стала оцениваться, исходя из ее результата, а задача повышения качества образования становится приоритетной не только для государства, но и для самих вузов. Управление качеством образования позволяет исследователям рассматривать мониторинг как инструмент управления при выполнении различных видов деятельности. Именно в этот период появляется вопрос о необходимости проведения мониторинга, его оценки.

Исследователи [Jackson R., Harper, Jackson J.] отмечают эффективность применения мониторинга в практической деятельности. Современные исследователи внутреннего мониторинга [Чернова] видят его цели в получении объективной информации о функционировании и развитии системы образования, о качестве работы кафедры, о качестве подготовки студентов. Вопросы внутреннего контроля качества образования в вузе обсуждаются в исследованиях [Томилин], где подчеркивается важность внутреннего мониторинга для оценки компетентности преподавателей. Традиционно в основе организации мониторинга качества высшего образования лежат принципы и задачи, определяющие цели стандартов и руководств по гарантии качества. Основными направлениями развития мониторинга качества высшего образования являются: качество и уровень общенаучной и профессиональной подготовки студентов и выпускников вуза; результаты сдачи государственных экзаменов, защиты дипломных работ; соответствие подготовки выпускников вуза задачам профессиональной деятельности; качество воспитательного процесса и уровень воспитанности; ценностные ориентации, мотивация и моральный облик студенческой молодежи; культура и здоровье студенческой молодежи; прием в вуз, уровень подготовки абитуриентов; качество профессорско-преподавательского состава; содержание высшего профессионального образования; общенаучная, общекультурная и профессиональная подготовка в вузе; содержание по всем циклам дисциплин; качество образовательных технологий; контрольно-оценочные системы; состояние измерительных средств; научно-исследовательская работа; вузовские библиотеки, издательская деятельность; состояние материально-технической базы; финансирование научных исследований, технологического обеспечения образователь-

ного процесса; нормативно-правовые основы управления качеством высшего профессионального образования; общая характеристика студенческого контингента; востребованность выпускников вуза.

Итак, качество образования представляет собой интегральную характеристику процесса и результата, являясь комплексной характеристикой, объединяющей все элементы, условия и результаты образовательного процесса в соответствии с потребностями и ожиданиями субъектов педагогического процесса, требованиями Государственного образовательного стандарта, уровнем владения творческой деятельностью студентами, уровнем овладения общекультурными и профессиональными компетенциями. Качество образования рассматривается с позиции соотношения цели и результата, где качество результата – это уровень достижения результата поставленных образовательных задач (учебные результаты; социализация выпускников, включая овладение навыками ориентации и функционирования в современном обществе; развитие гражданского самосознания); это соблюдение нормативных требований к условиям обучения, освоения образовательного стандарта; это соответствие ожиданиям потребителя. Рассмотрение качества с позиции соотношения цели и результата позволяет применять конкретные индикаторы, а управление качеством образования становится технологией достижения планируемого образовательного результата. Мониторинг в вузе представляет собой механизм целенаправленного управления специальным образом организованного, непрерывного слежения за изменениями основных характеристик качества образования с целью принятия управленческих решений по коррекции и созданию условий в результате анализа, оценки и интерпретации полученной информации, а также прогнозирования дальнейшего развития образовательного учреждения.

Однако стоит уточнить, что оценить качество образования невозможно, так как действующим субъектом является студент и именно он выступает заказчиком образования; можно оценить лишь уровень освоения им компетенций, приобретенных в процессе обучения в вузе, и качество условий, в которых проходило его образование. Так, необходимо рассматривать качество образования с двух позиций: качество обучения и качество условий (рис. 1).

В ходе эксперимента, объектом которого является обучение, а предметом – условия, его обеспечивающие, качество обучения интегрирует параметры условий и показатели (качества личности). Таким образом, качество образования (КО) может представлять собой некоторую функцию от двух переменных $f(KЛ, КУ)$: от показателей «качества личности» (КЛ) и параметров «качество условий» (КУ).

Процесс обучения можно оценить только на основании критериев, которые сформулированы заказчиком обучения. Если они не заданы, то оценка может быть субъективной и основана лишь на удовлетворенности. Различные участники образовательного процесса будут по-разному рассматривать эту оценку, в зависимости от своих целей обучения интуитивно обобщая разные ожидания и роли в процессе обучения. Удовлетворенность студентов качеством обучения осуществляется с помощью механизмов самооценки. Отметим, что проблема оценки качества обучения через качества личности в педагогике остается не решенной до сих пор. Научные исследования [Коваль, Гончарик, Голицовская, Баженова] показывают необходимость разработки новых оценочных технологий, позволяющих судить о качестве обучения, осуществлять коррекцию образовательной деятельности для достижения более высокого уровня соответствия целей и результатов обучения.

«Качество обучения» как педагогическая категория описывает процесс в соответствии с интегративной оценкой качеств личности, оказывающих влияние на уровень владения творческой деятельностью студентов и уровнем овладения компетенциями (рис. 2). Таким образом, механизмом объективной оценки качества обучения студентов в вузе является мониторинг, который обеспечивает стимулирование, активизацию процесса обучения на основе оценки качеств личности обучаемого.

Основным инструментом оценки качества обучения в вузе является современная технология балльно-рейтинговой оценки. Опыт использования балльно-рейтинговой системы в вузах [Малишевский] позволяет рассмотреть количественные и качественные показатели обучения, присвоив персональный рейтинг студенту, соответствующий успехам освоения учебной дисциплины.

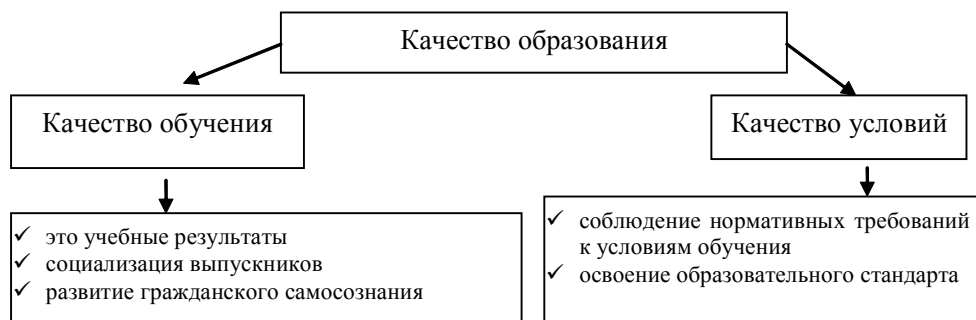

Рис. 1. Структура качества образования

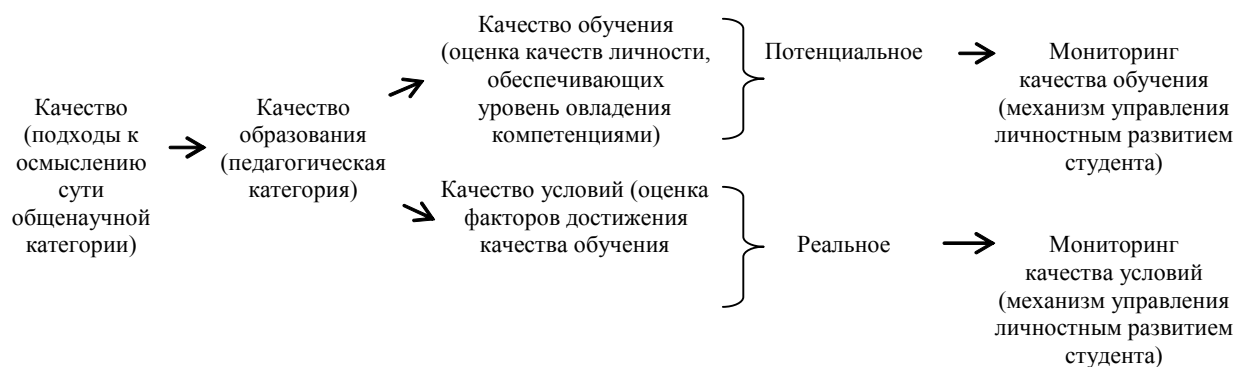

Рис. 2. Логика исследования проблемы «мониторинг качества образования»

Обращение к научным источникам свидетельствует о том, что среди исследователей нет единства в понимании сути и структуры мониторинга как научной категории, однако в большинстве случаев авторы исходят из нормативных требований к разработке инструмента внутреннего мониторинга качества обучения с целью предотвращения негативных проявлений в образовательном процессе. Традиционно внутривузовские системы мониторинга качества образования основаны на самооценке объективных показателей качества образования при непосредственном участии преподавателей и студентов. В научной литературе представляется опыт проведения внутреннего мониторинга [Кузнецова] – уровня удовлетворенности студентов качеством образования. Для изучения уровня удовлетворенности студентов качеством учебного процесса нами был разработан тест, включающий 12 вопросов, которые затрагивают различные аспекты освоения 34 учебных дисциплин, изучаемых студентами с первого по четвертый курсы. Результаты анкетирования интерпретированы с помощью кластерного анализа. Являясь одним из методов многомерной классификации, кластерный анализ не требует знания априорной информации о распределении генеральной совокупности (опыт проведения оценки качества по шкале LOES-S представлен в работах Robin H. Kay, Liesel Knaack – университет Онтарио) [Kay, Knaack]. Внутривузовская система управления качеством (Костромской государственный университет им. К.А. Некрасова) позволяет оценивать качество образования в университете на уровнях отдельной образовательной программы, факультета/института и вуза в целом [Буслова, Буслов].

Уточнив смысл и структуру словосочетаний «качество образования» и «качество обучения», представим понятие «мониторинг качества обучения» как механизм управления качеством обучения, специальным образом организованный непрерывный процесс слежения за показателями качества личности с целью принятия эффективных управленческих решений по коррекции обучения, созданию благоприятных условий в результате анализа, оценки и интерпретации полученной информации и прогнозированию дальнейшего развития процесса обучения.

Традиционная система внутривузовского управления качеством уводит процесс мониторинга на административное поле, исключая самостоятельное участие преподавателя в организации процесса внутривузовского мониторинга качества обучения преподаваемой дисциплины. Проведение внутривузовского мониторинга преподаваемых дисциплин преподавателями дает возможность выяснить результативность своей профессиональной деятельности, получить обратную связь о состоянии и проблемах обучения, собрать материал для анализа сильных и слабых сторон, выявить ближайшую зону развития. Сам факт проведения внутривузовского мониторинга преподаваемой дисциплины отразится на работе всего педагогического коллектива вуза, способствуя его профессиональному росту, стимулируя преподавателей на достижение высоких результатов.

Анализ научной литературы и практической деятельности высших учебных заведений подтверждает отсутствие четко разработанного инструмента внутривузовского мониторинга и алгоритмов его проведения для оценки качества обучения учебной дисциплине. Наибольшее внимания заслуживают такие вопросы, как конкретизация сути и структуры внутривузовского мониторинга качества обучения преподаваемых дисциплин с учетом нормативных требований к его инструменту с целью предотвращения негативных проявлений в образовательном процессе; научное обоснование критериев и показателей оценки качества обучения.

Качество обучения можно представить функцией многих переменных:

$$F = f(x_1, x_2, \dots, x_n), \quad (1)$$

где x_1, x_2, \dots, x_n – показатели «качества личности», влияющие на «качество обучения» преподаваемой дисциплины. Параметры качеств личности позволяют преподавателям выявлять уровень овладения компетенциями, уровень познавательной мотивации, самостоятельности и другие личностные свойства, приобретенные в ходе изучения дисциплины. Применение механизма мониторинга дает возможность объективно оценивать качество обучения дисциплине.

Интегральные показатели качества обучения могут быть рассчитаны по формуле:

$$Ind_k = N \sum_{j=1}^p w_j \tilde{x}^j, \quad (2)$$

где \tilde{x}^j — набор нормированных показателей (т. е. приведенных к шкале $[0, 1]$), характеризующих компоненты качества обучения; w_j — весовые коэффициенты, сумма которых равна I ; N — размерность шкалы интегрального показателя (например, 10, 100 баллов).

На основании теоретического осмысления проблемы и результатов опытно-экспериментальной работы приходим к следующим выводам.

1. Глобализационные процессы, происходящие в современном обществе, требуют четких расчетов и прогнозирования их последствий, в числе которых жизненные риски. Для контроля за реальностью ведутся наблюдения, просчитываются вероятности адекватных решений, чему способствуют процедуры мониторинга.

2. В мире науки отсутствует единство в понимании сути и структуры мониторинга как научной категории, однако любая система мониторинга, в том числе и педагогическая, имеет универсальные элементы, которые рассматриваются на основе критериев и показателей.

3. Новые цели педагогических систем требуют введения в тезаурус современной педагогики таких категории, как «мониторинг», «качество обучения» и «качество образования». Управление качеством образования, исходя из нормативных требований к его проведению, вызывает необходимость разработки инструмента внутривузовского мониторинга качества преподаваемой дисциплины с целью профилактики негативных проявлений в образовательном процессе.

4. Выдвинутое гипотетическое предположение подтвердило, что качество образования представляется двумя переменными — качество обучения и качество условий. В свою очередь, «качество обучения» — педагогическая категория, описывающая процесс в соответствии с интегративной оценкой качеств личности, оказывающих влияние на уровень владения творческой деятельностью и уровень овладения компетенциями.

Библиографический список

Biggs J., Tang C. Teaching for quality learning at university (3rd ed.). Maidenhead. UK: Open University Press, 2006. 335 p.

Jackson R., Harper K., & Jackson J. Effective teaching practices and the barriers limiting their use in accessing the curriculum: A review of recent literature. National Center on Accessing the General Curriculum. URL: <http://www.cast.org/ncac/index.cfm?i=1942> (accessed 27.02.2017).

Kay R.H., Knaack L. Assessing learning, quality and engagement in learning objects: the learning object evaluation scale for students (LOES-S). ETR&D. URL: <http://faculty.uoit.ca/kay/papers/LOES-Student-2007.pdf> (accessed 31.05.2008).

Буслова Е.В., Буслов В.В. Внутривузовский мониторинг качества образования как фактор совершенствования деятельности университета // Психология и педагогика XXI века, теория, практика и перспективы: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 17 июля 2015 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 51–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23949760>.

Коваль Р.В., Гончарик К.В., Голиковская К.Ф., Баженова И.В. Использование инновационных образовательных технологий для повышения качества обучения // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2014. № 10. С. 368–369. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22549306>.

Кузнецова Е.В. Внутренний мониторинг качества реализации образовательных программ в вузе // Сибирский педагогический журнал. 2011. №3. С. 37–44. URL: <http://sp-journal.ru/journal/2011-3>.

Малишевский М.В. Анализ внедрения балльно-рейтинговой системы на клинической кафедре медицинского вуза // Высшее образование сегодня. 2010. № 2. С. 90–96. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13074676>.

Мониторинг дополнительного профессионального образования: отечественный опыт: учеб. пособие / П.Ф. Анисимов [и др.]; Федер. агентство по образованию, Рос. гос. ун-т туризма и сервиса. М.: РГУТИС, 2008. 102 с.

Сериков В.В. Педагогическое исследование: в поисках путей повышения качества // Образование и наука. 2015. № 7. С. 4–23. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2015-7-4-23>.

Томилин А.К. Внутренний контроль качества образования в вузе // Инженерное образование. 2012. № 9. С. 57–61. URL: http://aeer.ru/files/io/m9/art_7.pdf.

Чернова О.А. Обеспечение внутреннего мониторинга качества образования выпускающей кафедры вуза // НиКа. 2012. URL: <https://socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:26276:14425177> (дата обращения: 16.05.2018).

References

Biggs J., Tang C. Teaching for quality learning at university (3rd ed.). Maidenhead. UK: Open University Press, 2006, 335 p. [in English].

Jackson R., Harper K., & Jackson J. Effective teaching practices and the barriers limiting their use in accessing the curriculum: A review of recent literature. National Center on Accessing the General Curriculum. Available at <http://www.cast.org/ncac/index.cfm?i=1942> (accessed February 27, 2005) [in English].

Kay R.H., Knaack L. Assessing learning, quality and engagement in learning objects: the learning object evaluation scale for students (LOES-S). ETR&D. Available at: <http://faculty.uoit.ca/kay/papers/LOES-Student-2007.pdf> (accessed May 31, 2008) [in English].

Buslov V.V., Buslova E.V. *Vnutrivuzovskii monitoring kachestva obrazovaniia kak faktor sovershenstvovaniia deiatelnosti universiteta* [Intra-university monitoring of the quality of education as a factor in improving the activities of the university]. In: *Psikhologiya i*

- pedagogika XXI veka, teoriia, praktika i perspektivy. materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 17 iulia 2015 g.) redkol.: O.N. Shirokov [i dr.] [Psychology and pedagogy of the XXI century, theory, practice and prospects: materials of the III International research and practical conference (Cheboksary, July 17, 2015). Editorial board: O.N. Shirokov [et al.]]. Cheboksary: TSNS «Interaktiv plus», 2015, pp. 51–55. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23949760> [in Russian].
- Koval' R.V., Goncharik K.V., Golikovskaya K.F., Bazhenova I.V. *Ispolzovanie innovatsionnykh obrazovatelnykh tekhnologii dlia povysheniia kachestva obucheniia* [Using innovative educational technologies to improve the quality of education]. *Aktualnye problemy aviatsii i kosmonavтики* [Topical Issues of Aviation and Cosmonautics], 2014, no. 10. С. 368–369. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22549306> [in Russian].
- Kuznetsova E.V. *Vnutrennii monitoring kachestva realizatsii obrazovatelnykh programm v vuze* [Internal monitoring of the quality of educational programs in the university]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2011, no. 3, pp. 37–44. Available at: <http://sp-journal.ru/journal/2011-3> [in Russian].
- Malishevsky M.V. *Analiz vnedreniia ballno-reitingovoi sistemy na klinicheskoi kafedre meditsinskogo vuza* [Analysis of introduction of a score-rating system at the clinical department of a medical university]. *Vysshee obrazovanie segodnia* [Higher Education Today], 2010, no. 2, pp. 90–96. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13074676> [in Russian].
- Monitoring dopolnitelnogo professionalnogo obrazovaniia: otechestvennyi opyt: ucheb. posobie. P.F. Anisimov [i dr.]; Feder. agentstvo po obrazovaniiu, Ros. gos. un-t turizma i servisa* [Monitoring of additional vocational education: domestic experience: textbook. P.F. Anisimov [i dr.]; Federal Agency For Education, Russian State University of Tourism and Service. M: RGUTIS, 2008, 102 p. [in Russian].
- Serikov V.V. *Pedagogicheskoe issledovanie: v poiskakh putei povysheniia kachestva* [Pedagogical research: in search of ways to improve the quality]. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science Journal], 2015, no. 7, pp. 4–23. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2015-7-4-23> [in Russian].
- Tomilin A.K. *Vnutrennii kontrol kachestva obrazovaniia v vuze* [Internal control of the quality of education in the university]. *Inzhenernoe obrazovanie* [Engineering Education], 2012, no. 9, pp. 57–61. Available at: http://aeer.ru/files/io/m9/art_7.pdf [in Russian].
- Chernova O.A. *Obespechenie vnutrennego monitoringa kachestva obrazovaniia vypuskaiushchei kafedry vuza* [Providing internal monitoring of the quality of education of the graduating department of the university]. *NiKa*, 2012. Available at: <https://socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:26276:14425177> (accessed 16.05.2018) [in Russian].

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-77-84
УДК 82-3

Дата поступления статьи: 1/III/2018
Дата принятия статьи: 16/IV/2018

С.П. Лавлинский

ОНТОЛОГИЯ СТАРОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: НОВЕЙШАЯ ДРАМАТУРГИЯ В КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ И ЛИТЕРАТУРНОМ ГЕРОНТОКОНТЕКСТЕ

© Лавлинский Сергей Петрович – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Российская Федерация, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, 6.
E-mail: slavlinsky@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6592-1431>

АННОТАЦИЯ

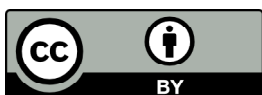
Тема старости и комплекс мотивов, с ней связанный, часто встречаются в современной драматургии, ориентирующейся на театральные подмостки и кинематограф. Как известно, древнегреческое слово «геронтес» (gerontes), кроме значения «старики», означает «старейшины, члены верховного совета, сенаторы». Авторы художественных произведений, которые анализируются в статье, как бы реанимирует утраченное значение данного понятия, возвращая читателю древний «прародительский» смысл понятия «геронтес».

В первой части статьи обращается внимание на то, как художественные репрезентации старости в некоторых произведениях новейшей российской драматургии выглядят на фоне современного западноевропейского литературного и кинематографического геронтоконтекста. Специально обсуждаются различные аспекты онтологии старости в современной культуре на материале некоторых наиболее репрезентативных произведений кино и литературы. Затрагиваются художественные концепции геронтоσοφίας в новейшем европейском эпическом контексте и кинематографе разных жанров. В статье проясняются определенные закономерности проявления геронтофобии. С одной стороны, она рассматривается как социальное и биологическое бедствие, время осознания экзистенциального и идеологического краха, отчаяние, выраженные в речах персонажей-стариков. С другой – как не только антипод молодости, а как ее оборотная сторона, создающая вольные и/или невольные условия для испытания «не-старого» сознания «предельными вопросами».

Во второй части статьи особое внимание уделяется анализу геронтоконтекста новейшей российской драматургии («Геронтофобия и др.» Вадима Леванова, «Я, пулеметчик» Юрия Клавдиева и др.). Исследование художественных структур драматических произведений демонстрирует, каким образом разрабатываются в них не только реалистическая логика репрезентации старости, но прежде всего логика гротескная и гротескно-фантастическая. Обращается внимание на то, как преодолеваются геронтофобии и художественно моделируется катарсическая геронтоσοφία, невозможная в зоне исключительно социальных и культурно-психологических репрезентаций старости, но реализуемая только в сферах, связанных с трансцендентными и мистериальными драматургическими традициями.

Ключевые слова: онтология старости, геронтоконтекст, геронтоσοφία, геронтофобия, смерть, драма, конфликт, драматургический сюжет, криминальная литература, монодрама.

Цитирование. Лавлинский С.П. Онтология старости в современной культуре: новейшая драматургия в кинематографическом и литературном геронтоконтексте // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 77–84. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-77-84>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-77-84
UDC 82-3

Submitted: 1/III/2018
Accepted: 16/IV/2018

S.P. Lavlinsky

**ONTOLOGY OF AN OLD AGE IN CONTEMPORARY CULTURE:
THE LATEST DRAMA IN THE CINEMATIC AND LITERARY GERONTOCONTEXT**

© *Lavlinsky Sergey Petrovich* – Candidate of Pedagogical Sciences, professor of the Department of Theoretical and Historical Poetics, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, 6, Miuskaya Square, GSP-3, Moscow, 125993, Russian Federation.
E-mail: slavlinsky@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6592-1431>

ABSTRACT

The theme of an old age and the complex of motives associated with it are often found in modern drama, focusing on the stage and cinema. As you know, the ancient Greek word «gerontes» (gerontes), in addition to the meaning of «old», means «elders, members of the Supreme Council, senators». The authors of the works of art, which are analyzed in the article, as it revives the lost meaning of this concept, returning to the reader the ancient «ancestral» meaning of the concept of «gerontes».

The first part of the article draws attention to how the artistic representations of an old age in some works of the latest Russian drama look at the background of the modern Western European literary and cinematic gerontocontext. Various aspects of ontology of an old age in modern culture are discussed on the basis of some of the most representative works of cinema and literature. The artistic concept of gerontology the newest epic in the European context and different genres of the cinema is affected. The article clarifies certain patterns of gerontophobia. On the one hand, it is seen as a social and biological disaster, a time of awareness of existential and ideological collapse, despair, expressed in the speeches of the characters – the elderly. On the other – not only as an antipode of youth, but as its reverse side, creating free and/or involuntary conditions for the test of «non-old» consciousness «limit questions».

In the second part of the article special attention is paid to the analysis of the gerontocontext of the Russian newest drama («Gerontophobia, etc.» by Vadim Levanov, «I, machine gun-chick» by Yuri Klavdiev, etc.). The study of the artistic structures of dramatic works demonstrates how they develop not only the realist logic of representation of an old age, but above all the logic of grotesque and grotesque-fantastic. It focuses on how to overcome gerontophobia and artistically modeled cathartic gerontofilia impossible in area exclusively for social, cultural and psychological representations of an old age, but implemented only in areas related to transcendental mystery and dramatic traditions.

Key words: ontology of an old age, gerontocontext, gerontologia, gerontophobia, death, drama, conflict, dramatic story, crime literature, monodrama.

Citation. Lavlinsky S.P. *Ontologiya starosti v sovremennoi kulture: noveishaia dramaturgiia v kinematograficheskom i literaturnom gerontokontekste* [Ontology of an old age in contemporary culture: the latest drama in the cinematic and literary gerontocontext]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 77–84. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-77-84>.

1. Художественные репрезентации старости в западноевропейской литературе и кинематографе

Тема старости и комплекс мотивов, с ней связанный, часто встречаются в современной драматургии, ориентирующейся на театральные подмостки и кинематограф. Попробуем выяснить, как художественные репрезентации старости в некоторых произведениях российской драматургии выглядят на фоне современного западноевропейского литературного и кинематографического геронтоконтекста. Для начала определим этот фон. Разумеется, выборка материала остается на моей совести – читатели могут пополнить его собственными примерами.

В первую очередь напомним некоторые фрагменты известного романа Мишеля Уэльбека «Возможность острова» – одного из наиболее ярких образцов литературной геронтофиллии. Казалось бы, к драматургии они имеют весьма отдаленное отношение, разве что своим исповедальным дискурсом напоминают речи персонажей современных монодрам и демонстрируют целостную и трагическую в своей основе философию старости. Эту геронтофиллию рассказчика-героя, Даниеля 1, человека рубежа XX–XXI вв., в дальнейшем разрабатывает его потомок Даниель 24 – летописец из будущего, пытающийся понять, почему в далеком прошлом люди были так несчастны. Заметки двойника главного

героя переносят читателя в некое утопическое (или антиутопическое — в зависимости от точки зрения героев и читателя) время, когда наследники человечества (уже *не люди*) в результате биологических экспериментов достигли бессмертия, а следовательно, не ведают, что есть старость и, соответственно, уже не испытывают геронтофобий.

По мысли Даниеля 1, геронтофобия современного человека определяется исключительно восприятием старости с позиций молодости. Кризис возрастной идентичности порождает в данном случае кризис экзистенциальный и культурно-общественный, а в пределе — антропологический. При этом важно отметить, что носителем «взгляда молодости» может стать не только пожилой человек (внутренняя геронтофобическая позиция, направленная на собственное тело и сознание), но и молодой или еще не совсем старый человек, испытывающий геронтофобию по отношению к другим — уже состарившимся. Современная читателю цивилизация, с точки зрения героев Уэльбека, испытывает тотальную боязнь старости именно потому, что воспринимает себя исключительно с точки зрения молодости, выдавливая постепенно стариков и старость как явление из социального и культурного пространства.

Вот к какому выводу приходит Даниель 24, знакомясь с культурными памятниками человечества (прежде всего литературными и научными):

...потребительский капитализм, который, сделал молодость высшей, исключительно желанной ценностью, тем самым постепенно подорвал почтение к традициям и культ предков, поскольку сулил возможность навечно сохранить эту самую молодость и связанные с нею удовольствия (с. 453–454)¹.

Даниель 1 изображает становление человека в современном цивилизованном обществе как процесс увядания желаний, счастья и смысла — сексуально-биологического, социального, экзистенциального, социокультурного. В целом — как потерю психосоматической идентичности, по сути, идентичности антропологической: старость — время, когда человек становится «отбросом». Чтобы не стать «отбросом», старый человек должен мимикрировать под молодого — именно на это нацеливает «общество спектакля». Жизнь, устремленная к своему геронтостатусу, истончает человеческие радости и осознается как тотально несчастная и обесмысленная, как жизнь *нечеловеческая*.

Центральные мотивы размышлений двойников — «страх перед старостью», «десакрализация старости», «желание смерти». В исповеди героя и аналитических заметках его потомка акцентируется внимание на огромном количестве человеческих свидетельств о страданиях, вызванных старостью:

...уродливое, одряхлевшее старческое тело уже сделалось предметом единодушного отвращения; первая попытка осмыслить глобальный характер этого явления была предпринята, по-видимому,

в 2003 году, когда во Франции в сезон летних отпусков умерло особенно много стариков. «Старрики протестуют» — под таким заголовком вышла «Либерасьон» на следующий день после того, как стали известны первые цифры: за две недели в стране скончалось более десяти тысяч человек; одни умирали в одиночестве, в своих квартирах, другие — в больницах или в домах престарелых, но так или иначе все умерли от *отсутствия ухода*. На следующей неделе та же газета поместила серию жутких репортажей с фотографиями словно из концлагеря: в них описывалась агония стариков, лежащих в битком набитых общих палатах; голые, в одних подгузниках, они стонали целыми днями, но никто не подходил к ним, чтобы обмыть или дать стакан воды. В них описывалось, как санитарки, сбиваясь с ног, тщетно пытаются связаться с семьями, уехавшими отдохнуть, и регулярно собирают трупы, чтобы освободить место для вновь прибывших. «Сцены, недостойные развитой страны», — писал журналист, не сознавая, что сцены эти как раз и были свидетельством того, что Франция превращается в развитую, современную страну, что только в истинно развитой, современной стране можно обращаться со стариками как с отбросами, и подобное презрение к предкам было бы немыслимо в Африке или в какой-нибудь азиатской стране с традиционной культурой.

Волна привычного негодования <...> быстро схлынула, а решение проблемы было найдено в течение ближайших десятилетий благодаря развитию эвтаназии — как принудительной, так и добровольной; последняя получила все более широкое распространение (с. 112–113).

Даниель 1, осмысливая «волю к смерти» самих стариков, их родственников и социума в целом, принудительность и добровольность эвтаназии, обращается к древним традициям, находя в них типологические схождения с отношением к старости современного человека и новейшего общества:

В учении киников существовал один пункт, о котором обычно забывают: детям предписывалось убивать и пожирать собственных родителей, когда те утратят способность к труду и превратятся в лишние рты; нетрудно представить, как это ложится на современные проблемы, связанные с ростом числа пожилых людей (с. 62 — 63).

Если использовать формулировку А.А. Погребняка, анализирующего рассказ Т. Пинчона «Секретная интеграция» о детях, играющих в стариков, Уэльбек создает антиутопическую геронтософию о «коллективной психосоме в состоянии стабильной старости, т.е. жизни, вынесшей *окончательный приговор этому миру*» [Погребняк, с. 21–23].

Различные варианты «приговора этому миру» обнаруживается и в работах кинематографистов последних десяти-пятнадцати лет. Назову лишь несколько наиболее драматургически значимых, с моей точки зрения, фильмов о старости, в кото-

¹ Здесь и далее цит. по: Уэльбек М. Возможность острова: роман. М.: Иностранка, 2006.

рых представлены различные варианты геронтософии, в одном случае близких умозрениям узбековских персонажей, в другом принципиально от них отличающихся. Многие из этих произведений были отмечены на международных и национальных кинофестивалях.

Среди киноработ, в которых старость изображается трагикомически, но вместе с тем, исполнена определенного оптимизма, можно выделить драму чешского режиссера Владимира Михалека «О родителях и детях» (2008), построенную на диалогах сорокалетнего сына и семидесятилетнего отца. В основе драматургии Михалека – эпизоды прогулок героев по Праге, во время которых герои ведут диалоги о прошлом и пытаются сформулировать свое собственное отношение к возрастным кризисам зрелости и старости. Назову и трагикомедию этого же режиссера 2001 года «Бабье лето», где гетерофобии пожилой пары постепенно преодолеваются с помощью игрового, театрально-юмористического отношения не только к проходящей жизни, но и к своему настоящему.

Гедонистическая геронтософия представлена в ряде абсурдистских комедий и трагикомедий: румынского режиссера Кристи Пуйо «Смерть господина Лазареску» (2005), французского режиссера Жерома Энрико «Полетта» (2013) и шведского режиссера Феликса Хернгрена «Столетний старик, который вылез в окно и исчез» (2013). Образы стариков в этих фильмах амбивалентны и во многих случаях символизируют абсурдность антропологически девиантных сторон социальной действительности.

Заслуживает внимания и «археологическая драма» тайландского режиссера Апитчатпона Вирасетакуна «Дядюшка Бунми, который помнит свои прошлые жизни» (2010), где отчужденный от своих родственников персонаж обнаруживает смысл жизни в общении с призраками предков.

Мотив «заботы о старости» сближает драматургию фильмов «Геронтофилия» (2013) канадского режиссера Брюса Ла Брюса и «Простые вещи» (2006) российского режиссера Алексея Попогребского. Здесь именно через общение с пожилыми людьми главные герои – молодые люди – ликвидируют собственные дефициты экзистенциальных смыслов.

Стоит особо выделить и психоаналитические трагикомедии «Пережить самого себя. Теория и практика» Яна Шванкмайера (2013) и «Танцующая реальность» (2014) Александра Ходоровского, в которых кинематографическая репрезентация преодоления гетерофобии сочетается с анимационными, комиковыми (у Шванкмайера) и театральными (у Ходоровского) элементами. Эти два кинодраматургических шедевра объединяет ситуация преодоления старости (часто с карнавально-смеховым эффектом) воспоминаниями о детстве и родителях (особенно о матери).

В «Любви» (2012) Михаэля Ханеке, «Вулкан» (2011) – любовная история Рунара Рунарссона на склоне супружеской жизни о 67-летнем мужчине, который вынужден разобраться с некогда сделанным выбором и трудностями настоящего, чтобы встретить будущее, и «Молодости» (2015) Паоло Соррентино обозначены два крайних полюса современной киногеронтософии: трагедийный и комедийно-элегический.

2. Художественные репрезентации старости в отечественной драматургии

Какие же репрезентации старости на этом литературном (романном) и кинематографическом фоне предлагает новейшая российская драматургия? (О репрезентации старости в современной польской драматургии см.: [Рогова]).

В большинстве случаев драматурги обращаются не столько к социально-психологической репрезентации старости и комплексу мотивов, связанных с этой темой (что, видимо, характерно в большей степени для драматургии предшествующей эпохи), сколько к гротескным и гротескно-фантастическим, принципиально перформативным формам – в одном случае тяготеющим к сатире, в другом – к героике. Среди пьес, предлагающих различные варианты геронтософии, особенно выделяются следующие: «Геронтофобия и др.» Вадима Леванова, «Mutter» Вячеслава Дурненкова, «Русская народная почта» Олега Богаева и «Я, пулеметчик» Юрия Клавдиева.

Пьесы Леванова и Дурненкова выстроены как серия диалогов и монологов действующих лиц, происходящих в одно время (в течение суток). Пьесы Богаева и Клавдиева являются монодрамами, в которых диалоги и монологи героев разворачиваются только в сценическом пространстве-времени, воплощающем исключительно внутренний мир главных героев (как того и требует монодраматическая форма, по Н. Евреину).

Рассмотрим геронтософию, представленную в драмах Леванова и Клавдиева.

В пьесе «Геронтофобия и др.» рассказывается о том, как молодая женщина N посещает квартиры пенсионеров и осуществляет эвтаназию, последовательно предлагая старым людям принять красные капсулы. Некоторые из пенсионеров грубо прогоняют женщину, другие принимают капсулу сразу, доверившись N. Пенсионерка Елена Ивановна соглашается проглотить лекарство только после заверений в том, что это «путинская таблетка»: «Программа такая... государственная... помощь больным... Пожилым людям, пенсионерам, ветеранам ВОВ. Инвалидам... бесплатное вот лекарство... Существенно улучшает качество жизни в пожилом возрасте...» (с. 262)². Объяснение N может восприниматься читателем как «перевертыш» философии Человека-подушки из одноименной

² Здесь и далее цит. по: Леванов Л. Пьесы и другие произведения, опубликованные в журнале «Город». Тольятти, 2013.

пьесы Мартина МакДонаха, в которой придуманный главным героем персонаж «черных сказок» убивает детей из жалости к ним, совершая акт милосердия – по его представлениям, существование ребенка в мире взрослых является сущим адом.

Полоумная Елизавета Ивановна принимает «реабилитационную» таблетку только под нажимом N. Вдовец Афанасий Матвеевич, переживающий в полоумных монологах свою измену жене, умирает сам, испытывая страх перед собственным прошлым. По мере развития драматургического сюжета коммуникативное насилие со стороны N переходит в насилие буквальное по отношению к несговорчивым бывшему партийному работнику Екатерине Федоровне Сколокосовой N и вуайеристу Павлу Андреевичу. Однако убиты не только пенсионеры, но и молодой человек – представитель некой христианской секты, назойливо проповедующий по квартирам «слово христово» (Ремарка: «она раскладывает его вдоль стены и точными резкими ударами вгоняет гвоздь в его ладонь, прибывая ее к стене»). Жертвой становится и дворник-таджик, невольно попавший под руку N.

N жестоко расправляется и с частным детективом, разоблачившим убийцу. Ремарка живописует смерть этого персонажа:

Легкое движение тонкой руки N, мгновенный, как фотовспышка, проблеск лезвия.

Частный детектив дико орет, зажимая руками лицо, сквозь пальцы течет кровь.

N разжимает руку, из пальцев выскальзывает лезвие безопасной бритвы (с. 262).

Однако насилие, кумулятивно накапливаясь в пьесе (автор намеренно нанизывает сцены насилия, создавая гротескный «аттракцион смертей»), приводит к гибели саму убийцу. Происходит это во время детской игры с мальчиком Герой. Поджидая его бабушку, N предлагает подростку надеть ей на голову черный пакет, замотать скотчем, считать до ста и рассказывать страшную историю. Так под детскую страшилку Геры N и умирает. Смерть N сценически представлена как самоубийство.

Воспринимая действие пьесы, переполненное «аттракционами смертей», читатель не может не задаться вопросом о целесообразности так выстроенного гротескно-драматического сюжета. Некоторые монологи персонажей прямо и косвенно дают ответы на этот вопрос.

Абсолютно все действующие лица переживают различные фобии, наиболее сильной из которых является геронтофобия. Не случайно пьеса имеет заголовок «Геронтофобия и др.». И др. – и другие фобии, подчиняющие себе самый сильный страх – «страх старости». Его испытывают не только пенсионеры, в полубезумных высказываниях которых на время реанимируется их прошлая жизнь, осознается бессмысленность ее финала и собственного существования в целом. В одной из первых реплик Елены Ивановны обозначена общая конфликтная ситуация, связанная с потерей биографической и экзистенциальной идентичности:

Елена Ивановна (*задумчиво*). Я вот сижу, в окошко смотрю, смотрю все... Не знаю... Думаю, все думаю... Как все происходит так? Зачем так?.. Думаю все... И ничего не понимаю совсем... Совсем ничего... Я вот Богу стану молиться, задумаюсь так... и забываю. Что молиться начала... А тебя, доча, тоже, значит, Путин прислал?.. (с. 239).

Реплика Елены Ивановны переключается с репликой N, обращенной к Гере:

Нельзя? А что можно? Ты знаешь?.. Можешь мне сказать, чего ты хочешь на самом деле?.. Как это все устроено, зачем все это?.. Я плохая – а кто хороший?.. Да что это все вообще значит, что... (с. 255).

Бессмыслица существования самой N компенсируется ее преступлениями. Имя-знак фиксирует внимание читателя на безымянности персонажа и его обезличенности; сомнительную идентичность N, видимо, обретает только посредством убийств. Но каковы мотивировки совершаемых преступлений? Ответить на этот вопрос однозначно не представляется сразу возможным – криминальный сюжет поначалу выстраивается так, чтобы мотивы преступлений N воспринимались как загадка. С одной стороны, соотношение сценических эпизодов убийств молодого человека-сектанта и дворника со сценами убийств пенсионеров свидетельствует о социопатии N (почти по Сартру – «другие – это ад»), которую она пытается преодолеть, уничтожая носителей своих страхов. Наибольшую фобию внушают пожилые люди и – как можно предположить – собственная жизнь N. Безумие преступницы отражает безумие несовершенного мира, которое на протяжении всей пьесы проявляется в его дискурсивной основе – жесты коммуникативного насилия характеризуют речь многих персонажей. С другой стороны, преступления N соотносятся с легитимным – реальными или предполагаемыми – убийствами стариков государством и обществом. Обратим внимание на уже процитированную реплику о «путинской таблетке» и – особенно монологи Частного детектива, обращенные к N незадолго до собственной гибели:

...А вот скажи, интересно мне, зачем ты это все делаешь?! А?! Ты больная?! Ты ненормальная?! Да? Тебе убивать нравится? <...> Я думал сперва, что ты с кем-то работаешь, с риелторами какими-нибудь – махинации с квартирами! Нет! Ценные вещи тоже не пропадали ни разу!.. Тогда – что?! Идея какая-то? <...> Ты вроде как... Орудие Бога? Чистильщик? Избавитель? Ассенизатор, да? Хирург... Посланник Божий? Рука Его и промысел, а? Избавляешь этих несчастных, убогих от страданий? Их все равно не спасти и им все равно не помочь, да? Они же сами, сами просят, чтоб их поскорей Бог прибрал – послал им легкую скорую смерть!.. Зачем?!.. (с. 260).

После ответа N «Геронтофобия у меня...» позиция Частного детектива резко меняется: из разоблачителя и обвинителя он неожиданно становится идеологом нового «Национального проекта» – N словно подсказала ему идею, которая развивается в монологе персонажа:

...А ты мне нравишься! <...> Это — правильно все! Это вообще должно стать государственной программой. По-моему, очень гуманно... В животном мире слабые и больные обречены! Выживай, сильный! Это закон, благодаря которому жизнь продолжается и развивается... В Спарте убогих, немощных, уродов, стариков, больных, калек — сбрасывали со скалы. В Японии — стариков уносили в горы и оставляли там умирать... Да везде, всегда, у всех!.. Ни одно общество не способно... экономически не способно заниматься гуманитарной благотворительностью... Не способно содержать неполноценных за счет нормальных... Всем, кто не способен пользу обществу приносить... полноценно — нету места в нем!.. Здоровых, нормальных людей слишком много! Ленин прав: кто не работает — не должен жрать! Они не нужны ни-ко-му! Они балласт! Когда эти идиоты из правительства поймут уже! Это должен быть новый национальный проект! (с. 261).

Таким образом, «государственная» позиция Частного детектива оправдывает действия N и даже придает ее преступлениям официальный статус — именно так, по мысли Частного детектива, и нужно власти поступать со стариками (см. переключку с романом Уэльбека).

Очевидные отсылки к «Преступлению и наказанию», фиксируя внимание на общности мотивов, подчеркивают принципиальное отличие преступления Раскольникова от преступлений N. У классика теория проверяется «делом» (частный детектив, как следует из приведенного ранее монолога, использует роман Достоевского в качестве ключа для раскрытия преступлений N). У современного драматурга преступника из человека делает отсутствие метафизических предпосылок, не обретшая *идентичность психосома* — N может утвердить себя только в насилии, преодолевая накопившиеся страхи. Однако стоит обратить внимание и на финальный сценический эпизод «Возвращение Лазаря», фабульно (хронологически) предшествующий самоубийству N и постфактум имплицитно объясняющий его причину. В этом эпизоде Афанасий Матвеевич, обращаясь к N будто бы к своей бывшей любовнице Варе, вспоминает, как к ним в дом вернулся Лазарь — канарейка, некогда вылетевшая из открытой форточки:

...Мальчишки потом принесли маленькую замерзшую тушку, но я не показывал тебе дохлого Лазаря, я говорил тебе, что он улетел в теплые края, на Канарские острова... А сегодня мне приснилось, что он вернулся, что он стучится в стекло мне в окошко. Я отворил форточку и впустил его... Он сел мне на голову и начал петь... Прикрой, а то продует тебя!

N сидит на подоконнике, водит пальцем по стеклу, разрисованному морозными узорами. В открытую форточку влетают снежинки (с. 270).

Возвращение Лазаря в финале привносит в пьесу элемент катарсичности, несмотря на представленный ранее «аттракцион смертей». Однако, в отличие от воскрешения Раскольникова, воскрешение N в новом качестве носит характер скорее иллюзорный. N предстает в этом эпизоде Варей — женой Афанасия Матвеевича (и в его кругозоре,

и в кругозоре самой героини), тем самым преодолевая геронтофобию через перевоплощение — пусть и виртуальное — в предмет собственных страхов. Страх избывается, но, как понимает читатель, уже за пределами жизни N.

Возможно ли выстраивание драматургической геронтофобии, в которой персонаж через испытание старостью обретает не иллюзорную, ведущую к смерти, но подлинную экзистенциальную и антропологическую идентичность? Пьеса Клавдиева «Я, пулеметчик» дает положительный ответ на этот вопрос.

Главный герой драмы Клавдиева — «парень, лет 20–30-ти» — легко узнаваемый в современном социокультурном российском пространстве «браток», «пацан» с «понятиями» и «вольной» в кармане. Отсутствие имени, конкретного возраста, индивидуальных черт подчеркивает его знаковость, типичность (ср. с номинацией главной героини в пьесе Леванова). Как и многие современные драматурги, Клавдиев, выбирая в качестве действующего лица одного из представителей социально-маргинальных кругов, ориентируется на актуализацию имеющихся у читателя культурных кодов. Однако ориентация на эти коды необходима не для того, чтобы вызвать осуждение героя или, наоборот, стимулировать сентиментальное сопереживание, переходящее в наивно-реалистическое подражание ему (ср. реакцию молодых зрителей на события и поступки героев в криминальных фильмах «Бригада» и «Бумер» (О специфике поколенческой самоидентификации зрителей телевизионного сериала «Бригада» (2002) см.: [Дерябин, Глембоцкая]). Оно необходимо для приобщения адресата к ценностям, находящимся за пределами конкретной социальной и психологической роли. Одним словом, Клавдиев, дискурсивно формируя в сознании воспринимающего определенный социокультурный «гештальт», разворачивает сюжет монодрамы так, чтобы в финале приблизить читателя/зрителя к ритуально-катарсической «точке накала» (А. Арто), никак не связанной с «бандитской правдой», а скорее ей тотально противостоящей. В этом отношении, как мне представляется, пьеса Клавдиева содержит в себе ряд атрибуций «жесткой дидактики» в духе идей театрального философа XX века, реформатора театра и метафизического анархиста Антонена Арто.

В пьесе используется скрытая мотивировка монолога героя. Почему «пацан» вдруг заговорил в исповедально-проповедническом тоне, проясняется по мере развития его высказывания, а окончательно становится понятным только в последнем сценическом эпизоде. Весь монолог героя являет собой рефлексии человека на событие, случившееся с ним в недавнем времени. Дистанция между прошлым и настоящим «схлопывается», приобретая особую модальность «вневременного высказывания».

Текст пьесы состоит из монтажа фрагментов, один ряд которых воспроизводит высказывание парня, вынужденного с отдыха на турбазе, находя-

щейся на берегу Волги, отправиться «выручать своих» на «стрелку», которая заканчивается «войной» («разборкой» и гибелью друзей-бандитов). Другой ряд – высказывания его деда, пулеметчика, во время «войны с немцами» удерживающего высоту на Моонзунде. Композиционно эти два потока высказываний выстроены так, чтобы читатель не сразу догадался, какому субъекту сознания принадлежит тот или иной фрагмент. Переход от одного голоса к другому в тексте почти не маркируется – автор намеренно «сливает» их в судорожный речевой поток. Молодость говорит здесь голосом старости, старость – голосом молодости.

В тексте пьесы двенадцать переходов от одного голоса к другому – семь фрагментов воспроизводят речь парня, шесть – деда. Схематично траектория сцен выстроена следующим образом. В первом фрагменте парень рассказывает о страстном желании отдохнуть на прибрежной турбазе:

Жить, скажу я вам, сложно... Надо отдыхать, а то постоянно – как мошка на стекле в автобусе... Видели когда-нибудь? Конечно, видели... Поднимется – съедет, поднимется – снова вниз... И так – пока до форточки не доберется. Или пока не придавит кто-нибудь...³

Далее ремарка обозначает границу между миром парня и его деда, границу, не сразу идентифицируемую читателем:

Главное – чтобы солнце светило (*усмехается*), да войны не было. (*После небольшой паузы, проводя рукой по лицу, как от сильной усталости*). Я обгорел до неузнаваемости, и моя черепная коробка трещала, когда кипящие воспоминания рвались с того света, отчаянно пытаясь уцепиться за этот.

Это первый переход к высказыванию деда. В последнем (финальном) переходе первая часть высказывания деда контрастирует с первой частью высказывания парня: если в мире парня главной ценностью провозглашается отдых от «разов, когда придурков разных вывозили в посадку обрабатывать», то в мире деда – отдых от необходимости убивать людей, спасая собственную жизнь и жизнь своего напарника. Дед выступает для парня в качестве двойника (и одновременно проводника) в мир прошлого (и биографического (детство), и исторического (война), и «архетипического» (инстинктивная, «лондоновская», воля к жизни).

В своей монодраме Клавдиев художественно осуществляет завет, данный Арто и перекликающийся с мыслью А. Бергсона: «Если первоначально было принципиально признано, что тень тела сохраняется, ничто не может помешать оставить за ней первопричину, сообщающую телу деятельную силу. Мы получаем активную, деятельную тень, способную влиять на человеческие дела» [Бергсон, с. 145]. Старый человек – дед – выступает для парня в качестве Тени, Двойника (по Арто,

героического первопредка, живущего внутри сознания человека и являющегося его подлинной сутью). Именно этот первопредок проясняет для него смысл существования человека, сам же парень опознается читателем/зрителем в качестве Двойника, приближающего адресата к ритуально-катартическому приятию *Жизни как Войны*.

Перформативно-игровое пространство, моделируемое Клавдиевым, словно сориентировано на театральную-метафизический завет Арто: «Полный социальный крах, органический хаос, избыток порока, какое-то всеобщее заклинание демонов, которое теснит душу и доводит ее до крайностей – все это говорит о наличии предельной силы, в которой живо сходится вся мощь природы в тот момент, когда он собирается совершить что-то значительное» [Максимов, с. 85]. Такой непризнанной силой является в мире Арто *Жестокость*. Таковой она является и в мире Клавдиева. Болезнь мира излечивается Жестокостью, ее очистительным действием, Война может быть излечена только Войной. Но Войной, воплотившейся в пространстве театральной сцены (как воображаемой читателем, так и реально воспринимаемой зрителем).

Заголовок драмы «Я, пулеметчик» указывает одновременно на самоидентификацию парня, преодолевающего социальную и психологическую определенность собственной биографии, и читателя/зрителя, включенного в пространство «жесткой игры», затеянной современным драматургом.

А. Ахутин определял инициацию как «пробуждение, второе рождение, переход из небытия в мир», ритуал, «в которых человек мифа подходит к <...> возможности обзора и осознания своего мира в целом» [Ахутин, с. 118]. В финале пьесы Клавдиева происходит событие, которое аналогично состоянию инициации, результатом которой становится катарсис – «преодоление героем и зрителем внутренней двойственности и расхождения изображенного поступка и судьбы с высшей целесообразностью» [Тамарченко, Тюпа, Бройтман, с. 313].

В своей монодраме, обращаясь к образу «первопредка», Клавдиев возрождает тип *героического* самоопределения, преодолевающего пределы неправедных (с точки зрения автора) форм человеческого существования. Героическое самоопределение осуществляется здесь через приобщение к духу старого воина.

Напомню, что древнегреческое слово «геронтес» (gerontes), кроме значения «старика», трактуется как «старейшины, члены верховного совета, сенаторы» (А.Д. Вейсман). Драматург в данном случае как бы реанимирует утраченное значение данного понятия, возвращая читателю древний «прародительский» смысл понятия «геронтес» (Подробный анализ пьесы Юрия Клавдиева «Я, пулеметчик» см.: [Лавлинский]).

³ Здесь и далее текст пьесы цит. по рукописи, любезно предоставленной автором.

Заключение

Подведу некоторые итоги. Что же такое старость в понимании новейшей российской драматургии? С одной стороны – социальное и биологическое бедствие, время осознания экзистенциального и идеологического краха, отчаяние, выраженные в речах персонажей-стариков. С другой – старость, по логике драматургов, не антипод молодости, а ее обратная сторона, создающая вольные и/или невольные условия для испытания «не-старого» сознания «предельными вопросами».

Еще раз подчеркну: пьесы, о которых шла речь, разрабатывают не столько реалистические традиции репрезентации старости, сколько традиции гротескные и гротескно-фантастические. Преодоление герентофобии, выстраивание катарсической геронтософии, по логике современных драматургов, невозможно в зоне исключительно социальных и культурно-психологических репрезентаций старости, но только в сферах, связанных с трансцендентными и мистериальными драматургическими стратегиями.

Библиографический список

Ахутин А. Тяжба о бытии. Сборник философских работ. М., 1996.

Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994.

Дерябин А., Глембоцкая Я. Кино-сага о состоявшемся поколении в АРХЭ // Культурологический альманах. 2003. Вып. 4. С. 124–126.

Лавлинский С.П. «Театр жестокости» по-русски (Позиция героя и адресата в монодраме Юрия Клавдиева «Я, пулеметчик») // Миргород. 2015. № 2 (6). С. 123–144.

Максимов В. Эстетический феномен Антонена Арто. СПб.: Гиперион, 2007. С. 85.

Погребняк А.А. Старость как ресурс // Философия старости: геронтософия. Серия «Symposium»: сб. материалов конф. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. Вып. 24.

Рогова Е. Тема старости в пьесе «Рыдания» Кшиштофа Бизе // Поэтика новейшей драматургии. М.; Кемерово, 2014. Вып. 4. С. 166–174.

Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы: в 2 т. Т. 1. М., 2004.

References

Akhutin A. Tiazhba o bytii. Sbornik filosofskikh работ [Quarrel about being. Collection of philosophical works]. M., 1996, p. 118 [in Russian].

Bergson A. Dva istochnika morali i religii [Two sources of morality and religion]. M., 1994 [in Russian].

Deryabin A., Glembotskaya Ya. Kino-saga o sostoiavshemsia pokolenii v ARKhE [Kino-saga about the successful generation in ARCHE]. Kulturologicheskii almanakh [Culturological almanac], 2003, Issue 4, pp. 124–126 [in Russian].

Lavlinsky S.P. «Teatr zhestokosti» po-russki (Pozitsiia geroia i adresata v monodrame Iuriiia Klavdieva «Ja, pulemetchik») [«Theater of Cruelty» in Russian (The position of the hero and addressee in the monodram of Yuri Klavdiev «I, the machine-gunner»)]. Mirgorod, 2015, no. 2(6), 123–144 [in Russian].

Maksimov V. Esteticheskii fenomen Antonena Arto [Aesthetic phenomenon of Antonin Artaud]. SPb.: Giperion, 2007, pp. 85 [in Russian].

Pogrebnyak A.A. Starost' kak resurs [Old age as a resource]. In: Filosofiiia starosti: gerontosofiiia. Seriiia «Symposium», vypusk 24. Sbornik materialov konferentsii [Philosophy of an old age: gerontosophy. Series «Symposium», Conference proceedings]. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2002, Issue 24 [in Russian].

Rogova E. Tema starosti v p'ese «Rydaniia» Kshishtofa Bize [The theme of an old age in the play «Sobs» by Krzysztof Bizio]. In: Poetika noveishei dramaturgii. Vyp. 4 [Poetics of the newest drama. Issue 4]. M.; Кемерово, 2014, pp. 166–174 [in Russian].

Tamarchenko N.D., Tyupa V.I., Broitman S.N. Teoriiia literatury: v 2 t. T. 1 [Theory of literature: in 2 Vols. Vol. 1]. M., 2004, p. 313 [in Russian].

Е.М. Лепишева

**ПЬЕСЫ ЕЛЕНА ПОПОВОЙ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ «НОВОЙ ВОЛНЫ»
(АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА)**

© Лепишева Елена Михайловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры доуниверситетской подготовки факультета доуниверситетского образования, Белорусский государственный университет, 220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4.
E-mail: elena_tochilina@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3779-7394>

АННОТАЦИЯ

Сравнительно-типологический аспект исследования русской и белорусской драматургии конца XX – начала XXI в. остается актуальным и приоритетным в современном литературоведении. В статье пьесы известного белорусского (русскоязычного) драматурга Е. Поповой рассматриваются в контексте «новой волны» русской драматургии (Л. Петрушевская, А. Галин, А. Казанцев, В. Славкин, Л. Разумовская, М. Арбатова). Предпринята попытка выявить взаимосвязь произведений этих драматургов в конце XX – начале XXI в. на уровне героя, конфликта, хронотопа в аспекте сравнительного анализа. Наша цель – выделить две магистральные авторские стратегии, отражающие сложные взаимоотношения человека и постсоветского социума, – социально-экзистенциальную и экзистенциальную. Это предопределило методы исследования: биографический, историко-литературный, сравнительный.

Близость пьес Е. Поповой и русских драматургов в 1970–1980-е гг. была закономерным следствием единого исторического контекста, общей советской реальности, сформировавшей сходство мировосприятия, авторской позиции, ракурс эстетических поисков нового героя, ставшего тревожным симптомом «застойного» времени, отразившего антиномию частного и общественного, нравственно-духовный релятивизм и конформизм. В конце XX – начале XXI в. произошла кардинальная смена социокультурной парадигмы, приведшая к «мутации» глубоко укоренившихся в советские времена стереотипов (Ю. Левада), ценностной «переакцентации», в результате чего предельно обнажились тотальное одиночество, растерянность и незащищенность человека. Общность генетических связей Беларуси и России, близость отдельных аспектов социокультурной обстановки, сложившейся на постсоветском пространстве, определили проблемы «переходного» времени, отразившие как социальный кризис, так и деструктивное внутреннее состояние современного человека (потерю идентичности, утрату личностной целостности, крушение нравственно-этической иерархии).

В результате проведенного исследования прослежены изменения авторских стратегий Е. Поповой и представителей «новой волны» русской драматургии в 1990–2000-х гг., что ранее не являлось предметом литературоведческого анализа. Это дало возможность выявить взаимосвязь драматургического процесса родственных литератур, их общие особенности и частные отличия.

Ключевые слова: русско-белорусские литературные взаимосвязи, «новая волна» русской драматургии, русскоязычная драматургия Беларуси, герой, конфликт, хронотоп.

Цитирование. Лепишева Е.М. Пьесы Елены Поповой в контексте русской драматургии «новой волны» (авторские стратегии художественной интерпретации мира и человека) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 85–92. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-85-92>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-85-92
UDC 821.161.1 (043)+821.161.3(043)

Submitted: 10/III/2018
Accepted: 18/IV/2018

E.M. Lepisheva

**PLAYS OF ELENA POPOVA IN THE CONTEXT OF RUSSIAN DRAMA
OF THE «NEW WAVE» (AUTHOR'S STRATEGIES FOR THE ARTISTIC INTERPRETATION
OF THE WORLD AND HUMAN)**

© *Lepisheva Elena Mikhailovna* – Candidate of Philological Sciences, senior lecturer of the Department of Pre-University Training, Faculty of Pre-University Education, Belorussian State University, 4, Nezavisimosti Avenue, Minsk, 220030, Republic of Belarus.

E-mail: elena_tochilina@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-3779-7394>

ABSTRACT

The comparative-typological aspect of Russian and Belarusian dramatic art research in the end of the XX and the beginning of the XXI centuries remains actual and prior in modern literary criticism. In the article we researched plays by famous Belarusian (Russian) playwright E. Popova in the context of the «new wave» of Russian drama (L. Petrushevskaya, A. Galin, A. Kazantsev, V. Slavkin, L. Razumovskaya, M. Arbatova). We try to reveal the relationship between the plays of these playwrights in the end of the XX and the beginning of the XXI centuries at the level of the hero, conflict, chronotope. Our aim is to single out two main authorial strategies, which reflect difficult relationships between man and post-Soviet society, – *social-existential* and *existential*. It predetermined study methods: biographical, historical-literary and comparative.

The typological affinity of their plays of the 1970 – 1980-ies was a natural consequence of a uniform historical context, the general Soviet reality which have generated similarity of attitude, an author's position, a foreshortening of a new hero aesthetic searches who has become a disturbing symptom of the «stagnant» time, and has reflected the opposites of private and public, moral and spiritual relativism and conformism. In the end of the XX and the beginning of XXI centuries there was a cardinal change of social and cultural paradigms, which led to «a mutation of stereotypes deeply taken roots in Soviet period» (Y. Levada), valuable «accent changes», therefore, total loneliness, confusion and vulnerability of the person were extremely bared. The generality of genetic Belarus and Russia relations, affinity of separate aspects of social and cultural conditions which have developed on the post-Soviet territory, have defined the problems of «transitive» time which has reflected both social crisis, and destructive inwardness of the modern person (self-identity loss, loss of personal integrity, wreck of moral and ethical hierarchy).

As a result of the study we proved changes in authorial strategies of representatives of E. Popova and «new wave» of Russian dramaturgy are traced in 1990–2000-ies, which had not previously been the subject of literary analysis. For the first time, the general tendencies and principal differences in the development of Belarusian and Russian dramaturgy of the end of the XX and the beginning of the XXI centuries were revealed.

Key words: Russian-Belarusian literary interrelations, «new wave» of Russian drama, Russian-language drama of Belarus, hero, conflict, chronotope.

Citation. Lepisheva E.M. *P'esy Eleny Popovoi v kontekste russkoi dramaturgii «novoï volny» (avtorskie strategii khudozhestvennoi interpretatsii mira i cheloveka)* [Plays of Elena Popova in the context of Russian drama of the «new wave» (author's strategies for the artistic interpretation of the world and human)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 85–92. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-85-92>.

Введение

Елена Попова – ведущий русскоязычный драматург Беларуси, пьесы которого востребованы современным читателем / зрителем¹. На фоне белорусской литературы их выделяет устойчивая взаимосвязь с русской драматургией, ослабление национального компонента на различных уровнях художественной структуры. Так, в пьесах Е. Поповой отсутствуют герои, наделенные ярко выражен-

ной белорусской ментальностью, национальные маркеры хронотопа², «пропагандистская тенденциозность» (непосредственное выражение авторской позиции через монологи протагониста, благополучное разрешение противоречий) [Лаўшук, с. 54].

Особое место этого драматурга предопределено и стремлением раскрыть *социально-нравственные* проблемы «с активной ориентацией на *экзистенциалистское* мировидение» [Гончарова-Грабовская, с. 178]. В белорусской драматургии 1970–1980-х гг.

это наиболее ярко проявилось в комедиях А. Макаёнка («Трибунал» («Трыбунал»), «Затюканный апостол» («Зацюканы апостал»), «Кошмар» («Кашмар»)), реже — в социально-бытовых драмах, авторы которых, как правило, активно ориентировались на идейно-эстетические принципы соцреализма («И смолкли птицы» («І змоўклі птушкі») И. Шамякина, «На острие» («На вастрыні») К. Крапивы). На этом фоне выделялись произведения Е. Поповой («Скорые поезда», «Жизнь Корицына»), А. Дударева («Порог», «И был день... / Свалка»), раскрывавшие сквозь призму социально-бытовой неустроенности дисгармоничное мироощущение советского человека. В частности, С. Ковалев (известный литературовед, создатель ряда пьес-ремейков), подчеркнул, что «только А. Макаёнку, А. Дудареву и Е. Поповой удалось подняться к общечеловеческим проблемам» [Кавалёв, с. 171].

Однако их реализация осуществляется Е. Поповой в русле не столько белорусской, сколько русской литературной традиции — философско-эстетической системы А. Чехова. Как и в произведениях великого предшественника, действие в ее пьесах способствует выявлению «внутренней» дисгармонии героев (чувства неудовлетворенности, утраты нравственно-духовной опоры) в повседневно-бытовой обстановке, насыщенной знаковыми деталями — маркерами времени. Так, советские годы ассоциируются с унификацией («образцово-показательная» планировка квартиры Никитиных в трагикомедии «Объявление в вечерней газете»), редукцией личного пространства (комната в коммуналке в драме «Жизнь Корицына»), постсоветские — с вытеснением на периферию социума (поиски лучшей жизни в эмиграции оборачиваются преступлением в пьесе «Домой», надежда на социальную справедливость — Всемирным потопом («Тонуций дом»)).

Все это позволяет искать точки соприкосновения произведений Е. Поповой с русской драматургией, среди которой ей наиболее близки представители «новой волны» (Л. Петрушевская, А. Галин, А. Казанцев, В. Славкин, Л. Разумовская, М. Арбатова и др.), активно утверждающие себя и сегодня.

Их взаимодействие обусловлено историко-литературными и социокультурными факторами, предопределившими «внешние» и «внутренние» контакты [Дюришин, с. 113].

Единое пространство советского государства актуализировало контакты «внешние»: принадлежность к общей литературно-театральной среде, вхождение в драматургию в одно и то же время (конец 1970-х гг.). Так, Е. Попова окончила Литературный институт им. М. Горького (1973 г.), обучалась в семинаре В. Розова, активно участвовала в культурной жизни столицы (личное знакомство с А. Эфросом, посещение Вахтанговского театра, МХАТ (Попова, 1989, с. 13)). Она заявила о себе как перспективный драматург: в советские годы особой популярностью пользовалась пьеса «Объявление в вечерней газете»³, на страницах

ведущих газет и журналов появлялись рецензии на спектакли⁴.

В постсоветский период российскую сцену обогатили «Нужен муж для Поэтессы» (Смоленск, Смоленский драматический театр, 2009), «Баловни судьбы» (Москва, Московский театр им. А. Пушкина, 1995); прозаические⁵ и драматические⁶ произведения публикуются в авторитетных журналах.

К «внутренним» контактам относятся близость проблематики, художественных особенностей пьес Е. Поповой и представителей «новой волны» русской драматургии. Раскрыть данные параллели я попытаюсь, исходя из авторских стратегий художественной интерпретации мира и человека, предопределивших избранные драматургами эстетические модели: реализм, модернизм, постмодернизм.

В качестве критериев авторских стратегий выступают индивидуальные представления художника о человеке и его взаимоотношениях с миром, лежащие в основе пространственно-временных параметров «присутствия “я” в “мире”», воссозданных на сцене. В драматургическом тексте эти представления реализуются на уровнях героя, конфликта и хронотопа, анализ которых будет предпринят в данной статье на материале произведений Е. Поповой и представителей «новой волны» русской драматургии (Л. Петрушевской, А. Галина, А. Казанцева, Л. Разумовской и др.) постсоветского периода.

Методы исследования

Методологией статьи стал системный сравнительный анализ пьес Е. Поповой и русских драматургов (объединенных в «новую волну» 1970–1980-х гг.), созданных в 1990–2000-х гг. В рамках компаративного исследования используются биографический, историко-литературный, сравнительный методы.

Основная часть

Сравнительный анализ ключевых топосов художественной структуры — героя, конфликта, хронотопа — в пьесах Е. Поповой и бывших представителей «новой волны» позволяет выделить два ракурса их художественного воплощения.

В одних произведениях постсоветский человек исследуется во всем спектре взаимосвязей с миром, предстает в быту, социуме и бытии: его онтологизация (демонстрация «присутствия “я” в “мире”») осуществляется через быт и социальное окружение. Через воссоздание повседневно-бытовой обстановки (скудной, неустроенной) выстраивается проекция на экзистенциальные проблемы (потерю идентичности, ощущение глобальной неукорененности в мире). Объективно существующая реальность раскрывается здесь в двух, органично взаимосвязанных, ракурсах (социальном и философском), что предопределило обозначение данной авторской стратегии как социально-экзистенциальной.

Способность показать «присутствие “я” в “мире”» через эмпирический срез реальности предполагает рациональное видение мироустройства, связанное с метафизической установкой *реализма*. Последняя, согласно современным исследованиям⁸, базируется на «онтологическом тождестве» бытия и мышления, вследствие чего «универсалиям приписывается статус *res* (вещей. — *Е.Л.*), подразумеваемая при этом, что порядок сущих идей — залог порядка сущих вещей, и читая один порядок, мы постигаем другой» [Корецкая, с. 162].

Художественная реальность в произведениях с реалистической установкой последовательно преломляется в трех планах: *бытовом* — *социальном* — *бытийном*, что прослеживается на различных уровнях: героя (социально-экзистенциальная модель), конфликта (имеющего соответствующие сферы проявления), хронотопа (демонстрирующего три пространственно-временные плоскости).

Данная авторская стратегия является магистральной для таких представителей «новой волны», как А. Галин, Л. Разумовская, М. Арбатова. Отчасти ее реализуют Н. Коляда⁹, ряд драматургов, заявивших о себе на рубеже 1980–1990-х гг. (О. Данилов, В. Рысев, А. Сеплярский, Р. Солнцев, Л. Проталин). В данный контекст органично вписываются произведения Е. Поповой.

Взаимоотношение с воссоздаваемой действительностью осуществляется в их произведениях в рамках «традиционного языка мимесиса» [Рымарь, с. 9]. Это предопределило *социально-экзистенциальный* ракурс видения героя, отражающий как характер социального действия, так и мировоззренческий кризис.

Проявления кризиса воссоздаются многомерно: как кризис «я-для-себя» (потеря идентичности), кризис связи с Другим (социальная отчужденность), кризис «присутствия “я” в “мире”» (онтологическая маргинальность), однако смысловые акценты распределяются драматургами по-разному, что преломляется в жанре произведений.

Социальное фиаско акцентируется в пьесах, тяготеющих к *социальной драме*, подающей героев в натуралистическом ключе. Это нередко осуществляется через сцены физического насилия, которому подвергаются учитель Ромашов («*Седьмая степень свободы*» (1993) В. Рысева), бездомные подростки («*Через стекло*» (1995) Р. Солнцева, «*Домой!*» (1993) Л. Разумовской). При этом выведенный на сцену социальный негатив, подобно «шоковой терапии» «театра жестокости» А. Арто, по силе воздействия превалирует над интенциями авторов, вследствие чего последние (выраженные на речевом уровне через публицистические монологи, как в пьесе Р. Солнцева, либо на уровне действия посредством мизансцен, отсылающих к библейскому коду, как в пьесах В. Рысева, Л. Разумовской) не выполняют своей эстетической функции (не вызывают катарсис).

Схожая тенденция отразилась в русской «новой драме» конца XX — начала XXI в. («*Черное моло-*

ко» (2001), «*Пластин*» (2002), «*Божьи коровки возвращаются на небо*» (2003) В. Сигарева, «*Пойдем, нас ждет машина*» (2003) Ю. Клавдиева). Несколько позднее — в произведениях молодых белорусских русскоязычных драматургов: Д. Балыко «*Белый ангел с черными крыльями*» (2006), Д. Богославского «*Любовь людей*» (2012). При этом «новодраматизмы» предлагают иной подход к герою: он не противопоставляет себя «среде» (как в рассмотренных пьесах), а самоидентифицируется через деструктивный социум, что проясняет отсутствие (и невозможность!) тенденциозной авторской позиции и тем самым увеличивает эстетический потенциал пьес.

Социально-бытовой акцент находим в пьесах, составляющих модус *комедии* («*Мы идем смотреть “Чапаяева”*» (1992) О. Данилова, «*Сирена и Виктория*» (1997), «*Конкурс*» (1999) А. Галина, «*Житие Юры Курочкина и его ближних*» (2000) Л. Разумовской). И хотя герои переживают «внутренний» дискомфорт, их мироощущение детерминировано мощным социальным негативом и в ином плане практически не раскрыто.

Данный типологический ряд можно дополнить пьесами белорусских драматургов «старшего» поколения («*Султан Брунея*» (1994), «*Полковник и ночная красавица*» (1998) А. Делендика) либо пришедших в театр в 1990-е гг. («*Пес с золотым зубом*» («*Сабака з залатым зубам*») В. Саулича, «*Пупсик*» («*Пупсік*») Г. Овласенко).

И лишь в пьесах, жанровая структура которых включает элементы *комедии* и *драмы*, выстраивается проекция социально-бытового неблагополучия на неукорененность в бытии. Она осмысливается через категорию *трагического*, поскольку герой поставлен в принципиально неразрешимую ситуацию «дилеммы жизненных позиций в ролевом миропорядке» [Тюпа, с. 10], отчего безысходными оказываются любые перспективы, открывающиеся перед ним.

Отсюда — равная экзистенциальная неустроенность персонажей, нивелирующая поляризацию на «победителей» / «проигравших». Их способы социального действия (бездействие и пассивность одних и ложная самоидентичность через социальный престиж других) «прочитываются» как неудачные попытки справиться с бременем своей судьбы, найти выход из мировоззренческого тупика.

Так, пьеса Е. Поповой «*Прощание с Родиной*» (1997) показывает неутешительный жизненный итог компании бывших сослуживцев, работников института: одни (Алла и Иван Банниковы, Лялька и Борис) растеряны и апатичны, другие (Поручик) ищут свою «нишу» в постсоветском социуме, третьи (Дина) эмигрируют. При этом всех объединяет духовный дискомфорт, ощущение неполноты жизни, выражающиеся в ностальгии, дружеских встречах (кофепитиях, посиделках на кухне, праздновании Дня Октябрьской революции) — попытках преодолеть одиночество.

Одинаково неустроены и персонажи русских драматургов, оказавшиеся на разных нишах социальной иерархии. Они также стремятся к единению, являющемуся, однако, в большинстве пьес недолговечным: расстаются Пьетро и Наташа («*Титул*» (1993) А. Галина), распадается семья Боголюбовых («*Конец восьмидесятых...*» (1989) Л. Разумовской), не преодолевают отчуждения Евгений и Татьяна («*По дороге к себе*» (1993) М. Арбатовой).

Иную мировоззренческую позицию воплощают герои Н. Коляды (Римма в пьесе «*Сказка о мертвой царевне*», Илья в пьесе «*Рогатка*» (1990), Людмила и Валентин в пьесе «*Уйди-уйди*» (1999)), единение которых оканчивается нравственно-духовным преображением.

Данная авторская стратегия проявляется и на уровне *конфликта*. В его структуре отчетливо выделяется линия развития «герой – бытие», отражающая вовлеченность человека в хаос кардинального переустройства, ощущение обреченности, что свидетельствует о *субстанциальной* природе.

Особенность воплощения конфликта – в отсутствии динамики, неизменности исходной ситуации, поэтому корректнее говорить не о конфликте (сцеплении противоборствующих сторон), а о коллизии, носящей (как и герой) *социально-экзистенциальный* характер: хаос социума предстает как хаос экзистенциальный. Акцентируется и *психологическая* коллизия: утрата идентичности, деструктивные тенденции психики.

Как правило, пьес раскрывает социально-бытовые перипетии представителей постсоветского социума. Так, в центре внимания пьесы Е. Поповой «*Баловни судьбы*» (1992) – семья престарелого советского генерала, чье благополучие осталось в прошлом, в «*другой цивилизации с парадом, маршами*», которая «*провалилась куда-то, как Атлантида*» (Попова, 1989, с. 221). Причины фатальной неустроенности видятся драматургу не столько в неспособности «вписаться» в постсоветский социум, сколько в глубоко укорененном противостоянии человека и *Судьбы*, что свидетельствует о развитии конфликта по линии «герой – бытие». Его реализация отсылает к традиции А. Чехова: персонажи Е. Поповой приходят к пониманию того, что жизнь изменить не просто не удастся, но «не дано» – таков объективный закон бытия. Отсюда – их апатия, равнодушие к жизненным переменам. «*Мне, собственно, все равно*» (Попова, 1989, с. 215), лейтмотивом звучит из уст Ирины.

В этом отношении близок Е. Поповой А. Галин, также вышедший в качестве антагониста концепт *Судьбы* – непреодолимые жизненные обстоятельства. В пьесе «*Чешское фото*» (1996) ими является публикация эротического фотоснимка в журнале, определившая «фиаско» героев в настоящем: талантливый Зудин получил тюремный срок и не смог реализовать свой потенциал, Раздорский разбогател, но не обрел покой. Анализируя причины их внутренней дисгармонии, А. Галин приходит к мысли о фатальной неспособности изменить

судьбу: «*в одну и ту же реку нельзя войти дважды*» (Галин, с. 79), что близко идейно-философской концепции Е. Поповой. Однако, в отличие от белорусского драматурга, он осложнил финал пьесы явным трагическим аккордом (Зудин обрекает себя на вечное ожидание).

В произведениях Н. Коляды *Судьба* понимается иначе: как неумолимый *Рок*, что привносит экзистенциальный лейтмотив Смерти. В пьесе «*Канотье*» (1992) он выражен на нескольких уровнях художественной структуры: языка (развернутая авторская ремарка), системы персонажей (Старуха-Соседка), пространственно-временного континуума (гиперболизация деструктивного быта), экзистенциальной ситуации (столкновение Саши со смертью). Предложенное драматургом разрешение данного конфликта в целом благоприятно, что связано с преодолением *психологической* коллизии, переходом от духовного коллапса к чувству сопричастности Другому.

Социально-экзистенциальная авторская стратегия сказалась и в пространственно-временной организации пьес, последовательно демонстрирующей различные параметры «присутствия “я” в “мире”»: *быт – социум – бытие*. Локализация сценичного действия осуществляется через быт (сферу частной жизни), являясь знаком социальных процессов (подчеркнуто деструктивных), свидетельствующих о бытийном неблагополучии.

При этом существенно возрастает семантическая нагрузка предметно-вещного мира, детали которого становятся «символическими уликами» [Семеновская, с. 245], указывающими на неустроенность человека в социуме и шире – в мире. Ими становятся *потерянные вещи* – символы-лейтмотивы утраченных перспектив. В упомянутой пьесе Е. Поповой «*Баловни судьбы*» это не возвращенные Вандой старинные часы. В пьесе А. Галина «*Чешское фото*» данный мотив «обрамляет» кольцевую композицию: неспособность Зудина удлинить брюки (потеря «нормального» облика) становится метафорой утраты жизненных перспектив в финале. В пьесе Н. Коляды «*Канотье*» *потерянная вещь* представлена в двух планах: бытовом (канотье – символ прошедшей молодости) и бытийном (персонифицированная в образе старухи смерть – символ потерянной жизни).

В отличие от Е. Поповой, А. Галина, Л. Разумовской, М. Арбатовой, раскрывающих проблемы постсоветской действительности с установкой на жизнеподобие, ряду представителей «новой волны» в конце XX – начале XXI в. присуще иное видение человека и мира, обусловленное кризисом рациональности. Среди них Л. Петрушевская, А. Соколова, А. Казанцев, С. Злотников, В. Арро, О. Кучкина, авторские стратегии которых могут быть названы *экзистенциальными*, поскольку бытовой и социальный срезы реальности нивелируются или «овнешняют» расколотое сознание персонажей. Отсюда переход от реалистических принципов творчества советского периода к эстетиче-

ским моделям модернизма («Раньше» А. Соколовой, «Трагики и комедианты» В. Арро, «Бифем» Л. Петрушевской, «Братья и Лиза» А. Казанцева) и постмодернизма («Мужская зона» Л. Петрушевской, «А. Я.: игра слов» О. Кучкиной).

Если в реалистических произведениях «“я” активно внеположен миру» («внешней» обстановке) [Бахтин, с. 126–127], то здесь «я» неразрывно связано с миром и Другим, повторяя их деструкцию. Отсюда – зыбкие границы между персонажами, которые утрачивают психологическую определенность и социокультурную детерминированность, осмысляются как существа метафизические, *экзистенциальные*.

Нередко они выступают как «двойники» (деформированное сознание одного «зеркально» отражается в деструкции другого). Подобную «двойственность» и взаимопроникновение неавтономных сознаний встречаем в пьесе А. Казанцева «Братья и Лиза» (1997) (сумасшедший Симон изображает умершую мать, затем Лизу). В пьесе Л. Петрушевской «Бифем» (2002) сосуществование двух тел (матери и дочери) лежит в основе сюжета, решенного в абсурдистском ключе.

Особое место занимают «персонажи-фантомы», представленные в пьесах Л. Петрушевской «Опять двадцать пять!» (1993) (странное существо, являющееся либо ребенком Женщины, либо «экспонатом» по кличке Жучка), С. Злотникова «Бдым» (1987) (жители таинственного города Бдым), В. Арро «Трагики и комедианты» (1987) (Человек в крылатке, стреляющий в Чугуева). Синтезируя реальные и фантастические черты, эти персонажи способствуют созданию атмосферы сна-яви, зловещей фантазмагии, алогичности мира, что свидетельствует об обращении драматургов к арсеналу абсурдистской поэтики.

Нивелирование бытового и социального срезом существования сказалось и на универсализации героя. Как отмечал Г. Пospelов, «понятие “универсального” в искусстве используется для обозначения универсальных (антропологических) свойств человека, в отличие от тех черт, которые сформировались в нем культурной традицией и окружающей средой, а также неповторимо индивидуальных начал» [Пospelов, с. 53]. Ссылаясь на данное определение, а также на положение А. Собенникова о различии антропологических концепций А. Чехова и М. Метерлинка, можно отметить, что в рассматриваемых пьесах ракурс видения «универсального» близок эстетике символизма, «предметом изображения которого становится родовое, а не лично-индивидуальное начало в человеке» [Собенников, с. 190]. Отсюда предельное упрощение и обобщение (отказ от собственных имен, «психологического и жестикюляционного мимесиса» [Пави, с. 2]), в результате чего персонаж воспринимается не как полноценная личность, но как воплощение отдельной грани абсурда.

Наиболее часто данный прием использует Л. Петрушевская. Действующие лица цикла «Темная ком-

ната» (1988) обозначены в афише как Мать, Сын, Чурбан («Свидание»), А. и Б. («Изолированный бокс»), среди персонажей пьес «Что делать!» (1993) Девушка, Мужчина, Первая женщина, Вторая женщина, «Опять двадцать пять!» (1993) – Женщина, Девушка.

Дальнейшее развитие *экзистенциальной* модели героя, утвердившей идею «разрыва, абсурдного сдвига реальности», невозможности преодолеть хаос мира и человеческой души, герой, манифестирующий эстетику *симулякра*, «у которого подорвана связь с трансцендентным центром, нет подобия сущности» [Липовецкий, с. 237]. Его дисгармоничное сознание окончательно децентрируется, что проблематизирует идентичность человека, принципиально отрицая его тождество самому себе.

Персонажи-симулякры появляются в драматургической практике Л. Петрушевской («Мужская зона», 1994), О. Кучкиной («А. Я.: игра слов», 1997). Активно реализуют данный подход представители российской «новой драмы» М. Угаров («Зеленые щеки апреля», 1995, «Смерть Ильи Ильича / Облом-off», 2001), В. Забалуев и А. Зензинов («Поспели вишни в саду у дяди Вани», 2006).

Экзистенциальная авторская стратегия проявляется и на уровне конфликта, который, развиваясь по линии «герой – бытие», смещается в метафизическую плоскость. В его основе – *экзистенциальные* коллизии, воплощающие дисгармоничное мироощущение постсоветского человека не в повседневной будничной обстановке, но в *экстремальной* ситуации, когда мир предстает антагонистом, «явленным в неведомой доселе тревожности и чуждости» [Больнов, с. 60]. Отсюда отрицание социальной обусловленности конфликта, актуализация лейтмотивов *одиночества, незащищенности, страдания*, ослабление (либо нивелирование) *психологической* коллизии.

Для их воплощения драматурги активно используют эстетические средства *нереалистических* систем, прибегают к арсеналу драмы абсурда. Нередко сюжетными инвариантами ситуаций, передающих *экзистенциальные* коллизии, становятся *парадоксальные события*. Так, сюжеты одноактных пьес Л. Петрушевской, составивших цикл «Темная комната» (1988), выстроены как встреча матери и сына в тюрьме, беседа смертельно больных женщин, процедура казни. При этом драматические ситуации теряют реалистические очертания (приметы времени и социума), трансформируясь, по мнению Н. Лейдермана, в «абстрактную экзистенциальную модель»¹⁰, генетически восходящую к архетипическому мотиву *смерти*.

Данный ракурс видения *экзистенциальных* противоречий оказался близок драматургам младшего поколения: как русским («Блин-2» (2001) А. Слаповского, «Пластелин» (2001), «Агасфер» (2005) В. Сигарева, «Культурный слой» (2004) братьев Дурненковых, «Геронтофобия» (2012) В. Леванова), так и белорусским (русскоязычным) («Труссы» (2006) П. Пряжко, «Спасательные работы на берегу вооб-

ражаемого моря» (2006) К. Стешика, *«Настоящие»* (2006) А. Курейчика). Однако если в пьесах представителей российской «новой драмы» их исход неизменно трагичен (гибель героя, надежда лишь на метафизическое бытие), то драматурги Беларуси решают данные проблемы иначе (уход героя «в себя» как попытка преодолеть хаос окружающей действительности).

Преломляется *экзистенциальная* авторская стратегия и на уровне *хронотопа*, неустойчивого и *релятивного*. Он балансирует на грани реального и ирреального (*«Опять двадцать пять!»* (1993) Л. Петрушевской), сна и яви (*«Раньше»* (1989) А. Соколовой, *«Бегающие странники»* (1996) А. Казанцева), истины и мистификации (*«Трагики и комедианты»* (1990) В. Арро, *«А. Я.: игра слов»* (1997) О. Кучкиной).

Заключение

В ходе сравнительного анализа мы выделили две авторские стратегии художественной интерпретации мира и человека: *социально-экзистенциальную* (Е. Попова, А. Галин, Л. Разумовская, Н. Коляда, М. Арбатова) и *экзистенциальную* (Л. Петрушевская, В. Арро, О. Кучкина, А. Казанцев), каждая из которых репрезентирует определенную грань осмысления постсоветской социальной действительности.

Примечания

¹ Поставлены в Беларуси, России, Польше, Эстонии, Германии, Англии, Швейцарии, Японии, включены в зарубежные антологии: *«Восточные обещания»* (Лондон, 1999), *«Новая белорусская пьеса»* (Варшава, 2011), *«Зарубежная пьеса»* (Токио, 2007), удостоены международных наград: драма *«Баловни судьбы»* получила первую премию на I Европейском конкурсе пьес в Германии (1994), а спектакль по ней включен в программу Боннского фестиваля «Новая пьеса Европы» (1998); пьеса *«Завтрак на траве»* – номинант премии «Антибукер» (2000); драмы *«Домой»*, *«Этюды любви»* завоевали Гран-при фестиваля «Смоленский ковчег» в 2008 и 2012 гг.

² Исключение составляет пьеса *«Площадь Победы»* (1974), действие которой происходит на одноименной площади в центре Минска.

³ Поставлена в Санкт-Петербурге (Малый драматический театр, 1982), Москве (театр-студия А. Каменской, середина 1980-х гг.).

⁴ Комсомольская правда. 1975. 4 февраля; Вечерний Минск. 1982. 1 апреля; Знамя юности. 1978. 25 июля.

⁵ В журнале «Знамя» опубликованы романы *«Восхождение Зенты»* (2000, № 4), *«Большое путешествие Малышки»* (2001, № 7), *«Седьмая степень совершенства»* (2004, № 7).

⁶ В журнале «Театр» напечатана пьеса *«Площадь Победы»* (1984, № 5), в альманахе «Современная драматургия» – *«Маленькие радости живых»* (1990, № 5), *«Баловни судьбы»* (1994, № 1), *«День Корабля»*

(1996, № 1), *«Тонуший дом»* (2007, № 1), *«Счастье»* (2015, № 3).

⁷ Термин *авторские стратегии художественной интерпретации мира и человека* позволяет рассмотреть тенденции развития современной литературы в *антропологическом* аспекте (с учетом авторского мировосприятия, индивидуального взгляда на мир). Актуальность данного подхода к литературному произведению обоснована в трудах ученых России (М. Липовецкого, В. Тютю, О. Журчевой), Украины (Л. Шевченко, Н. Малютиной), Польши (Г. Нефагиной), Беларуси (Т. Автухович).

⁸ Интерес представляют попытки пересмотреть положения реализма в свете философии (в частности, метафизики), предпринятые учеными Самарского государственного университета (III Международная научная конференция «Коды русской классики», материалы «круглого стола» «Фантом реализма» (март, 2012)).

⁹ Отметим, что среди произведений уральского драматурга правомерно рассматривать в контексте драматургии «новой волны» лишь ранние: *«Игра в фанты»*, *«Барак»* (1988), *«Рогатка»*, *«Мурлин Мурло»*, *«Чайка спела / Безнадега»*, *«Сказка о мертвой царевне»* (1989–1990), *«Канотье»* (1992), *«Полонез Огинского»* (1993), цикл *«Хрущевка»* (1994–1997).

¹⁰ Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. Т. 2. С. 617.

Источники фактического материала

Галин А. Чешское фото // Современная драматургия. 1996. 1. С. 61–81.

Попова Е. Прощание с Родиной: Пьесы. Минск, 1989. 312 с.

Попова Е. «Маленькие радости живых» [беседовал А. Кравченко] // Белорусская деловая газета. 1999. 2 апреля. С. 13.

Библиографический список

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 424 с.

Большов О.Ф. Философия экзистенциализма / пер. С.Э. Никулина. СПб., 1999. 222 с.

Гончарова-Грабовская С.Я. Драматургия Е. Поповой (аспекты поэтики) // Русскоязычная литература Беларуси конца XX – начала XXI вв.: сб. науч. ст. Минск, 2010. С. 168–180.

Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы / пер. со словацкого. М., 1979. 320 с.

Кавалёў С. Сучасная беларуская драматургія: праблема аўтаномнасці // Погляды на спецыфічнасць «малых» літаратур: беларуская і ўкраінская літаратуры. Мінск, 2012. С. 167–189.

Корецкая М. Res от рассвета до заката: реализм в горизонте философии // Вестник СамГУ. 2014. № 5. С. 161–166. URL: <http://vestniksamsu.ssau.ru/index.php?c=issueArticle&serieId=2&issueId=31&articleId=884>.

Лаўшук С.С. Гарызонты беларускай драматургіі. Мінск, 2010. 412 с.

Липовецкий М.Н. Паралогии: трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М., 2008. 848 с.

Пави П. Словарь театра. М., 1991. 504 с.

Поспелов Г.Н. Вопросы методологии и поэтики. М., 1983. 336 с.

Рымарь Н. Творческий потенциал мимезиса и немиметических форм в искусстве // Миметическое / антимиметическое: материалы V научно-практического семинара, 20–21 апреля 2012 г., г. Самара / сост. и науч. ред. Т.В. Журчева. Самара, 2013. С. 5–22.

Семенецкая О.В. Улика // Поэтика русской драматургии рубежа XX–XXI веков: сб. науч. ст. Кемерово, 2012. Вып. 3. С. 245–250.

Собенников А.С. Между «есть Бог» и «нет Бога»... (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова). Иркутск, 1997. 222 с.

Тюпа В.И. Трагедийный жанр // Поэтика русской драматургии рубежа XX–XXI веков: сб. науч. ст. Вып. 3. Кемерово, 2012. С. 9–27.

References

Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M., 1979, 424 p. [in Russian].

Bollnow O.F. *Filosofia ekzistencializma. Per. S.E. Nikulina* [Philosophy of existentialism. Translation by S.E. Nikulin]. SPb., 1999, 222 p. [in Russian].

Goncharova-Grabovskaya S.Ya. *Dramaturgiia E. Popovoi (aspekty poetiki)* [E. Popova's drama (aspects of poetics)]. In: Russkoiazycznaia literatura Belarusi kontsa XX – nachala XXI vv.: sb. nauch. st. [Russian-language literature of Belarus at the end of the XX – beginning of the XXI centuries: collection of scientific works]. Minsk, 2010, pp. 168–180 [in Russian].

Durishin D. *Teoriia sravnitel'nogo izuchenii literatury. Per. so slovatskogo* [Theory of comparative study of literature. Translation from Slovak]. M., 1979, 320 p. [in Russian].

Кавалёў С. Сучасная беларуская драматургія: праблема аўтаномнасці [Modern Belarusian drama: the problem of autonomy]. In: Погляды на спецыфічнасць “малых” літаратур: беларуская і ўкраінская літаратуры [View on the specificity of “small” literature: Belarusian

and Ukrainian literature]. Minsk, 2012, pp. 167–189 [in Belarusian].

Koretskaya M. *RES ot rassveta do zakata: realizm v gorizonte filosofii* [Res from dawn to dusk: realism in the horizon of philosophy]. In: Vestnik SamGU [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 5, pp. 161–166. Available at: <http://vestniksamsu.ssau.ru/index.php?c=issueArticle&seriesId=2&issueId=31&articleId=884> [in Russian].

Laŭshuk S.S. Гарызонты беларускай драматургіі [Horizons of Belarusian drama]. Minsk, 2010, 412 p. [in Belarusian].

Lipovetsky M.N. *Paralogii: transformatsii (post)modernistskogo diskursa v russkoi kulture 1920-2000-kh godov* [Paralogies: transformations of (post)modernist discourse in the Russian culture of the 1920-ies – 2000-ies]. M., 2008, 848 p. [in Russian].

Pavie P. *Slovar' teatra* [Dictionary of the theater]. M., 1991, 504 p. [in Russian].

Pospelov G.N. *Voprosy metodologii i poetiki* [Questions of methodology and poetics]. M., 1983, 336 p. [in Russian].

Rymar N. *Tvorcheskii potentsial mimezisa i nemimeticheskikh form v iskusstve* [Creative potential of mimesis and non-mimetic forms in art]. In: Mimeticheskoe/antimimeticheskoe: materialy V nauchno-prakticheskogo seminar, 20–21 aprilia 2012 g., g. Samara. Sost. i nauch. red. T.V. Zhurcheva [Mimetic / antimimetic: materials of the V research and practical seminar on April 20–21, 2012, Samara. Compiler and research editor T.V. Zhurcheva]. Samara, 2013, pp. 5–22 [in Russian].

Semenitskaya O.V. *Ulika* [Evidence]. In: Poetika russkoi dramaturgii rubezha XX – XXI vekov: sb. nauch. st. Vyp. 3 [Poetics of Russian drama of the turn of XX – XXI centuries: collection of research works. Issue 3]. Kemerovo, 2012, pp. 245–250 [in Russian].

Sobennikov A.S. *Mezhd u «est' Bog» i «net Boga»... (o religiozno-filosofskikh traditsiiakh v tvorchestve A.P. Chekhova)* [Between «there is God» and «there is no God» ... (about religious and philosophical traditions in the creative works by A. P. Chekhov)]. Irkutsk, 1997, 222 p. [in Russian].

Tyupa V.I. *Tragediinyi zhanr* [Tragic genre]. In: Poetika russkoi dramaturgii rubezha XX – XXI vekov: sb. nauch. st. Vyp. 3 [Poetics of Russian drama of the turn of XX – XXI centuries: collection of research works. Issue 3]. Kemerovo, 2012, pp. 9–27 [in Russian].

Мачей Печински

ОБРАЗЫ ЛИТЕРАТОРОВ-КЛАССИКОВ В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ

© *Печински Мачей* – аспирант кафедры истории славянских литератур, Институт славянской филологии, Щецинский университет, 70-453, Польша, г. Щецин, ал. Папы Иоанна Павла II, 22 А.
E-mail: m.k.pieczynski@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Современные русские драматурги ведут игру с традиционным пониманием категории автора. В настоящей статье рассматриваются разные варианты образа литераторов-классиков в новейшей русской драматургии. В одних пьесах «автор умирает», уступая место скриптору, который лишь переписывает литературную традицию, в других – писатель становится одним из персонажей. Так или иначе, всегда игра с категорией автора одновременно означает игру с текстом, текстами или с пространством творчества данного писателя. Поэтому в статье используется интертекстуальный метод исследования. В процессе анализа особенно полезной оказалась классификация межтекстовых связей, разработанная Натальей Фатеевой на основе теоретических достижений Жерара Женетта и Пеэтера Торопа. Следуя данной концепции, мы выделяем следующие типы диалога в литературной традиции: собственно интертекстуальные, гипертекстуальные и метатекстуальные. Трансформируя идейное начало (как в случае интертекстов) или поэтику конкретного произведения (как в случае гипертекстов), современные русские драматурги пытаются найти ответ на вопрос – что изменилось и что осталось от того, что и как писали сто, сто пятьдесят лет тому назад классики отечественной литературы?

В анализируемых текстах часто упоминаются имена литераторов-классиков. Среди них, безусловно, наиболее популярным является Антон Павлович Чехов. Его портрет висит на стене дачи, в которой живут герои пьесы Людмилы Улицкой «Русское варенье». Чехова цитирует Актер в «Смерти Фирса» Вадима Леванова. Антон Павлович как персонаж комедии Олега Богаева «Вишневый ад Станиславского» наблюдает за современной постановкой своего последнего произведения. Чехов вместе с Пушкиным, Гоголем и Толстым появляется в списке действующих лиц также другой богаевской пьесы – «Мертвые уши, или Новейшая история туалетной бумаги». О Достоевском, Гиляровском и Грибоедове разговаривают герои вырыпаевского «Кислорода». Прямые потомки участников самой известной в истории русской литературы дуэли встречаются в пьесе Богаева «Кто убил мсье Дантеса?».

Все эти образы соединяет условный онтологический статус. Персонажи литераторов-классиков в новейшей русской драматургии не отражают действительности, зато вписываются в пространство культурных кодов, симулякров, которые, в свою очередь, отсылают к другим пустым знакам.

Ключевые слова: метатекстуальность, интертекстуальность, классика, симулякры.

Цитирование. Печински М. Образы литераторов-классиков в новейшей русской драматургии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 93–100. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-93-100>

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-93-100
UDC 82.09

Submitted: 1/III/2018
Accepted: 5/IV/2018

Maciej Pieczyński

IMAGES OF WRITERS-CLASSICS IN MODERN RUSSIAN DRAMA

© *Pieczyński Maciej* – postgraduate student of the Department of History of Slavic Literature, Institute of Slavic Philology, Uniwersytet Szczeciński, 22A, al. Papieża Jana Pawła II, Szczecin, 70-453, Poland.
E-mail: m.k.pieczynski@gmail.com

ABSTRACT

Modern Russian playwrights lead the game with traditional meanings of the category of an author. In this paper, different versions of classical writers' images in the contemporary Russian dramaturgy are considered. While in some plays the author is «dying» and giving his way to a scriptor, who only rewrites the literary tradition, in others the writer becomes one of the characters. Anyway, playing with the category of the Author always means playing with the text, texts, or with the space of this writer's creativity as well. Therefore, the article uses the intertextual method in the process of investigation. When analyzing, the classification of intertextual links developed by Natalya Fateeva on the basis of Gérard Genette and Peeter Torop's theoretical works turned out to be particularly useful. According to this concept, the following varieties of dialogues with the literary tradition could be distinguished: directly intertextual, hypertextual and metatextual. It should be noted that contemporary Russian playwrights by transforming the ideological component (as in the case of intertexts) or the poetics of every particular creative work (as in the case of hypertexts) try to find an answer to the question how Russian literature has changed since the period of its «Golden Age».

Some classic Russian men of letters are mentioned in the analyzed texts. Among them Anton Pavlovich Chekhov is undoubtedly the most popular one. Besides him there are Pushkin, Gogol, Tolstoy, Dostoevsky, Gilyarovskiy and Griboedov as characters in the contemporary Russian plays by Ulitskaya, Levanov, Bogayev, Vyrypaev etc. All these images are combined thanks to their conditional ontological status. In the contemporary Russian drama, they do not reflect reality but they belong to the space of cultural codes, simulacra, which refer to other empty signs.

Key words: metatextuality, intertextuality, classic literature, simulacra.

Citation. Pieczyński M. *Obrazy literatorów-klassików w nowszej ruskiej dramaturgii* [Images of writers-classics in modern Russian drama]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 93–100. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-93-100>

Введение

«Нет ничего вне текста» [Деррида, с. 318] – данная констатация Жака Деррида довольно точно отобразила и в некоторой степени определила ход развития культуры и литературы постмодернизма. По убеждению автора «О грамматологии», не существует ни одного слова, которое можно было бы поместить вне контекста и таким образом закрепить его смысл. Всякий текст вписывается в бесконечную цепочку взаимоотношений. Любая языковая частица может быть значимой и понятной только постольку, поскольку она повторяемая. Поэтому трансформация уже существующих текстов является условием их существования вообще. Примером тому может служить новейшая русская драматургия. Точкой отсчета для современных пьес часто становятся тексты классики отечественной литературы. Причем в этом конкретном случае классику понимаем вслед за Владимиром Катаевым как

«русскую литературу и шире – культурное пространство между Пушкиным и Чеховым» [Катаев, 2005, с. 86].

Метод

В настоящей статье рассматриваются разные варианты образа литераторов-классиков в новейшей русской драматургии. Всегда игра с категорией автора одновременно означает игру с текстом, текстами или с пространством творчества данного писателя. Поэтому в статье используется интертекстуальный метод исследования. В процессе анализа особенно полезной оказалась классификация межтекстовых связей, разработанная Натальей Фатеевой, которая соединяет в себе исследовательские достижения Жерара Женета и Пеэтера Топора. Следовательно, выделяем собственно интертекстуальные, гипертекстуальные и метатекстуальные типы текстовых взаимоотношений [Фатеева]. Пье-

сы, которые относятся к первым двум из перечисленных категорий, представляют собой разного рода трансформации, актуализации, реинтерпретации тем, идей, сюжетов, художественных систем классических произведений. Пародируя идейное начало (как в случае интертекстов) или поэтику конкретного текста (как в случае гипертекстов), авторы новой драмы пытаются найти ответ на вопрос — как изменилось и что осталось от того, что и как писали сто, сто пятьдесят лет тому назад Чехов, Горький, Достоевский, Пушкин, Гоголь?

«Смерть автора»

Современный драматург, основывая свой текст на трансформации предшествующего текста, практически отказывается от традиционной — созидательной, тоталитарной функции автора, становясь скриптором, то есть переписчиком или переводчиком, единственная цель которого — перевести текст из жесткой системы классики в хаотическое, плюралистическое, переполненное ироническим подходом к авторитетам пространство литературы постмодернизма.

«Смерть автора» показательно представляется в комедии Игоря Шприца «На доньшке» (И. Шприц. На доньшке, 1996. URL: <http://newcomedia.narod.ru/photoalbum19.html>). Уже заглавие подсказывает, что имеем дело с пародией драмы Максима Горького «На дне». Однако Шприц осмеивая классическую пьесу, одновременно относится с автоиронической дистанцией к собственной попытке — осмеять классическую пьесу. Реальный автор комедии «На доньшке» воспользовался псевдонимом «Макс Биттер Младший», что по-немецки означает «Макс Горький-Младший». Причем фамилия «Игорь Шприц» тоже появляется в тексте — так зовут автора перевода из, кстати, несуществующего австрийского языка, на котором якобы была написана оригинальная версия комедии. Таким образом, современный автор выдает себя за непосредственного наследника Максима Горького. Создается образ классика как демиурга, творца, по отношению к которому «младший автор» испытывает «страх влияния» [Блум], в итоге лишаясь собственной идентичности, семантической независимости. Автор пародии классического произведения может только перевести идеи, поэтику пре-текста на язык современного культурного контекста.

Разговор о классиках

Имена литераторов-классиков часто упоминаются в пьесах так называемой новой драмы. О них много говорят «Он» и «Она» — главные герои «Кислорода» Ивана Вырыпаева. Вся пьеса состоит из монологов и диалогов этих персонажей. «Он» и «Она» рассказывают историю Саньки из провинциального городка, который убил свою жену, не почувствовав угрызений совести, и полюбил Сашу из Москвы, которая, в отличие от жены, доставляла ему духовный «кислород». История преступления без наказания — это только повод для более

общего, метатекстуального разговора на тему христианской морали, совести, а также состояния культуры. Именно в эту тему вписаны рассуждения о непроходимой пропасти между российской столицей и провинцией. И в ее контексте упоминается фамилия Владимира Гиляровского, писателя, журналиста, бытописателя Москвы:

Он. (...) *если взять двух собак с помоек Москвы и Серпухова, то окажется, что блохи московского пса ведут род свой от блох, кусавших собаку Гиляровского, а блохи серпуховской псины — прямые потомки блох, евших безродную сучку деда Серегги, который, сам в свое время, ел этих блох, когда сдирали кожу с собаки своей, для того чтобы и ее съесть, после того, как сообщили ему, что только так можно вылечиться от туберкулеза* (И. Вырыпаев. Кислород, 2002. URL: <http://www.vyurypaev.ru/piess/11.html>).

Бытописатель Москвы служит здесь абсурдно представленной персонификацией столичного благородства. В других фрагментах пьесы «Он» и «Она» прямо комментируют биографические факты из жизни литераторов. Санек, о котором рассказывают, впервые увидел свою «кислородную любовь» Сашу, когда *«шла она по парапету памятника Грибоедову босыми ногами и в платье из льна, и когда увидела она парня в свитере, заправленном в штаны, то подумала: между нами пропасть»* (Вырыпаев). Кстати, как видно, автор классической комедии «Горе от ума» тоже выступает в контексте сатирического культурного столкновения провинции со столицей. Однако потом отдельные эпизоды биографии Александра Грибоедова появляются в виде аргумента в дискуссии персонажей о нравственной оценке примеров «совращения малолетних девочек»:

Он. (...) *когда Нина Чавчавадзе выходила замуж за Грибоедова, на парапете памятника, которому, сидят ее сверстницы в ожидании любви, ей было тринадцать, а если ты сейчас, скажешь, что нынешнее поколение отличается от поколения дворян 19-го века, то я навсегда прекращу любые диалоги с тобой, потому что когда я слышу подобную чушь, то мне кажется, что такие мысли может высказывать лишь тот, кто по ночам дрожит на фото Анны Курниковой или трахает в жопу знаменитого телеведущего, а днем принимает законы о борьбе с порнографией* (Вырыпаев).

Поскольку образы Гиляровского и Грибоедова появляются здесь только как узнаваемые по причинам биографических фактов и от упомянутой Анны Курниковой отличаются всего лишь литературной профессией, а их творчество никоим образом не повлияло на поэтику пьесы «Кислород», постольку образ Федора Достоевского следует признать центральной фигурой семантики вырыпаевского текста. Идейное начало романа «Преступление и наказание» стало точкой полемики отсчета для замысла современного драматурга. Следует отметить, что фамилия Достоевского ни один

раз не появляется в пьесе Вырыпаева, но зато атрибутированные аллюзии не оставляют сомнений по поводу того, о ком с ироническим презрением разговаривают персонажи:

Она: *И когда решишь поучить других, подумай сперва, обладаешь ли ты таким талантом, каким обладал один русский писатель, который умел так описывать горе других людей, что полученного за это описание гонорара хватало ему и на рулетку, и на карточный долг.*

Он: *А если все-таки не хватало на карточный долг, то он всегда мог снять с жены последние украшения или, в крайнем случае, сочинить что-нибудь про зарубленную топором старуху (Вырыпаев).*

«Он» и «Она» деконструируют образ Достоевского как христианского писателя. На метатекстуальном уровне иронизируют по поводу моралиста, который в своем творчестве умело «поучал других», в то время когда в реальной жизни не всегда придерживался законов морали. Интересно, что персонажи унизительно резюмируют роман Достоевского как «что-нибудь про зарубленную топором старуху». Осмеивая классическое произведение, целенаправленно говорят только о преступлении. Наказания не признают, ибо эта нравственная категория чужда постмодернистскому миру, в котором порядок уступает место хаосу, а традиционную бинарную оппозицию Добро—Зло заменяет субъективная, жизнеутверждающая, имморальная жажда Кислорода.

Диалог с классиком

Среди литераторов-классиков, с творчеством и биографией которых наиболее часто ведут диалог современные русские драматурги, особое место занимает, безусловно, Антон Павлович Чехов. Кажется, что интерес к его драматургии вытекает из двух причин. Во-первых, всем известна универсальность литературного наследия автора «Чайки». Как справедливо заметил Владимир Катаев, «то, что произошло за (сто лет с момента физической смерти Чехова. — *Ред.*) с его творческим наследием, соответствует всем метафорам, созданным человечеством для выражения (...) идеи бессмертия» [Катаев, 2004, с. 7]. Культурное пространство настолько насыщено чеховскими контекстами, что без оглядки на чеховскую драматургию и образ самого Антона Павловича почти невозможно писать пьес. Во-вторых, в девяностые годы современная драматургия редко попадала на подмостки театров, в репертуарах которых, как отмечал Григорий Заславский, «давил груз классических забот русской сцены» [Заславский]. Режиссеры предпочитали ставить традиционно признанные пьесы, особое внимание уделяя творчеству Чехова. Итак, современных драматургов, с одной стороны, вдохновляла универсальность чеховского наследия, с другой стороны, осмеивание текстов классика могло служить формой полемики с великим предшественником, произведения которого некоторым образом блокировали «новой драме» место на театральной сцене.

Кроме того, интертекстуальной игре с Чеховым, как и с литературной традицией вообще, безусловно, способствовал литературоцентрический, текстоцентрический характер новейшей драматургии, перенасыщенной экспериментами с литературной формой, которые довольно тяжело представить на сцене. Хотя, кстати, несценическая форма также возникала как результат отсутствия театрального опыта молодых драматургов.

В одном из интервью Людмила Улицкая свою комедию «Русское варенье», пародию на пьесу «Вишневый сад», назвала «своим единственным возможным разговором с уже умершим писателем» (Л. Улицкая. Русское варенье, 2008. URL: <http://booknik.ru/publications/all/lyudmila-ulitskaya-russkoe-varene>). На вопрос, что привлекательного нашла у Чехова, писательница ответила:

Дело в том, что я очень любила Чехова-писателя, но никогда не любила его пьесы. И я себя чувствовала как-то неловко от этого. Я признаюсь: я не люблю Чехова. Но все-таки из чувства некоторого беспокойства я раз в 5–7 лет перечитывала его в надежде на то, что он мне наконец-таки откроется. И вот такой момент произошел, когда я была в Германии. Я в очередной раз перечитывала Чехова, и у меня случилось озарение, мне словно открылась дверь. И от того, что я так поздно его почувствовала, что мне так поздно открылся его талант, мне захотелось с ним поговорить (Улицкая, из интервью Н. Володиной).

Как замечает Е.В. Федосеева, пьеса «Русское варенье» «буквально пронизана чеховскими цитатами и реминисценциями, причем образы героев узнаваемы и соотносимы с общеизвестными персонажами» [Федосеева]. Комедия Улицкой может показаться художественным ответом на вопрос, как бы повели себя жители вишневого сада через сто лет после смерти Чехова. Портрет самого Антона Павловича висит на стене запущенной дачи, в которой живут потомки Лопухина. Правила, по которым образ автора гипотекста функционирует в пространстве гипертекста, становятся совершенно понятными после прочтения нижеуказанного обмена репликами:

ВАРВАРА (крестится). *Страна пропадает. Кто мог это предвидеть? Сто лет тому назад в наших местах была нетронутая природа, березовые леса и боры... А теперь ни одной сосны... А сады? Какие сады были! Когда прадед купил здешнюю усадьбу, здесь были сады, известные по всей России.*

(...)

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. *Варя, ты бы Чехова почитала. Антон Павлович, конечно, многое насочинял, где-то очернил, где-то приукрасил, а кое-что, наоборот, возвысил до чрезвычайности, но уж что касается садов — извини... Когда Лепехин здешние земли покупал, сады уж окончательно выродились. Что же касается усадьбы, то усадьбу он как раз и не покупал. Он ее взял в приданое за своей женой, которая была этой усадьбы наследницей... Бабушка Аня... У мамы спроси, у нее все записано [Улицкая].*

Как видно, персонажи пьесы Улицкой воспринимают Чехова как биографа семьи Лепехиных. В биографии, как известно, события жизни героя (в данном случае — героев) являются документальным материалом, фактографической стороной [Николюкин, с. 90]. Вспоминая то, что на тему «здешних земель» написал «Антон Павлович», персонажи Улицкой не оценивают художественной ценности произведения, зато рассуждают о том, насколько правильно автор передал реальные события из жизни семьи Лепехиных. Так, сюжет «Вишневого сада» обретает в памяти персонажей «Русского варенья» референциальный статус. Следует добавить, что если описываемые Чеховым события в репликах героев Улицкой представляются реальными, также сам писатель воспринимается в ее пьесе как «живой человек». Данное утверждение становится мотивированным, если напомним, что Антон Павлович не выступает в тексте в роли *dramatis personae*. В пьесе о нем говорится, но он сам не высказывает ни одной реплики. Его портрет служит символическим элементом представленной в ремарке сценической декорации, его фамилия вызывает ассоциации с прошедшим временем, что и позволяет утверждать, будто представленный в современной пьесе образ Антона Павловича принадлежит (в сознании персонажей) к реальному, но уже ушедшему миру.

Однако Чехов обретает референциальный статус только в высказываниях персонажей Улицкой. На метатекстуальном уровне фигура классика никак не отсылает к реальной, внетекстовой действительности. Если персонажи признают писателя летописцем и путают созданный им сюжет с реальной жизнью, тогда становится очевидной их семантическая зависимость от авторского замысла этого писателя. Итак, мир героев комедии «Русское варенье» ограничивается пределами мира чеховского творчества. Их онтологический статус противоречит возможной реалистической трактовке. Они воспринимают действительность только сквозь призму классического текста, «глазами Чехова», так как существуют исключительно в пространстве культурных и литературных кодов.

Имя Чехова появляется в метатеатральной монопьесе «Смерть Фирса» Вадима Леванова (о мета-театре как таковом шире скажем при исследовании других текстов). Главный персонаж — актер, играющий слугу Раневских, — вспоминая свои предыдущие роли в чеховских пьесах и рассуждая о смысле жизни и искусства, волнуется по поводу неудачных постановок тех режиссеров, которые «не поняли» замысла автора «Чайки». Отсылает также к известным высказываниям самого драматурга, пытаясь отнестись к собственной жизни:

Чехов сказал, что русский человек живет до 30 лет, а потом — доживает. Доживает. Выходит, я уже начал. Доживать. (Помолчав.) Рефлексирую. Как вправдашний Чеховский герой. Натурально. Так и до психушки недалеко. «Не дай мне Бог сойти с ума...» Я даже говорю сплошь чужими текстами.

Своего ничего не осталось. Не живу, а роль играю. Кого-то. Неизвестно кого. Малосимпатичного персонажа. Это привычка или издержки профессии? Профессиональная болезнь. От которой умирают. У актеров смертность, говорят, чуть ли не на первом месте среди прочих всех специальностей. А что делать? Все равно ничего другого я не умею. Ничего (В. Леванов. Смерть Фирса. 1997. URL: krispen.ru/levanov_21.doc).

В данном монологе выражается авторефлексивность любого текста, который обращается сам к себе, теряя самостоятельность в силу бесконечных, интертекстуальных взаимоотношений. «Бумажные герои», как в своем манифесте «нового реализма» назвал постмодернистских персонажей Роман Сенчин, не имеют никакого отношения к действительности, так как они остаются в пределах литературы. Единственным внетекстовым авторитетом является для них фигура автора, литератора-классика, которому время от времени, как в пьесе Улицкой, придают функции летописца.

Автор как персонаж

В вышеуказанных случаях образ автора пре-текста возникал в виде комментирующей ссылки на пре-текст. Зато в драматургии Олега Богаева литератор-классик появляется не только в метатекстуальных высказываниях персонажей или в авторском паратексте, но также в списке действующих лиц. Александр Сергеевич Пушкин и Жорж Шарль Дантес — так зовут героев комедии «Кто убил месье Дантеса?». Однако речь идет не только об участниках самой известной дуэли в истории русской литературы, но и об их потомках. Современный Пушкин приезжает в Париж, чтобы найти современного Дантеса и якобы отомстить ему за смерть своего предка. Причем не следует желание мести рассматривать в психологическом ключе. Александр Сергеевич приходит к Жоржу не сам, но вместе с кинорежиссером, которому обещал возможность снять современную дуэль Пушкина и Дантеса и сделать на этой основе документальный фильм. Итак, культура вытесняет действительность, ибо оказывается, что героями движет не внутренняя, психологически мотивированная жажда мести, но литературная традиция и желание ее обновить, актуализировать в поп-культурной эстетике, довольно жестокого, реалити-шоу. Так или иначе, вместо того, чтобы стрелять, Пушкин и Дантес становятся друзьями. В антитоталитарном пространстве постмодернистской культуры дуэль как разрешение романтического конфликта между двумя бинарными позициями оказывается невозможной.

Пушкин, Гоголь, Толстой и Чехов посещают Эру Николаевну, главную героиню комедии Богаева «Мертвые уши, или Новейшая история туалетной бумаги». К этой простой, не читающей книг женщине обращаются с просьбой спасти «великую русскую литературу». В эру постмодернизма онтологическому распаду подлежит не только литературная традиция, но также персонажи ее авторов.

Чехов носит пенсне, Толстой представлен как старик с бородой до пояса. Гоголя узнать можно по длинному носу, зато Пушкин попадает на сцену уже раненный, только что после дуэли. Классики узнаваемы в тексте по внешнему виду, что и создает иллюзию правдоподобия, а их появление указывает на метатекстуальный характер пьесы. Они цитируют собственные произведения, часто те их фрагменты, которые вписываются в поэтику абсурда.

ЭРА (смотрит на ноги писателя). *Ой-ешеньки!.. В летних сандаликах шлындает! (Дает войлочные боты.) Ну-ка, завтра снег обещали.*

ЧЕХОВ (надевает огромные, безразмерные боты Эры, низко кланяется). *Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование!*

Чехов исчезает. Эра удивленно смотрит (О. Богаев. Мертвые уши, или Новейшая история туалетной бумаги, 1995. URL: http://bogaev.narod.ru/doc/mertvye_ushi_2010.htm).

Хотя персонажи Толстого, Гоголя, Пушкина и Чехова отсылают к жизни и творчеству классиков, не следует их воспринимать в реалистическом, биографическом ключе. Тем более что их имена не указаны в списке действующих лиц, что и подчеркивает их условный статус. Независимо от индивидуальной характеристики все они представляют собой общий персонаж по имени «великий русский писатель». У них одна цель — спасти классику отечественной литературы. Поверхностный образ классиков в пьесе Богаева можно рассматривать как аллюзию к текстам Хармса, в которых героями также являются «великие русские писатели». В сценке Пушкин и Гоголь оба поэта спотыкаются друг об друга.

Г о г о л ь (падает из-за кулис на сцену и смиренно лежит).

П у ш к и н (выходит, спотыкается об Гоголя и падает): *Вот черт! Никак об Гоголя!* (Д. Хармс. Пушкин и Гоголь. 1934. URL: <http://хармс.gorodok.net/stories/688/default.htm>).

Ситуация падения абсурдно повторяется на протяжении всего текста почти без каких-либо изменений. Причем оба классика, в отличие от одноименных персонажей пьесы Богаева, лишены собственной референции, к персонажам писателей непосредственно отсылают только их фамилии, хотя их сценическое соревнование напоминает историческое сопresутствие обоих в списке литературы. От культурного мира своего первоисточника отрывается также главный герой «Анекдотов из жизни Пушкина» Даниила Хармса.

Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидовал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него растет, а у меня не растет», — частенько говаривал Пушкин, показывая ногтями на Захарьина. И всегда был прав (Д. Хармс. Анекдоты из жизни Пушкина. 1939. URL: <http://хармс.gorodok.net/stories/709/default.htm>).

Хармсовский Пушкин является всего лишь именем культурного героя, именем, которое, как заме-

чает Михаил Ямпольский, отрывается от своего исторического значения и сводится к чистой де-зигнации некоего тела [Ямпольский, с. 27]. Расхождение между «предметом» и именем постепенно стирает всякую презентацию, достигая полной дефигурации. Таким образом, имена классиков, как у Хармса, так и у Богаева, превращаются в симулякры. Согласно теории Жана Бодриера, в постмодернистской культуре референция исчезает. Реальное подменяется искусственными знаками реального, которые уже не отсылают к означаемому (Бодриер).

Чехов как драматургический персонаж часто появляется в списке действующих лиц тех пьес, в которых используется прием метатеатра. А.В. Макаров констатирует, что современной драме свойственно «участившееся обращение к театру и театральному и одновременно переосмысление литературными средствами наследия Чехова, который представляется едва ли не символом театра как такового» [Макаров, с. 164]. Театральная сцена служит местом действия нескольких пьес Олега Богаева — «Великая китайская стена», «Страшный суп», «Вишневый ад Станиславского». Мы сосредоточимся только на последней, ибо лишь в данном тексте появляется образ литератора-классика. Режиссер провинциального театра пытается поставить экспериментальный спектакль под заглавием «Вишневый зад». Цитирует Константина Треплева, призывая к поиску «новых форм» и «мировой души». Повторяет известные мнения об универсальном, но непонятом Чехове. Он, конечно, убежден, что в своей постановке наконец уловит истинный смысл драматургии автора «Вишневого сада». За репетицией спектакля из верхней галереи следят сами Чехов и Станиславский:

С т а н и с л а в с к и й. *Вы думаете, он разгадает ваш замысел? И не надейтесь! Слабо! Типичный прохвост!*

Ч е х о в. *А вдруг?*

С т а н и с л а в с к и й. *«Вдруг» не бывает! Есть же система!*

Ч е х о в. *Нет, Станиславский. Есть человек.*

С т а н и с л а в с к и й. *Какой «Человек»? Где человек?! Сплошная механика! Он вас вывернул наизнанку!.. «Унда-унда, годо-до! Рохчи-бохчи коромбо!»* (О. Богаев. Вишневый ад Станиславского. 2011. URL: http://bogaev.narod.ru/doc/ad_stanislawskogo_2011.htm).

Чехов, видя неудачные попытки поставить его пьесу, задумывается о том, «не мог ли понятнее писать». Констатирует также: «*Странная штука — после смерти я узнал, что такое жизнь, но что такое театр — до сих пор не понимаю*». Как видно, Богаев конструирует три уровня фикции в данной пьесе. Первым является сам сюжет последней пьесы Чехова. Второй — репетиция спектакля — одновременно становится первым уровнем метатеатральным, метатекстуальным. Фигуры драматурга и режиссера исторически первой постановки «Вишневого сада» комментируют то, что разыгрывается на втором уровне. Онтологически это три отдельных мира, которые, однако, взаимно на себя влия-

ют, отсылая самих к себе, в пределах культурного пространства. Таким образом, отражается саморефлексивность постмодернистской культуры, которая вместо того, чтобы представлять окружающую действительность, обращается сама к себе, на основе существующих текстов создавая новые, художественные миры, а затем исследуя взаимоотношения между ними.

В 2002 году режиссер Кирилл Серебренников в одном из интервью сказал, что никогда не будет ставить «Чайку», что вообще «надо экземпляры пьес запломбировать и сдать куда-нибудь, заложить. Знаете, как раньше в ниши замуровывали капсулы с посланием комсомольцам 2017 года. Так вот, надо Чехова завернуть, закупорить и туда заложить среди камней» [Серебренников, с. 14]. Однако автор «Чайки» все еще является центральной фигурой русской драматургии и театра, но, как мы уже отметили, в виде интертекстуальных, гипертекстуальных и метатекстуальных отсылок, оставаясь наиболее популярным образом литератора-классика в новой драме. Повышенный интерес современных авторов к персонажам известных писателей вписывается в общую тенденцию эпохи постмодернизма, в которой литература исследует свои онтологические возможности. От миметического отражения окружающей действительности отказывается даже документальный театр вербатим, в котором социальная тема разрабатывается не с помощью традиционного реализма, но посредством рассказа, который в условиях сценической эстетики уничтожает фикцию. Итак, героем становится не человек, но его язык. Зато центральным персонажем интертекстуальной драмы становится текст. Автор текста-персонажа, в свою очередь, если он эксплицитно появляется в интертексте, остается всего лишь его элементом, даже если другие персонажи придают ему какие-то внетекстовые способности.

Заключение

Казалось бы, появление персонажа Чехова или Достоевского в тексте новой драмы ведет к обновлению, условному «воскрешению» традиционной позиции автора после его постмодернистской смерти. По крайней мере, можно было бы считать, что современный драматург, смиренный с функцией скриптора, тем самым укрепляет авторитет литератора-классика. Однако рассматриваемый вне своей традиционной, тоталитарной позиции, помещенный в мир конкретной пьесы, автор пре-текста теряет свои способности влиять на мир литературы. Литератор-классик обладает референциальным статусом только в сознании героев произведения, сознание которых ограничивается пределами текстовой действительности. Чехов, Пушкин, Гоголь, Достоевский как персонажи пьес или как субъекты реплик персонажей новых драм не имеют ничего общего с реальными личностями писателей. «Симулировать — это значит делать вид, что у вас есть

то, чего вы не имеете», — писал Бодрийяр [Бодрийяр]. Итак, персонажи литераторов производят впечатление, что они отсылают к известным писателям. Но на самом деле это только пустые знаки, которые не отражают ни действительности, ни биографий, зато на уровне метатекстуального комментария ведут диалог с литературными и культурными образами классиков.

Библиографический список

- Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания / пер. С. Никитиной. Екатеринбург, 1998.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О.А. Печенкина. Тула, 2013. URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml.
- Деррида Ж. О грамматологии / пер. Н. Автономовой. М., 2000.
- Заславский Г. «Бумажная» драматургия: авангард, арьергард или андеграунд современного театра? URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/9/zaslav.html>.
- Катаев В. Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма / ред. С.И. Тимина // Современная русская литература. СПб., 2005.
- Катаев В. Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники. М., 2004.
- Макаров А. Метатеатр под знаком Чехова (на материале пьес В. Леванова, О. Богаева, А. Мардания) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 8. С. 162–168. URL: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/2889/8019>.
- Макаров А. Метатеатр под знаком Чехова (на материале пьес В. Леванова, О. Богаева, А. Мардания) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 8. С. 162–168. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metateatr-pod-znakom-chehovana-materiale-pies-v-levanova-o-bogaeva-a-mardanya>.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред. Н. Николюкин. М., 2001.
- Серебренников К. (из интервью Р. Должанского) «Надо достать Доронино из колумбария» // Коммерсантъ. 2002. 5 апреля. № 59.
- Улицкая Л. (из интервью Н. Володиной). «Живу — как мне нравится, пишу — что захочется». URL: http://www.goroskop.ru/publish/open_article/39063.
- Фатеева Н. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текста. М., 2007. URL: <http://padaread.com/?book=48435&pg=4>.
- Федосеева Е. Чеховский интертекст в пьесе Людмилы Улицкой «Русское варенье» // Вестн. Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2011. URL: www.pglu.ru/vestnik/2011/2/Fedoseyeva_Ye_V.pdf.
- Ямпольский М. Беспамятство как исток (читая Хармса). М., 1998.

References

- Bloom H. Strakh vliianiia. Karta perechityvaniia. Perevod S. Nikitinoi [Fear of influence. The map of rereading. Translated by S. Nikitina]. Yekaterinburg, 1998 [in Russian].

- Baudrillard J. Simuliakry i simuliatsiia. Perevod O.A. Pechenkina [Simulacra and simulation. Translated by O.A. Pechenkin. Tula, 2013. Available at: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml [in Russian].
- Derrida J. O grammatologii. Perevod N. Avtonomovoi [Of grammarology. Translated by Natalia Avtonomova]. M., 2000 [in Russian].
- Zaslavsky G. «Bumazhnaia» dramaturgiia: avangard, aregard ili andergaund sovremennogo teatra? [Elektronnyi resurs] [«Paper» drama: vanguard, rearguard or underground modern theatre? [Electronic resource]]. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/9/zaslav.html> [in Russian].
- Kataev V. Sud'by russkoi klassiki v epokhu postmodernizma [Fates of Russian classics in the era of postmodernism]. In: Red. S.I. Timina. Sovremennaia russkaia literatura [S.I. Timin (Ed.). Modern Russian literature]. SPb., 2005, p. 86 [in Russian].
- Kataev V. Chekhov plius... predshestvenniki, sovremenniki, preemniki [Chekhov plus... Predecessors, contemporaries, successors]. M., 2004, p. 7 [in Russian].
- Makarov A. Metateatr pod znakom Chekhova (na materiale p'es V. Levanova, O. Bogaeva, A. Mardania) [Meta theatre under the sign of Chekhov (based on the plays of V. Levanov, O. Bogaev, A. Mardanya)]. *Vestnik Baltiiskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta* [IKBU's Vestnik], 2013, Issue 8, pp. 162–168. Available at: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/2889/8019/> [in Russian].
- Nikolyukin N. (Ed.) Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii [Literary encyclopedia of terms and concepts]. M., 2001 [in Russian].
- Serebrennikov K. (from an interview with R. Dolzhansky). «Nado dostat' Doroninu iz kolumbariia» [«We need to get Doronina from columbarium»]. *Gazeta «Kommersant»* [Newspaper «Kommersant»], no. 59 (accessed 05.04.2002) [in Russian].
- Ulitskaya L. (from an interview with N. Volodina) «Zhivu – kak mne nravitsia, pishu – chto zakhochetsia» [Elektronnyi resurs] [«Live as I like, write what you want». [Electronic resource]. Available at: http://www.goroskop.ru/publish/open_article/39063 [in Russian].
- Fateeva N. Kontrapunkt intertekstualnosti, ili intertekst v mire teksta [An intertextuality counterpoint, or Intertext in the world of text]. M., 2007. Available at: <http://padaread.com/?book=48435&pg=4> [in Russian].
- Fedoseeva E. Chekhovskii intertekst v p'ese Liudmily Ulitskoi «Russkoe varen'e» [Chekhov's intertext in the play by Lyudmila Ulitskaya «Russian jam»]. *Vestn. Piatigorskogo gos. lingvisticheskogo un-ta* [The Scientific Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University], 2011. Available at: www.pglu.ru/vestnik/2011/2/Fedoseyeva_Ye_V.pdf [in Russian].
- Yampolsky M. Bepamiatstvo kak istok (chitaia Kharmisa) [Unconsciousness as a source (reading Kharmis)]. M., 1998 [in Russian].

Н.Э. Сейбель

ГРОТЕСКИ ПЕТЕРА ХАКСА

© Сейбель Наталия Эдуардовна - доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра литературы и методики обучения литературе, Южно-уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 454080, Российская Федерация, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.
E-mail: seibel_ne@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6840-8286

АННОТАЦИЯ

Гротеск в творчестве Петера Хакса – не просто прием, но концептуальное соединение смешного и трагического, забавного и пугающего. Произведения, жанр которых (многих из них) автор обозначил как «сказка», адресованы взрослым читателям и несут в себе палитру чувств от грустной иронии до жестокого сарказма. «Драматург двух Германий» создает образ на стыке фантастического и узнаваемого. Один из наиболее частотных способов создания гротескного образа в его произведениях – каламбур, связанный с многозначностью понятия «Величина» (Größe). Она – важная единица эстетики тонкого пародиста и автора целого корпуса гротескных пьес. Физические размеры его великанов и титанов могут совпадать или не совпадать с потенциалом личности. В первом случае персонажи попадают в поле авторского юмора, во втором – возникает гротескно-сатирический и даже гротескно-трагический эффект. Не менее важны авторские антитезы, из которых Хакс извлекает максимум смыслов. Стихия, в которой действуют его герои, создается на стыке величины и тривиальности, таланта и мещанства, духа и бытовых мелочей, силы и бессилия, уникальности и повторяемости. Автор активно использует столкновение масштабов, повторение и двойничество, столкновение телесности и сексуальности с вопросами политики, соединение человеческого и животного миров, придание сугубо абстрактным понятиям физических свойств, превращения и т. д. В совокупности череда его гротесков встраивается в авторскую концепцию исторического прогресса, базирующегося на идее объективно возникающего равновесия, вопреки часто противоположным эгоистическим стремлениям деятелей, «создающих» историю.

Ключевые слова: П. Хакс, гротеск, столкновение масштабов, повторение, телесность и сексуальность, соединение человеческого и животного, гиперлокализация, придание абстрактным понятиям физических свойств, метаморфозы.

Цитирование. Сейбель Н.Э. Гротески Петера Хакса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 101–106. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-101-106>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-101-106
UDC 83:84

Submitted: 12/III/2018
Accepted: 18/IV/2018

N.E. Seibel

GROTESQUE BY PETER HACKS

© Seibel Natalia Eduardovna – Doctor of Philological Sciences, associate professor, professor, Department of Literature and Methods of Teaching Literature, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, 69, Lenin avenue, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation.

E-mail: seibel_ne@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6840-8286

ABSTRACT

A grotesque in the work of Peter Hacks is not simply reception, but conceptual connection of funny and tragic, amusing and intimidating. Genre of the works (many of them) an author designated as a «fairy-tale» are addressed to the adult readers and carry in itself the palette of feelings from sad irony to cruel sarcasm. «Dramatist of the two Germanies» creates character on a joint fantastic and knowable. One of the most frequency methods of creation of grotesque character in his works is the pun related to the polysemanticism of the concept «Size» (Größe). It is an important unit of aesthetics of thin parodist and author of whole corps of grotesque plays. The physical sizes of his giants and titans can coincide or not coincide with potential of personality. In the first case personages get in the field of authorial humour, in the second – there is a grotesquely-satiric and even grotesquely-tragic effect. Authorial antitheses from that Hacks extracts a maximum of senses are no less important. An element his heroes operate in that is created on the joint of size and banality, talent and low middle class, spirit and domestic little things, force and weakness, uniqueness and repetition. An author actively uses the collision of scales, reiteration and duplicity, collision of corporality and sex appeal with the questions of politics, connection human and animal the worlds, giving the especially abstract concepts of physical properties, transformation etc. In aggregate the train of his grotesques is built in authorial conception of historical progress being based on the idea of objectively nascent equilibrium, contrary often to opposite egoistical aspirations of figures, «creating» history.

Key words: P. Hacks, grotesque, collision of scales, repetition, corporeality and sexuality, combination of human and animal, hyperlocalization, giving abstract concepts of physical properties, metamorphosis.

Цитирование. Seibel N.E. *Groteski Petera Khaksa* [Grotesque by Peter Hacks]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 101–106. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-101-106>.

Введение

«На протяжении всего XX века в литературе происходило радикальное расширение области комического (а тем самым – и семантики самого понятия смеха), и это все заметнее сказывалось на внутренней жизни жанров, на их соотносительности в границах различных художественных систем, на характере эстетического мышления» [Зверев, с. 378]. К творчеству Петера Хакса (1928–2003) этот вывод А.М. Зверева относится в полной мере. В текстах немецкого драматурга гармонично соединяются различные жанровые начала, преодолеваются границы исторического и сказово-мифического, комического и трагического. Отражение «противоречий без истерики» (Хакс, 2006, с. 37) – задача, которую он с присущей ему иронией ставит перед искусством и решает ее, соединяя философскую драму с фривольной комедией («Разговор в семействе Штайн об отсутствующем господине фон Гете», 1974; «Смерть Сенеки», 1980; «Живописец короля», 1991), эпические сюжеты с трагедией предательства («Фредегунда», 1984; «Геновева», 1993),

комическую сказку с псевдоисторической хроникой («Магистр Кнауэрхазе», «Прилепа в птичьем гнезде»). В своих теоретических трудах «Хакс, – как пишет Венгерова, – часто пристрастен и потому уязвим» [Венгерова, с. 457], однако в художественной практике он находит путь «показывать все и ничего не доказывать», «избегать апологетичности и не критичности», отражать «единство антагонистических противоречий в состоянии покоя» (Хакс, 2006, с. 35) через гротеск. Остранение, «великая и абсолютно открытая наивность в изображении противоречий» (Хакс, 2006, с. 41) достигаются столкновением несовместимых свойств образа, часто «вовсе не комедийным» преувеличением, резким заострением его характеристик [Зверев, с. 385], «сближением разнородных элементов, в результате которого и возникает алогичное единство» (курсив мой. – Д.К.); [Кобленкова, 2006, с. 29].

Методы

«Практически все теории гротеска, – пишет Глостанова, – возникшие на Западе в XX в., были связаны с попытками дать ему некое философ-

ское, онтологическое, а не только эстетическое толкование, что в сущности лишь подтверждает мысль о том, что гротеск — категория метапоэтики, не до конца бытийная, но и не целиком стилевая» [Глостанова, с. 413]. Художественная практика П. Хакса подтверждает, что гротеск не может быть вписан в единый ряд с прочими тропами, «он есть не стилистический прием и не фигура речи, но — базовый принцип художественного осмысления (художественного моделирования) бытия» [Дормидонова, 2008а, с. 41; Дормидонова, 2008б], в связи с чем разговор о нем предполагает синтез методологических традиций формализма и мифопоэтики [Невяронович].

Комическая деформация: «Величина» и «Величие»

Если Бергсон писал о «механическом в живом» [Бергсон, с. 53], об обывательски-типовом, повторяющемся, то Хакс рисует мир вне тривиальности. Его установка — великие события, исторические катаклизмы, большие личности: «Цезарь совершает поступки Цезаря... Писатель способен создать великий характер без больших задач и целей в такой же малой мере, как природа. Герою нужна власть, он не пассивный, не страдающий, он субъект происходящего» (Хакс, 2006, с. 27). Вводя как основополагающее в своей исторической концепции понятие «Величина» (Größe), Хакс имеет в виду и масштаб события и смысловые коннотации, связывающие его с общей историей.

Нетривиальность сама по себе становится у Хакса мощным источником комизма. Гротесковый гигантизм призван выявить «величину» (в хаксовском — двойственном — смысле слова) стоящих перед персонажами задач: «Работа императора — самая трудная работа, — пишет он в «Епископе Китая». — Думать о ста миллионах человек ровно в миллион раз труднее, чем думать о ста» (Хакс, 2006, с. 248). «Учтивость гениев» целиком построена на столкновении мешанского сознания Хефцибы Николас и двух экстраординарных личностей — Эйнштейна и Менухина, способных ради приятного разговора пересечь континент и собрать целый оркестр для одного слушателя. Магистр Кнауэрхазе (в одноименной повести) требует от будущего короля, «чтобы его мудрость превосходила мою настолько, насколько его обязанности выше моих» (Хакс, 2006, с. 66), и грозит «верноподданейшим способом надавать ему по заднице» (Хакс, 2006, с. 66), если его величество не усвоит урока. Необходимые Телемаху учителя «заполонили все пути и дороги. Они заползали на склоны, где росли виноградники. Они вскарабкивались на прибрежные скалы. Они скапливались в оливковых рощах и воровали у крестьян инжир прямо с деревьев. Учителя налетели на страну, как саранча» (Хакс, 2006, с. 159–160).

Гиганты Хакса легко выстраиваются в *типологический ряд*. Совпадение величин личности, задач и исторической роли дает юмористический эффект [Иванова]. Несовпадение — гротескно-сатирический и даже гротескно-трагический: «С большими

фигурами следует соблюдать осторожность. Они убивают, даже когда опрокидываются» (Хакс, 2006, с. 209).

Исключительность персонажей Хакса является прямым следствием его исторической концепции. Если великие предшественники Хакса, осмыслявшие историю в XX веке, исходят либо из окказиональной идеи бытийности, единичности (Музиль, Кафка), либо из идеи циклического (универсального) вечно повторяющегося движения (Брох, Г. Манн), то история Хакса — эволюционна, предопределенна и закономерна. Самое важное для человека, если следовать логике магистра Кнауэрхазе, это «1. Знание истории, 2. Объяснение истории, 3. Искусство рассматривать современные события как исторические, 4. Искусство направлять будущий ход истории в желательное русло» (Хакс, 2006, с. 59). Оптимизм Хакса во многом связан с его верой в социалистические идеи, однако прогресс (становление, улучшение и гармонизация) прямо легитимирует права искусства на выявление гротескного дуализма мира. «Развитие, если оно есть, — пишет он, — происходит в противоречиях и через противоречия» (Хакс, 1979, с. 29).

Антитеза как путь к гротеску

Безусловно, говоря о хаксовских гротесках, в перспективе следует разделить стратегии создания гротеска в пьесах, написанных до 1989 года и в 90-х, а также в пьесах и повестях. Однако, принимая во внимание, что сказки Хакса — зачастую «заготовки его будущих пьес или их эпизодов» [Венгерова, с. 456], сосредоточимся на общих смыслах и закономерностях.

Наиболее наглядно скрытый антагонизм мира выявляется у Хакса при столкновении «величины» со случайным, незначительным, мелким. Так, столкновение смерти и повседневности — «источник “жуткого” комизма» [Глостанова, с. 429] в «Смерти Сенеки»: приговоренный и лицемерно принужденный к самоубийству философ не может достойно провести последние часы, поскольку втягивается домочадцами в склоки, разбирательства, скандал. Антитеза, формирующая ситуацию, двойная: великий Сенека в столкновении с пошлыми посетителями, готовящийся к смерти старец, вынужденный оправдываться из-за «нехорошей» болезни, которой он якобы заразился. Логика Лоты фон Штайн явственно показывает, насколько несовместимы представления о жизни Гете, веймарского света и ее собственные: «Он говорит, что создал “Тассо” и Ифигению, чтобы все знали, как он любит меня. Разумеется, все наоборот: он любит меня, чтобы сочинять этого Тассо и эту Ифигению. Я для него чернильный прибор» (Хакс, 2014а, с. 35). Их расставание — ее трагедия, предстающая наглядно в споре с самой собой, в комическом опрокидывании собственных оценок. Весь диалог — гротесковое соединение двух стратегий: попытки унижить Гете до худшего из светских людей, неспособного любовника и бездарного собеседника и

стремления представить роман с ним как единение душ и тел избранников, чьи помыслы и чувства никогда не будут доступны прочим.

Трагедии гениев находят окончательное выражение в непреодолимости деградации (цикл «Музы»). Итоговая ремарка: «Можно плакать» (Хакс, 2014б, с. 281) – «гротеск на грани смеха и кошмара» [Зверев, с. 385].

Не менее очевидна уязвимость исторических фигур в контексте мелких бытовых и физиологических подробностей, через которые «физическая природа вскрывает недостатки природы духовной» [Пропп, с. 34]. Из столкновения формы и содержания возникает отношение: «Карл Великий, Карл Толстый... Звучит похоже, но есть и разница, которую следует принять во внимание. Многие считают себя великими лишь потому, что разжирили» (Хакс, 2000, с. 213). Нравственная уязвимость обнаруживается через непосредственность и «двойные стандарты»: «...видимость значительности, соединяется с ущербной духовной сущностью. Обнажение, развенчание этой видимости (посредством интеллектуального усилия, через физическую данность и т. д.) служит причиной для проявления смеха» [Дмитриев, Сычев, с. 219]. Рыдающая над охмелевшим шенком Галсвинта («Фредегунда» 1984) быстро ожесточается, когда понимает, что целью была проверка подаваемых вин на яды, а ее бокал остался не проверен. Зигфрид, женившийся повторно из политических соображений, долго отстаивает красоту своей жены, пока не признает, что потерпел поражение и как правитель, и как супруг.

Формы гротеска в пьесах П. Хакса

Создавая свой гротескный мир, Хакс активно использует весь арсенал накопленных литературой средств.

Столкновение масштабов: от физических размеров (великаны-боги и карлики «Телемах»), до значения событий (замысел и реализация «Смерть Сенеки», «Геновева» и др.) и возраста участников (малолетний Мервиг и королева Брунгильда «Фредегунда»).

Повторение, даже умножение, истории, которое «лишает духовный акт его творческого или вообще значительного характера» [Пропп, с. 47]: «Живописец короля», «Фредегунда», «Магистр Кнауэрхазе» и др.

Столкновение телесности и сексуальности на грани «полунеприличия» [Пропп; с. 36; Карасев, Козлова, Кривенькая] с вопросами политики (Барсина в повести «Магистр Кнауэрхазе»), искусства (О'Мерфи в пьесе «Живописец короля»), светскости (госпожа фон Штайн в «Разговоре в семействе Штайн об отсутствующем господине фон Гете»).

Соединение человеческого и животного миров, которое у Хакса организовано настолько тесным образом, что становятся плохо ощутимы границы: Филин влюблен в Принцессу, Прилепа не просто

живет в птичьем гнезде, но и возглавляет войну обитателей сада против зловредных насекомых и т. д.

Гиперлокализация – внимание к материалу, его физическим свойствам, степени изношенности: кабинет Буше в «Живописце Короля», дверной звонок в «Учтивости гениев», картонный дом шершней в «Прилепе» и т. д.

Придание сугубо абстрактным понятиям физических свойств, например в истории «Прилепы»: «Дело в том, что войну можно спрятать так же, как шапку или носовой платок» (Хакс, 2006, с. 99).

Превращение или метаморфоза – одна из сказок Хакса так и называется «Мета Морфоз». Превращение – центральный мотив «Телемаха», причем очевидно выделяются «чудесные» и нечудесные превращения, связанные со старостью, человеческими отношениями и т. д. Так, старость Нестора наглядно видна, поскольку «его тело стало для него великовато и свисало складками» (Хакс, 2006, с. 184).

Многие из этих приемов прямо ориентированы на традицию фантастики, как известно, непосредственно связанной с гротеском. Утверждение Ю.В. Манна о том, что не гротеск служит фантастике, а фантастика гротеску, что ее роль – подчиненная [Манн, 1966] прямо воплощается в художественном мире Хакса.

Драматург активно абсурдирует ментальные категории и нравственные понятия: *истина, добро, прогресс, патриотизм*. Он описывает народ «смелый, патриотичный и вообще исполненный благих намерений. Беда в том, что они не могут этого запомнить» (Хакс, 2006, с. 93).

Сатирический эффект очевиден. *Науки* не дают знания, а лишь конструируют мир, исходя из соображений пользы и выгоды:

«Но числа вашей алгебры кровавы» («Фредегунда»).

«А не может ли середина Земли случайно оказаться в этом дворце? А именно на этом месте, которое случайно отмечено инкрустацией? Там, где случайно стою я» («Епископ Китая» (Хакс, 2014, с. 257)).

«Извлечь выгоду из теории глобуса, недурно!» («Колумб, или Путь к открытию мира» (Хакс, 1979, с. 19)).

Истина легко приспособляема к ситуации, интересам, нуждам тиранов:

– Может быть, в этом есть доля истины?

– Никакой, хоть это и правда» («Фраат» (Хакс, 2014, с. 266)).

«Всякая правдивость решительно вредит приобретению хлеба насущного» («Колумб, или Путь к открытию мира» (Хакс, 1979, с. 9)).

Однако следует подчеркнуть, что цель гротесков Хакса все же не обличение, а выявление скрытых смыслов. Его герои не скрывают истину, они искренне заблуждаются. Их собственные стремления часто лежат за пределами их понимания. На этом строится урок, даваемый испанским инфан-

там в «Колумбе»: понять необходимо, не о чем думает или чего хочет человек, — необходимо понять, в чем он нуждается. Путь открытий, который проходят персонажи Хакса, не лишен потерь и разочарований, но в конечном итоге он приносит и позитивные плоды: «Что это за истина, если она не дает радости?» («Колумб, или Путь к открытию мира» (Хакс, 1979, с. 31)).

Заключение

Говоря о гротеске Хакса необходимо подчеркнуть, что кайзеровское двойничество (как основа гротеска в форме расщепленной идентичности, «демонического другого» (цит. по: [Глостанова, с. 411]) находит свое отражение в системе образов почти каждой пьесы и повести Хакса. Двойники Шуйский и Лжедмитрий, двойники Старый и Новый короли Сушасуши в «Магистре Кнауэрхазе» и т. д. Не просто противоречие двух «Я», но их отчужденные и враждебные — условия гротеска, выдвигаемые в монографии В. Кайзера (цит. по: [Глостанова, с. 411]). У Хакса антагонистические противоречия возникают между персонажами с наиболее сходными целями. Дикарь и Магистр в повести «Магистр Кнауэрхазе» не просто похожи: «Более всего он походил на меня тогда, когда вовсе не был похож!» (Хакс, 2006, с. 75). «Фредегунда» строится на том, что двойников как минимум четверо — молодые королевы, рвущиеся к власти и думающие, что мир движут их интриги. В итоге оказывается, что параллельно разворачивалась интрига, которую вели их мужья-короли. Вся трагедия, как выяснилось, разыгрывалась в удвоенном (мужская и женская половины) пространстве. Двойников оказывается не четверо, а девятеро. Однако среди них нет ни одного, чей замысел воплотился бы в полной мере. Поскольку история для Хакса — объективный процесс, она движется не личными устремлениями, а тем «напряжением», которое возникает между осуществляющими ее движение «Величинами». В итоге мир почти неизбежно приходит к точке равновесия. Их противоположные стремления уравнивают друг друга. Результат: содержащая в себе внутреннюю энергию распада, опасная, но все же гармония.

Источники фактического материала

- Манн Г. Зрелые годы короля Генриха IV/ пер. Н. Касаткиной. М.: Худ. лит., 1978. 752 с.
Хакс П. Герои и поэты. М.: Райхль, Иностр. лит., 2014а. 440 с.
Хакс П. Муж и музы. М.: Райхль, Иностр. лит., 2014б. 296 с.
Хакс П. Мета Морфоз и другие сказки. М.: РГГУ, 2000. 282 с.
Хакс П. Повести. М.: evidentis, 2006. 215 с.
Хакс П. Пьесы. М.: Искусство, 1979. 503 с.

Библиографический список

- Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 128 с.
Венгерова Э. Поэтический театр Петера Хакса // Хакс П. Пьесы. М.: Искусство, 1979. С. 449–484.
Дежуров А.С. Гротеск в немецкой литературе XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 21 с.
Дмитриев А.В., Сычев А. Смех. Социофилософский анализ. М.: Альфа-М, 2005. 592 с.
Дормидонова Т.Ю. Гротеск как литературоведческая проблема // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008а. № 51. С. 40–44. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12512654>.
Дормидонова Т.Ю. Гротеск как тип художественной образности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008 б. 22 с.
Зверев А.М. Смеховой мир // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 378–408.
Иванова И.Ю. Современный гротеск и поэтика абсурда в условиях гиперцепции // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 10 (110). С. 156–158. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20685938>.
Карасев Л.В. Философия смеха. М.: РГГУ, 1996. 232 с.
Кобленкова Д.В. Проблемы становления теории гротеска // Новый филологический вестник. № 2 (3). 2006. С. 26–36. URL: http://slovorggu.ru/nfv2006_2_3_pdf/03Koblenkova.pdf.
Козлова Д.В. Основные подходы к определению понятия «Гротеск» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2000. № 1. С. 119–124. URL: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/9999-0196_West_filol_2000_1\(2\)/16.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/9999-0196_West_filol_2000_1(2)/16.pdf).
Кривенькая Е.С. Преломление элементов смеховой культуры в карикатуре // Искусство и культура. 2014. № 3 (15). С. 85–94. URL: <http://lib.vsu.by/xmlui/handle/123456789/4776>.
Манн Ю. О гротеске в литературе. М.: Сов. писатель, 1966. 184 с.
Невяронович Н.Ю. Гротескная транскрипция эсхатологического мифа в романе А. Слаповского «Первое второе пришествие» // Литература в контексте современности. Челябинск: ЧГПУ, 2007. С. 219–223
Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт, 2006. 256 с.
Глостанова М.В. Гротеск в литературах Запада // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 408–440.

References

- Bergson A. Smekh [Laughter]. M.: Iskusstvo, 1992, 128 p. [in Russian].
Vengerova E. Poeticheskiy teatr Petera Haksa [Poetry theater of Peter Hacks]. In: P. Hacks. P'yesy [Plays]. M.: Iskusstvo, 1979, pp. 449–484 [in Russian].
Dezhurov A.S. Grotesk v nemetskoj literature XVIII veka: avtoref. dis... kand. filol. nauk [Grottesque in German

literature of the XVIII century: author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. M., 1996, 21 p. [in Russian].

Dmitriev A.V., Sychev A. Smekh. Sotsiofilosofskiy analiz [Laughter. Socio-philosophical analysis]. M.: Alfa-M, 2005, 592 p. [in Russian].

Dormidonova T.Yu. Grotesk kak literaturovedcheskaya problema [Grotesque as a literary problem]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], 2008 a, no. 51, pp. 40–44 [in Russian]. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12512654>.

Dormidonova T.Yu. Grotesk kak tip khudozhestvennoi obraznosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Grotesque as a type of artistic imagery: author's abstract of Candidate's of Philological sciences thesis]. Tver, 2008 b, 22 p. [in Russian].

Zverev A.M. Smekhovoy mir [The laughing world]. In: *Khudozhestvennye orientiry zarubezhnoi literatury XX veka* [Artistic landmarks of foreign literature of the XX century]. M.: IMLI RAN, 2002, pp. 378–408 [in Russian].

Ivanova I.Yu. Sovremenniy grotesk i poetika absurda v usloviyakh gipertsepsii [Modern grotesque and poetics of the absurd in conditions of hypertension]. *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Scientific notes of the Russian State Social University], 2012, no. 10 (110), pp. 156–15. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20685938> [in Russian].

Karasev L.V. Filosofiya smekha [Philosophy of laughter]. M.: RGGU, 1996, 232 p. [in Russian].

Koblenkova D.V. Problemy stanovleniya teorii groteska [Problems of the formation of the grotesque theory]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2006, no. 2 (3), pp. 26–36. Available at: http://slovorggu.ru/nfv2006_2_3_pdf/03Koblenkova.pdf [in Russian].

Kozlova D.V. Osnovnyye podkhody k opredeleniyu ponyatiya «Grotesk» [The main approaches to the definition of the concept «Grotesque»]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Philology], 2000, no. 1, pp. 119–124 [in Russian]. Available at: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/9999-0196_West_filol_2000_1\(2\)/16.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/9999-0196_West_filol_2000_1(2)/16.pdf).

Mann Yu. O groteske v literature [On the grotesque in literature]. M.: Sov. pisatel', 1966, 184 p. [in Russian].

Nevyaronovich N.YU. Grotesknaya transkriptsiya eschatologicheskogo mifa v romane A. Slapovskogo «Pervoye vtoroye prishestviye» [Grotesque transcription of the eschatological myth in the novel by A. Slapovsky «The First Second Coming»]. *Literatura v kontekste sovremennosti* [Literature in the Context of Modernity]. Chelyabinsk: ChGPU, 2007, pp. 219–223 [in Russian].

Propp V.Ya. Problemy komizma i smekha. Ritual'nyi smekh v fol'klore [The problems of comic and laughter. Ritual laughter in folklore]. M.: Labirint, 2006, 256 p. [in Russian].

Tlostanova M.V. Grotesk v literaturakh Zapada [Grotesque in the Western literature]. In: *Khudozhestvennye orientiry zarubezhnoi literatury XX veka* [Artistic landmarks of foreign literature of the XX century]. M.: IMLI RAN, 2002, pp. 408–440 [in Russian].

Е.Е. Бирюкова

**МЕТАМОРФОЗЫ МЕТАФОРЫ НА ГРАНИЦЕ ДИСКУРСОВ
(СОВРЕМЕННАЯ ДРАМА ГЛАЗАМИ ПСИХОЛОГА)**

© Бирюкова Елена Евгеньевна – магистрант, кафедра общей и социальной психологии, Московский городской педагогический университет (Самарский филиал), 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара Загора, 76.

E-mail: alionabir@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1830-0311>

АННОТАЦИЯ

В статье предлагается взгляд на метафору как единый механизм процесса рецепции художественного произведения и организации сознания вкупе с его бессознательной областью. Высказывается идея о том, что традиционный понятийный аппарат филологической науки в этом случае выступает орудием рационализации знакомого любому читателю чувства единения с текстом. Предполагается, что целостное эмоциональное впечатление читателя либо зрителя может быть рассмотрено в широком психологическом контексте, связанном с явлениями метафоризации и синестезии.

Восприятие художественного произведения определяется как специфический коммуникативный акт, в котором решающую роль играет интенция субъекта рецепции – его способность и готовность к эстетическому переживанию, своего рода «открытость» тексту – и соответствующая ей потенциальная готовность художественного произведения «быть пережитым». Данная способность текста к резонансу с сознательным и бессознательным читателя и зрителя связывается со спецификой метафорической структуры произведения и особенностями опознания и переживания метафоры субъектом.

Раскрывается мысль, что метафора является языком внутреннего устройства психики и одновременно механизмом перевода в сферу сознательного. Исходя из данного ракурса, автором описываются некоторые тенденции современной драмы: тяготение к «овеществлению» метафоры, «игра в предметность». На примерах современных драматургических произведений показывается, каким образом опредмеченная метафора способна аккумулировать рецептивную активность зрителя.

Подчеркивается мысль, что природа катарсиса с психологической точки зрения заключена в открывающемся доступе субъекта рецепции к собственному бессознательному, что становится возможным благодаря универсальному «порталу» метафоризации.

Ключевые слова: современная драма, метафора, овеществление, синестезия, читательское, зрительское впечатление, катарсис.

Цитирование. Бирюкова Е.Е. Метаморфозы метафоры на границе дискурсов (современная драма глазами психолога) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 107–112. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-107-112>.

E.V. Biryukova

**METAPHORS METAMORPHOSES AT THE DISCOURSES BORDER
(MODERN DRAMA THROUGH THE EYES OF A PSYCHOLOGIST)**

© Biryukova Elena Evgenievna – Master’s Degree Student, Department of General and Social Psychology, Moscow City University, Samara branch, 766, Stara Zagora Street, Samara, 443081, Russian Federation.
E-mail: alionabir@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1830-0311>

ABSTRACT

The article offers a look at the metaphor as the mechanism of art reception process and at the same time as the mechanism of consciousness organization together with the unconscious area. The idea is expressed that in this case the traditional conceptual apparatus of philological science acts as an instrument of rationalization of the sense of unity with the text, known to any reader. It is assumed that a reader/viewer holistic emotional impression can be considered in a broad psychological context associated with the metaphorization and synesthesia phenomenas.

The perception of an art work is defined as a specific communicative act in which the intention of the subject reception – its ability and readiness for an aesthetic experience, a kind of «openness» to the text – and the corresponding art work potential readiness to «be experienced» play a decisive role. This ability of the text to resonate with reader and viewer conscious and unconscious is associated with the specifics of the text metaphorical structure and the features of identification and experience of metaphor subject.

The author reveals the idea that metaphor is the language of the internal psyche structure and at the same time the mechanism of translation into the sphere of consciousness. From this point of view the author show some trends of modern drama: the attraction to the «incarnation» of metaphors, «the object-game». The examples of modern dramaturgic works show how the metaphor is able to accumulate the viewer receptive activity.

The idea that the nature of catharsis lies in the point of the opening access to the unconscious and becomes possible due to the universal «metaphorization portal» is emphasized.

Key words: modern drama, metaphor, incarnation, synesthesia, reader/viewer impression, catharsis.

Citation. Biryukova E.E. *Metamorfozy metafory na granitse diskursov (sovremennaia drama glazami psikhologa)* [Metaphors metamorphoses at the discourses border (modern drama through the eyes of a psychologist)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 107–112. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-107-112>.

Введение**Постановка проблемы функционального потенциала метафоры в контексте целостного восприятия текста**

Представление о художественном произведении как совокупности тропов и иных элементов художественной целостности, в том числе метафорических образов, выступает для филолога необходимой исходной точкой постижения текста. Однако в непосредственном акте рецепции, будучи честным перед самим собой, читатель (даже профессиональный) снова и снова обнаруживает собственную *вовлеченность*, которая очевидно глубже и шире, чем отдельное эстетическое впечатление от удачно воплощенного в текстуральной ткани приема. Традиционно совпадение с текстом опознается как «любимое/нелюбимое произведение/автор», «интересная тема», «красиво, «вкусно» написано». В приведенных формулах на первый план выступает попытка рационального объяснения исходно-

го переживания. Интересно, что начинающий читатель всегда мучительно отрывается от земли в первых опытах полета, пытаясь расчлнить собственное *исходно целостное* впечатление: «Что именно понравилось?», «Какой прием использует автор для создания художественного впечатления?» и т. д. Возможно, известный понятийный аппарат в этом случае выступает только орудием рационализации того чувства единения с текстом, которое так сложно артикулируется на чужом для него терминологическом диалекте.

Восприятие художественного произведения может быть представлено как специфический коммуникативный акт, в котором решающую роль играет интенция субъекта рецепции – его способность и готовность к эстетическому переживанию, своего рода «открытость» тексту. Но и само художественное произведение потенциально несет в себе готовность быть «пережитым». Оно «интимно обращается к воспринимающему его человеку, всту-

пает с ним в личный контакт и взаимодействует с его неповторимым личностным опытом» [Борев]. В логике данного рассуждения неизбежно возникает вопрос: что именно в художественном произведении обеспечивает перспективу глубокого личностного переживания, открывает возможность аристотелевского катарсиса? Очевидно, текст «резонирует» с сознательным и, главное, бессознательным читателем/зрителем. Представляется, что ключевую роль в самой возможности такого воздействия играет метафора. В этом случае она может быть рассмотрена не как прием, но как *способ организации и сознания с его бессознательной областью, и художественного произведения*. Метафора, как будет показано ниже, выступает своего рода единым знаменателем для сферы сознания личности и плоти художественного высказывания.

Основная часть

Метафора как язык сознания и язык художественного произведения

Признание за языком особого статуса, отразившееся в работах В. Гумбольдта, Ф. де Соссюра, А.А. Потебни и Л. С. Выготского, во многом определило «лингвистичность» (linguisticity) как ракурс современных исследований. Общенаучной тенденцией в изучении метафоризации является движение от понимания поэтического потенциала метафоры к метафоре как «метальной операции» в процессах познания мира: Metaphor is not just a matter of language, that is, of mere words... On the contrary, human thought processes are largely metaphorical («Метафора – не только языковой феномен. Напротив, в высокой степени метафоричны мыслительные процессы человека». – Е.Б.) [Lakoff, Johnsen]. Сопоставление реалий, которое здесь всегда имеет место, лежит в основе категоризации и освоения действительности в целом. Подчеркивая тотальный характер явления, Н.Д. Арутюнова в статье «Метафора и дискурс» пишет: «Особенности сенсорных механизмов и их взаимодействия с психикой позволяют человеку сопоставлять несопоставимое и соизмерять несоизмеримое. Это устройство действует постоянно, порождая метафору в любых видах дискурса» [Арутюнова].

Данная закономерность определяет присутствие метафоры и в качестве методологической базы психологии (например, «подсознание» в теории З. Фрейда, «тень» К.Г. Юнга, «якорь» в НЛП, «панцирь» в телесной терапии), и в роли объекта исследований. В поле внимания психологии метафора как язык бессознательного оказывается еще со времени возникновения психоанализа, который, предполагая примат либидо в психической организации личности, был склонен трактовать как фаллическую символику самые разнообразные образы. В радикальном выражении психологический смысл метафоры может быть сформулирован таким образом: «Подобно цветку, представляющим собой чисто психологический феномен, в основе которого лежат некоторые физические явления, метафора есть чи-

сто психологическое образование, в основе которого лежат определенные нормативные системы» [Алексеев]. Несмотря на некоторую крайность приведенного суждения, отражающего экспансию психологии в пространство классических гуманитарных наук, не подлежит сомнению, что в настоящее время метафора выступает абсолютно необходимым рабочим инструментом в экзистенциальном направлении, гуманистическом подходе, гештальт-терапии, НЛП и других модальностях психологического воздействия.

В современной практике существует устойчивое терапевтическое представление о симптоме как о метафоре. Например, психические корни паралича могут быть расшифрованы как воплощение бессознательного посыла «руки опускаются», а слепоты «как «глаза бы мои не видели». В клинической картине шизофрении часто присутствуют галлюцинации, метафорические по своей природе. Пример подобных видений замечательно описан в автобиографической книге (в прошлом больной шизофренией, а в настоящем практикующего психолога) А. Лаувенг «Завтра я всегда была львом»: «(...) на меня напали огромные крысы, длиной не менее полуметра, желтоглазые, злобные, с острыми зубами. Они бежали рядом с моим велосипедом, подсакивали на бегу и пытались цапнуть меня за ноги. Крысы были впереди, позади и повсюду... Истинная реальность заключалась в том, что я только что (вернувшись к идее сдать экзамены. – Е.Б.) <...> вновь подала заявку на участие в крысиных бегах. Ведь я уже участвовала в них раньше, участвовала в безнадежной борьбе за удачу, за успешность ради успешности (...) Я ненавидела эти бега тогда и ненавидела их теперь, не отдавая себе в этом ясного отчета и не умея выразить свое отношение в словах» (Лаувенг). Метафора – язык бессознательно-го: табуированное и вытесненное, потенциально травматичное, оставшееся неназванным получает в ней свой язык. Патологическая картина психического заболевания здесь обнаруживает показательные крайности, но крайности обычного механизма психической жизни, в том числе жизни здорового человека. Там, где контроль сознания ослабевает хотя бы незначительно (например, в снах, спонтанных ассоциациях, оговорках и т. д.), становятся заметны вершины айсбергов метафоризации.

Метафоры в значительной степени формируют наш образ мышления, способ действий и алгоритм целеполагания. Закономерным образом именно метафора, ее разоблачение и формирование в некоторых психотехниках оказываются продуктивным способом работы. Часто именно она позволяет субъекту кристаллизовать разрозненные впечатления собственного опыта (расскажите о ваших партнерах, как если бы они были машинами разных марок, какие они?; если бы вы были цветом, то как его можно было бы охарактеризовать?; если бы ваши родители были музыкальными инструментами, что можно было бы сказать о них?). Через метафору невысказанное и неназванное получает аутентичное выражение, освобождая субъекта

и подводя его к возможности разрешения внутреннего конфликта. Психолог в процессе взаимодействия фактически создает и/или разделяет с пациентом новые метафорические образы, воплощающие и фиксирующие необходимый терапевтический взгляд на реальность.

Таким образом, метафора является языком внутреннего устройства психики, способом бытия и одновременно механизмом перевода в сферу сознательного. Художественное произведение, будучи построено аналогичным, метафорическим, образом, способно адресоваться напрямую к бессознательному субъекта. В этом аспекте показательны многочисленные опыты обращения при анализе текстов к рассмотрению их лейтмотивной организации, поскольку часто именно развернутые метафоры и повторяющиеся мотивы содержат в себе отсылку к архетипической образности, заряженной потенциалом личного и коллективного бессознательного. «Всполохи» метафор и эмоциональный отклик на них – суть эстетического освобождающего чувства. Психологическая природа катарсиса заключена во внезапно возникающей для личности точке доступа к бессознательным переживаниям и к бессознательному ресурсу в целом.

Важно отметить, что процесс метафоризации двунаправлен: с одной стороны, сознание порождает метафору, организовывая с ее помощью ментальное пространство, с другой стороны « в художественном акте метафора способна обретать предметность, как мы это видим в скульптуре, живописи или драматургии. Уже в работе 1980 года Дж. Лакоффа и М. Джонсона *Metaphors we live by* («Метафоры, которыми мы живем») подчеркивается *the inseparability of metaphors from their experiential bases* («нераздельность метафор и их эмпирических основ». – Е.Б.) [Lakoff, Johnsen]. Метафора пространственна по своей природе, и в этом смысле она всегда телесна. При этом драматическое произведение в его постановке на сцене имеет особый статус: по законам литературного рода метафора в нем «*опредмечена*». В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в истории искусства всплеск интереса к драме, развитие новаторских драматических форм, в том числе экспансия площадной эстетики, часто оказывались амбивалентно сопряжены с ростом риторики в официальном дискурсе. В культурном пространстве современная драма отчетливо противостоит тенденции построения новой лингвистической квазиреальности, где обилие новых и хорошо забытых старых речевых штампов, профессионализмов и жаргонизмов формирует особый виртуальный мир, наполненный «евробондами», «фанфуриками» и «доблестными огнеборцами». Драматическое искусство в его телесности и предметности по своей природе чуждается выхолащивания в словесную эквилибристику.

Современная драма имплицитно переживает знание о метафоре как эмоциональном и когнитивном ключе. Специфика визуального искусства может быть проиллюстрирована известным выска-

зыванием Г.Товстоногова о «необходимости найти на кинематографическом языке свою метафору». Идея материализуется не столько в действиях и речах персонажей, сколько в метафорической предметности пространства. Так, в пьесе В. Дурненкова образ мира – это сломанная шкатулка, организуемая хаотический сюжет (Дурненков), о «тихой, хорошей жизни, где есть машинка для папирос, а на заварочном чайнике «теплый колпак» мечтает герой М. Угарова (Угаров), а в произведении А. Слаповского в расщелине стены старого дома вырастает из выплунутой косточки и плодоносит вишневый кустик «мой вишневый садик» в глазах Саши и Азалканова (Слаповский). Складывается впечатление, что в современном опыте рецепции слова и действия утратили доверие зрителя, а *метафорика предметности* воплощается новым языком драмы.

Возможно, лиризация современной пьесы, чеховская неясность конфликта, ослабление событийности способствуют специфической активности зрителя, заключающейся в его внимании к метафорической ценности детали, которая волей драматурга и режиссера обретает телесность в сценическом пространстве. Практически в любом анализе современной постановки можно заметить рефлексии метафорической образности, опредмеченной на сцене. Например, в произвольно взятой критической статье читаем следующее: «В мхатовской постановке «Изображая жертву»... Пресняковых, осуществленной Кириллом Серебренниковым, отец Вали сначала вещал с экрана телевизора (напомню, что этот предмет в народе, как и гроб, именуют «ящиком»; ср. выражение «сыграть в ящик»), затем призрак отца и все остальные персонажи выходили из мерцающей, как выключенный экран телевизора, щели в стене. Щель-экран стала пограничной линией между двумя мирами, реальным и виртуальным. Экран телевизора «сцена, на которой разыгрывается главный идеологический спектакль общества» [Мамаладзе].

И в традиции «читок» пьес, и в разрастании ремарок, и в специфике реквизита легко заметить отпечаток игры в предметность. Так, в одной из пьес М. Угарова в пространном описании предметов на сцене, напоминающем об иллюстрации принципа реализма Р. Бартом, особенно выделяется следующая характеристика: «*А письменного стола не видно, он за ширмами. Лишь когда зажигают на нем свечи, – смутно высвечиваются его очертания. Глобус с вмятиной на Африке и на Аляске, с выпуклостью на Туркестане (...) Зеленое сукно залито по левую руку чернилами, пятно вышло с видом зайца с двумя ушами. (...) Малахитовая коробочка с перстнем отца, с медальоном матери, где лежит прядь волос неизвестного; орешек в золотой бумаге; игральная карта – пиковая десятка, означающая черную вещь, болезнь, а при короле или даме – брачную постель...» (Угаров). Каждая деталь такого художественного пространства потенциально метафорична и тем самым взывает к бессознательному*

зрителя и читателя. Эта мысль с печальной иронией обыгрывается и в импровизированном спектакле героев пьесы А. Слаповского:

АЗАЛКАНОВ. (...) Расческа. Предмет для расчесывания волос. (Передает Минусинскому.)

МИНУСИНСКИЙ. Расческа. (Моментально считает.) В ней ровно пятьдесят зубчиков. Это специально или случайно? (Передает Елене.)

ЕЛЕНА. Расческа. Неживая сама по себе. Оживающая в руках. (Передает Розову.)

РОЗОВ. Расческа. Из пластмассы. Пластмасса не разлагается тысячелетиями. Нас уже не будет, а она будет лежать в земле. В развалинах этого дома (...) (Слаповский).

Предметность драматического действия дана в форме, адресующейся ко всем органам чувств зрителя. И в этом случае особое значение обретает *синестезия* как базис целостности любого образа. Под «синестезией» понимается, по определению П.В. Яньшина, «универсальный психический механизм взаимотрансляции семантического содержания различных перцептивных модальностей на допредметном уровне репрезентации субъекту образа мира» [Яньшин]. Синестезия проявляет себя не только в индивидуальных особенностях субъекта, которому, например, звук кажется имеющим цвет, но и в любом акте рецепции. То есть активность любого из органов чувств неизбежно активизирует и зоны, отвечающие за другие модальности: для любого человека цвет имеет вкус (П.В. Яньшин), «холодность» и «чистота» ассоциированы с формой вытянутого креста, а «доброта» — с округлостью (Е.Ю. Артемьева) и т. д. Метафорический потенциал синестезии уже реализован в языке («низкий звук», «ядовитый цвет» и др.), но в случае сценической презентации метафора одновременно разворачивает свое воздействие *по всем направлениям восприятия*. Как позволяют предполагать психологические исследования явления синестезии, условный предмет на сцене, попадая в поле художественной интенции, становится потенциальной метафорой и воздействует одновременно на все модальности рецепции. Так, «вишневый кустик», телесно явленный в сценическом пространстве, неосознанно для самого субъекта восприятия обретает не только форму и цвет, но и звук, вкус, запах, что многократно усиливает глубину контакта с отраженной реальностью и объем собственно художественного впечатления. Благодаря механизму синестезии предметный образ ассимилируется сознанием зрителя, вызывая к его глубоко личной опыту взаимодействия с реальностью бытовой и художественной. Как в зеркале, отраженном в другом зеркале напротив, можно увидеть бесконечную галерею зеркал и отражений, так в вишневом кустике на сцене отражается вкус впервые попробованной вишни, запахи цветущих вишен на даче и все вишневые сады литературы.

Сюжетика новой драмы с психологической точки зрения часто разворачивается в подполе сознания, обращаясь к отражению не чеховского «в Москву»,

не горьковского «На дне» — невозможного и утраченного, а уже полностью разошедшихся берегов действительности и идеала, краев открытой раны. Как пишет М. Мамаладзе, «...пьеса в традиции театра-зеркала должна вызывать неминуемое возмущение со стороны публики, оскорбления в лицо автору и восклицания вроде «нигде никогда ничего подобного у нас не бывало». А со всем этим у «новой драмы» полный порядок: она пошла еще дальше и, можно сказать, сознательно искривила зеркало в целях шоковой терапии» [Мамаладзе]. Возможно, вопрос о художественной ценности новой драмы в качестве современного явления культуры сопряжен с центральным переживанием, открывающимся зрителю, и возможностью его двойной ассимиляции сознанием. Обобщая, эмоциональный заряд подобных пьес можно было бы именовать как «всё — не то», вызывающее к жизни одновременно и боль, и разочарование, и брезгливость, и ужас, и многие другие, закрытые для осознания субъекта в ежедневном круговом забеге переживания. Этот комплекс может быть освоен сознанием двояко: только если над этим действием полным зрением видеть нимб идеала, острее чувствовать то, что должно было бы быть, то это живое искусство. Вся энергия художественности в подобном случае заключена не в предмете изображения, не в сценическом действии и не в сценарии, а в этой способности зрителя эмоционально пережить и, может быть, даже перевести в сферу осознанного подмену вождельного действительностью — тотальным небытием, лишенным цели и осмысленности. Художественно ли, например, изображенное в «Парке культуры им. Горького» В. Леванова (Леванов)? Думается, что художественное впечатление здесь заключено в невозможности того самого «должно быть» и в подаренном зрителю шансе доступа к глубоко личной спрятанной (зачастую — от самого себя) боли. Современное театральное действие в этом случае оказывается эквивалентно по своему эффекту психотерапевтической сессии, в которой обычно происходит разрушение заданной фабулы: пациент, пришедший за инструкцией по счастью, в условиях этической тишины оказывается способен взглянуть в пугающую бездну своего живого Я.

Заключение

Метафора как ключ рецептивного механизма

Итак, глубокое переживание художественного произведения открывает всегда безоценочный (в обход психических защит) доступ к скрытым личностным эмоциональным ресурсам. Метафора как закон организации сознания и художественного произведения представляется тем механизмом, который обеспечивает данную возможность. Для субъекта рецепции (читателя, зрителя) она оказывается порталом, соединяющим сферы нематериального и предметного, идеи и воплощения, бессознательного и осознанного.

Источники фактического материала

Дурненков В. Шкатулка. URL: <http://e-libra.ru/read/159664-shkatulka.html> (дата обращения: 20.07.2017).

Лаувенг А. Завтра я всегда была львом. URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1039934/Lauveng__Zavtra_ya_vsegda_byla_lvom.html (дата обращения: 23.07.2017).

Леванов В. Парк культуры им. Горького. URL: <http://new-text.narod.ru/orp/levanov/park.htm> (дата обращения: 10.07.2017).

Слаповский А. Мой вишневый садик. URL: <http://www.slapovsky.ru/8/moj-vishnevyy-sadik> (дата обращения: 25.07.2017).

Угаров М. Газета «Русский инвалид» за 18 июля. URL: http://www.theatre-library.ru/files/u/ugarov/ugarov_1.doc (дата обращения: 25.07.2017).

Библиографический список

Lakoff G., Johnsen M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. URL: <http://bookre.org/reader?file=778237&pg=18> (accessed: 24.07.2017).

Алексеев К.И. Метафора как объект исследования в философии и психологии. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1996/962/962073.htm> (дата обращения: 23.07.2017).

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm> (дата обращения: 21.07.2017).

Борев Ю.Б. Эстетика. М.: Высш. шк., 2002. URL: <https://eknigi.org/kultura/45584-yestetika-uchebnik.html> (дата обращения: 25.07.2017).

Мамаладзе М. Театр катастрофического сознания: о пьесах-философских сказках Вячеслава Дурненкова на фоне театральных мифов вокруг «новой драмы». URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73/mama28.html> (дата обращения: 22.07.2017).

Яньшин П.В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. URL: http://colormind.narod.ru/_private/YanshinDissertation.pdf (дата обращения: 23.07.2017).

References

Lakoff G., Johnsen M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. Available at: <http://bookre.org/reader?file=778237&pg=18> (accessed 24.07.2017) [in English].

Alekseev K.I. *Metafora kak ob"ekt issledovaniia v filosofii i psikhologii* [Metaphor as an object of research in philosophy and psychology]. Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/1996/962/962073.htm> (accessed 23.07.2017) [in Russian].

Arutyunova N.D. *Metafora i diskurs. Teoriia metafory* [Metaphor and discourse. Theory of metaphor]. M., 1990, pp. 5–32. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm> (accessed 21.07.2017) [in Russian].

Borev Yu.B. *Estetika: [Aesthetics: textbook]*. M.: Vyssh. shk., 2002. Available at: <https://eknigi.org/kultura/45584-yestetika-uchebnik.html> (accessed 25.07.2017) [in Russian].

Mamaladze M. *Teatr katastroficheskogo soznaniia: o p'esakh-filosofskikh skazkakh Viacheslava Durnenkova na fone teatralnykh mifov vokrug «novoi dramy»* [Theater of catastrophic consciousness: about plays-philosophical tales of Vyacheslav Durnenkov against the background of theatrical myths around the «new drama»]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73/mama28.html> (accessed 22.07.2017) [in Russian].

Yan'shin P.V. *Psikhosemanticheskii analiz kategorizatsii tsveta v strukture soznaniia subekta: dis. ...d-ra psikhol. nauk* [Psychosemantic analysis of color categorization in the structure of the subject's consciousness: Doctoral of Psychological Sciences thesis]. M., 2001. Available at: http://colormind.narod.ru/_private/YanshinDissertation.pdf (accessed 23.07.2017) [in Russian].

Д.В. Герченева

КИНОМЕДИАЛЬНОСТЬ ПРОЗЫ В. НАБОКОВА

© Герченева Дарья Владимировна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университета имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: parphenos@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0244-5954>

АННОТАЦИЯ

В данной статье ставится проблема влияния кинематографической визуальности на литературный текст В. Набокова. Уточняется само понятие кинемедиальности и его значение для эстетики Набокова. Проводится исследование некоторых особенностей повествования в набоковской прозе конца 1920-х – начала 1930-х годов, обусловленных влиянием киноэстетики. Анализируются те возможности, которые открывают писателю и читателю использование некоего подобия объектива кинокамеры, своего рода «кинематографического глаза». На материале романов «Защита Лужина», «Камера обскура», «Соглядатай» рассматриваются возможности применения приемов, мотивов и концептуальных моделей кинематографа в литературном произведении с целью расширения границ повествования – превращения сюжета повествования в сюжет наблюдения. Ввиду недостаточного освещения исследователями рассматриваемого вопроса предпринимается попытка разрешить терминологическую неопределенность и разграничить понятия «киномедиальность» и «кинематографичность», а также установить значение термина «киномедиальность» применительно к литературному (в нашем случае – модернистскому) тексту. Работа носит аналитический характер и представляет собой комплексное исследование. Во внимание принимаются преимущественно формальные приемы, заимствованные из кинематографа, перенесенные на почву литературных текстов и адаптированные к языку словесного искусства. Изучение приемов помогает установить смысловые интерференции кино и литературы. Прослеживается влияние кинемедиальности на повествование Набокова, исследуются отношения между наблюдателем и наблюдаемым, объектом наблюдения и зрителем, смена точек зрения и видения. Теоретическая рефлексия и практический анализ романов Набокова позволяют заключить, что перенесенные в пространство литературного текста кинематографические приемы и оптические эффекты помогают писателю передать фрагментарность героев и событий, а также представить повествование как узор сменяющихся друг друга движущихся картин.

Ключевые слова: Набоков, художественная форма, наблюдение, фокализация, кинемедиальность.

Цитирование. Герченева Д.В. Кинемедиальность прозы В. Набокова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 113–118. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-113-118>.

D.V. Gerchenova

FILM MEDIALITY IN V. NABOKOV'S PROSE

© Gerchenova Daria Vladimirovna – postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: parphenos@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0244-5954>

ABSTRACT

In this article, the problem of influence of cinematic visuality on the literary texts of V. Nabokov is posed. The very concept of film-mediality and its significance for Nabokov's aesthetics are specified. A study of some features of the narrative in the Nabokov prose of the late 1920-ies and early 1930-ies, conditioned by the influence of film aesthetics, is being conducted. Those possibilities that open up to the writer and the reader the use of a kind of camera lens, a kind of «cinematic eye» are analyzed. On the material of the novels «The Luzhin Defense», «Laughter in the Dark», «The Eye», the possibilities of using techniques, motifs and conceptual models of the films in a literary work are considered with the aim of expanding the narrative boundaries – turning the plot of the narrative into a plot of observation. In view of the lack of coverage by the researchers of the issue under consideration, an attempt is made to resolve the terminological uncertainty and distinguish between the concepts of «film materiality» and «cinematography», and also to establish the meaning of the term «film-mediality» as applied to the literary (in our case – modern) text. The work is of an analytical nature and is a comprehensive study. We take into account mainly formal receptions borrowed from the cinema, transferred to the soil of literary texts and adapted to the language of verbal art. The study of techniques helps to establish the semantic interference of cinema and literature. The influence of film-medialism on Nabokov's narration is traced; the relationship between the observer and the observed, the object of observation and the viewer, the change of points of view and vision are explored. Theoretical reflection and practical analysis of Nabokov's novels allow us to conclude that cinematographic techniques and optical effects transferred to the space of the literary text help the writer to convey the fragmentation of heroes and events, and also to present the narrative as a pattern of successive moving pictures.

Key words: Nabokov, artistic form, observation, focalization, film-mediality.

Citation. Gerchenova D.V. *Kinomedialnost' prozy V. Nabokova* [Film mediality in V. Nabokov's prose]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 113–118. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-113-118>.

Введение. Постановка вопроса

Произошедшее в эпоху модернизма крушение традиционной системы ценностей привело художников к убеждению, что мир больше не будет таким, как прежде. Модернисты выходят на новый уровень обращения с категориями пространства и времени, представления о которых, собственно, и формируют картину мира. Новое видение мира обусловило поиски новых художественных форм, которые, в свою очередь, должны были нести новые эстетические смыслы. Это время отмечено взаимовлиянием пространственного и временного, визуального и вербального начал в различных видах искусства [Гришакова; Ханзен-Леве; Ходасевич; Grishakova]. Одним из главных открытий эпохи модернизма стала синергия художественных форм, обусловленная пониманием того, что язык

обладает потенциалом пространственности и иконичности, изображение же тяготеет к разворачиванию во времени и повествовательности.

Методология исследования

Методологической базой явились посвященные проблемам интермедальности, киноэстетики и рецептивной эстетики исследования Ю.М. Лотмана, И.П. Смирнова, Оге А. Ханзена-Леве, Ю.Г. Цивьяна и др. В процессе исследования применялись такие методы, как сравнительно-типологический, структурно-семантический, герменевтический метод и методнарративного анализа.

Понятие киномедальности и проблема наблюдения

В литературе модернизма превалирует не описание реальности, а наблюдение над ней [Гришакова; Ханзен-Леве; Ходасевич]. Это приводит к ут-

верждению в литературе пространственной формы [Ходасевич, с. 197]. Писатели не выстраивают единой линии повествования. Время начинает мыслиться в пространственных координатах, наблюдается специализация (или опространствливание) времени. При таком способе организации литературного произведения читателю самому нужно вспоминать, что о том или ином герое уже сказал автор, в какой ситуации, нужно самому выстраивать нити событий в многомерном пространстве художественной реальности. Размышления В. Набокова о пространственной форме художественного текста изложены в его «Лекциях по зарубежной литературе»: «...трудоёмкий процесс перемещения взгляда слева направо, строчка за строчкой, страница за страницей, та сложная работа, которую мы проделываем, сам пространственно-временной процесс осмысления книги мешает эстетическому ее восприятию. <...> У нас нет физического органа (такого, каким в случае с живописью является глаз), который мог бы разом вобрать в себя целое, а затем заниматься подробностями. Но при втором, третьем, четвертом чтении мы в каком-то смысле обращаемся с книгой так же, как с картиной» [Набоков, 1998, с. 26]. Писатель озадачен тем, что при восприятии литературного произведения читатель все свои усилия направляет на сам процесс чтения. Эстетическому восприятию произведения это мешает. Стало уже привычным, что литературные произведения воспринимаются читателем аналитически, поскольку писатель сам подробно комментирует причины поступков своих героев, объясняет ход их рассуждений и т. п. Оценивающие слова такого рода не вызывают больше доверия, поскольку не дают всей полноты картины. Эти слова дискредитировали себя. И Набоков стремится раздвинуть смысловые горизонты литературы за счет *зрения и наблюдения* [Смирнов; Фрэнк].

Новые возможности наблюдения над реальностью давал *кинематограф*, который на заре его появления воспринимался скорее как техническое новшество, а не как еще один вид искусства. Технические возможности камеры в работе с пространством и временем открывали какие-то важные стороны нового зрения и мировосприятия. Набоков это почувствовал и сделал кино частью художественной реальности, сюжетом и приемом своего искусства. К кинокоду он обращается в романах «Защита Лужина» (1929–1930), «Соглядатай» (1930), «Камера обскура» (1931) и др.

Вопрос о проникновении кинокода в структуру художественного текста В. Набокова ставился современниками писателя [Тоунбее]. В более широком контексте *визуальной поэтики* вопрос о влиянии кинематографа и других медиа (фотографии, живописи) на набоковские тексты рассматривается в ряде современных исследований [Гришакова; Grishakova; Плотникова]. Однако всестороннее рассмотрение проблемы кинемедиальности художественного языка Набокова еще не получило достаточного освещения в научной литературе.

Под *кинемедиальностью* литературного текста в данной работе понимается внедрение семиотической системы (или систем) кинематографа в семиотическую систему литературы в виде мотивов, конструктивных принципов и приемов, концептуальных моделей и последующее перекодирование литературы — ее художественного языка, приемов и форм. Кинемедиальность следует отличать от литературной кинематографичности, заключающейся в отсылках произведений к конкретным фильмам, упоминании кинотерминов и т. п. [Мартьянова, 2017].

Писатель с помощью оптических эффектов и кинематографических приемов стремится в своих произведениях достичь равновесия между словом и образом, поэтому становится возможно воспринимать его тексты эстетически, зрительно, как картины — иконические знаки, помещенные в пространство и воспринимаемые в пространстве.

У Набокова-модерниста внимание сосредоточивается на приеме: на процессе наблюдения, зрения, что и обусловило обращение писателя к приемам кинематографа. Автор вводит читателя в самое сокровенное своего творчества: он открывает то, как его произведения рождаются, как он видит, что он видит, что видят его герои. При всей открытости приема для читателя писатель помнит о своих задачах, умело ведя читателя по лабиринтам своего произведения, но не давая ключа к решению создаваемой им в произведении головоломки. Набокову важно дать читателю возможность посмотреть на мир так, как тот и не думал его видеть: под новым углом зрения. Писатель предлагает читателю вместе с ним наблюдать и через это уже раскрывает тайники человеческой души — через внешнее наблюдение. Набокову удается достичь перевода *пространственного* языка в язык *вербальный*, а это является одним из важнейших элементов художественной рефлексии модернизма. В своих произведениях средствами изобразительных видов искусства он словно создает *узор*, который зритель сам уже может воспринимать по-разному. Писатель предлагает различные образы, взятые в разные временные периоды, сочетая и переплетая их нужным ему — писателю — образом. Для писателя важно активное участие читателя как воспринимающего его произведения. Поэтому Набоков, используя средства кинематографа, словно находится несколько в стороне от своего произведения, позволяя героям жить своей жизнью и при этом произведение определенным, нужным ему образом выстраивая. Но сам он избегает давать однозначные оценки и комментарии.

Кинемедиальность Набокова. Единство визуального и вербального

Для Набокова крайне важна *тема зрения* и все, что с ней связано. Видеть, наблюдать, вглядываться свойственно и автору, и героям, благодаря чему художественное пространство его романов отличается «определенный визуальный или оптический строй» [Гришакова, с. 5]. Это сближает писателя с принципами построения французского романа, «*nouveau*

roman» [Лотман, с. 4; Лотман, Цивьян; Мартьянова, 2002], основным стремлением которого было освободить роман от каких бы то ни было примесей в виде отношения автора к описываемому: только сами описания и наблюдения.

Анализируя произведения В. Набокова, важно определиться с их модальностью. Согласно Ж. Женетту, *фокализация* может осуществляться в разных формах, две из которых явлены в произведениях Набокова. Повествование в текстах Набокова — «фокализованное повествование» [Женетт, т. 1, с. 270] с использованием как *внутренней фокализации* (знание повествователя и персонажа находятся примерно на одном уровне), так и *внешней* (повествователь знает меньше персонажа).

За счет того, что Набоков обращается к языку кинематографа, он представляет читателю множество точек зрения через приемы, им используемые. Набокову свойственно применение «*двойного*» зрения. Он смотрит на объект, преломляя его и воссоздавая: взгляд его на объект призван вскрыть в изображаемом им то, чего привычный взгляд наблюдающего уже не видит, не способен увидеть. Ведя повествование, он предоставляет своим героям возможность делать необходимые наблюдения вслед за собой. Он словно бы фиксирует на киноленту происходящее, а далее читатель сам может выбирать, на чем ему остановить свое внимание и как далее с полученным им материалом поступить — в какой узор включить.

В связи с исследованием *оптического строя* романов Набокова и возникает вопрос о *кинематографичности* его произведений. Писатель не останавливается на *фотографическом письме*: он не описывает события или персонажей замершими в определенном пространстве и времени. Искусство зрения у Набокова воплощается в слове. Визуальное и вербальное слиты в его прозе воедино. Набоков нередко выстраивает свои произведения, делая наброски происходящего. Он описывает в своих романах происходящее, словно создавая *движущиеся образы*, подобные кинематографическим. Смысл появляется благодаря тому, что эти отдельные выстраиваемые им образы складываются в воображении читателя в замысловатый узор, картину. Набоков переносит конструктивные принципы и приемы кинематографа в литературу, обогащая и меняя ее художественный язык. Теперь слово может выразить то, что прежде было недоступно (сфера «невыразимого»). Например, с помощью *использования световых эффектов, искусственных по происхождению*, становится возможным передать внутренние состояния героев, неестественность их выбора. В романе «Камера обскура» главный герой впервые встречается со своей будущей любовницей в зале кинотеатра, напоминающем камеру-обскуру (темную коробку с направленным внутрь нее лучом света), и с этого момента, как показывает дальнейшее повествование, герой начинает существовать, словно в некоем затемненном мире, не умея различить, что для него действительно цен-

но. С помощью приема *разъятия сплошного пространства в изолированных друг от друга кадрах* писатель нередко изображает ситуацию, которая противоречива, при этом важна для понимания произведения, и писателю важно не навязать читателю своего видения. Он описывает происходящее, как правило, с позиции видения нескольких персонажей, и таким образом читатель может сложить разрозненные «пазлы». Благодаря приему *взаимоналожения зрительных образов* стало возможным описать в разных плоскостях несколько действий, происходящих в одном пространстве в один момент времени с одними и теми же героями. Например, в романе «Камера обскура» Набоков (Набоков, 1934) с помощью этого приема создает эпизод просмотра Кречмаром, Магдой и Горном кинокартины с дебютной ролью Магды. Параллельно с происходящим в кинозале автор изображает и происходящее на экране. Он также использует прием *наезда камеры на объект съемки* для того, чтобы таким образом показать что-то важное в героях, на что еще не было случая обратить внимание читателя, или же то, что было показано мельком.

В результате взаимопроникновения кинематографа и литературы точка зрения в литературе стала более *подвижной*. Кино изменило способы восприятия мира. То, что происходит в кадре перед зрителем, — происходит сейчас, в момент восприятия, и рассматривается как настоящее. И авторам кинематографических картин приходится прибегать к ряду приемов, чтобы зритель смог понять, что перед ним то, что имело место ранее. Либо это отсылается к воспоминаниям героя, важным в данный момент (это можно осуществить с помощью приема *flash-back*), либо это события из прошлого, известные автору, которые очень важно ввести именно в данный фрагмент фильма. Именно эти приемы, позволяющие обыгрывать пространство и время, и заимствуют писатели-модернисты, в том числе и Набоков, у кинематографа.

Интересно то, как писатель применяет кинематографическую технику в *little novel* «Соглядатай». С самого начала произведения сознание героя расстраивается, и он воспринимает все свои действия со стороны: так, словно это действия другого человека. С этого момента автор строит произведение на основе приема *разъятия сплошного пространства в изолированных друг от друга кадрах*. Писатель дает информацию о главном герое с четырех точек зрения: сам герой и его мысли о себе, его внутренний диалог; взгляд героя на Смурова, его заинтересованность в нем как в любопытном для наблюдений человеке; описание событий повествователем, взгляд на Смурова других героев рассказа. *Виды фокализации* в произведении варьируются. За счет того, что все повествование выстраивается с разных точек зрения, происходит *наложение образов друг на друга*. В тексте они излагаются независимо друг от друга, а соединить их — задача читателя. Писатель делает зарисовки происходящего, читатель наблюдает описываемое, но не по-

лучает целостного представления о том, что происходит. При этом такое недоведение автором описаний до целостности на протяжении всего романа оставляет читателя включенным в наблюдения героев. Важно отметить, что на протяжении всего произведения нет голоса всевидящего повествователя. Все, что узнает читатель, — взгляд главного героя на происходящее или взгляды других, второстепенных персонажей. Автор наделяет своих героев возможностью создавать *узор произведения*. Иными словами, из субъективных взглядов персонажей складывается замысловатый узор калейдоскопа, картина. Роль автора — собирать материал, фиксировать его определенным образом — так, словно это снимается на киноленту. И читателю лишь в конце романа «Соглядатай», из обращения одного из персонажей к главному герою, становится понятно, что он, этот главный герой, собиравший информацию о некоем Смурове, и был тот самый Смуров, помешавшийся рассудком в результате своего самоубийства. При этом автор никак не комментирует такой исход событий: это не входит в его замысел, и у читателя остаются сомнения, так ли это.

Прием *разъятия сплошного пространства в изолированных друг от друга кадрах* Набоков использует и в определенных фрагментах романов «Соглядатай» и «Камера обскура». В «Соглядатае» — когда главный герой оказывается избит и опозорен мужем своей любовницы. Писатель изображает, как герой, войдя в свою комнату, видит следующее: «Пошлый, несчастный, дрожащий маленький человек в котелке стоял посреди комнаты, почему-то потирая руки» (Набоков, 1989, с. 317). Взгляд — словно из зрительного зала, со стороны, тогда как следующей репликой героя автор дает понять, что этот человек одновременно — и сам наблюдающий: «Таким я на мгновение увидел себя в зеркале» (Набоков, 1989, с. 317). В романе «Камера обскура» этот прием используется при описании ситуации, когда Кречмар увозит Магду из санатория, заподозрив ее в измене. Они подъезжают к опасному участку дороги, где вот-вот попадут в аварию. Автор прибегает к множественной фокализации. И благодаря трем кадрам, посредством которых создается описание ситуации: старушка, собирающая на пригорке травы, летчик, летящий над этой местностью, и Аннелиза (которая находится во Франции), чувствуя что-то неладное, — автор создает картину, предшествующую аварии, что вот-вот произойдет. Набоков не пишет далее о самой аварии. С помощью приемов, используемых им, он дал возможность читателю понять, что авария неминуемо произойдет: если бы в произведении был представлен взгляд одного героя, этот взгляд мог бы быть и ошибочным, и читатель еще сомневался бы в вероятности катастрофы, а здесь писатель не оставляет сомнениям места. О том же, что авария действительно произошла, становится ясно уже из начала следующей главы.

Заключение

С помощью приемов кинематографа автор может выявлять те стороны жизни, которые персонажи игнорируют, но которые могут быть важны читателю для формирования более объемного представления о них. Так, стало возможным, как в кинематографе, изобразить объект наблюдения максимально — неестественно — близко. Прием *наезда камеры на объект съемки* позволил Набокову глубже показать читателю внутренний мир своих героев, то, что они сами от себя таят, но что при этом руководит ими; то, что читателю необходимо видеть как определяющее суть этих героев. Этот прием заключается в приближении объекта и крупном его изображении. В современном мире кино- и фотоискусства существует термин *zoomin* («приближение»). С помощью этого приема Набоков описывает появление Магды на экране («Камера обскура»). Из-за наезда камеры рот ее выглядит припухшим, похожим на пиявку, брови при приближении оказываются неправильной формы. Героиня занимает весь экран, и некрасивость ее видна преувеличенно карикатурно.

Итак, выстраивая *сюжет повествования* как *сюжет наблюдения*, Набоков прибегает к эстетике и технике кино, при этом человек из существа *рассуждающего* превращается в *наблюдающего* — в «соглядатая» мира и самого себя. *Оптические эффекты*, свойственные кинематографу, помогают Набокову передать фрагментарность и разрозненность героев и событий, а также представить повествование как *узор сменяющихся друг друга движущихся картин*.

Источники фактического материала

Набоков В.В. Камера обскура. Париж; Берлин, 1934. 202 с.

Набоков В.В. Соглядатай // Приглашение на казнь. Романы, рассказы, критические эссе, воспоминания. Кишинев: Изд-во «Литература артистикэ», 1989. С. 3–148, 311–356.

Библиографический список

Гришакова М.Ф. О визуальной поэтике Набокова. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/404860.html> (дата обращения: 25.09.2017).

Женетт Ж. Фигуры. Т. 1–2 / пер. под ред. С. Зенкина. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1998. 472 с.

Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. URL: <http://lib.ru/CINEMA/kinolit/LOTMAN/kinoestetika.txt> (дата обращения: 29.09.2017).

Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном. Таллин: Александра, 1994. 214 с.

Мартьянова И.А. Кинематографичность литературного текста (на материале современной русской прозы) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 136–141. URL: <https://elibrary.ru/titles.asp>.

Мартянова И.А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб.: САГА, 2002. 240 с.

Набоков В. Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ. под ред. В.А. Харитонов. М.: Независимая Газета, 1998. 515 с.

Плотникова А.А. Кинематографичность как прием в творчестве А.Н. Вертинского // Вестник ЛНУ им. Тараса Шевченко. 2013. № 9 (268). Ч. II. С. 208–216. URL: http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe.

Смирнов И.П. Видеоряд. Историческая семантика кино. СПб.: Петрополис, 2009. 404 с.

Фрэнк Дж. Пространственная форма в современной литературе / пер. с англ. В. Махлина // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М., 1987. С. 194–213.

Ханзен-Леве Оге А. Интермедийность в русской культуре: От символизма к авангарду. М.: РГГУ, 2016. 640 с.

Ходасевич В.Ф. Камера обскура. URL: <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/kritika/hodasevich/kamera-obskura.htm>.

Grishakova M. The Models of Space, Time and Vision in V. Nabokov's Fiction // Narrative Strategies and Cultural Frames. *Tartu Semiotics Library*. 2012. № 5. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/24/besprozvany24.shtml>.

Toynbee Ph. (1968) The Bright Brute is the Gayest // *New York Times*, 12 May, VII, 4–5.

References

Grishakova M.F. O vizual'noi poetike Nabokova [On the visual poetics of Nabokov]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/404860.html> (accessed 25.09.2017) [in Russian].

Genette G. Figury. T. 1–2. Per. pod red. S. Zenkina [Figures, Vol. 1–2. Translation under the editorship of S. Zenkin]. M.: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 1998, 472 p. [in Russian].

Lotman Yu. Semiotika kino i problemy kinoestetiki [Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics]. Available at: <http://lib.ru/CINEMA/kinolit/LOTMAN/kinoestetika.txt> (accessed 29.09. 2017) [in Russian].

Lotman Yu., Tsiyvan Yu. Dialog s ekranom [Dialog with a screen]. Tallinn: Aleksandra, 1994, 214 p. [in Russian].

Martianova I.A. Kinematografichnost' literaturnogo teksta (na materiale sovremennoi russkoi prozy) [Cinematography of literary text (on the material of the contemporary Russian prose)]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2017, no. 1, pp. 136–141. Available at: <https://elibrary.ru/titles.asp> [in Russian].

Martianova I.A. Kinovek russkogo teksta: paradoks literaturnoi kinematografichnosti [Film century of the Russian text: the paradox of literary film looking]. SPb.: SAGA, 2002, 240 p. [in Russian].

Nabokov V. Lektsii po zarubezhnoi literature. Per. s angl. pod red. V. A. Kharitonova [Lectures on foreign literature. Translation from English edited by. V.A. Kharitonov]. M.: Nezavisimaia Gazeta, 1998, 515 p. [in Russian].

Plotnikova A.A. Kinematografichnost' kak priem v tvorchestve A.N. Vertinskogo [Cinematography as a method in the works of A.N. Vertinsky]. *Vestnik LNU im. Tarasa Shevchenko* [Bulletin of the Lugansk National University named after Taras Shevchenko], 2013, no. 9 (268), Part II, pp. 208–216. Available at: http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe [in Russian].

Smirnov I.P. Videoriad. Istoricheskaiia semantika kino [Video sequence. Historical semantics of cinema]. SPb.: Petropolis, 2009, 404 p. [in Russian].

Frank J. Prostranstvennaia forma v sovremennoi literature. Per. s angl. V. Makhlina [Spatial form in modern literature. Translation from English by V. Makhlin]. In: *Zarubezhnaia estetika i teoriia literatury XIX–XX vv.* [Foreign aesthetics and theory of literature of the XIX–XX centuries]. M., 1987, pp. 194–213 [in Russian].

Hansen-Löve Aage A. Intermedialnost v russkoi kulture: ot simbolizma k avangardu [Intermedia in Russian Culture: From Symbolism to the Vanguard]. M.: RGGU, 2016, 640 p. [in Russian].

Khodasevich V.F. Kamera obskura [Camera obscura]. Available at: <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/kritika/hodasevich/kamera-obskura.htm> [in Russian].

Grishakova M. The Models of Space, Time and Vision in V. Nabokov's Fiction: Narrative Strategies and Cultural Frames. *Tartu Semiotics Library*, 2012, 5. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/24/besprozvany24.shtml> [in English].

Toynbee Ph. The Bright Brute is the Gayest. *New York Times*, 1968, May 12, VII, pp. 4–5 [in English].

Е.С. Шевченко, А.В. Макарычев

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРАВОВОГО НАРРАТИВА
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

© Шевченко Екатерина Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: slash99@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-2400-6856>

Макарычев Алексей Вячеславович, магистрант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

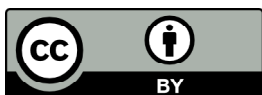
E-mail: ale-makarychev@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-7945-3859>

АННОТАЦИЯ

В статье выдвигается понятие художественно-правового нарратива, рассматриваются его специфика и некоторые особенности функционирования в русской литературе XIX–XX вв. Под художественно-правовым нарративом авторы статьи понимают систему нарративных и риторических «фигур» (в том числе приемов и техник), образующих тексты, описывающие события правового характера. Методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных философов, филологов, теоретиков права, социологов М.М. Бахтина, Ж. Женетта, В. Изера, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, П. Рикера, В.И. Тюпы, М. Фуко, Г.Р. Яусса. Наиболее значимыми для исследования стали такие научные подходы, как бахтинская идея диалога, метод коммуникативного анализа, метод нарративного анализа, структурно-семиотический метод. Право в художественно-правовом нарративе интерпретируется как социокультурный феномен, при этом правовой код предстает как система знаков, которая позволяет считывать информацию правового характера и интерпретировать ее в рамках определенной художественной системы в совокупности с другими кодами. Было установлено, что риторические приемы в художественно-правовом нарративе коррелируют с различными речевыми практиками: судебной (документы суда, речи обвинителя, адвоката и т. д.), законодательно-документальной (Конституция, уголовное право, гражданское право), режимно-ограничительной (правила внутреннего распорядка в исправительных учреждениях, армии) и иными речевыми практиками. Авторы обосновывают зависимость данного вида нарратива от риторических практик судебного процесса, присущих конкретной исторической эпохе, а также прослеживают сходство рассказчиков с участниками судебного процесса. Особое внимание уделяется повествовательному нарративу «каторжной» и «лагерной» прозы. В ходе исследования устанавливается влияние на него репортажных и журналистских жанров. Художественно-правовой нарратив «каторжной» и «лагерной» прозы вбирает в себя нормативные референции, связанные с разного рода запретами, и остраивает их при помощи различных композиционных и риторических приемов и техник. Авторы отмечают, что дискурс права обретает такие черты, как конфликтность и зрелищность, благодаря взаимодействию с драматургическим и театральным дискурсами. Они подчеркивают влияние на художественно-правовой нарратив развернутых форм психологического анализа в XIX в. и лаконичных форм анекдота, песни, интеллигентской байки в XX в.

Ключевые слова: дискурс права, художественно-правовой нарратив, судебное красноречие, «каторжная» проза, «лагерная» проза.

Цитирование. Шевченко Е.С., Макарычев А.В. О некоторых особенностях художественно-правового нарратива в русской литературе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 119–124. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-119-124>.

E.S. Shevchenko, A.V. Makarychev

ON SOME FEATURES OF ARTISTIC-LEGAL NARRATIVE IN RUSSIAN LITERATURE

© *Shevchenko Ekaterina Sergeevna* – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: slash99@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-2400-6856>

Makarychev Alexey Vyacheslavovich – Master's Degree student of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: ale-makarychev@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-7945-3859>

ABSTRACT

In the paper the concept of artistic-legal narrative is advanced, its specificity and some features of functioning in Russian literature of the XIX–XX centuries are considered. Under the artistic-legal narrative, the authors of the article understand the system of narrative and rhetorical «figures» that form texts describing events of a legal nature. The methodological base of the research was compiled by the works of the Russian and foreign philosophers, philologists, law theorists, sociologists – M. Bakhtin, G. Genette, W. Iser, Yu. Lotman, D. Likhachev, P. Ricœur, V. Tyupa, M. Foucault, H.R. Jauß. Bakhtin's idea of a dialogue, the method of communicative analysis, the method of narrative analysis, the structural-semiotic method were significant for the research. The law in artistic-legal narrative is interpreted as a socio-cultural phenomenon, while the legal code appears as a system of signs allowing you to read out information of legal nature and interpret it within a certain artistic system in conjunction with other codes. It was found that rhetorical techniques in the artistic-legal narrative correlate with various speech practices: judicial (court documents, speeches of the accuser, lawyer, etc.), legislative and documentary (Constitution, criminal law, civil law), regime-restrictive (internal regulations in prisons, the army) and other speech practices. The authors substantiate the dependence of this type of narrative on the rhetorical practices of the courtship inherent in a particular historical epoch, and also trace the similarity of the narrators to the participants in the trial. Particular attention is paid to the «hard labor» and «camp» prose narrative. In the course of the research, the influence of reporter and journalistic genres on Dovlatov is established. The artistic-legal narrative of «hard labor» and «camp» prose incorporates normative references related to various kinds of prohibitions, and eliminates them via various compositional and rhetorical techniques. The authors argue that the legal discourse acquires such features as conflict and spectacularity through interaction with dramatic and theatrical discourses. The influence of the developed forms of psychological analysis in the 19th century and laconic forms of an anecdote, a song, an intellectual story in the 20th century on the artistic and legal narrative is emphasized.

Key words: discourse of law, artistic and legal narrative, judicial eloquence, «hard labor» prose, «camp» prose.

Цитирование. Shevchenko E.S., Makarychev A.V. O nekotorykh osobennostiakh khudozhestvenno-pravovogo narrativa v russkoi literature [On some features of artistic-legal narrative in Russian literature]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 113–118. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-113-118>.

Введение

Вопросы права вызывали интерес у многих русских писателей, среди них – А.Н. Радищев, И.А. Крылов, А.С. Пушкин, М.П. Погодин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, А.В. Сухово-Кобылин, А.Н. Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой, В.М. Гаршин, В.Г. Короленко, А.П. Чехов, Л.Н. Андреев, А.И. Солженицын, В.Т. Шаламов, С.Д. Довлатов и др. Многие из них проявили себя на правовом

поле еще и как общественные деятели (А.Н. Радищев, М.П. Погодин, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.И. Солженицын), поскольку были обеспокоены несправедливостью и беззаконием, свидетелями которых они становились. Спектр правовых проблем, которые затрагивали русские писатели в различные моменты развития нашего общества, велик – от вопросов общественной и личной несвободы во времена крепостного права до вопросов несоблюдения прав личности в тоталитарном государстве.

Обзор литературы. Теоретико-методологические положения. Методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных философов, филологов, теоретиков права, социологов М.М. Бахтина, Б.М. Гаспарова, Ж. Женетта, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, П. Рикера, В.И. Тюпы, М. Фуко, Г.Г. Яусса и др. Наиболее значимыми для нашей работы стали такие научные подходы, как идея диалога Бахтина, метод коммуникативного анализа, метод нарративного анализа, структурно-семиотический метод и мотивный анализ.

Своеобразным «катализатором» к изучению вопросов на стыке литературоведения и юриспруденции послужило творчество Ф.М. Достоевского. Изначально криминальной проблематикой произведений Достоевского интересовались юристы, которые рассматривали их как криминалистические иллюстрации. А филологи обратились к правовым аспектам его творчества несколько позже, начиная с 1930-х годов, причем правовой код считывался исследователями преимущественно на идейно-тематическом уровне. Наиболее изучена в этом плане тема «Достоевский и суд» (русский суд и правосудие, преступление и наказание, судебная ошибка и ее последствия и т. п.). Исследование юридической проблематики с конца 1980-х годов стало особенно актуально в отношении «лагерной» прозы, которая в ряде работ интерпретировалась как продолжение традиций «каторжной» прозы Ф.М. Достоевского — его «Записок из Мертвого дома».

При всем многообразии междисциплинарных исследований, созданных на стыке литературоведения и юриспруденции, работ, посвященных дискурсу права и художественно-правовому нарративу в русской литературе, немного.

Одним из первых аналитических исследований в этой области стала работа В.В. Виноградова «О художественной прозе» (1930), где сопоставляются *адвокатский* и *писательский* правовые нарративы — речь В.Д. Спасовича по делу об истязании банкиром Кронебергом своей дочери и отклики на нее М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского. Виноградов указывает на обнаружение писателями в адвокатском высказывании риторических приемов насилия (приема «риторической лести», приема «беспрерывных, мимолетных намеков», «недосказанности» и т. п.) и детально анализирует построение каждым из них собственных риторических структур, противостоящих адвокатским уловкам и ухищрениям. Виноградов обнаруживает конфликт адвокатской «действительности» и «действенности» писательской, подробно освещающая различия используемых в адвокатской и писательской практиках риторических приемов и стратегий [Виноградов, с. 120–175].

В статье Д.С. Лихачева «Достоевский в поисках выражения реального» (1974) было отмечено влияние на стиль писателя современных ему *практик судоговорения* (судебного красноречия в целях эмоционального воздействия на присяжных), распространившихся после судебной реформы 1864 года,

и иных форм документальности (следовательской «разработки» преступлений с приемами стенографирования, репортажа о судебном процессе, судопроизводства и т.п.) [5]. Влияние судебных практик на Достоевского и его время косвенно объясняется бурным развитием исторического источниковедения и открытием возможной тенденциозности исторического документа, предвзятости его создателя. Недоверие к источнику своего повествования, как отмечает Лихачев, заставляет писателя мыслить критически, не «пересказывать», а «расследовать».

Среди современных исследований подобного рода можно выделить работы Е.Ю. Сафроновой, которая предпринимает попытку дать определение дискурса права и анализирует его в творчестве Достоевского [Сафронова].

На наш взгляд, само понятие дискурса права нуждается в уточнении. В понимании дискурса мы исходим из необходимости соотнесения *нарративного* (повествовательного) и *событийного* (действительного) планов. Опираясь на исследования Ж. Женетта и П. Рикера [Женетт; Рикер], мы определяем *художественный дискурс* как систему «нарративных фигур» в их проекции на социокультурную коммуникацию. Другими словами, для нас представляется важным, к *каким реалиям* отсылает художественный текст и *как* он о них говорит. Под *художественно-правовым нарративом* мы подразумеваем систему нарративных и риторических «фигур» (в том числе приемов и техник), образующих тексты, описывающие события правового характера. *Правовой код* литературы при этом предстает как система знаков, которая позволяет считывать информацию правового характера и интерпретировать ее в рамках определенной художественной системы (творчества автора, эпохи и т. д.) в совокупности с другими художественными кодами.

Результаты и дискуссия. Художественная рефлексия правовых документов и событий правового характера отличается от, скажем, научной рефлексии, поскольку на первый план выдвигает личную заинтересованность писателя в вопросах соблюдения права и справедливости действия закона. Во многих случаях желание справедливости приводит художника к парадоксальной ситуации, когда в своем стремлении к свободе и жизни он описывает несвободу и смерть, исследует анатомию преступления или, как Достоевский, «делает убийство центральным событием своих произведений» [Лихачев, с. 9]. Обыденное сознание выражает сомнение в непреложности действия законов и возможности их соблюдения в России. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить известную поговорку «закон что дышло: куда повернул — туда и вышло», где зафиксировано представление о том, что несовершенство закона может привести (и приводит) к своевольной его интерпретации. Художественное сознание не подчиняется логике обыденного сознания, но в то же время не может ее игнорировать. И в результате ощущение беззакония и

несправедливости у художников становится одним из посылов к созданию сюжетов правовой направленности.

В изучении дискурса права в литературе представляется важным вопрос о привлекаемых в качестве фактической базы источниках – начиная с официальных документов и заканчивая частными документами, которые касаются правовых аспектов жизнедеятельности. В России процессы законотворчества и последующего соблюдения законов всегда вызывали неоднозначную реакцию общества. Так, в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» содержится открытая критика судебной реформы 1864 года. По мысли автора, от того, что речи стали более пространными и пафосными, суды не стали справедливее. *«И зачем это читать? Только затягивают. Эти новые метлы не чище, а долгие метут»*, – говорит один из персонажей – присяжных заседателей, участвующих в суде над героиней романа (Толстой).

Поскольку Россия в понимании собственной идентичности всегда находилась между «молотом» западной демократии и «наковальной» восточной деспотии, то процессы законотворчества и последующей реализации принятых законов практически всегда носили затрудненный характер. Любопытно в этом отношении попытки российской и советской власти создать конституцию и реакция на эти процессы в обществе и в литературе. Если в XVIII и XIX вв. попытки создать конституцию, предпринятые монархами Екатериной II, Александром I и Александром II, в силу неблагоприятных политических обстоятельств и иных причин так и не были ими реализованы, то более осторожный в этом плане Николай II даже пытался что-то предпринять и избегал самого слова «конституция», так как оно могло ассоциироваться с коренным переустройством политико-правовой системы и ломкой властных структур самодержавия, чего он делать не намеревался, как не намеревался делиться властными полномочиями с Советом министров или с Государственной думой. Поэтому изменения, внесенные им в «Свод законов Российской империи» в 1906 г., кодифицированный еще в 1832 г. М.М. Сперанским, не затрагивали вопроса о неограниченной власти монарха, что и привело к революционным потрясениям 1917 г. [Шмид].

В дальнейшем Россию настиг самый настоящий конституционный бум, так что на протяжении XX века было принято пять конституций: революционная 1918 г., первая советская 1924 г., сталинская 1936 г., брежневская 1977 г. и, наконец, ельцинская Конституция 1993 г. Каждая из них была свидетельством смены политического курса и выстраивала собственный властный нарратив, основанный на принципах драмы, сказки, Евангелия или перформанса [Шмид].

В противоположность нарративам властных структур литература выстраивает собственные нарративы. Даже подстраиваясь под официальную риторику и вторя ей, художественный нарратив,

связанный с решением вопросов справедливости и права, ей противостоит. Обратимся к авторским размышлениям в повести Довлатова «Зона»: *«И еще – лагерь представляет собой довольно точную модель государства. Причем именно Советского государства. В лагере имеется диктатура пролетариата (то есть – режим), народ (заключенные), милиция (охрана). Там есть партийный аппарат, культура, индустрия. Есть все, чему положено быть в государстве. Советская власть давно уже не является формой правления, которую можно изменить. Советская власть есть образ жизни нашего государства. То же происходит и в лагере. В этом плане лагерная охрана – типично советское учреждение...»* (Довлатов, с. 41). В отношении конституционных нарративов XX в. художественные нарративы обнаруживают иронию, обусловленную несопадением декларируемого и реального. В довлатовской «Зоне» официальный праздник – День Конституции – мифологизируется персонажами и связывается ими с мечтой о рае. День Конституции (заметим, сталинской Конституции 1936 г.) ассоциируется у одного из них – охранника с говорящим прозвищем Фидель – с освобождением. Соблюдение постулатов «Морального кодекса строителя коммунизма», начиная со Дня Конституции, вот-вот дарует ему райское наслаждение. Текст морального кодекса вписывается в текст поведения Фиделя. Государственная риторика Конституции и морального кодекса напоминает сказочную риторику (это сходство отмечено в указанной нами работе У. Шмида) и вступает в диалог с *пенологической* и *молитвенной* риторикой: Фидель придумывает молитву, обращенную к Богу, для которого он выглядит лучше, чем окружающие его воры и хулиганы. Однако *пафос морального кодекса* и *молитвенный пафос* приходят в столкновение с пьянящим (в буквальном смысле) чувством свободы, а попаданию вохровца Фиделя в рай мешает море самогона у бесконвойников. Пространству Зоны не суждено стать Островом Свободы, так что второе имя героя звучит как насмешка «злой» судьбы над героем. Как видим, правовой нарратив имеет дело с социально окрашенным пространством, а топографические детали обретают в нем символическое значение.

К правовому нарративу в литературе может быть применена бахтинская теория речевых жанров. Отличающее художественно-правовой нарратив стилевое многоголосие позволяет выделить внутри него целый спектр жанров, что обусловлено охватом определенных сфер человеческой деятельности и общения, задействованных в построении дискурса права. Жанры судебной практики, журналистские жанры (репортажи с места событий, хроники криминальных происшествий и т.п.) оказывают влияние на повествовательный нарратив.

Исследователями творчества Достоевского было замечено, что сюжеты его романов разворачиваются как следственные дела. Сказанное касается и произведений других авторов, в которых повество-

вание выстраивается как совершение или разыгрывание героями правонарушений или преступлений, участие в процессах судопроизводства и судебных разбирательств. Рассказчики при этом выступают как участники судебного процесса – обвиняемые, следователи, прокуроры, дознаватели и т. п.

Согласно Бахтину, речевая воля говорящего осуществляется в выборе определенного речевого жанра [Бахтин, с. 179]. Речевому жанру свойственна двойная ориентация – тематическая и словесная, но в первую очередь жанр ориентирован словом. Каждое высказывание имеет целенаправленный волевой характер. Для правового нарратива вопрос об *интенциональности* (понятие Дж. Серляса [Searle]) высказывания особенно актуален. Интенция в правовом нарративе может быть выражена эксплицитно или имплицитно – в зависимости от целей говорящего и жанра высказывания. Именно интенция говорящего, в которой ощущается его *воля*, формирует *целостность* и *завершенность* высказывания, а также его *объем* и *границы*. Однако границы речевого высказывания в правовом нарративе не заданы раз и навсегда, – напротив, они могут быть подвижными. Один и тот же поступок в разных правовых обстоятельствах может трактоваться либо как подвиг, достойный награды, либо как преступление, заслуживающее наказания. В довлатовской «Зоне» Калью Пахапиль за одно и то же «деяние» (когда приходят чужие и грозит опасность, он скрывается в лесах) сначала получает медаль от русских, освободивших Эстонию от оккупантов, а затем те же русские ловят его за уклонение от мобилизации: «Его судили как дезертира, били, плевали в лицо. Особенно старался капитан, подаривший ему медаль» (Довлатов, с. 10). Смещение границ в нарративе приводит к остранению правовой ситуации и выявлению абсурдности нестабильного реального мира и несправедливого положения человека в нем.

На границе разнонаправленных высказываний возникает зона конфликта, представляющая нарратив как *столкновение разных точек зрения, явленное в зрелище*. В этом моменте дискурс права сближается с *драматическим* и *театральным* дискурсами [Шевченко]. Обнажение театральных и драматургических приемов в правовом нарративе можно обнаружить в довлатовской «Зоне» – в той части повествования, которая связана с эксплицитно выраженной авторской интенцией:

«Лагерный монолог – это законченный театральный спектакль. Это – балаган, яркая, вызывающая и свободная творческая акция» [Довлатов, с. 87].

«В лагере еще жива форма словесного поединка, блистательной разговорной дуэли. Я часто наблюдал такие бои – с разминкой, притворной апатией и внезапными фейерверками убийственного красноречия» [Довлатов, с. 88].

«Театральный спектакль», «балаган», «словесный поединок», «разговорная дуэль» – во всех этих

определениях акцентируется *состязательность* и *зрелищность* художественно-правового нарратива. В нем даже монологическое высказывание, возникающее в условиях запрета, носит полемический характер, т. к. встраивается в обобщающую ситуацию диалога, что особенно заметно в т. н. «каторжной» прозе Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, В.П. Катаева и продолжившей ее традиции «лагерной» прозе В.Т. Шаламова, А.И. Солженицына, С.Д. Довлатова и др.

В художественно-правовом нарративе активно используются такие стилистические формы, как сказ и несобственно-прямая речь. В этих случаях сюжет либо полностью преломляется через сознание рассказчиков, выступающих в качестве «медиумов» между автором и изображаемым им миром [Виноградов, с. 42], либо преломляется лишь частично через вкрапления «чужого» слова в стилистически нейтральную ткань повествования. Сознание рассказчика в сказе оказывается в равной мере чутким и к юридической терминологии, и к языку газетной передовицы, и, наконец, к воровскому жаргону. Особое место в этом стилевом многообразии принадлежит окказиональной лексике, выводящей правовую нарратив на новый уровень. Так, в дискурсе «лагерной» прозы Довлатова слово «*марцифаль*» означает вольнонаемную женщину в лагере. Словообразованием зеклов отражает игру воображения, оказавшегося в ситуации множественных, в том числе телесных, табу. С точки зрения налагаемых ограничений женщина предстает как каскад гастрономических изысков, недоступных заключенному (смесь кефали с марципаном). Табуированная же лексика, напротив, в условиях несвободы является доступной и позволяет выражать критический взгляд на мир неформально и живо, но не столь оригинально.

Заключение

Изменения, коснувшиеся принципов и приемов судебного разбирательства в России, в определенном смысле повлияли на дискурс права в русской литературе. Мы имеем в виду смену судебных речевых практик с развернутого психологического анализа в формах красноречия в XIX в. на доказательную аргументацию в XX в., вследствие чего судебная речь стала более лаконичной и менее изысканной (возможно, это было обусловлено более общими процессами в языке и сознании). В дискурсе права Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого уловкам судебного красноречия противостоят приемы изолированного психологического анализа, обнаруживающие живую риторику современного автора судопроизводства, т. е. практики судебного разбирательства при помощи их же средств. В XX в., в связи со сменой риторики судебной речи с эмоционально-психологической на доказательную, обращавшимся к проблемам права писателям пришлось прибегнуть к методике «доказательства от противного», ведь только так можно было противостоять тоталитаризму и

бесправию. В. Шаламов, С. Довлатов, А. Синявский, Ю. Алешковский и др., включая в свои произведения сюжеты и героев советской системы в «низовом» их варианте (заключенного, охранника, вора, туеядца, диссидента и т.д.), при помощи лаконичных форм анекдота, песни, интеллигентской байки перерабатывали их в собственный, оригинальный художественно-правовой нарратив.

Источники фактического материала

Довлатов С.Д. Зона. (Записки надзирателя) // Довлатов С.Д. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. СПб., 2000. С. 5–168.

Толстой Л.Н. Воскресение. URL: <http://ilibrary.ru/text/1462/index.html> (дата обращения: 03.02.2018).

Библиографический список

Searle J. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М., 1996. С. 159–206.

Виноградов В.В. О языке художественной прозы: избр. труды. М., 1980. 362 с.

Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. *Фигуры*: в 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 60–282.

Лихачев Д.С. В поисках выражения реального // Достоевский: Материалы исследования. Т. 1. Л., 1974. С. 5–13.

Тюпа В.И. Этнос нарративной интриги // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 2. С. 9–19. URL: https://www.rsu.ru/upload/main/vestnik/ifkv/archive/IFKV/2015_2.pdf#page=9.

Рикер П. *Время и рассказ*. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. М.; СПб., 1998. 313 с.

Сафронова Е.Ю. *Дискурс права в творчестве Ф.М. Достоевского 1846–1862 гг.* Барнаул, 2013. 182 с.

Фуко М. *Интеллектуалы и власть*: избр. политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М.: Праксис. 2002. 384 с.

Шевченко Е.С. *Русская драма и театральные примитивы*. Самара, 2016. 198 с.

Шмид У. Конституция как прием (риторические и жанровые особенности основных законов СССР и России). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/sh10.html> (дата обращения: 03.02.2018).

Яусс Г.Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 97–106. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1228.

References

Searle J. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983 [in English].

Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bakhtin M.M. *Sobr. soch.* T. 5: *Raboty 1940–1960 gg.* [Collected works. Vol. 5: Works of 1940–1960]. M., 1996, pp. 159–206 [in Russian].

Vinogradov V.V. O iazyke khudozhestvennoi prozy: izbr. trudy [On the language of artistic prose: selectas]. M., 1980, 362 p. [in Russian].

Genette G. Povestvovatel'nyi diskurs [Narrative discourse]. In: Genette G. *Figury*: v 2 t. T. 2 [Figures: in 2 Vols. Vol. 2]. M., 1998, pp. 60–282 [in Russian].

Likhachev D.S. V poiskakh vyrazheniia real'nogo [In search of an expression of the real]. In: *Dostoevskii: Materialy issledovaniia*. T. 1 [Dostoevsky: Materials of the study. Vol.1]. L., 1974, pp. 5–13 [in Russian].

Tyupa V.I. Etos narrativnoi intrigi [Ethos of narrative intrigue]. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriia. Filologiya. Kulturologiia. Vostokovedenie»* [RSUH/RGGU Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies]. M., 2015, no. 2, pp. 9–19. Available at: https://www.rsu.ru/upload/main/vestnik/ifkv/archive/IFKV/2015_2.pdf#page=9 [in Russian].

Ricœur P. *Vremya i rasskaz*. T. 1: *Intriga i istoricheskii rasskaz* [Time and story. Vol. 1: Intrigue and historical story]. M.; Spb., 1998, 313 p. [in Russian].

Safronova E.Yu. *Diskurs prava v tvorchestve F.M. Dostoyevskogo 1846–1862 gg.* [Discourse of law in the works of F.M. Dostoevsky of 1846–1862]. Barnaul, 2013, 182 p. [in Russian].

Fuko M. *Intellectually i vlast': izbr. politicheskie stat'i, vystupleniia i interviu*. Per. s frants. S.Ch. Oфертаса pod obshchei red. V.P. Vizgina i B.M. Skuratova [Intellectuals and power: Izbr. political articles, speeches and interviews. Translation from French S.Ch. Oфертаса under the general edition of V.P. Vizgin and B.M. Skuratov]. M.: Praksis, 2002, 384 p. [in Russian].

Shevchenko E.S. *Russkaia drama i teatralnyi primitiv* [Russian drama and theatrical primitive]. Samara, 2016, 198 p. [in Russian].

Shmid U. *Konstitutsiia kak priem (ritoricheskie i zhanrovyie osobennosti osnovnykh zakonov SSSR i Rossii)* [The Constitution as a device (rhetorical and genre features of the basic laws of the USSR and Russia)]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/sh10.html> (accessed 03.02.2018) [in Russian].

Yauss G.R. K probleme dialogicheskogo ponimaniia [On the problem of dialogical understanding]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 1994, no. 12, pp. 97–106 [in Russian]. Available at: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1228.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-125-129
УДК 81-13

Дата поступления статьи: 12/II/2018
Дата принятия статьи: 14/III/2018

Анна Михайловски

ПРАКТИКА ФРЕЙМОВОГО АНАЛИЗА В ГЕРМАНИИ

© Анна Михайловски — аспирант кафедры славистики, Институт современных языков, Баварский университет им. Юлиа Максимилиана, 970074, г. Вюрцбург, Германия, Хубланд, 4.U.4.

E-mail: anna.michailowski@uni-wuerzburg.de. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6592-1431>

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлена методика и практика фреймового анализа в рамках дискурсивной и когнитивной лингвистики в немецких университетах. Разработанная немецкими германистами теория фреймов отличается минимизацией интерпретативной и субъективной погрешности в анализе фреймов путем игнорирования имплицитных значений. Было установлено, что фреймы используются и как инструмент анализа, и как когнитивные единицы знания. В статье представлена пошаговая методика анализа Александра Цима, которая основана на лексикологической разработке так называемых «матриксфреймов» Клауса-Петера Конердинга.

Ключевые слова: фреймовая теория, фреймы, когнитивная семантика, лингвистическая эпистемология, матриксфреймы, слоты, конкретные значения, предопределенные значения.

Цитирование. Михайловски А. Практика фреймового анализа в Германии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 24. № 2. С. 125–129. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-125-129>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-125-129
UDC 81-13

Submitted: 12/II/2018
Accepted: 14/III/2018

Anna Michailowski

THE PRACTICE OF FRAME-ANALYSIS IN GERMANY

© Anna Michailowski – postgraduate student of the Department of Slavistics, Institute of Modern Languages, Julius Maximilians-University (JMU), Würzburg in Bavaria, Am Hubland, Philosophiegebäude 4.U.4, 97074, Würzburg, Germany.

E-mail: anna.michailowski@uni-wuerzburg.de. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6592-1431>

ABSTRACT

The article aims to outline the methods and practice of a linguistic frame-analysis within a discourse and a cognitive linguistics at the German universities. This article gives a short overview of the establishment of the linguistic frame-theorie and its potential to be applied in the practice. Pointing out the different approaches, the main focus of interest, however, is the contemplation of frames as an analysis instrument and as a cognitive unit of knowledge. The article introduces a method of the frame-analysis by Alexander Ziem, which is based on the lexicological approach of „Matrixframes“ by Klaus-Peter Konerding.

Key words: frames, frame-theorie, frame-analysis, slots, default values, cognitive semantics, linguistic epistemology, matrixframes.

Citation. Michailowski A. *Praktika freimovogo analiza v Germanii* [The practice of frame-analysis in Germany]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 125–129. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-125-129>.

Развитие современной фреймовой семантики в Германии связано с направлением генеративной семантики и в первую очередь с именем Клауса-Петера Конердинга и его лексикологическим подходом [Konerding]. Несколько позднее на основе корпусного анализа Клаудии Фрааз и Бирте Лённекер разработан более концептуально ориентированный метод [Fraas; Lönneker], в последнее время это направление связывают также с именами Александра Цима и Дитриха Буссе, продемонстрировавшими применение фреймового анализа в рамках лингвистической эпистемологии [Busse, 2007, 2008, 2010, 2013; Ziem, 2008, 2017; Fraas].

Если Конердинг и Лённекер используют фреймы лишь как инструмент анализа, то Фрааз, Цим и Буссе понимают фреймы и как инструмент анализа, и как когнитивные единицы знания. Таким образом, с одной стороны, фреймы понимаются как единицы структурированного знания в определенном обществе (нем. *gesellschaftliches Wissen*) и, с другой стороны, применяются как инструмент анализа в дискурсивной и культурологической лингвистике (нем. *linguistische Diskurslinguistik und kulturwissenschaftliche Linguistik*) [Busse, 2007]. Наиболее широким и распространенным является следующее определение фрейма:

«Фрейм (нем. *Frame, Wissensrahmen*) – это структура знаний, в которой определенные элементы знаний связаны и сгруппированы структурным ядром (т. е. темой или объектом фреймов). Эти элементы являются не конкретными языковыми единицами, а так называемыми «местами прило-

жения», слотами (нем. *Anschlussstellen, Slots*), которые в определенных эпистемологических контекстах могут быть заполнены конкретными данными, выражаемыми языковыми единицами (нем. *Werte, Füllwerte*)» [Busse, 2012, S. 563].

Из этого определения следует, что фрейм состоит из трех компонентов: *слотов, конкретных значений и предопределенных значений*. В дальнейшем в качестве иллюстрации приводятся примеры на основе представленного в монографии Александра Цима анализа фрейма «финансовые инвесторы» в его прямом и метафорическом обозначении – посредством слова *саранча*; нем. *Heuschrecke* (в этом значении слово закрепилось в словаре DUDEN в 2006 году) [Ziem, 2008, S. 298–356]:

1. *Слоты, места приложения* (нем. *Slots, Anschlussstellen, Leerstellen*): условия появления определенных элементов знаний; слоты маркируются вопросами, с помощью которых элементы знаний могут быть установлены. Например, для слова-ориентира *финансовые инвесторы* такими вопросами являются «*Какого происхождения финансовые инвесторы?*», «*Какое значение для людей имеют финансовые инвесторы?*».

2. *Конкретные значения, наполнение слота* (нем. *konkrete Füllwerte*): эксплицитные языковые реализации слова-ориентира. Например, предикат *британцы* в выражении *финансовые инвесторы – британцы*. Эта реализация относится соответственно к слоту «*Какого происхождения финансовые инвесторы?*».

3. *Предопределенные значения* (нем. Standardwerte): имплицитные знания и значения, которые могут быть реконструированы из контекста или опыта. Например, выражение *финансовые инвесторы покупают предприятия* содержит логическое заключение, что покупка какого-либо предприятия имеет последствия для его сотрудников. Это заключение базируется на основе фоновых знаний. Следовательно, отличие предопределенных значений от конкретных состоит именно в имплицитности.

Итак, фреймы обладают пропозициональной структурой. На примере выражения *финансовые инвесторы* она выглядит следующим образом:

а) Слово-ориентир *финансовые инвесторы* > фрейм *финансовые инвесторы*;

б) Предикативный потенциал > слоты по типу «Какого происхождения *финансовые инвесторы*?»;

в) Предикат *британцы* > конкретное значение/предопределенное значение — *британцы*.

Таким образом, конкретные и предопределенные значения являются ответами на слоты-вопросы, которые функционируют как потенциальные варианты контекстуализации концептов.

Центральной задачей является определение списка этих вопросов и в конечном счете — набора слотов. Здесь мы возвращаемся к Клаусу-Петеру Конердингу, который в 1993 году с помощью гиперонимной редукции выделил следующие так называемые *Matrixframes*, то есть вышестоящие гиперонимы, к которым сводятся все имена существительные в немецком языке [Konerding, S. 178]:

Первичные типы:

- Объект;
- Организм;
- Персона;
- Событие;
- Действие/коммуникативный процесс;
- Институт/социальная группа;
- (Часть) окружения (человека).

Вторичные типы:

- Часть (чего-то);
- Совокупность/количество (чего-то);
- Состояние/качество (чего-то).

Итак, согласно Конердингу, каждое слово (изначально имя существительное), пройдя все круги гиперонимной редукции с помощью толкового словаря, будет сведено к определенному матриксфрейму, который, в свою очередь, содержит определенный набор слотов. Гиперонимную редукцию следует осуществлять до тех пор, пока не начнется циркулярная редукция. Далее представлен пример из книги Цима (Ziem, 2008, S. 318), в которой он анализирует понятие *саранча* в значении «финансовые инвесторы»:

1. Первая редукция

САРАНЧА: Стадное насекомое отряда прямокрылых, перелетающее огромными массами, вредитель сельского хозяйства [...] > гипероним *насекомое*

2. Вторая редукция

НАСЕКОМОЕ: Любое шестиногое членистоногое > гипероним *членистоногое*

3. Третья редукция

ЧЛЕНИСТОНОГОЕ: Тип первичноротых животных, имеющих хитиновый наружный скелет и членистые конечности > гипероним *животное*

4. Четвертая редукция

ЖИВОТНОЕ: Представитель фауны, живой организм > гипероним *организм*

5. Циркулярная редукция

ОРГАНИЗМ: Живое существо > гипероним *существо*

СУЩЕСТВО: Живой объект; [...] также — животное (с прилагательным — часто применительно к человеку), растение, гриб или одноклеточный организм > гипероним *организм*.

Итак, слово *саранча* относится к матриксфрейму ОРГАНИЗМ (хотя его значение «финансовые инвесторы», пройдя все круги гиперонимной редукции, приходит к матриксфрейму ПЕРСОНА). Другими словами, слово *саранча* всегда следует анализировать как матриксфрейм ОРГАНИЗМ, даже в функции обозначения финансовых инвесторов. Само же выражение *финансовые инвесторы* нужно анализировать как матриксфрейм ПЕРСОНА. В своей книге Цим проводит сравнительный фреймовый анализ понятия «финансовые инвесторы» в их прямом обозначении, т. е. по матриксфрейму ПЕРСОНА, и в переносном как *саранча* по матриксфрейму ОРГАНИЗМ.

Конердинг утверждает, что слоты каждого матриксфрейма автоматически переходят на подчиненные фреймы. Иными словами, фрейм «саранча» обладает теми же слотами, что и матриксфрейм ОРГАНИЗМ, а фрейм «финансовые инвесторы» — теми же слотами, что и матриксфрейм ПЕРСОНА. Каждый матриксфрейм имеет около 100 слотов, которые подразделяются на 24 предикативных класса. В монографии Конердинга эти списки содержатся в приложении. Цим и Фрааз используют предикативные классы как слоты для более удобного практического анализа (классификация Конердинга часто критикуется как излишне развернутая и требующая сокращения). Далее приведены некоторые примеры из книги Цима [Ziem, 2008, S. 413–414]:

Предикативные типы для характеристики:

— поведения организма (например, этот слот наполняют такие значения, как *саранча потрошит предприятия, саранча накинута на экономику*);

— организма как части чего-то (например, *стая саранчи, саранча — это только часть инвесторов, саранча — это часть капитализма*), а также:

- частей организма,
- способностей организма,
- окружения организма,
- фаз существования организма,
- значения организма для людей,
- теорий, связанных с организмом,
- информации, связанной с организмом,
- других названий организма.

В заключение рассмотрим пошаговую методику фреймового анализа Цима, которую он представил в своей книге *Фреймы и языковые знания* в 2008 году

(нем. Frames und sprachliches Wissen [Ziem, 2008]). Эта методика основывается на теории лингвистической эпистемологии Буссе [Busse] и вышеописанной лексикологической разработке матриксфреймов Конердинга [Konerding]. Итак, анализ включает в себя 4 этапа [Ziem, 2008, S. 407–421]:

1. *Аннотация примеров*: извлечение предложений, в составе которых содержится слово-ориентир/фрейм. При этом следует извлекать целые абзацы, так как слово-ориентир может быть представлено и местоимением.

2. *Предикативный анализ*: анализу подлежат только эксплицитные предикаты (в немецком это прототипная форма [*x ist y*]), например, *финансовые инвесторы – британцы*) и квази-эксплицитные предикаты (например, *британские финансовые инвесторы* или *инвесторы, которые ликвидируют рабочие места*). Имплицитные предикаты не должны учитываться (например, из утверждения *финансовые инвесторы скупают концерны* можно сделать предположение, что *инвесторы богаты*; но это эксплицитно не утверждается и поэтому не должно учитываться). Полипредикативные и квази-полипредикативные выражения нужно разбить на монопредикативные выражения (например, *британские инвесторы разрушают рабочие места* > *финансовые инвесторы – британцы* и *финансовые инвесторы ликвидируют рабочие места*). Таким образом, результатом предикативного анализа будет список эксплицитных монопредикатов.

3. *Гиперонимная редукция*: этот этап позволяет определить необходимые для последующего анализа слоты по вышеописанному способу Конердинга.

4. *Классификация найденных предикатов и их сортировка по слотам*.

Таким образом, мы видим, что анализ осуществляется с помощью только двух категорий, «слотов» и «конкретных эксплицитных значений». Учет частотности «наполнения» определенных слотов дает представление об особенно важных, наиболее актуальных смысловых аспектах. Так, например, в дискурсе о капитализме доминируют слоты «Инвесторы как часть определенного события или действия» и «Инвесторы как часть чего-то вышестоящего/целого». Конкретные эксплицитные значения дают представление о том, каким именно образом происходит языковая реализация исследуемого объекта и какие значения доминируют.

Но главная задача этого анализа заключается в том, чтобы установить «предопределенные значения», то есть фоновые знания, которые могут быть реконструированы из опыта или контекста. Главный тезис Цима состоит в том, что чрезвычайно частое использование определенного «конкретного (квази-) эксплицитного значения» дает нам право утверждать, что это значение переходит в категорию «предопределенные значения» (нем. Standardwerte) [Ziem, 2008, S. 343]. В анализе Цима таковыми являются предикаты *ликвидируют предприятия, элемент капитализма* и *стаи* [Ziem, 2008, S. 438].

Кроме того, в ходе сравнительного анализа прямых обозначений и обозначений метафорических могут выявляться разные доминирующие слоты, т. е. при употреблении прямого обозначения могут акцентироваться другие смысловые аспекты в сравнении с метафорическим обозначением (и наоборот). Но в случае с метафорическими обозначениями *саранча* и прямыми *финансовые инвесторы* акцентировались одинаковые смысловые аспекты с незначительной количественной разницей (например, определение слова *саранча* чаще тематизировалось, чем выражение *финансовые инвесторы*) [Ziem, 2008, S. 432]. Следовательно, в данном случае смысловые аспекты (представленные слотами) совпадали, хотя исследования проводились по разным матриксфреймам (ОРГАНИЗМ и ПЕРСОНА). Следует отметить, что есть определенный набор слотов, который встречается во всех матриксфреймах. В ходе анализа обозначений *финансовые инвесторы/саранча* акцентировались именно такие слоты. Но это не всегда так (утверждение Цима на основе других его исследований) [Ziem, 2008, S. 431]. В дополнение к этому Цим провел анализ слова *саранча* в нейтральном корпусе (т. е. при употреблении слова *саранча* в качестве прямого обозначения) и в корпусе «Дебаты о капитализме» (в качестве метафорического обозначения финансовых инвесторов) [Ziem, 2008, S. 427]. Он смог установить, что некоторые смысловые аспекты являются определяющими для дискурса о капитализме (в особенности смысловой аспект «значение для людей»). В данном случае оба исследования проводились по матриксфрейму ОРГАНИЗМ.

В заключение стоит отметить, что, хотя фреймовый анализ в Германии распространен, в то же время его использование ограничивается дискурсивными практиками в средствах массовой информации, в основном в печатных изданиях (в рамках дискурсивного направления культурологической лингвистики в Германии). Например, фреймовый анализ литературных произведений является редким явлением, хотя Цим в своей монографии подчеркивает многообещающую перспективу «когнитивной эстетики» и показывает, как его фреймовая модель может быть применена для анализа литературных произведений [Ziem, 2008, S. 447].

Библиографический список / References

Busse Dietrich. Diskurs – Sprache – Gesellschaftliches Wissen. Perspektiven einer Diskursanalyse nach Foucault im Rahmen einer Linguistischen Epistemologie [Дискурс – язык – общественные знания. Перспективы дискурсивного анализа в рамках лингвистической эпистемологии / Discourse – language – social knowledge. Perspective of discourse analysis as a part of linguistic epistemology]. In: Dietrich Busse und Wolfgang Teubert (Hg.): Linguistische Diskursanalyse. Neue Perspektiven. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden (Interdisziplinäre Diskursforschung), 2013, pp. 147–185 [in German].

Busse Dietrich. Diskurslinguistik als Epistemologie. Das verstehensrelevante Wissen als Gegenstand linguistischer Forschung [Дискурсивная лингвистика как эпистемология. Фоновые знания как предмет лингвистических исследований/Discourse linguistics as epistemology. Understanding-based knowledge as a subject of linguistic research]. In: Ingo Warnke und Jürgen Spitzmüller (Hg.): Methoden der Diskurslinguistik. Sprachwissenschaftliche Zugänge zur transtextuellen Ebene (Linguistik, Impulse & Tendenzen, 31), 2008, pp. 57–87 [in German].

Busse Dietrich. Diskurslinguistik als Kontextualisierung – Sprachwissenschaftliche Überlegungen zur Analyse gesellschaftlichen Wissens [Дискурсивная лингвистика как контекстуализация – лингвистические размышления об анализе общественного знания / Discourse linguistics as contextualization – linguistic reflections on an analysis of social knowledge]. In: Ingo H. Warnke (Hg.): Diskurslinguistik nach Foucault. Theorie und Gegenstände. Berlin, Boston: de Gruyter (Linguistik – Impulse & Tendenzen, 25), 2007, pp. 81–105 [in German].

Busse Dietrich. Frame-Semantik [Фреймовая семантика / Frame semantics]. Berlin: de Gruyter, 2012 [in German].

Fraas Claudia. Gebrauchswandel und Bedeutungsvarianz in Textnetzen. Die Konzepte «Identität» und «Deutsche» im Diskurs zur deutschen Einheit [Изменение языковых употреблений и значений в текстах. Концепты «Идентичность» и «Немцы» в дискурсе об объединении Германии / Change of usage and meaning in the text webs. Concepts «Identity» and «Germans» in the discourse of the German unity]. Tübingen: Narr, 1996 [in German].

Konerdig Klaus-Peter. Frames und lexikalisches Bedeutungswissen. Untersuchungen zur linguistischen Grundlegung einer Frametheorie und zu ihrer Anwendung in der Lexikographie [Фреймы и лексическое знание о значениях. Исследования об основах фреймовой теории и о ее применении в лексикографии/Frames and lexicological knowledge of meanings. Studies on the establishment of a frame-theory and its application in the lexicography]. Tübingen: Niemeyer, 1993 [in German].

Lönneker Birte. Konzeptframes und Relationen. Extraktion, Annotation und Analyse französischer Corpora aus dem World Wide Web [Концепт-фреймы и взаимосвязи. Извлечение, аннотация и анализ французского интернет-корпуса/Concept-frames and connections. Extraction, annotation and analysis of a french corpora from the World Wide Web]. Berlin: Aka, 2003 [in German].

Ziem Alexander. Die «Hochschulreform» als öffentliche Kontroverse. Kognitive Diskurssemantik im korpuslinguistischen Einsatz [«Реформа о высшем образовании» как общественные дебаты. Когнитивная дискурсивная семантика в корпусно-лингвистическом применении / The reform of the higher education as a public controversy. Cognitive discourse semantics in the corpus-based use]. Johannes Angermüller (Hg.): Diskursforschung. Ein interdisziplinäres Handbuch. I. Bielefeld: Transcript, 2014, pp. 58–85 [in German].

Ziem Alexander. Frames und sprachliches Wissen [Фреймы и языковые знания/Frames and the linguistic knowledge]. Berlin: de Gruyter, 2008 [in German].

Н.К. Данилова, Ю.В. Нестерюк

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ ФРГ

© Данилова Нина Константиновна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: danilova_nina@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8854-2650>

© Нестерюк Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: njuliav@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1659-6219>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются способы вербализации когнитивных стратегий и тактик, используемых участниками персонального интервью, представляющего собой одну из наиболее репрезентативных форм современных интернет-медиа. Способы преодоления конфликта и достижения консенсуса получают освещение в свете дискурсивно-когнитивного феномена интересубъективности.

Статья содержит описание комплексной методики, разработанной для исследования одной из гибридных форм современной коммуникации, персонального интервью, в котором сочетаются продуманный когнитивный план, характеризующий поведение интервьюера, и спонтанное реагирование интервьюемого, условием которого становится тема общения. Общей целью участников является достижение согласия, возможного только в случае отказа интервьюера от доминирования и доверия к нему со стороны партнера.

В ходе исследования проверялась гипотеза о существовании в современных гибридных практиках алгоритмов вербального поведения, с помощью которых осуществляется регулирование процесса общения и обеспечивается возможность достижения согласия партнеров. Комплексная методика, включившая исследовательские приемы конверсационного анализа и дискурс-анализа, позволила выявить фазы интервью, характеризующиеся стандартными формулами, реализуемыми с помощью тактик запроса информации, и выделить трансакции, в которых создается поле взаимодействия участников. Ключевые для успеха интервью фазы коммуникативного процесса предполагают, как показывает исследование, равное распределение инициативы партнеров, достигаемое в случае отказа интервьюера от доминирования.

Выбор общих вопросов, местоименные подхваты, развитие темы, выбранной интервьюируемым, реализуют стратегии побуждения к ответной реакции, что позволяет вывести партнера на развернутое монологическое высказывание о себе. В транскрипте интервью эта фаза коммуникативного процесса находит отражение в появлении последовательности высказываний с высокой информационной плотностью. При этом существенно меняется скорость коммуникативного обмена, реплики участников чередуются при каждом коммуникативном ходе.

Вербальные алгоритмы, организующие коммуникативное взаимодействие в персональном интервью, располагаются, как показывает исследование, в определенных фазах процесса общения и могут быть представлены в качестве последовательности трансакций. Возможность конверсационного анализа, позволяющая продемонстрировать структуру трансакций, получают содержательное наполнение благодаря описанию коммуникативных стратегий и тактик, их реализующих.

Результаты исследования рассматриваются в статье в перспективе «грамматики языковой игры», заявленной универсальной прагматикой и призванной сформировать представление о том, как протекает коммуникативное взаимодействие в различных дискурсивных практиках.

Ключевые слова: способы вербализации когнитивных стратегий и тактик, персональное интервью, масс-медийный дискурс, гибридная практика, конверсационный анализ, дискурс-анализ, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики.

Цитирование. Данилова Н.К., Нестерюк Ю.В. Репрезентации интересубъективности в медийном дискурсе ФРГ // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 130–135. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-130-135>.

N.K. Danilova, Yu.V. Nesteryuk

REPRESENTATIONS OF INTERSUBJECTIVITY IN THE MEDIA DISCOURSE OF THE FRG

© *Danilova Nina Konstantinovna* – Doctor of Philological Sciences, professor, professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: danilova_nina@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8854-2650>

© *Nesteryuk Yulia Vladimirovna* – Candidate of Philological Sciences, assistant professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: njuliav@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1659-6219>

ABSTRACT

The article touches upon the verbal means of cognitive strategies and techniques used by participants of a personal interview, which is the most frequent pattern of modern media discourse, online media. The ways of overcoming conflicts and reaching consensus are described in the framework of the discourse cognitive phenomenon of intersubjectivity.

The article contains a description of an integrated methodology developed for the study of one of the hybrid forms of modern communication, a personal interview, which combines a thoughtful cognitive plan characterizing the interviewer's behavior and the spontaneous response of the interviewee, the condition of which becomes the topic of communication. The overall goal of the participants is to reach an agreement, which is possible only if the interviewer refuses to dominate and trust him.

In the course of the research, the hypothesis of existence of modern hybrid practices of algorithms for verbal behavior was verified, with the help of which the regulation of communication process is regulated and the possibility of reaching the partners' consent is provided. The complex methodology, which included the research methods of conversation analysis and discourse analysis, made it possible to identify the phases of the interview, characterized by standard formulas implemented with the help of information request tactics, and highlight transactions in which the field of interaction of participants is created. Key to the success of the interview phase of the communicative process involves, as the study shows, an equal distribution of the partners' initiative, achieved in the event of the interviewer's refusal to dominate.

The selection of common questions, pronominal pick-ups, development of the topic chosen by the interviewer, implement strategies for motivating the response, which allows the partner to generate a detailed monologue statement about himself. In the transcript of the interview, this phase of the communicative process is reflected in the emergence of a sequence of utterances with high information density. At the same time, the speed of communicative exchange changes significantly, replicas of participants alternate with each communicative move.

Verbal algorithms that organize communicative interaction in a personal interview are located, as the study shows, in certain phases of the communication process, and can be presented as a sequence of transactions. The possibilities of conversation analysis, allowing to demonstrate the structure of transactions, receive meaningful content by describing communicative strategies and tactics that implement them.

The results of the research are considered in the article in the perspective of the «grammar of the language game», declared by universal pragmatics and intended to form an idea of how communicative interaction proceeds in various discursive practices.

Key words: verbal means of cognitive strategies and techniques, personal interview, media discourse, hybrid practices, conversation analysis, discourse analysis, communicative strategies, communicative tactics.

Citation. Danilova N.K., Nesteryuk Yu.V. *Reprezentatsii intersub"ektivnosti v mediinom diskurse FRG* [Representations of intersubjectivity in the media discourse of the FRG]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 130–135. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-130-135>.

Универсальная категория интерсубъективности занимает одно из центральных мест в современной научной парадигме гуманитарного знания, обретая метафорическое звучание благодаря формуле Я-Другой, итогом действия которой становится взаимообогащение опыта участников диалога, «онтологическое приращение» знания [Бахтин, с. 15].

Сущностным свойством интерсубъективности как когнитивного феномена является сочетание субъективного начала, зависимости опыта от лиц, обстоятельств и ситуации, и объективной значимости обретенного в диалоге знания [Огурцов]. Видя в интерсубъективности свойство опыта о мире различных субъектов, связанное с объективностью, независимостью этого опыта от личностных особенностей и ситуаций, философия выделяет моменты, связанные с универсальным опытом человечества [Новая философская энциклопедия].

В отличие от философского понимания интерсубъективности, акцент в котором располагается на структурах общности и на независимости полученного знания от условий его приобретения, филологическая (лингвистическая) трактовка данного явления, как можно видеть, выделяет идею диалога, взаимодействия участников общения. Современное понимание интерсубъективности прочно связывает ее с контекстом и с ситуацией общения.

Социокогнитивистика видит в интерсубъективности способность сравнивать, устанавливать общие позиции, примирять различные точки зрения, качество, которое можно определить как своего рода «стереоскопичность» языкового сознания. Умение в своем поведении ориентироваться на знания, опыт и точку зрения другого определяет возможности управления как процессами общения, так и когнитивными процессами, определяющими успех коммуникации. Интенциональная соотнесенность опыта участников общения создает поле взаимодействия, в котором возможна известная степень адаптации личных интересов и предпочтений, необходимая для взаимопонимания.

Идея общности интересов, поиска консенсуса, способного примирить позиции обеих сторон во имя достижения согласия, обретает особое звучание в масс-медийной электронной среде современного общества. Интенсивность и плотность интерактивного взаимодействия существенно возрастает в условиях динамичной интернет-коммуникации, требующей от ее участников определенного качества коммуникативной компетенции и предполагающей способность выстраивать продуманную стратегическую программу общения, ведущую к успеху. Электронные СМИ превращаются в пространство признанной обществом интеракции, которое, с одной стороны, предлагает разнообразие жанровых форм, а с другой — лишено четких границ, разделяющих письменную и устную коммуникацию.

Гипотеза исследования, некоторые итоги которого будут представлены в последующем изложении, заключается в предположении о функционировании в современных коммуникативных практиках алгоритмов вербального поведения, относящихся к языковой и коммуникативной компетенции участников общения.

Алгоритмизация процесса общения относится, по нашему мнению, к базовым процессам, формирующим «грамматику языковой игры», необходимость разработки которой в полной мере осознается современной универсальной прагматикой [Хабермас, с. 72].

Интенсивные коммуникативные процессы, порождающие гибридные формы коммуникативных практик, ставят перед исследователями вопросы, касающиеся способов и приемов анализа сложных коммуникативных событий, позволяющих учесть их системные характеристики. Репрезентативной формой электронного масс-медийного дискурса ФРГ является *персональное интервью*, наделенное всеми характеристиками современной гибридной формы интеракции. При всей подготовленности коммуникативных партнеров и планировании ими возможной линии поведения с учетом личности партнера персональное интервью выстраивается по правилам обыденного диалога, что определяет в качестве его ведущего признака *спонтанность* [Золотова]. Помимо симбиоза устной и письменной форм речи, персональному интервью присущи *асимметричность интеракции*, так как чаще всего интервьюер задает тему интервью и регулирует коммуникативный процесс [Habermas, с. 133], и *многоуровневая адресация*, поскольку интервью возможно лишь при участии массового реципиента [Van Dijk, с. 148].

Изучение обозначенных характеристик потребовало разработки комплексной методики, включившей положение конверсационного анализа о системности «естественного» коммуникативного взаимодействия, обнаруживающего четкую структуру и регулируемого определенными правилами. Процедура исследования предполагает анализ рутинных процедур и одновременно изучение способов управления коммуникативными процессами, что представляет для нашего исследования особый интерес [Baier, с. 18–20]. Выделение структурных единиц анализа персонального интервью дает исследователю возможность обозначить рамки коммуникативной деятельности, выделить нисходящее направление исследования (от коммуникативной организации к вербальной реализации коммуникативных целей интервьюера и интервьюируемого) и описать механизмы реализации стратегических планов коммуникантов при учете контекста и коммуникативной ситуации.

Исследовательские технологии дискурс-анализа предоставляют исследователю дополнительные возможности интерпретировать стратегические планы коммуникантов. Самой крупной структурной единицей является само *речевое событие* персонального интервью, которое состоит из начальной, основной и заключительной фаз. Основная и заключительная фазы в структурном плане могут быть соотнесены с *транзакциями*, представляющими собой макроединицы персонального интервью, создаваемые при участии интервьюера и интервьюируемого.

Общая структура интеракции:		Стратегическая программа коммуникантов:	
		интервьюер	интервьюируемый
Структурные единицы	Речевое событие персонального интервью ↓	Коммуникативная стратегия ↓	Коммуникативная стратегия ↓
	Трансакции начальная фаза, основная фаза (микротема 1, 2, ...), заключительная фаза ↓	контекстуальные коммуникативные тактики +	текстовые коммуникативные тактики
	Коммуникативный обмен ↓	текстовые коммуникативные тактики ↓	текстовые коммуникативные тактики ↓
	Коммуникативный шаг	Коммуникативные ходы	Коммуникативные ходы

Рис. Единицы анализа стратегической деятельности в персональном интервью

Основная фаза включает в себе ряд трансакций, выделение которых происходит на основании микротем интервью [Лукина, с. 119–120]. Минимальной единицей взаимодействия является коммуникативный обмен, состоящий из коммуникативных шагов интервьюера и интервьюируемого (все то, что коммуникант говорит и делает, пока молчит его коммуникативный партнер) [Gloning, S. 201].

Анализ коммуникативной деятельности в персональном интервью становится возможным с помощью реконструкции целей коммуникантов [Burger, S. 118–119]. Реализация стратегических планов коммуникантов может получить описание с помощью интеракционных единиц анализа. Самой крупной дискурсивной единицей выступает коммуникативная стратегия, реализованная комплексом коммуникативных тактик, представленных в диалоге комплексом вербальных и невербальных единиц реализации стратегии. Индикаторами реализации коммуникативных стратегии и тактик являются коммуникативные ходы и их вербальные репрезентации.

Структура единиц анализа стратегической деятельности в персональном интервью с учетом сказанного может быть представлена следующим образом [Нестерюк, с. 72] (см. рис.).

Рассмотрим особенности реализации стратегической деятельности коммуникативных партнеров при кооперативной тональности интервью. Исходным материалом для анализа служит транскрипт интервью Der schaudernde Fächer. Анализируемое интервью проводит литературный критик, переводчик и журналист Денис Шек с немецкоязычной писательницей Энн Коттен для программы Druckfrisch.

Ведущей стратегией коммуникативного поведения интервьюера является стратегия запроса информации при доминировании тактики побуж-

дения к ответу на вопрос. Коммуникативное поведение писательницы в начальной фазе, трансакции 1 и частично в трансакции 2 характеризуется относительной пассивностью: она отвечает на поставленные ей вопросы, но дает короткие ответы, реализуя при этом стратегию информирования. На данном этапе стратегическая деятельность коммуникативных партнеров по своим характеристикам характеризуется доминированием интервьюера.

Ведущий вместе с тем заинтересован в том, чтобы его собеседница стала более многословной, так как речь идет об интервью с представителем творческой профессии, именно поэтому он обращается к тактике побуждения к ответу на вопрос. Данный стратегический ход оказывается эффективным, так как коммуникативные шаги Энн Коттен становятся больше по объему, она переходит к рассуждению, комментируя слова интервьюера. Тем самым интервьюер добивается своей цели: представить личность своего коммуникативного партнера, его отношение к собственным методам и произведениям. В трансакции 2 происходит изменение в коммуникативном поведении интервьюера и интервьюируемого, и реализация их стратегических программ характеризуется равным распределением инициативы между коммуникативными партнерами.

Трансакция 2, коммуникативный обмен 1:

{00:24}	0027	I	geFALLen sie sich in ihrer artistischen rAdikalität?
{00:28}	0028	Ann C (1.4)	
{00:29}	0029	°h	
{00:30}	0030		mal ja mal nein je nach laune;
{00:31}	0031		°h ((lacht)) h°
{00:33}	0032		[[wie die stimmung--]]
...
{00:34}	0034	Ann C	halt ist.

Трансакция 2, коммуникативный обмен 2:				{01:26}	0071	Ann C	(2.0)
{00:33}	0033	I	[[was]]	{01:28}	0072		nIchts.
...		Трансакция 2, коммуникативный обмен 4:			
{00:34}	0035	I	mÖgen sie an sich	{01:29}	0073	I	(1.9)
beim SCHREIben nicht;				{01:30}	0074	Ann C	(1.0)
{00:37}	0036	Ann C	(1.2)	{01:31}	0075		es geht (.) ich habe
{00:38}	0037	I	Ahnen sie schwÄchen?				noch kEIne lösung
{00:39}	0038	Ann C	(1.1)				gefunden.
{00:40}	0039		jA bestimmt also–	Трансакция 5 интервью посвящена теме			
{00:41}	0040		(1.5) °h	Schreiben als Selbstermächtigung für Ann Cotten и			
{00:42}	0041		kIндischer eigensinn	sостоит из одного коммуникативного обмена. Ком-			
			fEsthalten an	муникативный шаг интервьюера реализует такти-			
			liebblingsideen–	ку запроса информации, маркером которой явля-			
{00:45}	0042		und einORDnen–	ется местоименный вопрос (0202).			
{00:46}	0043		der gesAMten	Трансакция 5, коммуникативный обмен 1:			
			wahrnehmung–	{05:04}	0202	I	Ist schreiben so eine art
{00:48}	0044		nach dIEsen ideen.				SELBSTermächti-
{00:49}	0045		(2.0)	{05:07}	0203		gungsstrategie?
{00:51}	0046		Und (.) ä:hm–	{05:07}	0204	Ann C	schOn vor ALlem also
{00:52}	0047		(1.7)				nicht jEdes schreiben
{00:54}	0048		dann vielleicht	{05:10}	0205		aber aber–
{00:55}	0049		wIEder–	{05:11}	0206		der verSUCH–
{00:56}	0050		(0.6)	{05:12}	0207		(0.9)
			ganz am Anderen ende				äh gedAnken zu
{00:57}	0051		des spektrums–	{05:14}	0208		formulieren;
			immer wenn sich	{05:16}	0209		sich zu fragen wo diese
			gewohnheiten	{05:17}	0210		gedanken hingehören
{00:59}	0052		EInschleichen;	{05:18}	0211		oder wohEr sie
			zum beispiel	{05:20}	0212		kommen;
			bestimmte wÖrter die	{05:22}	0213		Und und
			ich verwende;	{05:24}	0214		(.) wie man mit
{01:02}	0053		und dann nOchmal	{05:26}	0215		anderen formulierungen
			verwende;				zu Anderem DENken
{01:03}	0054		(1.1) °h	{05:29}	0216		(.) kommen kann
{01:04}	0055		ä:hm	{05:31}	0217		ist für mich schon
{01:04}	0056		(1.3)				also hat was mit mit
{01:06}	0057		so was ist schlEcht für				mit diesen fragen
			das schreiben;				gesellschaftlichen fragen
{01:07}	0058		dass ich ähm dass ich				fragen wer bin ich in
			nicht drAn bleiben kann–				welcher welt
{01:09}	0059		ich KANN nIcht lang				zu tun
			genug–	В этой фазе интервью коммуникативное пове-			
{01:11}	0060		sItzen wie wirklich ein	дение писательницы характеризуется <i>тактикой</i>			
			Objektives bild–	<i>информирования</i> , которая реализуется благодаря			
{01:13}	0061		von dem mAchen was	использованию простого предложения в функции			
			ich schreibe;	односложного ответа (schon (0204)), однородных			
{01:14}	0062		JEdesmall wenn ich	членов предложения (Gedanken zu formulieren, sich			
			schrEibe–	zu fragen (0207, 0208); wo diese Gedanken hingehören			
{01:15}	0063		(0.4) °h	oder woher sie kommen und wie man mit anderen			
{01:15}	0064		verBOre ich mich wie	Formulierungen zu anderem Denken kommen kann			
			immer in irgendeiner	(0207-0212)).			
			EInzelheit;	Завершающая фаза интервью содержит 2 ком-			
{01:17}	0065		(0.6) °h	муникативных шага интервьюера: первый из них			
{01:18}	0066		das Ist–	(0218) обращен к коммуникативному партнеру,			
{01:18}	0067		(0.4) °h	интервьюер благодарит писательницу за интервью;			
{01:19}	0068		also das MACHt mir	второй (0219) – к массовому реципиенту, ведущий			
			mich nicht jetzt als	представляет произведение Энн Коттен и дает ему			
			mEнsch unerträglich–	краткую оценку (radikal und wild im Denken und			
{01:22}	0069		aber es ist wirklich ein				
			problEm für das schreiben.				
Трансакция 2, коммуникативный обмен 3:							
{01:24}	0070	I	was mAcht sie beim				
			schreiben ruhiger?				

geschrieben in einer irrlichtelnd schönen Sprache (0219)).

Завершающая фаза интервью:

{05:32}	0218	ann cOtten vielen dank -
{05:34}	0219	der schauernde fächer

heißt der erzählungsband von ann cotten erschienen im suhrkampf verlag radikal und wild im denken und geschrieben in einer irrlichtelnd schönen sprache

{05:44}	0220	musik
---------	------	-------

Сложная динамика вербального поведения коммуникантов формируется, как показывают результаты исследования, чередованием стратегий и тактик участников общения, смена которых отражает процесс поиска консенсуса, необходимого для взаимопонимания и успеха диалога. Отказ от доминирования и тем самым подчинения партнера собственным целям общения создает условия, благоприятные для достижения целей и реализации интервьюером собственной стратегической программы. Вербальные алгоритмы, открывающие и завершающие взаимодействие коммуникантов, обладают традиционными характеристиками и реализуются в форме вопросов и констатирующих высказываний, содержащих максимальный информационный потенциал. Центральное речевое событие персонального интервью совершается в его срединной фазе, в которой формируется поле взаимодействия, для целей создания которого используются различные формы побуждения к ответной реакции в форме развернутых монологических высказываний.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что вербальные репрезентации коммуникативных стратегий и тактик свидетельствуют о существовании набора определенных вербальных средств, использование которых можно рассматривать как алгоритмы вербального поведения, предпочтительные для исследуемой гибридной дискурсивной практики.

Библиографический список

- Bayer K. Sprechen und Situation. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1977. 190 S.
- Burger H. Sprache der Massenmedien. Berlin: N.Y.: Walter de Gruyter, 1984. 334 S.
- Gloning T. Bedeutung, Gebrauch und sprachliche Handlung: Ansätze und Probleme einer handlungstheoretischen Semantik aus linguistischer Sicht. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1996. 407 S.
- Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1995. 605 S.
- Van Dijk, T.A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. N.Y.: Cambridge University Press, 2008. 267 p.
- Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1978. С. 7–22.
- Золотова Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/zolotova.htm>.
- Лукина М.М. Технология интервью. М.: Аспект Пресс, 2012. 192 с.

Нестерюк Ю.В. Стратегические программы коммуникантов в персональном немецкоязычном интервью: монография. Самара: Изд-во ООО «Инсома-пресс», 2017. 218 с.

Новая философская энциклопедия // Электронная библиотека Института философии РАН. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH44342313953cffcc43a844>.

Огурцов А.П. Интерсубъективность как проблема философии науки // Философия науки и техники 2009. Институт философии РАН. С. 234–244. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/intersubektivnost-kak-problema-filosofii-nauki>.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 379 с.

References

- Bayer K. Sprechen und Situation. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1977, 190 p. [in German].
- Burger H. Sprache der Massenmedien. Berlin: N.Y.: Walter de Gruyter, 1984, 334 p. [in German].
- Gloning T. Bedeutung, Gebrauch und sprachliche Handlung: Ansätze und Probleme einer handlungstheoretischen Semantik aus linguistischer Sicht. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1996, 407 p. [in German].
- Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1995, 605 p. [in German].
- Van Dijk T.A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. N.Y.: Cambridge University Press, 2008, 267 p. [in English].
- Bakhtin M.M. Avtor i geroi v esteticheskoj deiatelnosti [Author and hero in aesthetic activity]. In: Estetika slovesnogo tvorcestva [Aesthetics of verbal creation]. M.: Iskusstvo, 1978, pp. 7–22 [in Russian].
- Zolotova G.A. Rol' remy v organizatsii i tipologii teksta [The role of rema in the organization and typology of the text]. Available at: <http://philologos.narod.ru/ling/zolotova.htm> [in Russian].
- Lukina M.M. Tekhnologija intervju [Interview technique]. M.: Aspekt Press, 2012, 192 p. [in Russian].
- Nesteryuk Yu.V. Strategicheskie programmy kommunikantov v personalnom nemetskoiazychnom intervju: monografii [Strategic communication programs in a personal German-language interview: monograph]. Samara: Izd-vo ООО «Insoma-press», 2017, 218 p. [in Russian].
- Novaia filosofskaia entsiklopediia [New Philosophical Encyclopedia]. In: Elektronnaia biblioteka Instituta filosofii RAN [Electronic Library of the Institute of Philosophy of the RAS]. Available at: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH44342313953cffcc43a844> [in Russian].
- Ogurtsov A.P. Intersub'ektivnost' kak problema filosofii nauki [Intersubjectivity as a problem of the philosophy of science]. Filosofii nauki i tekhniki [Philosophy of Science and Technology], 2009, pp. 234–244. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/intersubektivnost-kak-problema-filosofii-nauki> [in Russian].
- Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie [Moral consciousness and communicative action]. SPb.: Nauka, 2000, 379 p. [in Russian].

Н.И. Гололобова**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И ИХ ПЕРЕВОД В РАССКАЗЕ
Д.Г. ЛОУРЕНСА «THE PRUSSIAN OFFICER» («ПРУССКИЙ ОФИЦЕР»)**

© Гололобова Наиля Ирековна – ассистент кафедры иностранных языков в сфере экономики, бизнеса и финансов, Институт управления, экономики и финансов; аспирант кафедры германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

E-mail: ach_nailya@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8451-3812>

АННОТАЦИЯ

Целью данного исследования является изучение фразеологических единиц, использованных в рассказе Д.Г. Лоуренса «The Prussian Officer» («Прусский офицер»), в том числе рассмотрение случаев авторской трансформации фразеологических единиц (далее – ФЕ), а также согласование перевода данных ФЕ на русский язык. В начале статьи охарактеризован один из наиболее важных мотивов в творчестве Д.Г. Лоуренса, дан краткий анализ рассказа «Прусский офицер», сделаны выводы о характере и причинах выбора используемых ФЕ. В основной части статьи содержится анализ ФЕ, отобранных из материала рассказа. Всего было рассмотрено около 40 ФЕ. Данные ФЕ анализируются на предмет авторской трансформации в соответствии с классификацией ведущих представителей Казанской лингвистической школы. После этого в статье рассматривается классификация основных способов перевода ФЕ как с использованием авторских трансформаций, так и без оных. Далее анализируется каждый из случаев перевода фразеологических единиц на русский язык. Изучаемый перевод был выполнен переводчиком М. Кореновой. В результате исследования сделан вывод о том, что перевод ФЕ вообще и ФЕ с авторской трансформацией в частности представляет собой сложности для переводчиков художественной литературы. Что касается перевода рассматриваемых ФЕ, было установлено, что, несмотря на случаи не совсем полной и удачной передачи ФЕ с английского языка на русский, в целом качество перевода данного художественного произведения с точки зрения адекватности перевода ФЕ можно охарактеризовать как хорошее.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, авторская трансформация, классификация, перевод.

Цитирование. Гололобова Н.И. Фразеологические единицы и их перевод в рассказе Д.Г. Лоуренса «The Prussian Officer» («Прусский офицер») // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 136–140. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-136-140>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

N.I. Gololobova

**PHRASEOLOGICAL UNITS AND THEIR TRANSLATION
IN «PRUSSIAN OFFICER» BY D.H. LAWRENCE**

© Gololobova Nailya Irekovna – assistant professor of the Department of Foreign Languages in the Field of Economy, Business and Finances, Institute of Management, Economics and Finance; postgraduate student of the Department of Germanic Philology, Kazan Federal University, 18, Kremlyovskaya Street, Kazan, 420008, Republik of Tatarstan, Russian Federation.

E-mail: ach_nailya@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-8451-3812>

ABSTRACT

The main goal of the article is the analysis of phraseological units found in «The Prussian Officer» by D.H. Lawrence, including phraseological units (here and after referred to as «PU») with author's modifications, and review of translation of these PUs from English into Russian. The article begins with the description of one of the leading motives in works of D.H. Lawrence, brief introductory comments on the novel «The Prussian officer», researcher's findings concerning the character of the PUs and reasons for their selection. In the main body of the article, there is the survey of PUs found in the novel. The total number of reviewed PUs is 40. The PUs are studied with the aim to find out as to whether the author's modifications are in place according to the classification of the leading representatives of the Kazan linguistic school. Further on, there is a review of the classification of the major methods of translation of PU including those with the author's transformations and without them. After that, every single act of selected PU's translation is investigated. Maria Koreneva (the official translator) performed the translation under review. And, finally, in the end of the article the conclusion is drawn, considering the fact that PU and its modifications present a challenge to translators of fiction. As for the translation of the studied PU it was proved that despite of the presence of some inaccuracies in the translation into the Russian language, on the whole, the Russian translation of the novel is a good one.

Key words: phraseology, phraseological unit, author's transformations, classification, translation.

Citation. Gololobova N.I. *Frazeologicheskie edinitsty i ikh perevod v rasskaze D.G. Lourensa «The Prussian Officer» («Prusskii Ofitser»)* [Phraseological units and their translation in «Prussian officer» by D.H. Lawrence]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 136–140. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-136-140>.

Д.Г. Лоуренс – один из ключевых английских писателей XX века. Известно, что Д.Г. Лоуренс находился под влиянием учения З. Фрейда и разработал свою теорию о человеке – существе прекрасном, но находящемся в заточении в рамках буржуазного общества и его морали. Дорога к счастью, по Д.Г. Лоуренсу, – воссоединение с природой, доверие своим инстинктам, включая самые низменные.

Рассказ «Прусский офицер» (Lawrence) был написан в 1913 году в период творческого расцвета писателя и посвящен взаимоотношениям двух военнослужащих – офицера и его денщика. В силу явно неосознаваемых им причин офицер дважды жестоко избивает своего подчиненного так, что денщик с трудом может участвовать в военных маневрах. В ответ на эти действия в молодом денщике вспыхивает неуправляемая ярость, в приступе которой он убивает офицера, а затем и погибает сам, измученный бегством и жаждой. Заканчивается рассказ описанием мертвецкой, где на соседних столах лежат тела обоих главных героев.

По мнению большинства критиков и специалистов по творчеству Лоуренса, рассказ глубоко психологичен (Лоуренс). Автор подробно описывает состояние и характер главного героя – человека страстного, научившегося подавлять свои инстинкты, ставит его в ситуацию, когда отказ от необходимости прислушаться к себе приводит к катастрофе [Коряжкина, с. 44]. Не менее подробно представлены и второй действующий герой, его переживания и их отражение в состоянии природы.

Лоуренс очень внимательно подходил к выбору средств лексического описания переживания героев, его образы глубоко метафоричны, особенно ярко отражен концепт ненависти, для его выражения автор использует образ огня [Шугаева, с. 277]. В рассказе много сравнений, описаний, метафор. Повествование идет от лица автора, сами герои немногословны, подробно описывается состояние природы и героев в различные моменты времени, прямой речи в произведении практически нет.

Отсутствие диалогов, внутренних монологов, на наш взгляд, отразилось на частоте и специфике используемых автором ФЕ. Всего нами было отобрано 40 ФЕ. В процессе работы использовались фразеологические словари под редакцией А.В. Кунина (Кунин), McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs [Richard], Cambridge Dictionary of American Idioms [Cambridge], The American Heritage Dictionary of Idioms [Ammer], а также портал free dictionary/idioms [The Free Dictionary's Idioms...], содержащий словарные статьи из зарубежных словарей. Среди отобранных ФЕ в рассказе подавляющее большинство являются нейтральными общелитературными оборотами, что обусловлено характером и сюжетом рассказа. В рассказе очень мало прямой речи, поэтому яркие разговорные ФЕ не используются.

Опираясь на классификацию, предложенную в работах Е.Ф. Арсентьевой [Арсентьева, с. 93], в настоящей статье был проведен анализ, в результате которого было найдено 5 случаев авторской трансформации фразеологических единиц. Таковыми являются следующие.

1. Фразеологическая контаминация в предложении "What were they after all but bruises". В одном предложении Лоуренс смешивает две ФЕ – "after all" (после всего, в конце концов, в конечном счете), и "all but" (почти, едва не, чуть не, за исключением, кроме).

2. Вклинивание, в предложениях: "... (he) tried to take up as much of his time as possible" – автор добавляет слова "as much of his" в ФЕ "take up time" (отнимать время);

3. В предложении "He was much too done even to want to cry" встречается 2 типа авторской трансформации: прежде всего это усечение ФЕ "be done in" – автор опускает предлог "in", кроме этого, между составными частями фразеологизма "be" и "done" автор добавляет слова "much too"

4. Фразеологический повтор в предложении "...he felt as if he must shut his eyes – as if he must shut his eyes on everything" – в первом случае слова "he", "must", "shut", "his", "eyes" являются обычными членами предложениями, и через знак дефиса является ФЕ "to shut one's eyes to something".

5. Эллипсис – сокращение количества компонентов ФЕ – "...He did not relax one hair's breadth, but, all the force of all his blood exulting in his thrust..." – автор опустил предлог из ФЕ "by a hair's breadth/to a hair's breadth", оставив лишь ядерный компонент "a hair's breadth".

Не менее интересным для исследователя является и анализ того, как к переводу ФЕ подходит переводчик. Приступая к анализу выполненного перевода, необходимо сказать несколько слов о способах перевода ФЕ в соответствии с классификацией А.Р. Каюмовой [Каюмова, с. 11–52].

По степени использования фразеологизмов в процессе перевода способы перевода ФЕ подразделяются на фразеологический и нефразеологический, среди фразеологических способов различают фразеологические эквиваленты и фразеологические аналоги. Среди нефразеологических способов вы-

деляют: калькирование, описательный перевод, лексический перевод, комбинированный перевод, уточняющий перевод.

По месту нахождения перевода выделяется словарный (узуальный) способ перевода и контекстуальный (окациональный/обертональный), в свою очередь, приемами контекстуального перевода выступают такие лексико-семантические трансформации, как генерализация, конкретизация, модуляция, компенсация.

Выделяются антонимический и неантонимический способы перевода. И наконец, существует четвертая классификация: способы перевода ФЕ с сохранением авторской трансформации и без сохранения авторской трансформации.

Рассмотрим каждый из случаев перевода фразеологических единиц на материале рассказа Д.Г. Лоуренса «Прусский офицер».

Что касается использования фразеологизмов в русском переводе, были найдены лишь два случая фразеологического перевода:

1. ФЕ "go mad" переведено русской ФЕ «сходить с ума» в предложении "But he was going mad with fever and thirst" – «Но он сходил с ума от жары и жажды».

2. ФЕ "here and there" переведено на русский язык при помощи ФЕ «там и сям» в предложении "Chips of wood littered the trampled floor, like splashed light, and the bases of the felled trees stood here and there, with their raw, level tops" – «Измятая трава была усеяна щепками, словно обрызгана светом, там и сям торчали пни поваленных деревьев со свежими, ровными срезами».

Из нефразеологических способов интересен лексический способ, который использовал переводчик, переведя ФЕ "go dead" как «помертвев»: "His face went dead, with two black, staring eyes". – «Лицо его с черными, вперившимися в пространство глазами помертвело».

Соотношение словарного и контекстуального способов перевода одинаково: 20 ФЕ были переведены в соответствии со словарем, и 20 ФЕ были переведены контекстуально.

Рассмотрим некоторые способы контекстуального перевода более подробно. Согласно классификации А.Д. Швейцера, существует 4 способа контекстуального перевода: конкретизация, генерализация, модуляция и компенсация [Швейцер, с. 131–135]. В переводе рассказа на русский язык нами не было обнаружено случаев перевода ФЕ при помощи конкретизации и генерализации.

Рассмотрим случаи перевода с помощью компенсации. Согласно определению В.Н. Комиссарова, «компенсация – это способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале. Таким образом восполняется ("компенсируется") утраченный смысл, и в целом содержание оригинала воспроизводится с большей полнотой. При этом нередко грамматические средства оригинала заменяются лексическими и наоборот» (Комиссаров, с. 185).

Так, ФЕ “on and on” переведена путем повторения предиката в русских предложениях: “And towards the mountains, on and on, the regiment marched between the rye fields and the meadows...” – «К этим горам двигался и двигался отряд мимо полей и лугов, мимо корявых фруктовых деревьев...», а также “He walked on and on in silence” – «Он безмолвно шагал и шагал вперед». Переводчик использовал прием компенсации, посредством повтора стараясь передать монотонность действия. Попыткой компенсации объясняется и пропуск фразеологизма “on the whole” в переводе предложения “With the men, however, he was merely impersonal, though a devil when roused; so that, on the whole, they feared him, but had no great aversion from him”. – «С солдатами, однако, он держался бесстрастно, хотя, войдя в раж, превращался в сущего дьявола, так что они, хотя и боялись его, не испытывали к нему особого отвращения, принимая его как неизбежность». Переводчик не употребляет русское словосочетание «в общем, в целом», а добавляет союз «хотя» и поясняет чувства солдат: «принимая его как неизбежность».

“At last the Captain’s reserve gave way”. – «Наконец сдержанность капитана была сломлена». ФЕ “gave way” переведена контекстуальным способом, переводчик отказался от словарного перевода «уступить дорогу, пропустить» в пользу более эмоционально окрашенного глагола.

В.Н. Комиссаров дает следующее определение модуляции: «...модуляцией или смысловым развитием называется замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Наиболее часто значения соотнесенных слов в оригинале и переводе оказываются при этом связанными причинно-следственными отношениями» (Комиссаров, с. 177).

Переводчик развивает значение ФЕ “put in the ground”, уточняя смысловое значение «отодвинуть на задний план» и переводя с помощью леммы «подавить»: «However, he put it in the background». – «Он, однако, подавлял ее». Тот же способ использован в предложении «Whatever there might be lay at the door of a stupid, insubordinate servant» – «Что бы там ни было, виноват во всем глупый, непослушный слуга». В данном случае переводчик выполнил логическое умозаключение из словарного перевода ФЕ “lay at door” – “Приписывать кому-либо что-либо, винить кого-либо в чем-либо, возлагать вину на кого-либо за что-либо”. Наконец, последний случай использования модуляции является не столь удачным, на наш взгляд. Предложение «There it was, spread out a long way off» с ФЕ “way off” («далеко в сторону») переведено как «Там, вдалеке. Верно, она бежит вниз, река эта», смысл при переводе с английского языка на русский не совсем полно и точно передан.

В большинстве случаев переводчик использовал неантонимический перевод, лишь в переводе одной ФЕ был зафиксирован антонимический перевод, однако в результате смысл исходной ФЕ был искажен: вместо фактического перевода ФЕ “take no notice” – «не обращать внимания, игнорировать» была переведена антонимом – «следить»: “Tree-trunks, like people standing grey and still, took no notice as he went”. – «Стволы, точно стоявшие неподвижно люди в сером, следили за его продвижением».

Что касается сохранения авторской трансформации, нами были проанализированы лишь те ФЕ, которые были изменены автором (таких, как было упомянуто выше, было найдено 5 случаев). Перевод и факты сохранения авторской трансформации ФЕ при переводе на русский язык приведены в таблице.

Таблица

Авторские трансформации ФЕ и их перевод на русский язык

“What were they after all but bruises”	«В конце концов это всего только синяки!»	Авторская трансформация сохранена, первая ФЕ была переведена словарным способом, вторая ФЕ – контекстуально, при помощи компенсации
“...tried to take up as much of his time as possible”	«...старался как можно дольше занимать его»	Авторская трансформация сохранена в плане перевода слов, добавленных к ФЕ “take up time”, однако сама ФЕ была переведена контекстуально – дословно «отнимать у кого-либо время» заменено на «занимать кого-либо (чем-либо: заданиями, приказами и пр.)»
“He was much too done even to want to cry”	«Он чувствовал себя настолько разбитым, что ему даже не хотелось плакать»	Авторская трансформация сохранена, добавленное слово “much” влияет на антонимичный перевод всего предложения с ФЕ “be done in”
“And when the Captain was there on horseback, giving orders, while he himself stood, with rifle and knapsack, sick with pain, he felt as if he must shut his eyes – as if he must shut his eyes on everything”	«Когда капитан, восседая на лошади, отдавал приказания, а он с винтовкой и вещмешком стоял, изнемогая от боли, ему показалось, что надо закрыть глаза»	Авторская трансформация не сохранена: переводчик опускает ФЕ “shut eyes on something”
“...He did not relax one hair’s breadth, but, all the force of all his blood exulting in his thrust...”	«Он ни на миг не ослабил хватки, но, ощущая, как от этого порыва мощно ликует его кровь...»	Авторская трансформация не сохранена: ФЕ частично изменила значение

Переводчику в трех случаях из пяти удалось передать авторскую трансформацию ФЕ, еще в одном случае авторскую трансформацию сохранить не удалось, однако переводчик смог передать экспрессивность и замысел авторского выражения; лишь в одном случае перевод ФЕ был искажен.

Итак, в рамках исследования в рассказе Д.Г. Лоуренса «Прусский офицер» было найдено сорок ФЕ, большая часть из них является нейтральными, пятнадцать ФЕ представляют интерес в плане авторских трансформаций и перевода. Авторские трансформации выявлены на материале пяти ФЕ, перевод трех ФЕ был осуществлен с сохранением авторской трансформации, перевод двух ФЕ был выполнен без сохранения авторской трансформации. Фразеологическим способом были переведены две ФЕ: “go mad” и “here and there”. Нефразеологическим способом, а именно – лексическим способом была переведена одна ФЕ “go dead”. Антонимический способ был использован при переводе одной ФЕ “take no notice”. Среди примеров контекстуального перевода были найдены примеры перевода с помощью компенсации и модуляции. Переводчик применил компенсацию при переводе трех ФЕ: “on and on”, “on the whole”, “gave way”. Модуляция была использована при переводе трех ФЕ “put in the ground”, “lay at the door”, “way off”. На наш взгляд, два случая перевода являются неудачными, а именно – попытка антонимического перевода ФЕ “take no notice” и один случай перевода ФЕ “shut eyes on everything” без сохранения авторской трансформации, где смысл ФЕ на исходном языке при переводе был искажен.

Результат проведенного исследования показал, что переводчику в большинстве случаев удалось адекватно передать анализируемые ФЕ на русский язык, что говорит о его высоком профессионализме и хорошем качестве перевода.

Источники фактического материала

Lawrence David H. *The Prussian Officer and Other Stories* (Penguin Modern Classics). Penguin Books Ltd., 1995. 265 p.

Лоуренс Д.Г. Запах хризантем: [сборник; пер. с англ.] / Дэвид Герберт Лоуренс. М.: АСТ: Астрель, 2011. 318 с.

Кунин А.В. *Англо-русский фразеологический словарь*. М.: Русский язык, 1984. 944 с.

Комиссаров В.Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.* М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

Библиографический список

Ammer Christine. *The American Heritage Dictionary of Idioms*. The Christine Ammer 1992 Trust, 2013, 920 p.

Cambridge Dictionary of American Idioms. Cambridge. Cambridge University Press. 1998. 521 p.

Richard A. Spears, Ph.D. *McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs*. The McGraw-Hill Companies, Inc. 2005. 1080 p.

The Free Dictionary's Idioms dictionary. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения: 8.02.2018).

Арсентьева Е.Ф. *Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков)* / Казан. гос. ун-т, филол. фак.;

науч. ред. Э.А. Балалыкина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. 172 с.

Каюмова А.Р. *Фразеологические единицы в произведениях У. Коллинза и их соответствия в русских и испанских переводах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20* / Каюмова Альбина Рамилевна; [место защиты: Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т]. Казань, 2010. 170 с.

Коряжкина О.В. *Концептуальный анализ рассказа Д.Г. Лоуренса «Прусский офицер» // Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук: материалы ежегодной межрегион. научно-практич. конф. Правительство Камчатского края, Министерство образования и науки Камчатского края, ФГБОУ ВПО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга», Камчатская региональная ассоциация «Учебно-научный центр». Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 43–48.*

Швейцер А.Д. *Теория перевода: статус, проблемы, аспекты*. М.: Наука. 1988. 215 с.

Шугаева Н.Ю. *Ассоциативная сущность художественного образа (на материале рассказа Д.Г. Лоуренса «Прусский офицер») // Вопросы филологии и межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. 2017. С. 275–281. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29269416>.*

References

Ammer Christine. *The American Heritage Dictionary of Idioms*. The Christine Ammer 1992 Trust, 2013, 920 p. [in Russian].

Cambridge Dictionary of American Idioms. Cambridge. Cambridge University Press, 1998, 521 p. [in English].

Richard A. Spears, Ph.D. *McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs*. The McGraw-Hill Companies, Inc., 2005, 1080 p. [in English].

The Free Dictionary's Idioms Dictionary [Electronic resource]. Available at: <https://idioms.thefreedictionary.com> (accessed 08.02.2018) [in English].

Arsentieva E.F. *Frazeologija i frazeografija v sopostavitelnom aspekte (na materiale russkogo i anglijskogo iazykov)* [Phraseology and phraseography in comparative aspect (as exemplified in Russian and English language)]. Kazan: Izdatel'stvo Kazan. un-ta, 2006, 172 p. [in Russian].

Kayumova A.R. *Frazeologicheskie edinitcy v proizvedeniiakh U. Kollinza i ikh sootvetstviya v russkikh i ispanskikh perevodakh: dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.20* [Phraseological units in the works of Wilkie Collins and their correlation in Russian and Spanish translations: Candidate's of Philological Sciences thesis: 10.02.20]. Kazan, 2010, 170 p. [in Russian].

Koryazhkina O.V. *Kontseptualnyi analiz rasskaza D.G. Lourensa «Prusskii ofitser»* [Conceptual analysis of the story «Prussian Officer» by D.H. Lawrence]. In: *Teoriia i praktika sovremennykh gumanitarnykh i estestvennykh nauk: materialy ezhegodnoi mezhregionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pravitelstvo Kamchatskogo kraia. Ministerstvo obrazovaniia i nauki Kamchatskogo kraia, FGBOU VPO «Kamchatskii gosudarstvennyi universitet imeni Vitusa Beringa», Kamchatskaia regionalnaia assotsiatsiia «Uchebno-nauchnii tsentr»* [Theory and practice of modern humanitarian and natural sciences: materials of annual inter-regional research and training conference. Government of the Kamchatka Region. Vitus Bering Kamchatka State University. Kamchatka regional association “Scientific training center”]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatskii gosudarstvennyi universitet imeni Vitusa Beringa, 2012, pp. 43–48 [in Russian].

Shveitser A.D. *Teoriia perevoda: status, problemy, aspekty* [Theory of translation: status, problems, aspects]. M.: Nauka, 1988, 215 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-141-147
УДК 378.4

Дата поступления статьи: 12/V/2018
Дата принятия статьи: 6/VI/2018

С.Р. Недбайлик, М.С. Стейтон

ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ПРОЕКТНОМ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ПИСЬМУ И КОМПОЗИЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© Недбайлик Сабина Рудольфовна – кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков, кафедра немецкого и французского языков, Петрозаводский государственный университет, 185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: snedbailik@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-0567-1378>

Стейтон Мария Сергеевна – кандидат филологических наук, PhD, преподаватель Колледжа социальных и гуманитарных наук, кафедра английского языка, Государственный университет Болл, IN 47306, США, г. Манси, Университетский пр., 134 (2).

E-mail: polyakov@bsu.edu.

АННОТАЦИЯ

В этой статье рассматриваются различные вопросы, связанные с применением экспериментальной проектной методики при обучении английскому письму и композиции в высшей школе. Авторы описывают свои впечатления, полученные от совместного экспериментального исследования, проводившегося в течение трех семестров с несколькими группами учащихся в государственном университете Ball State University (г. Манси, штат Индиана, США) с осени 2012 г. в рамках многоэтапного проекта ILS (Интерактивное обучающее пространство). В этой связи затрагиваются такие наиболее проблемные аспекты, как: специфика обучения письму и композиции в интерактивной среде; возможности использования различных форм и видов проектной деятельности; основные преимущества и сложности внедрения в образовательную практику групповых проектов; практическая разработка учебных, тестовых заданий, нацеленных на активное, индивидуальное, личностно ориентированное обучение студентов; применение новейших видов современного компьютерного оборудования, в том числе цифровой техники и т. д. Детальный статистический обзор результатов экспериментальной работы в данной статье подтверждает эффективность применения исследовательских проектных методов при обучению письму и композиции в высшей школе. На основе всестороннего анализа представленного в исследовании обширного теоретического и практического материала авторы приходят к вполне обоснованному выводу, что общая интенсификация учебного процесса за счет массового внедрения новейших интерактивных технологий на всех уровнях современной системы образования обеспечивает несомненную успешность, высокую результативность и хорошие перспективы преподавания гуманитарных и других учебных дисциплин в целом, равно как и практического обучения тем или иным их аспектам в частности.

Ключевые слова: интерактивные технологии, проектный метод, экспериментальное исследование, философия конструктивизма, групповая работа.

Цитирование. Недбайлик С.Р., Стейтон М.С. Об экспериментальном проектном обучении английскому письму и композиции с использованием интерактивных технологий // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 141–147. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-141-147>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-141-147
UDC 378.4

Submitted: 12/V/2018
Accepted: 6/VI/2018

S.R. Nedbailik, M.S. Staton

ABOUT EXPERIMENTAL PROJECT TEACHING OF ENGLISH WRITING AND COMPOSITION WITH THE USE OF THE ACTIVE TECHNOLOGY-ENHANCED ENVIRONMENT

© *Nedbailik Sabina Rudolphovna* – Candidate of Philological Sciences, assistant professor, Institute of Foreign Languages, Department of German and French Languages, Petrozavodsk State University, 33, Lenin Street, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation.

E-mail: snedbailik@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-0567-1378>.

Staton Maria Sergeevna – PhD, teacher, College of Social Sciences and Humanities, English Language Department, Ball State University, IN 47306, USA, Muncie, University Ave., 134 (2).

E-mail: polyakov@bsu.edu

ABSTRACT

This paper deals with an experimental project method applying in teaching English writing and composition in an American higher school. The authors describe their impressions of a joint research, started in the autumn of 2012 and having been carried out in Ball State University (Muncie, Indiana, USA) with several groups of scholars within three terms in the frame of ILS (Interactive Learning Space) multi-stage project. In this connection they touch upon such most problematic aspects as: interactive environment-enhanced writing and composition teaching specific aspects; project activity different forms and types using possibilities; collaborative projects implementing into educational practice advantages and problems; working out assignments, tasks and tests specially aimed at active, individual, personally oriented students' learning; modern computer equipment and digital devices, in particular, newest types applying, etc. The detailed statistical review of experiment project work results given in the article proves the effectiveness of research project methods use in teaching writing and composition in higher schools. Basing on the multi-aspect analysis of vast theoretical and practical material presented in the research the authors come to a well founded conclusion that teaching process general intensifying by means of newest interactive technologies mass introducing on all levels of modern education system can doubtlessly provide success, high results and good prospects of humanities and other subjects teaching on the whole, as well as their particular aspects practical learning.

Key words: interactive technologies, project method, experimental research, constructivist philosophy, collaborative work.

Citation. Nedbailik S.R., Staton M.S. *Ob eksperimentalnom proektnom obuchenii angliiskomu pismu i kompozitsii s ispolzovaniem interaktivnykh tekhnologii* [About experimental project teaching of English writing and composition with the use of the Active Technology-Enhanced Environment]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 141–147. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-141-147>.

Introduction. As far as it is known, the theoretical concept of active learning originated in the constructivist philosophy on education. It postulates that new ideas take root in the prior knowledge of learners; therefore, the best educational projects are those that require the use of students' personal interests and experiences [Fosnot, p. 67]. Another tenet of this philosophy is that learners construct their own new knowledge, as they interact with reality or other students with different perspectives [Dornisch, p. 219]. Under this framework the teacher's task is to help students personal interest in class assignments, require them to conduct hands-on, experiential research, and encourage collaboration. Students' activity is stimulated by interactive methods of teaching such as: discussions, team work and participating in projects, aimed at attaining real goals

[Fosnot, p. 72], as well as scholar tasks compiled in such a way as to make students independently research the material, carry out field work, use original sources etc. [Brown, p.89]. Of course, students' active role in teaching process also presumes their constant use of various digital technical devices which become at present more and more indispensable in their every-day life and help to get new information. Of course, this increasing emphasis on student autonomy, i.e. self-directed studies inevitably moves the centre of gravity away from the teacher with scholars expected to take more responsibility for their own learning. So, one can state that in the frame of (inter)active learning students become the subject of education process and obtain knowledge in course of research and experiments. At the same time, any teacher can play the role of a

learning facilitator, mainly mentor or adviser, student assessor and not a source of ready to use information [Dornish, p. 221].

As a matter of fact, the theoretical foundations of (inter)active learning were built primarily in the 1990s in connection with the massive introduction of computer-based technology in western education, in particular through the world-wide web (www), e-mail, forums and internet guiding systems (SmartBoard, Blackboard etc.). The emergence of multiple mobile and ubiquitous technologies in the 2000s gave a new impulse to using in education practice and theories of social nets and digital learning favoring learning-in-context scenarios. Worldwide, frameworks are recently being developed for the acquisition of digital competences, including the National Educational Technology Standards (ISTE) and the Framework for 21st Century Learning (P21) in the United States, which "set a standard of excellence and best practices in learning, teaching and leading with technology in education" [Florman, p. 145]. The extensive research on technology-assisted active learning has yielded generally favorable results. Quantitative research concludes that in active-learning classrooms teachers are becoming facilitators who supervise students to learn new ideas and practices [Brown, p. 92]. At the same time, teachers promote student autonomy, self-determination and choice [Dodge, p. 138]. In their turn, students are increasingly demanding excellence in teaching [Brown, p. 93], seeking class environments where they can apply their knowledge and develop expertise. These two conditions considered, the benefits of learning in an active environment, which is also technology-rich, seem to be obvious [Auster, p. 168]. However, it has been suggested that technology in the classroom works best when it is "both pervasive and minimalist" [Jaworski, p. 69], that is, provides many options, but is simple to use and not overwhelmingly present. Moreover, for classroom technology to be used to its full advantage, faculty should be provided with quality hands-on training, theoretical support, and a clear link between teaching in interactive classrooms and their individual learning, research, and career interests.

Aims setting. Qualitative research on teaching with technology expressed some concerns. One of them is the divide between the digital haves and have nots, or between those learners who use or have access to telecommunications and information technologies and those who do not [Dori, p. 91]. Another concern is the generational divide, which is similar to the digital one, but in regards of the age rather than income. The third obstacle to proliferation of educational technology is insufficient teachers' training, which makes tutors feel as perpetual novices having the need to catch up with the ever-changing devices [Brown, p. 94]. Under the circumstances, "...a disconnect exists between students' comfort with using technology for learning and teachers' comfort in using technology for teaching.

Students report the desire for more engaging technology-based assignments. Teachers cite multiple reasons for their hesitancy to use technology in their teaching practice" [Dori, p. 82]. However, all three of the obstacles have never been considered insurmountable. As mandated by the American Recovery and Reinvestment Act (ARRA), on March 16, 2010, the Federal Communications Commission (FCC) publically released its report, *Connecting America: The National Broad Band Plan*. It seeks to "create a high-performance America," which FCC defines as "a more productive, creative, efficient America in which affordable broadband is available everywhere and everyone has the means and skills to use valuable broadband applications" [Steff, Gale, p. 169]. The specific tasks leading to universal affordable access to broadband service are planned to be fulfilled by 2020 [Steff, Gale, p. 172].

Beginning in the mid 1990s, American universities started launching projects on active, technology-assisted learning. The pioneering project was SCALE-UP (Student-Centered Active Learning Environment for Undergraduate Physics, later changed to Undergraduate Programs) in the North Carolina State University. The basic idea is that students are given something interesting to investigate. While they work in teams on these "tangibles" (hands-on measurements or observations) and "ponderables" (interesting, complex problems), the instructor is free to roam around the classroom—asking questions, sending one team to help another, or asking why someone else got a different answer [Steff, Gale, p. 174]. A similar project TEAL (Technology-enabled Active Learning) was started in 2001 at Massachusetts Institute of Technology. It merges lectures, simulations, and hands-on desktop experiments to create a rich collaborative learning experience in physics classes ("TEAL"). Another such project is TILE (Transform, Integrate, Learn, Engage) at the University of Iowa. A particular strength of the TILE Initiative is, first, its reach beyond the natural sciences to include social studies and humanities, and, second, its focus on providing training to the participating faculty.

Experiment research course. A modern active learning project of 3-term duration launched in the fall of 2012 at Ball State University in four student groups, including one control and three experimental ones, was ILS (Interactive Learning Space). The total amount of students in experimental groups was 65, each group filled with no more than 20 persons. The experimental project was carried out in two classrooms of the University Teachers' College, newly remodeled and equipped, — the node chair and the media-scape ones. The node chair classroom has twenty-four chairs on wheels with writing surfaces attached and a well for books and backpacks underneath. It also features three interactive Eno-boards and three portable huddle boards, besides the traditional dry board and a teacher's lap top station (Fig. 1).

Fig. 1. The node chair classroom

On one side is a nook with two armchairs, a traditional table and chairs, and a projector screen on the wall in the front. The other room is media-scape, which has four oval-shaped tables with six chairs around each of them, and a screen attached to one end. Besides, there is a teacher's lap top station, a large screen attached to the wall, and a traditional dry board (Fig. 2). The screens can be operated from the teacher's station or from individual students' laptops.

Fig. 2. The media-scape classroom

As a matter of fact, we started teaching English Composition 104, Composing Research, in the node chair classroom of Ball State University's ILS (Interactive Learning Space) in the fall of 2012 in a control group, consisting of 17 persons. The initial students' reaction to the classroom configuration was unfavorable; the chairs arrangement seemed disorganized and not conducive to any serious learning. Our own reaction was somewhat similar; we spent more effort on trying to navigate around the chairs than delivering the class material. After several weeks, however, a nice solution was found by asking my students to form a large circle and sitting in the circle with them ourselves. By the end of the first semester in ILS, we got the results of a survey conducted by the ILS administration. One comment stood out: "I like it [the classroom] but I do not think this class is the right one for it", and we could see the point. To us, writing was taught as a heavily structured activity, done alone over many hours of rigorous work, and to start teaching it interactively, collaboratively, and on top of that with the use of the state-of-art technology, was going against our ingrained expectations. One more obstacle probably encountered when teaching English composition in a transparent interactive environment can concern the mental processes involved in writing. This can be best demonstrated on a writing sample, undoubtedly not

typical, taken from a junior student's essay on the topic "Englishmen: what are they like":

«Most people *believe Englishmen as mostly reserved persons*, fully closed to strangers. They are surely *not inclined* to contacting with unknown people in the street or elsewhere. They never invite anyone *to their homes, living there* privately. The British *probably dislike* queues and noise in public places. Smoking in public *is not in their habits* either. There are even special smoking rooms in most English cafes, bars and restaurants...».

Of course, this citation (errors are marked in italics) clearly shows some gaps in a scholar's knowledge that can be rather easily filled in by referring to specific syntax and style norms in writing. Any possible teacher's comments on it can't be clear enough for one reason: one can't know for sure what is going on here. The writer's mental processes become to us quite opaque. Since we don't know what made the student come up with this or that sentence, we can't be thus sure how to lead him through the process of revising, let alone organize this process in such a manner that it is active, collaborative and technology-effective. Just for these reasons, even before we started the project implementing several preliminary (pre-test) strategies were developed to teach writing in an active, student-centered environment. First, we started making assignments which were conducive to active learning, asking students to select topics that were relatable to them, preferably based on their previous knowledge and experience; besides, most of assignments required fieldwork. Second, we started giving students frequent feedback on their multiple drafts (or, more commonly, sample paragraphs). Over two or three semesters of using these two strategies, one could see a significant increase in the quality of the final projects we were getting, which was an indication that these strategies worked. About the effectiveness of two other strategies having been used we are not so sure. One is collaborative writing projects. As a rule, we like them because they save time and effort; instead of commenting on, for example, twenty five individual projects, one has to deal with twelve or fewer. However, our students more than once expressed their dislike towards collaboration in class, primarily because of team loafers and having to pick up their shares in order to get a decent grade. Another, more substantial reason why we were not and are still not sure about the benefits of collaboration in writing is that so far one has been unable to supervise the team work in classes effectively. A recent example is a group project on writing a literature review on "Steroids in Sports: Recent Discoveries and Sanctions". The three students working on the project came up with three subsections of the review, each written individually, and failed to edit the final paper for a unified voice and style; as a result, the paper turned out to be three individual efforts instead of one collaborative. We, from our side, were unable to detect the problem in time or successfully reverse the process.

Another challenge is the ILS technology, the Enobords and media-scape. So far, we have not found a way to use these devices in a manner that would be

integral to our pedagogy, engaging for students, and personally satisfactory to us. One feels that the Microsoft Office with its built-in tools of dictionary, thesaurus, bibliography, and so on fits the purpose of writing, revising, and editing better than the interactive equipment we have in our classrooms. However, we did make other discoveries in the pedagogical use of technology. Thus, one seldom stands at the teacher's lap top station anymore; instead, we sit in a large circle at the same eye level with the students and either guide them through the materials prepared for a particular class or ask them to explore the web on their own with the help of their own digital devices with access to the internet. For example, in our discussion about visual rhetoric we asked them to log into the home page of New York Museum of Modern Art and navigate through its collection, directing them to particular pieces for discussion. Alternatively, we asked them to find certain information on the web using sets of key words. In this way our instructions seemed to be once student-centered (active) and technology-enhanced. Therefore, gradually the students were getting used to a so called collaborative (team) writing. While working at the project we have also discovered, that our instructions and guiding actions alone turned out to be not sufficient; one should also pay attention to the psychological factor, that is considering the students' personal character, temperament features. It's quite necessary in order to eliminate arguing, conflicts, quarrels, possibly emerging in such a context. In this connection we tried to use the so called Leadership

Compass – a special guide elaborated for collaborative work on the base of North American Indians' practice of keeping healthy relations in a tribe [Florman, p. 152]. Therefore, just at the first project studies the scholars were to guess what personal type they can relate themselves to: the northern type – warrior, the southern type – quack, the western type – a teacher or the eastern type – a prophet. After that we lead a discussion on the point: what features of this or that personal type should be taken into consideration while working in a team. All over the period of project learning, the students were also offered to fulfill the following tasks: to estimate their own contribution into the whole work, to express their wishes towards other group members and to analyze the results of collaborative efforts.

Results obtained. At the final stage of our 3-semester experimental project activity we could clearly see a considerable improving of students' English language quality and speech habits, in particular, of their writing and composing skills. The total statistical report of experimental project work practical results is given in the tables 1–4 below.

It's quite evident that in all the four groups: 1) the total errors number has considerably decreased at the third experiment stage in comparison with the first and second stages; 2) the number of students committing errors of different types has finally decreased too; 3) one can easily observe the same regularity in correlation of different types errors numbers at all three experiment stages. This positive dynamics evidently proves a rather high effectiveness of using experimental

Table 1

The project work results in the control group (17 students)

Experiment stage	Total errors number	Errors classification			
		Style errors	Grammar errors	Lexical errors	Orthography errors
I semester	230	126	76	18	10
II semester	119	69	36	9	5
III semester	34	16	14	3	1

Table 2

The project work results in the first experimental group (20 students)

Experiment stage	Total errors number	Errors classification			
		Style errors	Grammar errors	Lexical errors	Orthography errors
I semester	244	129	80	20	15
II semester	126	70	38	10	8
III semester	40	18	16	4	2

Table 3

The project work results in the second experimental group (15 students)

Experiment stage	Total errors number	Errors classification			
		Style errors	Grammar errors	Lexical errors	Orthography errors
I semester	207	122	74	14	7
II semester	65	64	30	6	5
III semester	31	18	11	2	0

Table 4

The project work results in the third experimental group (13 students)

Experiment stage	Total errors number	Errors classification			
		Style errors	Grammar errors	Lexical errors	Orthography errors
I semester	205	118	71	11	5
II semester	92	59	26	4	3
III semester	23	14	9	0	0

PLM (project learning method), presenting a so called starting ground for applying various teaching technologies, and this is provided primarily by its basic person-tended approach, making a student an active subject of learning process.

Summary. On the whole, (inter)active student-centered learning, based on the concepts of apprenticeship and entrepreneurship (critical thinking and problem-solving) and embraced by progressive teachers long before it became the leading philosophy in education [Brown, p.106] presents a real modern technology which can be broadly viewed as an array of tools. In this understanding, it can encompass not only computers and other digital devices, but also methods, approaches, and techniques. The Greek "techné" means "craft" or "art", so the concept of educational technology may be extended to include any techniques an educator uses for the advancement of knowledge in his or her class.

Thus, it is quite obvious that the teaching process intensifying by means of interactive technologies and methods mass introducing as the result of learning process orientation towards the subject himself provides its effectiveness and success not only in the American education system, but in the whole European and world space. In particular, in Russian modern education context interactive project activity is also used rather widely as well as business and role games, case – methods, Euristic conversations, brain attacks, discussions etc., most adequately corresponding to the main tasks of key competences forming. In this connection the highest value is attained by higher schools practical projects claiming the necessity of systematic and multi-aspect problematic research and getting a real result – the education product. In the course of such projects (pair, team, individual) realizing students also gain necessary habits of effective using scholar, methodical, scientific and reference literature.

All in all, experimental project methods can be considered as one of personally oriented modern technologies, based on the idea of developing learners' cognitive skills and competences, creative abilities, habits of independent thinking, making prognoses, finding and solving problems, estimating the results of personal activity, adapting to rapidly changing conditions of every-day life. Any teacher, working in the interactive environment has to know the bases of constructivist theory in education and resulting pedagogical conceptions. But even more important is a close communication with colleagues – practitioners while discussing various problems constantly emerging in teaching practice and searching for appropriate ways of their solving. All this will surely contribute to the learning quality rate increase, what stimulates in its turn students' interest not only for the subjects or programs in question, but also for higher school education system in general.

Библиографический список

Auster E., Wylie K. Creating Active Learning in the Classroom: A Systematic Approach // *Journal of Management Education*. 2006. № 30 (2). DOI: <https://doi.org/10.1177/1052562905283346>.

Brown J. New Learning Environments for the 21st Century: Exploring the Edge Change. 2006. № 38(5). URL: https://www.academia.edu/11858145/New_Learning_Environments_for_the_21st_Century_exploring_the_edge.

Dodge B. Creating WebQuests. URL: <http://webquest.org>. 1999.

Dori J. How Much Have They Retained? Making Unseen Concepts Seen in a Freshman Electromagnetism Course at MIT // *Journal of Science Education and Technology*. 2007. № 16 (4). DOI: <https://doi.org/10.1007/s10956-007-9051-9>.

Dornisch M. The Digital Divide in Classrooms : Teacher Technology Comfort and Evaluations // *Academic Search Premier: Computers in the Schools*. 2013. № 30.3. P. 210–228. ERIC Number: EJ1023029.

Fosnot C. (ed.). *Constructivism: Theory, Perspectives, and Practice*. New York: College Teachers, 1996.

Florman J. TILE at Iowa: Adoption and Adaptation. *New Directions for Teaching and Learning*. New York, 2008. Wiley Online Library. DOI: <https://doi.org/10.1002/tl>.

Jaworski B. *Investigating Mathematics Teaching: A Constructivist Enquiry*. Bristol, 1994. Pa: Falmer P.

Rotgans J. I., Schmidt H. G. The Role of Teachers in Facilitating Situational Interest in an Active-learning Classroom. *Teaching and Teacher Education*. 2011. № 27(1). P. 124–167. ERIC Number: EJ906409.

Steff L., Gale J., eds. *Constructivism in Education*. Hillsdale. New York: Erlbaum, 1995.

URI: http://tile.uiowa.edu/files/tile.uiowa.edu/files/adoption_Florman2014.pdf.

URI: <http://scaleup.ncsu.edu/FAQs.html>.

Двуличанская Н.Н. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций // *Наука и образование: электронное научно-техническое издание*. М., 2011. № 4. URL: <http://www.technomag.bmstu.ru/doc/172651.html>.

Курышева И.В. Классификация интерактивных методов обучения в контексте самореализации личности учащихся // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 112. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33377535>.

Осипова О.П. Использование интерактивного оборудования в образовательном процессе // *Интернет и образование*. 2009. № 11. URL: http://vio.uchim.info/Vio_71/cd_site/articles/art_2_7.htm.

References

Auster E., Wylie K. Creating Active Learning in the Classroom: A Systematic Approach. *Journal of Management Education*, 2006, no. 30(2) [in English]. DOI: <https://doi.org/10.1177/1052562905283346>.

- Brown J. New Learning Environments for the 21st Century: Exploring the Edge. *Change*, 2006, no. 38(5) [in English]. URL: [https://www.academia.edu/11858145New_Learning_Environments_for_the_21st_Century_exploring_the_edge](https://www.academia.edu/11858145/New_Learning_Environments_for_the_21st_Century_exploring_the_edge).
- Dodge B. Creating WebQuests. Available at: <http://webquest.org/1999> [in English].
- Dori J. How Much Have They Retained? Making Unseen Concepts Seen in a Freshman Electromagnetism Course at MIT. *Journal of Science Education and Technology*, 2007, no. 16 (4). DOI: <https://doi.org/10.1007/s10956-007-9051-9> [in English].
- Dornisch M. The Digital Divide in Classrooms: Teacher Technology Comfort and Evaluations. *Academic Search Premier: Computers in the Schools*, 2013, no. 30.3, pp. 210–228. ERIC Number: EJ1023029 [in English].
- Fosnot C. (ed.). *Constructivism: Theory, Perspectives, and Practice*. New York: College Teachers, 1996 [in English].
- Florman J. TILE at Iowa: Adoption and Adaptation. *New Directions for Teaching and Learning*. New York, 2008. Wiley Online Library. DOI: <https://doi.org/10.1002/tl> [in English].
- Jaworski B. *Investigating Mathematics Teaching: A Constructivist Enquiry*. Bristol, 1994. Pa: Falmer P [in English].
- Rotgans J. I., Schmidt H. G. The Role of Teachers in Facilitating Situational Interest in an Active-learning Classroom. *Teaching and Teacher Education*, 2011, no. 27(1), pp. 124–167. ERIC Number: EJ906409 [in English].
- Steff L., Gale J., eds. *Constructivism in Education*. Hillsdale. New York, Erlbaum, 1995 [in English]. Available at: http://tile.uiowa.edu/files/tile.uiowa.edu/files/adoption_Florman2014.pdf [in English].
- Available at: <http://scaleup.ncsu.edu/FAQs.html> [in English].
- Dvulichanskaya N.N. Interaktivnye metody obucheniia kak sredstvo formirovaniia kliuchevykh kompetentsii [Interactive methods of teaching as a means of forming key competences]. *Nauka i obrazovanie: elektronnoe nauchno-tehnicheskoe izdanie* [Science and education: electronic research and technical edition], 2011, no. 4. URL: <http://www.techomag.bmstu.ru/doc/172651.html> [in Russian].
- Kuryшева I.V. Klassifikatsiia interaktivnykh metodov obucheniia v kontekste samorealizatsii lichnosti uchashchikhsia [Classification of interactive methods of training in the context of students' self-actualization]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities&Sciences], 2009, no. 112, pp. 160–164. Available at: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33377535> [in Russian].
- Osipova O.P. Ispol'zovanie interaktivnogo oborudovaniia v obrazovatel'nom protsesse [Interactive equipment using in the education process]. *Internet i obrazovanie* [Internet and Education], 2009, no. 11. Available at: http://vio.uchim.info/Vio_71/cd_site/articles/art_2_7.htm [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-148-152
УДК 81-42

Дата поступления статьи: 15/IV/2018
Дата принятия статьи: 25/V/2018

Н.А. Чернявская

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЯХ ПОНИМАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

© Чернявская Надежда Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: Chia20081@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2259-9945>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется проблема множественности интерпретаций художественного текста. Разрабатываются новые аспекты типологии понимания, в соответствии с которыми проводится лингвоконцептуальный анализ рассказа В. Шукшина «Охота жить». Множественность интерпретаций художественного текста объясняется как объективными свойствами самого текста, так и особенностями воспринимающего его сознания. К принципиальным свойствам художественного текста относятся наличие имплицитных, неявных смыслов, подтекста и способность языковых единиц к семантическому приращению: слово в художественном произведении выражает больше, чем оно означает в системе языка, приобретает символическое или индивидуально-авторское значение либо актуализирует сразу несколько своих значений. Возможность обнаружения и осмысления этих особенностей зависит от степени социального, ментального и языкового развития личности. Установлена связь между уровнем понимания и порождением различных вариантов интерпретации одного и того же произведения. На семантизирующем уровне понимания читатель ограничивается событийным рядом произведения. На когнитивном уровне понимания более развитая языковая личность акцентирует внимание не столько на фактологической, сколько на концептуальной информации, эксплицированной в тексте. Высший уровень понимания художественного текста – приближение к авторскому замыслу – определяется способностью читателя уловить не только эксплицитную концептуальную информацию, но и имплицитную, которая скрывается за повторяющимися деталями и образами и отражает авторский опыт освоения действительности. Множественность трактовок нередко обнаруживает смысловую инверсию, которая может проявляться и при толковании реалистических произведений. В целом типология понимания отражает степень сложности процесса интерпретации художественного текста и открывает возможности развития языковой личности.

Ключевые слова: художественный текст, интерпретация, смысл, концептуальный, когнитивный, имплицитный.

Цитирование. Чернявская Н.А. К вопросу об уровнях понимания художественного текста // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 148–152. DOI: <https://doi.org/10.12287/2542-0445-2018-24-2-148-152>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

ON THE ISSUE ABOUT LEVELS OF UNDERSTANDING OF A LITERARY TEXT

© Chernyavskaya Nadezhda Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, assistant professor of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: Chia20081@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2259-9945>

ABSTRACT

In the article the problem of plurality of interpretations of a literary text is investigated. The article develops new aspects of typology of understanding, according to which linguoconceptual analysis of the short story by V. Shukshin «I want to live» is carried out. The plurality of interpretations of a literary text is explained by the objective properties of the text itself and by the peculiarities of the perceiving consciousness. The principal properties of a literary text are the presence of implicit meanings, subtext and the ability of linguistic units to a semantic increment: the word in the work of art expresses more than it means in the system of language, acquires a symbolic or individual author's meaning or actualizes several of its meanings. The possibility of discovering and understanding of these features depends on the degree of social, mental and linguistic development of the individual. The relationship between the level of understanding and the generation of different interpretations of the same text is established. At the semantic level of understanding, the reader is limited to the event series of the literary text. At the cognitive level of understanding, a more developed linguistic personality focuses not so much on the factual as on the conceptual information explicated in the text. The highest level of understanding of the literary text – approaching to the author's idea – is determined by the reader's ability to catch not only explicit conceptual information, but also implicit, which is hidden behind repetitive details and images and reflects the author's experience of mastering reality. The plurality of interpretations often reveals a semantic inversion, which can be manifested even in the interpretation of realistic texts. The typology of understanding reflects the degree of complexity of the process of interpretation of a literary text and opens up opportunities for the development of a linguistic personality.

Key words: literary text, interpretation, meaning, conceptual, cognitive, implicit.

Citation. Chernyavskaya N.A. *K voprosu ob urovniakh ponimaniia khudozhestvennogo teksta* [On the issue about levels of understanding of a literary text]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 148–152. DOI: <https://doi.org/10.12287/2542-0445-2018-24-2-148-152>.

Понимание текста – это особая рефлексивная деятельность, которая направлена на постижение его смысла. Вместе с тем художественное произведение предполагает множественность интерпретаций: «...феномен художественного текста заключается в принципиальной неисчерпаемости выраженных в нем смыслов и идей» [Шакиров, с. 71]. Это объясняется как объективными свойствами самого текста, так и особенностями воспринимающего его сознания. К принципиальным свойствам художественного текста относятся наличие имплицитных, неявных смыслов, подтекста и способность языковых единиц к семантическому приращению: слово в художественном произведении выражает больше, чем оно означает в системе языка, приобретает символическое или индивидуально-авторское значение либо актуализирует сразу несколько своих значений. Возможность обнаружения и осмысления этих особенностей зависит от степени социального, ментального и языкового развития личности: «...на достоинства интерпретации художе-

ственного текста помимо <...> языковых компетенций влияют такие «ускользающие» от точного измерения факторы, как развитый художественный вкус, этический и эстетический опыт, чувство стиля» [Широва, Гончарова, с. 271].

Современная научная парадигма демонстрирует многообразие методологических подходов к проблемам интерпретации текста: от идеи автономности и самодостаточности текстовой структуры до абсолютизации роли субъекта восприятия, от реконструкции исходного значения текста до невозможности исчерпать его потенциал (см., например, работы [Iser; Culler; Заика; Колодина; Широ-ва]). Большинство исследователей сходятся во мнении, что заложенные в тексте смыслы актуализируются в процессе их восприятия читателем. Различия в языковом, интеллектуальном, эмоциональном опыте реципиентов программируют множественность и даже конфликтность интерпретаций текста, ведут порой к «произволу интерпретатора» [Широва, Гончарова, с. 442].

Цель настоящей работы – определить механизмы порождения различных вариантов интерпретации одного и того же произведения и обосновать их зависимость от уровня развития языковой личности читателя.

Г.И. Богин выделяет три уровня понимания художественного текста: семантизирующее, когнитивное и смысловое [Богин]. Каждому уровню понимания соответствуют особые техники и обращение к определенному типу опыта.

Семантизирующее понимание – это восприятие поверхностного, событийного плана произведения. Этот уровень понимания обеспечивает техника декодирования, которая заключается в том, что языковому знаку приписывается его общепринятое словарное значение. В основе такого понимания лежит обращение читателя к его личному, индивидуальному опыту, к опыту собственных ощущений и воспоминаний.

Второй уровень осмысления художественного произведения – когнитивное понимание, которое представляет собой постижение концептуальной информации, содержащейся в тексте. При этом происходит обращение читателя к опыту коллективного знания, включающего социальные и этические нормы, универсальные ценностные смыслы, устойчивые ассоциации, образы, символы, мифологемы, архетипы. Когнитивному пониманию соответствует техника наращивания смысла, которая предполагает совмещение приобретенных знаний с признаками изображенного в тексте объекта, в результате чего у читателя формируется представление об авторской системе ценностей.

Высший уровень понимания художественного текста – смысловое понимание. Его обеспечивают техника перефокусировки, т. е. попытка взглянуть на мир глазами автора текста, и техника распрямления, которая позволяет за конкретным объектом увидеть идею и приблизиться к авторскому замыслу. В основе смыслового понимания лежит погружение в опыт знаний и переживаний самого автора. Если когнитивное понимание ориентируется на текстовые единицы, непосредственно эксплицирующие авторские концепты, то при смысловом понимании значимы средства, которые прямо не обозначают заложенный автором смысл. Читателю даны не смыслы, а некая предметная форма, деталь, структурный элемент, которые нуждаются в распрямлении. Таким способом автор лишь намекает на развиваемые смыслы.

Различие трех типов понимания текста не означает их непроницаемости. Когнитивное понимание невозможно, если не достигнут результат семантизации текстовых единиц. Вместе с тем семантизирующее понимание не гарантирует когнитивного понимания, точно так же как способность к когнитивному пониманию не всегда ведет к распрямлению. Здесь решающую роль играет высокий уровень развития языковой личности, ее способность к логическому и эстетическому освоению художественной реальности.

Разные типы понимания, на наш взгляд, порождают различные варианты интерпретации одного и того же произведения.

В качестве примера обратимся к тексту рассказа Василия Шукшина «Охота жить»¹. В рассказе два основных действующих лица: старый таежный охотник Никитич и молодой парень, который бежит из мест лишения свободы. Действие разворачивается в глухой тайге. Парень приходит в охотничью избушку Никитича. Словоохотливый старик рад гостью, кормит, поит, обогревает его, пытается вызвать на разговор. Ночью в избушку неожиданно приезжают охотники из райцентра во главе с начальником милиции. Никитич не выдает парня. Парень же тайком бежит от них, украв у Никитича ружье и кисет с табаком. Старик, утром обнаружив, что парень исчез и оставил его в тайге безоружным и, следовательно, обреченным, пускается в погоню. Зная лесные тропы и хорошо ориентируясь в тайге, Никитич догоняет парня и отбирает ружье. Тот всеми силами упрямится старика помочь ему. Никитич, понимая, что, безоружный, парень погибнет, отдает ему свое ружье и объясняет, как добраться до деревни. Попрошавшись и повернувшись спиной к парню, Никитич слышит оглушительный треск. Парень убивает старика выстрелом в спину, присыпает его тело снегом и продолжает путь в тайге.

На семантизирующем уровне понимания читатель ограничивается событийной канвой, криминальным сюжетом произведения и формулирует его смысл следующим образом: выживает сильнейший, выживает тот, у кого охота жить сильнее, тот, кто моложе, расчетливее, решительнее, кто готов добиться цели любой ценой. Показательно, что на одном из сайтов блогер, размышляющий об идейном смысле рассказа Шукшина, заключает: «Нельзя жалеть хищника, и минута слабости оборачивается драмой»². Вывод о победе сильного над слабым и предостережение от проявления жалости и сострадания, на наш взгляд, лежат в границах именно семантизирующего понимания.

На когнитивном уровне понимания более развитая языковая личность акцентирует внимание не столько на фактологической, сколько на концептуальной информации, эксплицированной в тексте. В беседе Никитича и парня отчетливо проявляется сопоставление и противопоставление двух характеров и образов жизни, двух типов мировосприятия и мировоззрения. Принципиальные различия персонажей обнаруживаются и в их эмоционально-психологическом состоянии, и в системе ценностей, и в отношении к другим людям. Если Никитич живет в гармонии с окружающим миром, испытывает, по словам Шукшина, «тихое блаженство и радость», проявляет безграничное доверие к людям, доходящее порой до наивности, то парень озлоблен и ожесточен, охвачен страстной тягой к воле и одновременно всепоглощающим страхом и подозрительностью. Приведем лишь некоторые, наиболее показательные примеры, иллюстрирующие эти наблюдения: *Взгляд <...> какой-то «стылый» – определил Никитич; – Воля, – сказал парень <...> крепко, зло и напористо; – Охота жить! – упрямо, с веселой злостью повторил парень; голос парня снова стал обретать <...> злость; дико и*

нелепо звучал в теплой тишине избушки **свирепый** голос; **зло и жутковато сверкали** глаза. О безудержной злобе парня свидетельствуют и его невербальное поведение: **сжал кулаки; скрипнул зубами; прикусил** нижнюю губу; и развернутые монологи: *Если бы я встретил где-нибудь этого вашего Христа, я бы ему с ходу кишки выпустил. <...> За то, что сказки рассказывал, врал. Добрых людей нет! А он — добренький, терпеть учил. <...> Я бы сейчас нового Христа выдумал: чтоб он по морде учил бить; Ненавижу, когда жить учат. Душа кипит! Ненавижу.*

Старик живет по совести, парень стремится к легкой, красивой, праздной жизни, сопряженной с обманом, тщеславием, жестокостью: *<...> ты не знаешь, как горят огни в большом городе. Они манят. <...> А я иду по городу, и он весь мой. <...> Надо красиво пить. Музыка... Хорошие сигареты, шампанское... Женщины. Я наслаждаюсь и люблю жизнь больше всех прокуроров, вместе взятых. Ты говоришь — риск? А я говорю — да.* Приведем для сравнения фрагмент внутреннего монолога Никитича: *Дофорсился вот: отвалили лет пятнадцать, наверно, за красивую-то жизнь. <...> Шиканул разок — и загремел. И опять на рога лезет. Сам! Это уж, значит, не может без города. <...> Шампанское... а откуда оно, шампанское-то, возьмется? Дурачье... Сожрет он вас, город, с костями вместе. И жалко дураков. И ничего сделать нельзя.*

Каждый из персонажей предстает носителем определенной системы ценностей. Соответственно, концептуальное пространство рассказа формируют оппозиции: *доброта — озлобленность, искренность — лживость, доверие — подозрительность, вера — безбожие, вера — вероломство.* Ключевая концептуальная оппозиция: *вера — отсутствие веры.* Вера старика иррациональна, бездоказательна, но непоколебима: она отражает глубокую убежденность в доброте и порядочности людей, отражает идеальное представление о мире: — *Поостынешь маленько, поймешь: не было ба добрых людей, жись ба давно остановилась.* Парень не верит никому и ни во что, глумится над христианскими заповедями и убивает старика как ненадежного свидетеля из-за страха преследования.

Противопоставление персонажей символизирует противостояние города и деревни и — шире — цивилизации и природы. Подчеркнем, что этот конфликт носит не столько социальный, сколько нравственный характер. Отчужденный от своей земли, от своих истоков и традиций, человек утрачивает нравственные ориентиры. Отсутствие веры в Бога и доверия к людям ведет к преступлению. Соответственно, на когнитивном уровне понимания смысл может быть истолкован так: цивилизация подавляет и уничтожает природу, попирая вместе с тем и нормы нравственности.

И наконец, на смысловом уровне понимания читатель способен уловить не только эксплицитную концептуальную информацию, но и имплицитную, которая скрывается за повторяющимися деталями и образами и отражает авторский опыт освоения действительности. В рассказе Шукшина такими значимыми деталями, на наш взгляд, являются следующие.

Во-первых, это маркеры расстояния: — *Деревня твоя далеко? — Верст полтораста; А там от нашей деревни прямая дорога на станцию — двадцать верст.*

Верста — старинная русская мера длины, равная 1,06 километра³. Отсюда следует, что до железной дороги парню предстоит пройти около 200 километров.

Во-вторых, это маркеры времени и связанных с ним климатических особенностей: *Мороз. Март — он ишо свое возьмет. <...> У нас говорят: марток — надавай двое порток.* Никитич сопровождает эти реплики характеристикой парня: *Легко одетый.* В речи заезжих охотников слышим: *Мы прошлый раз <...> чуть не загнулись к утру: протопили, да мало. А мороз стоял — под пятьдесят.*

Кроме того, это номинации естественных природных реалий, помогающих ориентироваться в тайге. Самый надежный ориентир для таежника — солнце. Никитич настоятельно советует парню: *На деревню держись так: солнышко выйдет <...> пусть оно сперва будет от тебя слева. Солнышко выше, а ты его все слева держи. А к закату поворачивай.*

Важным для понимания смысла рассказа является и неоднократное упоминание о картечи, картечных зарядах: *[Никитич] случалось, медведя-шатуна укладывал. Для этого <...> постоянно носил пять-шесть патронов с картечным зарядом; — Вас бы хошь учили маленько, как быть в тайге одному <...> А меня пусти одного, я всю зиму проживу, не охну. Только бы заряды были; — Патронов даю тебе... шесть штук. И два картечных — на всякий случай.*

По данным словарей, *картечь* — это крупная дробь для охотничьего ружья⁴. Только картечью можно подстрелить опасного дикого зверя: волка, кабана, медведя, рысь. Мелкой дробью можно убить только птицу⁵.

Логика объединения названных текстовых единиц проясняется в финале рассказа: *Никитич <...> пошел через просеку назад, к избушке. <...> И услышал: как будто над самым ухом оглушительно треснул сук. И в то же мгновение сзади, в спину и в затылок, как в несколько кулаков, сильно толкнули вперед. Он упал лицом в снег. И ничего больше не слышал и не чувствовал... <...> Когда солнышко вышло, парень был уже далеко от просеки. Он не видел солнца, шел, не оглядываясь, спиной к нему. Он смотрел вперед. <...> Тайга просыпалась. Весенний густой запах леса чуть дурманил и кружил голову.*

Приведенный смысловой фрагмент содержит несколько важных деталей: парень истратил оба картечных патрона (один попал в сук, другой — в Никитича); опьяненный запахом весеннего леса и ощущением свободы, парень не обращает внимания на солнце. Анализ текстовых актуализаторов позволяет сделать следующее заключение по отношению к открытому финалу рассказа: легко одетому городскому парню с «не рабочими руками» в глухой тайге в мороз необходимо преодолеть около 200 километров. При этом он игнорирует положение солнца и идет наугад, т. е. идет в глубь тайги; у него нет патронов для защиты от дикого зверя; у него нет еды, нет ни карты, ни

компас. Шансов выжить у него нет. Отметим, что много раз звучат в речи старика пророческие слова: — *Так, парень, пропасть можно. Без ружьшика в тайге — поганое дело; — Я вон давеча нашел одного <...> В одеяло завернулся — и все, и окочурился; — Пропадешь ты. Зимнее дело — по тайге...; — Не дойдешь ты до своей воли все одно. Через всю Сибирь идти — шутка в деле!* Старый охотник заключает это, глядя на парня. Отдавая ему ружье и рискуя тем самым собственной жизнью, указывая путь до деревни и железной дороги, старик дает ему шанс выжить. Парень пренебрегает этим шансом.

Мы приходим к пониманию нового смысла: парень не выживет в тайге, нельзя выжить, обрести свободу ценой жизни другого человека, ни у кого нет такого права. Не выживет тот, кто лишен веры, сострадания, человечности. В одном из последних интервью В.М. Шукшин сказал: «За ложь, за бессовестность, за паразитический образ жизни <...> — за все придется платить. Платить сполна» [Калина красная, с. 7].

Как видим, высший уровень понимания, приближенный к идейно-ценностной позиции и мировосприятию автора, способен изменить смысл текста, выявленный наивным читателем на уровне семантизирующего понимания, на прямо противоположный. Можно утверждать, что инверсия смыслов, характерная для модернистского и постмодернистского искусства [Витель], обнаруживает себя и в реалистических произведениях.

В целом типология понимания отражает степень сложности процесса интерпретации художественного текста и открывает возможности развития языковой личности.

Примечания

¹ Шукшин В.М. Охота жить. Рассказы и повесть. СПб., 2006.

² Охота жить. Василий Шукшин // Livejournal. URL: <https://qui-habitat.livejournal.com/16532.html> (дата обращения: 25.03.2018).

³ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2002. С. 120.

⁴ Там же. С. 419.

⁵ Охотничье оружие мира: Энциклопедия. М., 2003. С. 537.

Библиографический список

- Iser W. The Range of Interpretation. N.Y., 2000.
 Culler J. The Pursuit of Signs: Semiotics, Literature, Deconstruction. L.; N.Y., 2001.
 Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь, 2001.
 Витель Е.Б. Инверсия смыслов в художественной культуре XX века: от антропоцентризма к новой

художественной реальности: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Кострома, 2010.

Заика В.И. Очерки по теории художественной речи. Великий Новгород, 2006.

Калина красная // Спутник кинозрителя. 1974. № 4.

Колодина Н.И. Проблемы понимания и интерпретации художественного текста. Тамбов, 2001.

Шакиров С.М. К вопросу о методологии интерпретации художественного текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. № 1. Т.2. С. 71–75. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16544070>.

Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб., 2007.

Щирова И.А. О методологических основах современной науки и холистическом подходе к литературному тексту // Studia Linguistica. 2017. № 26. С. 185–194.

References

Iser W. The Range of Interpretation. N.Y., 2000 [in English].

Culler J. The Pursuit of Signs: Semiotics, Literature, Deconstruction. L.; N.Y., 2001 [in English].

Bogin G.I. Obretenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v filologicheskuyu hermenevtiku [Acquiring the ability to understand: Introduction to philological hermeneutics]. Tver, 2001 [in Russian].

Vitel' E.B. Inversia smyslov v khudozhestvennoi kulture XX veka: ot antropotsentrizma k novoi khudozhestvennoi realnosti: avtoref. dis. ... doktora kulturologii [Inversion of meanings in artistic culture of the XX century: from anthropocentrism to a new artistic reality: author's abstract of Doctoral of Cultural Studies thesis]. Kostroma, 2010 [in Russian].

Zaika V.I. Ocherki po teorii khudozhestvennoi rechi [Essays on the theory of artistic speech]. Velikiy Novgorod, 2006 [in Russian].

Kalina krasnaya [The Red Snowball Tree]. Sputnik kinozritelya [Viewer's Companion], 1974, no. 4 [in Russian].

Kolodina N.I. Problemy ponimaniia i interpretatsii khudozhestvennogo teksta [Problems of understanding and interpretation of a literary text]. Tambov, 2001 [in Russian].

Shakirov S.M. K voprosu o metodologii interpretatsii khudozhestvennogo teksta [On the methodology of interpretation of a literary text]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Chelyabinsk State University], 2004, no. 1, Vol. 2, pp. 71–75. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16544070&> [in Russian].

Shchirova I.A., Goncharova E.A. Mnogomernost' teksta: ponimanie i interpretatsiia [Multidimensionality of the text: understanding and interpretation]. SPb., 2007 [in Russian].

Shchirova I.A. O metodologicheskikh osnovakh sovremennoi nauki i kholisticheskome podkhode k literaturnomu tekstu [On methodological foundations of modern science and a holistic approach to a literary text]. Studia Linguistica, 2017, no. 6, pp. 185–194 [in Russian].

Е.В. Пономаренко

**ОТНОШЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ В СИСТЕМЕ
ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ АНГЛИЙСКОГО ДИСКУРСА**

© Пономаренко Евгения Витальевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка № 4, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Россия, г. Москва, пр. В.И. Вернадского, 76.

E-mail: english4mgimo@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3725-4461>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос функционального взаимодействия смежных высказываний в дискурсе, которое формирует его смысловое пространство, и анализируется функциональная значимость отношений прагматического комментария в этом процессе. Актуальность данной проблематики обусловлена необходимостью понимать роль речевых средств в выстраивании конструктивной либо деструктивной для социума вербальной коммуникации, и методы функциональной лингвистики в этом вопросе оказываются оптимальными для решения поставленных задач. Эмпирическим материалом исследования служат образцы английского дискурса из произведений британских и американских писателей XX–XXI вв., в которых моделируются типовые ситуации общения. С опорой на труды Т.А. ван Дейка функциональные отношения понимаются как прагма-семантические связи между высказываниями в речевой цепи в процессе коммуникации отправителя и получателя сообщения.

Автор рассматривает специфику отношений прагматического комментария относительно других функциональных связей дискурса, спектр актуализируемых прагма-семантических значений, варианты совмещения функциональных компонентов прагматического комментария и иных отношений. Оригинальность отношений прагматического комментария состоит в том, что они не способствуют сюжетному продвижению повествования, а только раскрывают личное впечатление, модальность восприятия ситуации говорящим, и именно в передаче этого эмоционального ощущения состоит предназначение сверхфразового единства, актуализирующего данный тип функциональной связи. Также отмечается растущая частотность эмотивных средств подобного рода в деловой коммуникации, которая характеризуется тем, что партнеры стремятся решать свои профессиональные задачи путем риторического воздействия друг на друга.

Делается вывод о том, что прагматический комментарий как особый вид смысловой связи в английском дискурсе отличается разнообразием выражаемых оттенков значения, стилистической эффективностью и широким использованием в литературе и живой речи.

Ключевые слова: функционализм в лингвистике, смысловое пространство дискурса, функциональные отношения (связи), прагматический комментарий, синкретизм функциональных отношений, риторический эффект, системность дискурса.

Цитирование. Пономаренко Е.В. Отношения прагматического комментария в системе функциональных связей английского дискурса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 153–157. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-153-157>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-153-157
UDC 811.111

Submitted: 12/VI/2018
Accepted: 2/VII/2018

E.V. Ponomarenko

PRAGMATIC COMMENT RELATIONS IN THE SYSTEM OF ENGLISH DISCOURSE FUNCTIONAL LINKS

© *Ponomarenko Evgeniya Vitalyevna* – Doctor of Linguistics, associate professor, professor of English department 4, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

E-mail: english4mgimo@mail.ru. **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-3725-4461>

ABSTRACT

The article considers the issue of adjacent utterances functional interaction through which discourse sense space is formed. In particular, the input of the pragmatic comment relation in this process is analysed. The topicality of the stated problem arises out of the necessity to reveal the participation of linguistic means in building up constructive and promising, or, conversely, destructive and hopeless for society, role of verbal communication. Methods of the functional linguistic analysis make an optimal research basis to this end. Examples of English discourse from books by American and British writers of the XX–XXI centuries are taken as the empirical material which models typical communicative situations. Proceeding from works by T.A. van Dijk, functional relations are defined as pragmasemantic links between utterances in a speech chain in the process of communication between the sender and the recipient of the message.

The author looks into the specificity of the pragmatic comment relation in comparison with other functional links of discourse, the range of the pragmasemantic meanings under discussion, different variants of contamination of pragmatic comment functional components with relations of other types. The pragmatic comment relation is special due to the fact that, unlike other links, it does not advance the narration propositionally; it only discloses the speaker's personal impression and modality of his/her perception of the situation. It is this emotional sensation that makes the purport of superphrasal unities which actualize the given functional relation. The growing frequency of such emotive linguistic means is also noted in business communication, which usually shows the communicative partners' strife for solving their professional tasks by exerting the desired rhetorical impact on each other.

Finally, the author concludes that pragmatic comment as a special type of pragmasemantic links in English discourse reveals a variety of the meanings expressed, stylistic effectiveness and wide occurrence in fiction and actual speech.

Key words: functionalism in linguistics, discourse sense space, functional relation (link), pragmatic comment, syncretism of functional relations, rhetorical impact, discourse systemacy.

Citation. Ponomarenko E.V. *Otmosheniya pragmaticheskogo kommentariya v sisteme funktsional'nykh svyazey angliyskogo diskursa* [Pragmatic comment relations in the system of English discourse functional links]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 153–157. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-153-157>.

Функциональный подход в языковедении ставит в центр внимания вопрос о том, какие функции выполняют языковые единицы в речи и как образы сознания через эти функции воплощаются в тех или иных речевых формах [Bischoff, Janu, p. 1]. По сути, в основе функционализма лежит проблематика взаимосвязи языка и мышления, которая раскрывается через призму реализации в языковых формах семантических, прагматических, когнитивных, коммуникативных функций. При этом как отдельный текст, так и их совокупность рассматривается как исходный материал для системных обобщений изучаемых явлений [Mwinlaagu, Xuan].

Значимость и актуальность такого взгляда на язык/речь/дискурс с течением времени не только не снижается, но, наоборот, повышается, так как язык в качестве инструмента взаимодействия людей может играть либо конструктивную роль, гармонизируя это взаимодействие, либо деструктивную роль, выступая средством разобщения и нагнетания враждебности. Поэтому изучение возможностей языка с позиций функционализма должно внести свой вклад в совершенствование вербальной коммуникации, особенно в межнациональных отношениях. В частности, поскольку

американские и британские коммуникативные модели в современном мире «нередко воспринимаются как образцовые» [Пономаренко, Харьковская, с. 113], анализ англоязычных материалов имеет немаловажное значение и для раскрытия аналогичных тенденций на материале других языков.

С этих позиций автор данной статьи ставит перед собой задачу проанализировать один из интересных аспектов английского дискурса – актуализацию прагматических компонентов в процессе функционального взаимодействия смежных высказываний в дискурсе.

Важнейшим ракурсом дискурс-анализа является система функциональных отношений между высказываниями, которая во многом формирует смысловое пространство речи. В понимании Т. ван Дейка, функциональные отношения – это специфическая семантическая роль (функция) предложений по отношению друг к другу в тексте, которая базируется на смысловых связях между пропозициями и на отношениях между фактами и их свойствами [Dijk, p. 270].

В развитие этой интерпретации и с ориентацией на дискурс мы считаем более точной квалификацию таких связей между высказываниями как *прагма-семан-*

тическую роль, поскольку текст становится дискурсом, когда в процессе речевой коммуникации не только реализует потенциально присущие его элементам семантические свойства, но и приобретает множество *прагматических приращений*, обусловленных различными параметрами конкретной ситуации общения и участвующих коммуникантов [Пономаренко, с. 9]. Таким образом, функциональные отношения дискурса трактуются как прагма-семантические связи между высказываниями в речевой цепи в процессе коммуникации отправителя и получателя сообщения. Причем очевидно, что функциональные отношения могут реализовываться только в случае адекватного структурно-смыслового взаимодействия сопоставляемых высказываний, что особенно наглядно проявляется на материале английского языка ввиду специфической системы его глагольных временных форм, дейктических средств и других присущих ему свойств. Отсюда понятно, что одним из ключевых условий и признаков функциональной связи высказываний является системность их взаимодействия.

Функциональные отношения пронизывают весь дискурс и выполняют чрезвычайно важные задачи – формируют целостность и системное взаимодействие речевых средств в рамках текста, способствуют их встраиванию в общую логику мышления и языковую картину мира коммуникантов, а также обеспечивают их интенциональное функционирование в определенном контексте.

Типология функциональных отношений была разработана автором данной статьи в ряде работ [Пономаренко]. Она включает в частности такие связи, как:

– пояснение (пропозиции сопоставляемых высказываний аналогичны, второе определенным образом раскрывает пропозицию первого), например: *Everything's fine. The chances are very good* (I. Shaw);

– спецификация (одно высказывание излагает общее суждение, а второе уточняет первую пропозицию через номинацию конкретного проявления или составной части общей ситуации), например: *Conte knew what the guy was doing. Establishing dominance was the name of the Cambode's game* (J. Buchanan);

– экспликация (второе высказывание выводит на поверхностный уровень смысловые компоненты, имплицитные, но не выраженные в первом), например: *Mitchell McDeere, now you are ours. Now you'll do anything for us* (J. Grisham);

– каузация (отношения причины-следствия и/или условия-цели), например: *After all, I am an Oriental. I can carry a certain barbaric magnificence* (W.S. Maugham);

– декодирование (общее понятие/пропозиция/суждение и перечисление компонентов либо признаков, составляющих его, то есть раскрытие внутреннего содержания объекта высказывания), например: *I've done my best to get answers to your questions. First, Mary Gerrard left here for London on July 10th. Second, I haven't got a housekeeper – a couple of giggling girls run my house... Then you said you wanted to go to Hunterbury. I could come with you there* (A. Christie);

– последовательность (описание следующих друг за другом событий, положения дел, рассуждений), например: *John raised his head. The next moment the clumsy skater, all one hundred and sixty pounds of him, crashed into little John Smith at full speed* (S. King) и т. д.

Перечисленные выше, а также целый ряд других функциональных отношений характеризуются тем, что

так или иначе продвигают развитие описываемой ситуации. Однако в ряду таких дискурсивных связей один из видов отличается от остальных – это отношение, которое мы называем «прагматический комментарий» и которое заслуживает особого внимания.

Функциональная значимость данной смысловой связи заключается в выражении прагматики восприятия ситуации, описанной в первом из соположенных высказываний. Например:

Well, let's get the mail moving again and we can work things out as we go along... I'm sure ideas will occur (T. Pratchett).

You sent those anonymous letters around. Certainly you did (D. Hammett).

I thanked him and asked him how his wife was. Such a stupid question! (E. O'Brien).

I had better read the letter. Pray excuse me (J. Fowles).

Как видим, функциональная роль реализуемого отношения практически сводится только к выражению прагматического значения: модальных оттенков, эмоциональных комментариев или обращений к партнеру, иллюкативного эффекта, немотивированных рассуждениями впечатлений и т. п. Таким образом, относительно первого высказывания вторая фраза не способствует сюжетному продвижению повествования, а раскрывает личное впечатление, модальность восприятия ситуации со стороны говорящего, и именно в передаче этого эмоционального ощущения состоит предназначение такого сверхфразового единства.

В лингвистической прагматике, как известно, главный интерес исследователя направлен на «комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения» [Языкознание, с. 390]. Соответственно, межфразовую связь, непосредственно отражающую подобного рода взаимодействие дискурсивных единиц, мы и определяем как прагматический комментарий.

В современном языке прагматический комментарий является активным средством воздействия на видение ситуации реципиентом, формирование его мнения и даже готовности к предполагаемой реакции в каких-то действиях. Именно поэтому данный тип отношений представляет для нас интерес.

На материале английского языка выявляется довольно широкий спектр аспектов комментирования и, соответственно, риторического эффекта. Он включает множество прагма-семантических значений, в частности такие, как качественная характеристика обсуждаемого объекта (1), отношение к обсуждаемой ситуации со стороны участников общения (2), мнение о поведении или качествах персонажей повествования (3), регулирование процесса общения (4), метаречевые комментарии (5), выражение внутренних переживаний, чувств (6) и т. д.:

(1) *He noticed that the volume he now held in his hand contained no more than ninety pages. That was all to the good* (W.S. Maugham).

(2) *Hartley loved me and had long regretted losing me. How could she not? She did not love her husband. How could she?* (I. Murdoch).

(3) *Whoever it was must have taken the most stupendous chances. Yes, by Jove, they must* (A. Christie).

(4) *A poisoned dart from a blowpipe in an aeroplane. I ask you! Is it possible that such a thing could happen?* (A. Christie).

(5) *Oh, those Tales – those Tales! How shall I describe them?* (A. Huxley).

(6) *Couldn't you give the animals a little holiday from producing children?... I'm so sorry for the poor things* (A. Huxley).

Прагматический комментарий – характерная как для монологической, так и для диалогической речи смысловая связь. Это закономерно, поскольку живое, непосредственное общение партнеров в условиях определенной коммуникативной ситуации естественным образом вызывает у них какие-то комментарии – будь то в связи с желанием акцентировать личные впечатления или с возникновением неких обстоятельств по ходу беседы, или с появлением новой мысли у коммуниканта, или как следствие импульсивной эмоциональной реакции, или по иным причинам. Например:

“Speaking of children – what's the news from Horace?”
“Oh, hadn't I told you?” (W. Faulkner).

Вторая (ответная) реплика представлена в виде риторического вопроса и выражает эмоциональную реакцию – человек «удивляется» собственному поведению, не ожидая никакого ответа от партнера; то есть происходит так называемая функциональная транспозиция, когда семантика фразы в соответствующем контексте приобретает дополнительные прагматические приращения и меняет исходную смысловую нагрузку. Если бы вопрос был употреблен в прямой функции – как запрос об информации, то характер смысловой связи был бы иным – пояснительным.

В следующем примере ответная реплика реализует прагматическую функцию подтверждения, уверенности и в то же время иронии:

“I don't know”.

“Of course you don't” (W. Faulkner).

Все вышеизложенное дает основание для вывода о том, что прагматический комментарий как особый вид смысловой связи в английском дискурсе отличается разнообразием выражаемых оттенков значения, стилистической эффективностью и широким использованием в литературе и живой речи. Немаловажно отметить растущую частотность эмотивных средств подобного рода, например, в деловой коммуникации, которая традиционно считалась достаточно жестко регламентированной и конвенциональным видом общения, однако с некоторых пор приобретает все более демократический характер вплоть до увеличения доли образных средств. Языковеды, изучающие профессиональное и деловое общение, твердо заявляют о том, что сегодня было бы большим заблуждением считать, что процесс деловой коммуникации неэмоционален [Малюга, 2007; Малюга, 2010]. Как показывают исследования, частотность средств образности за последние десятилетия заметно выросла в англоязычной деловой коммуникации, в том числе по метафорам – на 35 %, гиперболам – на 16 %, иронии – на 35 % и т. д. [Khramchenko, Radyuk]. Неудивительно, что использование функциональных отношений прагматического комментария также получает распространение и в деловом английском, так как использование средств выражения прагматического комментария может служить эффективным способом утверждения собственной позиции в той или иной ситуации профессионального общения, влияя на понимание ситуации реци-

пиентом и т. п. Например: *To be clear, being at the bottom of any ranking is a hard pill to swallow. How would you react if you were ranked below all of your peers?* [Wiseman].

Разнообразие прагма-семантических отношений, устанавливающихся в дискурсе, далеко не всегда дает возможность четко квалифицировать характер этих связей. В английском дискурсе нередко наблюдается синкретизм функциональных отношений, комбинирование смысловых компонентов, обогащающих смысловую палитру речи. Полноценная и достоверная оценка функциональных свойств используемых речевых средств и в целом (под)системы дискурса становится возможной с выходом в более широкий контекст, на уровень абзаца, коммуникативного блока или целого текста. На этом уровне английский язык проявляет удивительную способность к многомерности функциональных отношений, и поэтому англоязычная литература дает множество примеров такого рода.

В то же время даже при анализе мини-блоков, включающих два-три высказывания, можно выявить чрезвычайно гибкость системы английского дискурса, которая через синкретизм смысловых отношений позволяет выразить множество различных нюансов функционального плана. Так, в приведенных далее фрагментах наблюдается совмещение функциональных признаков, характерных для прагматического комментария и иного типа отношений:

– прагматический комментарий + последовательность:

At first I was indignant at his calling me a funny little girl, and then I found his words sweet. Everything after that was touched with sweetness and enchantment (E. O'Brien).

– прагматический комментарий + противопоставление:

I wish I could believe you. I cannot afford to, however (J. Buchanan);

– прагматический комментарий + сравнение:

Dr. Cave had explained, 'I want you clearly to understand my problem'. It was very similar to an intelligence briefing of such 'top secret' importance that only one officer could be entrusted with the information (G. Greene);

– прагматический комментарий + экспликация:

My fee is not negotiable. Take it or leave it (M. Osborne).

Перечень подобных случаев можно продолжать довольно долго. Богатство семантического наполнения речевых структур различного уровня создает практически неисчерпаемое разнообразие семантико-прагматической нагрузки английского дискурса и его компонентов в самых разных сочетаниях. Таково закономерное проявление главных факторов дискурса как самоорганизующейся системы – нелинейности, открытости, неравновесности [Пономаренко; Пономаренко, Харьковская; Malakhova]. Это свидетельствует об определенном уровне сложноорганизованности, иерархичности, незамкнутости (открытости) английского дискурса как системы и, следовательно, об интересных дальнейших перспективах раскрытия характера системного взаимодействия дискурсивных отношений. Поскольку данная тема изучена явно недостаточно, она предоставляет широкое поле деятельности в русле филологических исследований: «Располагая богатыми традициями, филология оперативно реагирует на новые направления, которые неизбежно появляются

в связи с общим развитием науки, расширяя филологические границы и обогащая методологический аппарат науки о слове» [Александрова, Менджеричкая, Харьковская, с. 279]. В дальнейшем требуется более обширное изучение вопросов полномасштабного взаимодействия функциональных связей в рамках целостного текста и в привязке к типовым коммуникативным ситуациям.

Библиографический список

Bischoff Sh., Jany C. Introduction // *Functional Approaches to Language*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. P. 1–8.

Dijk T. A. van. *Studies in the pragmatics of discourse* // The Hague: Mouton, 1981. xii + 331 p.

Khramchenko D., Radyuk A. The Synergy of Modern Business English Discourse: Holistic Approach to Teaching Unconventional Rhetoric // 8th International Technology, Education and Development Conference (INTED2014) Proceedings. Valencia, Spain, 2014. P. 6779–6783. URL: <https://library.iated.org/view/KHRAMCHENKO2014SYN> (accessed 20.05.2018).

Malakhova V.L. Functional properties of possessive nominations and their impact on the pragmatic and semantic systemity of the English discourse // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2017. Science and Society: Conference Proceedings. Book 3. Volume II. *Albena, Bulgaria*, 2017. P. 745–752.

Mwinlaaru I.N., Xuan W.W. A survey of studies in systemic functional language description and typology // *Functional Linguistics*. 2016. № 3. URL: <https://functionallinguistics.springeropen.com/articles/10.1186/s40554-016-0030-4> (accessed 20.05.2018).

Wiseman E. Is it 'The kiss of death' to be ranked the worst franchise? // *Forbes*. 2018. 1 June. URL: <https://www.forbes.com/sites/edithwiseman/2018/06/01/is-it-the-kiss-of-death-to-be-ranked-the-worst-franchise/#30e9e0b24a8a> (accessed 02.06.2018).

Александрова О.В., Менджеричкая Е.О., Харьковская А.А. Филология как составляющая современного гуманитарного знания и компетентностный подход в образовательных программах по зарубежной филологии // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2008. № 5/2 (64). С. 273–280. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17299844> (дата обращения: 20.05.2018).

Малюга Е.Н. Англоязычный профессиональный жаргон в деловом дискурсе // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*. 2010. № 14. С. 11–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15487161> (дата обращения: 20.05.2018).

Малюга Е.Н. Функционально-прагматические особенности речевого поведения британских и американских участников межкультурной деловой коммуникации: монография. М.: РУДН, 2007. 194 с.

Пономаренко Е.В. Основания функциональной лингвосинергетики: Спецкурс по специальности 10.02.04 – Германские языки. М.: МГИМО-Университет, 2015. 316 с.

Пономаренко Е.В., Харьковская А.А. Риторическое воздействие как фактор межнационального делового общения // *Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме: сб. науч. тр. М.: Трансарт, 2014. С. 111–117.*

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.

References

Bischoff Sh., Jany C. *Introduction Functional Approaches to Language*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. P. 1–8 [in English].

Dijk T. A. van. *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague: Mouton, 1981. xii + 331 p. [in English].

Khramchenko D., Radyuk A. *The synergy of modern Business English discourse: holistic approach to teaching unconventional rhetoric*. In 8th International Technology, Education and Development Conference (INTED2014) Proceedings. Valencia, Spain, 2014. P. 6779–6783. Available at: <https://library.iated.org/view/KHRAMCHENKO2014SYN> (accessed 20.05.2018) [in English].

Malakhova V.L. *Functional properties of possessive nominations and their impact on the pragmatic and semantic systemity of the English discourse*. 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2017. Science and Society: Conference Proceedings. Book 3. Volume II. Albena, Bulgaria, 2017. P. 745–752 [in English].

Mwinlaaru I.N., Xuan W.W. *A survey of studies in systemic functional language description and typology*. In: *Functional Linguistics*. 2016. N 3. Available at: <https://functionallinguistics.springeropen.com/articles/10.1186/s40554-016-0030-4> (accessed 20.05.2018) [in English].

Wiseman E. Is it 'The kiss of death' to be ranked the worst franchise? In *Forbes*. 1 June 2018. Available at: <https://www.forbes.com/sites/edithwiseman/2018/06/01/is-it-the-kiss-of-death-to-be-ranked-the-worst-franchise/#30e9e0b24a8a> (accessed 02.06.2018) [in English].

Aleksandrova O.V., Mendzheritskaya E.O., Kharkovskaya A.A. *Filologiya kak sostavl'ajushchaja sovremennogo gumanitarnogo znaniya i kompetentnostnij podhod v obrazovatel'nikh programmah po zarubezhnoj filologii* [Philology as a component of modern humanitarian knowledge and competency-based approach in foreign philology curricula]. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2008. No. 5–2 (64). P. 273–280. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17299844> (accessed 20.05.2018) [in Russian].

Malyuga E.N. *Anglojazychnyj professional'nyj zhargon v delovom diskurse* [English professional jargon in business discourse]. *Scientific Newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern linguistic and methodical-and-didactic research*. 2010. No. 14. P. 11–17. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15487161> (accessed 20.05.2018) [in Russian].

Malyuga E.N. *Funksional'no-pragmaticheskie osobennosti rechevogo povedeniya britanskikh i amerikanskikh uchastnikov mezhkul'turnoy delovoy kommunikatsii* [Functional and pragmatic features of verbal behaviour of British and American participants in intercultural business communication]. Moscow, Russia: RUDN, 2007. 194 p. [in Russian].

Ponomarenko E.V. *Osnovaniya funkcional'noj lingvosinergetiki: Speckurs po special'nosti 10.02.04 – Germanskije jazyki* [Fundamentals of functional linguosynergetics: Special course in scientific speciality № 10.02.04 – Germanic languages]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. 316 p. [in Russian].

Ponomarenko E.V., Kharkovskaya A.A. *Ritoricheskoe vozdejstvie kak faktor mezhnacional'nogo delovogo obshhenija* [Rhetoric impact as a factor of international business communication]. *Jazyk i kommunikacija v sovremennom polikul'turnom sociume: sbornik nauchnyh trudov* [Language and communication in modern polycultural society: collection of research papers]. M.: Transart, 2014. P. 111–117 [in Russian].

Yazykoznanie. *Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar'* [Linguistics. Big encyclopoedic dictionary]. Ed. by V.N. Yarceva. 2nd edition. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya, 2000. 688 p. [in Russian].

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-158-160
УДК 94

Дата поступления статьи: 11/II/2018
Дата принятия статьи: 18/III/2018

Л.М. Артамонова

**РАСКРЫВАЯ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ВОЗМОЖНОСТИ ЖАНРА БИОГРАФИИ УЧЕНОГО:
ОБ ОЧЕРКЕ П.С. КАБЫТОВА «ЮРИЙ ИЛЬИЧ СМЫКОВ»**

© Артамонова Людмила Михайловна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества, Самарский государственный институт культуры, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

E-mail: artamonovoi@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>

АННОТАЦИЯ

В рецензии на биографический очерк о Ю.И. Смыкове показана результативность комплексного подхода, примененного П.С. Кабытовым к биографии ученого как жанру научного исследования. Очерк был написан на широкой источниковой базе, включающей как разнообразные письменные, так и устные свидетельства. Размышления о судьбе исследователя и его трудов представлены в контексте историографического осмысления проблем отечественной науки о прошлом, в первую очередь на примере аграрной истории дореволюционной России. Исследования в этой области стали несомненным успехом советской историографии в последние ее десятилетия. Среди самых видных ученых, кто осуществлял и организовывал эти исследования, был и Ю.И. Смыков. В очерке дан хороший пример правдивого и внимательного отношения к заслугам представителя профессиональной корпорации историков, научного академического сообщества. П.С. Кабытову удалось запечатлеть главное, показав вклад своего коллеги как инициатора и координатора научных исследований, как поборника просвещения, как педагога, способствовавшего становлению нового поколения высококвалифицированных научных и педагогических кадров. Наиболее интересные материалы, выявленные П.С. Кабытовым, были опубликованы в соответствующих разделах книги: «Воспоминания», «Письма», «Фотографии». Благодаря этому читатели и другие исследователи могут с ними ознакомиться, оценить их, воспользоваться ими. П.С. Кабытов не акцентирует внимания на том, чего ушедшему товарищу сделать уже не удалось. Повествование об ученом в данном очерке в чем-то осталось не совсем завершенным по объективным обстоятельствам, а в чем-то было сознательно остановлено по личным соображениям. Сам П.С. Кабытов считает свой очерк основой для создания научной биографии Ю.И. Смыкова, которую еще предстоит написать.

Ключевые слова: историческая наука в России, аграрная история, история Среднего Поволжья, ученые Татарстана, Казанский университет.

Цитирование. Артамонова Л.М. Раскрывая источниковедческие и историографические возможности жанра биографии ученого: об очерке П.С. Кабытова «Юрий Ильич Смыков» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 158–160. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-158-160>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**REVEALING SOURCE-STUDY AND HISTORIOGRAPHY OPPORTUNITIES
OF THE GENRE OF SCIENTIST'S BIOGRAPHY:
ABOUT ESSAY «YURY ILICH SMYKOV» BY P.S. KABYTOV**

© Artamonova Lyudmila Mikhailovna – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of National History, Samara State Institute of Culture, 167, Frunze Street, Samara, 443010, Russian Federation.
E-mail: artamonovoi@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>

ABSTRACT

The effectiveness of an integrated approach applied by P. Kabytov to a scientist's biography as a genre of scientific research has been shown in the review of his biographic essay about Yu. Smykov. The essay is based on written and oral sources. Reflections on the fate of the researcher and his works are presented in the context of historiographical comprehension of the problems in the national science about the Past, primarily, on the example of the agrarian history of pre-revolutionary Russia. Researches in this area became undoubted progress of Soviet historiography during its last decades. Among the most prominent scientists who carried out and organized these researches Yu. Smykov has been also. In this sketch the good example of truthful and attentive relation to merits of representative of professional corporation of historians, scientific academic community is given. The essay by P. Kabytov gives a good example of a truthful and attentive attitude to the merits of representative of historians' professional corporation and the academic community. P. Kabytov managed to capture the main thing, showing the contribution of his colleague as the initiator and coordinator of scientific researches, as the champion of education, as the teacher, who formatted the new generation of highly qualified scientific and pedagogical personnel. The most interesting materials identified by P. Kabytov were published in the relevant sections of the book: Memoirs, Letters, Photos. Thanks to this, readers and other researchers can familiarize with them, evaluate them, take advantage of them. The narrative about the scientist in this essay was not absolutely completed due to objective circumstances and has been consciously stopped for personal reasons. P. Kabytov himself considers his essay as the basis for creating a scientific biography of Yu. Smykov, who has yet to write.

Key words: historical science in Russia, agrarian history, Middle Volga region, scientists of Tatarstan, Kazan University.

Citation. Artamonova L.M. *Raskryvaia istochnikovedcheskie i istoriograficheskie vozmozhnosti zhanra biografii uchenogo: ob ocherke P.S. Kabytova «Iurii Ilich Smykov»* [Revealing source-study and historiography opportunities of the genre of scientist's biography: about essay «Yury Il'ich Smykov» by P.S. Kabytov]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 158–160. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-158-160>.

Изменения, происходящие в нашей стране, потребность в идейном и теоретическом обновлении науки и образования требуют не пренебрежительного, а, наоборот, более внимательного отношения к опыту и достижениям историков, достигнутым в советскую эпоху и на рубеже XX–XXI веков. Одним из несомненных успехов отечественной историографии прошедших десятилетий стали исследования в области аграрной истории дореволюционной России. Среди тех видов ученых, кто осуществлял и организовывал эти исследования, был Ю.И. Смыков (1931–2015).

Очерк П.С. Кабытова о нем прежде всего является данью памяти историку (*Кабытов П.С. Юрий Ильич Смыков: Биографический очерк, воспоминания, письма. Самара, 2017. 140 с. 100 экз.*). Вместе с тем этот очерк был подготовлен известным исследователем проблем российской социально-экономической истории, знатоком отечественной историографии и мемуаристом, наконец, просто человеком, хорошо знавшим ушедшего от нас ученого, а потому дает нам прекрасный образец современной трактовки жанра научной биографии, вызывает размышления о путях развития и возможностях этого жанра.

Источниковая база для исследования жизни Ю.И. Смыкова не сводится к подборке личных документов и газетных заметок преимущественно мемориального содержания, как это случается в заказных публикациях «по случаю...» или «в связи...». Нечасто, но с давних пор наблюдая за общением героя и автора биографического очерка друг с другом, не сомневаюсь, что П.С. Кабытов справедливо подчеркивает, что

их многие и многие годы «связывала не только научная работа, но и дружеские отношения» (с. 7). Нелегко понять, почему столько коллег и близких людей, зная об этой дружбе, «проявили живейшую заинтересованность» в подготовке задуманной книги (с. 8), поделившись с автором имевшимися у них документами и воспоминаниями. При этом бесценным подспорьем оказался личный архив самого П.С. Кабытова, особенно сбереженная им переписка, а уж объему и содержательности его собственных воспоминаний можно только позавидовать. Когда сталкиваешься с таким обилием материала в результате мастерски исполненного проекта, все менее убедительно звучат раздающиеся время от времени утверждения о якобы отставании «устной истории» как научного направления и недостатке исследований с ее помощью в нашей стране. Конечно, в книге присутствует и ожидаемый корпус опубликованных материалов: периодической печати, воспоминаний современников и научных трудов Ю.И. Смыкова и его коллег.

Следует поддержать решение П.С. Кабытова о том, чтобы использованные им и введенные в научный оборот наиболее интересные материалы оказались опубликованными в соответствующих полноценных разделах его книги: «Воспоминания», «Письма», «Фотографии». Благодаря этому читатели и будущие исследователи могут сами с ними ознакомиться, оценить, а при необходимости и воспользоваться ими.

Основной же текст очерка поделен на разделы по хронологическому и частично по тематическому принципу. Эта структура определяется основными этапами

жизни и научной деятельности Ю.И. Смыкова. Так, в раздел «Становление» вошли рассказы о детском и юношеском («сибирском») периоде его жизни (1931–1950), о первых двух этапах основного «казанского» периода его биографии: учебы в Казанском университете (1950–1955) и работы в Государственном музее Татарской АССР (1955–1960).

Самым плодотворным и насыщенным для Ю.И. Смыкова оказался следующий этап (1960–1986), когда основным местом его научной деятельности становится Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. Этому этапу посвящено два раздела книги. Один называется «Новые горизонты» и повествует об обстоятельствах, трудах, достижениях и проблемах на жизненном и научном поприще. Несомненно, что здесь интерес у коллег, особенно из других городов, вызывает обстоятельное повествование о начале деятельности Средневолжского объединения историков-аграрников и организации научных конференций по аграрной истории Среднего Поволжья. Директором Института М.К. Мухарьямовым на Ю.И. Смыкова были возложены обязанности организатора этого объединения, которые он выполнял добросовестно, с энтузиазмом и на протяжении многих лет (с. 39–48).

Название второго раздела, охватывающего все тот же этап научной биографии героя книги, говорит само за себя – «История средневолжского крестьянства на страницах монографий Ю.И. Смыкова». Раздел посвящен его основному историографическому вкладу, что сделало необходимым перейти от хронологического к тематическому принципу изложения. Этот вклад запечатлен в двух не потерявших до сих пор своей значимости монографиях: «Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю» (Казань, 1973) и «Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (социально-экономическое исследование)» (Москва, 1984). Говоря о двух самых известных монографиях Ю.И. Смыкова, автор очерка также не забывает и освещает его деятельное участие в коллективных трудах «История Татарской АССР» (Казань, 1968; Казань, 1973), «История Казани» (Казань, 1988), «Республика Татарстан: памятники истории и культуры» (Казань, 1993), «Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан» (Казань, 1999) и других.

Последний этап (1986–2015) жизни и деятельности Ю.И. Смыкова освещен в разделе «Возвращение в Казанский университет», когда преподавание в вузе становится основным полем его деятельности. Этот раздел получился самым кратким, но и самым непростым, к которому следует присмотреться.

В изложении П.С. Кабытова перелом на жизненном пути Ю.И. Смыкова логично связан с «перестроечной» и «постсоветской» ломками государства. Как образно замечено, «социальные ожидания нашего героя... оказались иллюзорными и ушли в песок» (с. 63).

Надежды Ю.И. Смыкова на получение исторической кафедры в учреждениях высшей школы в Поволжье или Центре страны после защиты докторской диссертации (октябрь 1983 г.) так и не сбылись. Полученная возможность закрепиться на профессорской должности в Казанском университете девальвировалась нараставшими бытовыми, финансовыми, служебными проблемами. За ними в книге кажется не очень заметной кризисная ситуация в самой науке.

П.С. Кабытов отмечает, что в это время у его друга «аграрная проблематика уходит на второй план – в образовательную сферу» (т. е. вместо монографий – спецкурсы для студентов), а сам «вектор его научных изысканий круто изменился» (с. 67). Автор не ставит

вопрос о наличии у Ю.И. Смыкова каких-либо идейных «сшибок». Правда, он приводит, ссылаясь на Е.А. Вишленкову, его горячие возражения тем, кто ностальгировал по советскому прошлому, его обвинения в адрес коммунистов «об унижении человеческого достоинства», «об ограничениях и жестком контроле над работой историков, о невозможности попасть в советские архивы» (с. 77). Однако нет ни слова о пересмотре теоретико-методологической базы проведенных аграрных и прочих исследований, тех выводов, что были сделаны казанским историком на базе формационного подхода и марксистской концепции. Когда Г.Н. Вульфсон, учитель Ю.И. Смыкова, предлагал создать «новую концептуальную историю» для казанских студентов, которые сами пополняют недостающие факты из справочных изданий, последний, наоборот, «хотел сделать текст, насыщенный событиями, фактами», ограничиваясь заменой полюсов у сложившихся стереотипов: «Он был полон энтузиазма оправдать Российскую империю, показать ее в светлых тонах» (с. 68).

Пересказать иначе историю всей империи было, видимо, проще, чем найти место в этой новой истории досконально выявленному числу крестьянских волнений или степени «феодальных» пережитков и «буржуазных» отношений в поволжской деревне. Это дает основание полагать, что кризисные явления в нашей науке не минули и Ю.И. Смыкова.

Сам П.С. Кабытов относится к тем представителям советской научной школы, которые, сохранив ее лучшие стороны в современной российской историографии, дополнили имевшиеся достижения обращением к новым темам, освоением современных методологических подходов и исследовательских приемов, на что иным коллегам не хватило сил или времени. Наверное, он прав, когда в книге, выпущенной всего через два года после кончины Ю.И. Смыкова, не акцентирует внимания на том, чего старшему и уже ушедшему товарищу сделать не удалось. Читатель же на основании предложенных источников и свидетельств может предположить, что за ставшими редкими встречами и краткими разговорами стояла не только занятость собеседников и экстремальные вызовы 1990-х и 2000-х гг. Возможно, сказывалась увеличивающаяся разница научных интересов, причем не только в содержательном, но и теоретическом плане.

Так или иначе, повествование об ученом в данном очерке в чем-то осталось не совсем завершенным по объективным обстоятельствам, а в чем-то, полагаем, было сознательно остановлено по личным соображениям. Не случайно сам автор считает свой очерк «основой для создания научной биографии Юрия Ильича Смыкова», которую еще предстоит написать (с. 9). Однако П.С. Кабытов сделал все, чтобы запечатлеть главное – вклад своего героя как «инициатора и координатора научных исследований», его значение как «ревнителя просвещения», способствовавшего «становлению новых поколений высококвалифицированных научных и педагогических кадров» (с. 73).

П.С. Кабытов и коллеги, которые поддержали этот проект своей помощью (В.В. Кондрашин, Р.Г. Минзарилов, А.Г. Иванов, А.Е. Иванов, И.А. Гагаулина, Н.А. Федорова, С.А. Фролова, М.И. Роднов и др.), показали, на каком высоком уровне могут создаваться работы в жанре биографии ученого. В очерке дан хороший пример правдивого и внимательного отношения к заслугам представителя профессиональной корпорации историков, научного академического сообщества.

